

ООО Издательский дом «ХОРС»

**ОБЩЕСТВО:
философия, история, культура**

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 8 (100)

2022

Publishing House HORS LLC

**SOCIETY:
Philosophy, History, Culture**

Scientific Journal

www.dom-hors.ru

No. 8 (100)

2022

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

2022, № 8 (100)
Основан в 2011 г.

Научный журнал «Общество: философия, история, культура» включен в Перечень рецензируемых научных изданий от 01.12.2015 г., в соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28.12.2018 г. № 90-р входит в Перечень рецензируемых изданий по следующим научным специальностям: по философским (5.7.1, 5.7.2, 5.7.3, 5.7.4, 5.7.5, 5.7.6, 5.7.7, 5.7.8, 5.7.9), историческим наукам (5.6.1, 5.6.2, 5.6.5, 5.6.6, 5.6.7), культурологии (24.00.01 (филос.), 24.00.01 (культ.), 5.10.2 (культ.)).

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 15.03.2011 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-44190.

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в следующие международные базы данных: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Шалин Виктор Викторович, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, член-корреспондент Российской академии гуманитарных наук,

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

– по философским наукам:

Ашхамахова Асиет Аскеровна, доктор философских наук, доцент, преподаватель подготовительного отделения для иностранных граждан Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Бараш Любовь Александровна, кандидат философских наук, преподаватель Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов,
Бетильмерзаева Марет Муслимовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,
Гараева Галина Фаизовна, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,
Голенкова Зинаида Тихоновна, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, почетный доктор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Горохов Павел Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Гурьянов Алексей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета,
Думинская Марина Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета,
Иванов Андрей Анатольевич, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры философии и истории Сибирского университета потребительской кооперации,
Иливицкая Лариса Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Кириллов Герман Михайлович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» Пензенского государственного университета,
Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области,
Макулин Артем Владимирович, доктор философских наук, доцент, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова,
Малкина Светлана Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
Манжуева Оксана Михайловна, доктор философских наук, доцент, преподаватель специальных дисциплин Бурятского республиканского многопрофильного техникума инновационных технологий,
Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей психологии, профессор кафедры психологии Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова,

Огородников Александр Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Попов Виталий Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН,
Сергодеева Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета,
Соловьева Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в г. Серпухове,
Солопов Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры правовых дисциплин, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Черникова Валентина Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой общенаучных дисциплин, начальник отдела науки и аспирантуры Института Дружбы народов Кавказа,
Шахматова Елена Васильевна, доктор философских наук, кандидат искусствоведения, доцент, начальник научного отдела Российского института театрального искусства – ГИТИС,

– по историческим наукам:

Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Анисимов Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России XX–XXI вв. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета Воронежского государственного университета,
Клочков Виктор Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета,
Коршунова Надежда Владимировна, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета,
Кцоева Султана Гильмидиновна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Аббаева – филиала Федерального научного центра Владикавказский научный центр Российской академии наук, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Молзинский Владимир Владимирович, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, декан факультета музыкального искусства эстрады Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной, научной и воспитательной работе филиала Российского государственного института сценических искусств в Кемерово – Сибирской высшей школы театрального и музыкального искусства,
Петрунина Жанна Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета,
Романов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета,
Салчинкина Ангелина Ростиславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Сивцева Саассылана Иннокентьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, обществознания и политологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
Синдеев Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук,
Скипина Ирина Васильевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета,
Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук,

Сушкова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент, декан юридического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Федирко Оксана Петровна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук,
Шажожева Наталья Анатольевна, доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук,
Шарифов Рахмонали Ятимович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таджикского национального университета,
Юсупова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,

– по культурологии:

Абдулаева Медина Шамильевна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент по кафедре теории и истории музыки, директор Института культуры и искусства Дагестанского государственного педагогического университета,
Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Бетильмерзаева Марет Муслимовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,
Горобец Светлана Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор кафедры фортепиано, ученый секретарь ученого совета Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Иливицкая Лариса Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Каткова Кристина Федоровна, кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры, старший научный сотрудник Музейно-выставочного центра, г. Санкт-Петербург,
Кучерук Ирина Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой дизайна, профессор кафедры истории России Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры искусствования и педагогики искусства, директор Института художественного образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
Терещенко Елена Юрьевна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой искусств и дизайна Мурманского арктического государственного университета,
Тищенко Наталья Викторовна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абрамян Ваграм Геворгович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры управления, бизнеса и туризма Российско-Армянского (Славянского) университета, профессор кафедры управления и бизнеса Ереванского государственного университета (Республика Армения),
Буквич Райко, доктор экономических наук (Республика Сербия),
Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета, заслуженный юрист Республики Армения,
Гао Тяньмин, кандидат экономических наук, профессор, директор Центра исследования России, директор Центра синей экономики Арктики Института экономики и управления Харбинского инженерного университета (КНР),
Ерохин Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент Института экономики и менеджмента Харбинского инженерного университета (КНР),
Карапетян Владимир Севанович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и методик Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна, действительный член Международной академии психологических наук (Россия), Corresponding Member Armenian Philosophical Academy, (Республика Армения),

Кюскиева-Арабска Екатерина Димитрова, кандидат социологических наук, PhD in Administration and Management, доцент, вице-декан факультета экономики и менеджмента, руководитель отдела национальных и международных проектов и секретарь научного совета Высшего училища агробизнеса и регионального развития, президент Академии инноваций и устойчивости, Пловдив (Республика Болгария),
Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент истории психологии, преподаватель кафедры психологии Велико-Тырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария),
Пиризода Джалил Сафар, доктор экономических наук, профессор, академик Института экономики и системного анализа развития сельского хозяйства Таджикской академии сельскохозяйственных наук (Республика Таджикистан),
Погосян Геворк Арамович, академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, научный руководитель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Республика Армения),
Сандоян Эдвард Мартинович, доктор экономических наук РФ и РА, профессор, директор Института экономики и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (Республика Армения),
Тодев Илия Тосков, доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук (Республика Болгария),
Ханов Талгат Ахматиевич, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института экономических и правовых исследований Карагандинского университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан),
Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор, директор Центра евразийских исследований кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета (Киргизская Республика),
Христовова Галя Михайлова, доктор педагогических наук, профессор, ректор Бургасского свободного университета (Республика Болгария),
Цвиркун Виктор Иванович, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Doctor Honoris Causa, чрезвычайный и полномочный посол Республики Молдова в государстве Катар (Республика Молдова),
Шебеко Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методик дошкольного образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (Республика Беларусь).

РЕДАКЦИЯ:

ДИРЕКТОР ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ХОРС»:

Харсеева Виктория Леонидовна, кандидат социологических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА:

Дюжева Мария Павловна

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Угулава Кристина Геннадьевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Измайлова Анастасия Андреевна

РЕДАКТОРЫ:

Невзорова Наталья Викторовна
Ситникова Ольга Валериевна
Суркова Екатерина Сергеевна
Тихомирова Юлия Ивановна
Тюлюкова Мария Олеговна
Щеглова Ирина Борисовна

ПЕРЕВОДЧИКИ:

Аракелян Нина Сергеевна
Измайлова Анастасия Андреевна
Корнилова Екатерина Витальевна
Невзорова Наталья Викторовна
Ханмамедова Виктория Рамизовна

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156

тел. +7 988 234-44-80

Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: PHILOSOPHY, HISTORY, CULTURE

2022, No. 8 (100)
Founded in 2011

Society: Philosophy, History, Culture is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications as of December 01, 2015. According to the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 90-p as of December 28, 2018, the scientific journal is peer-reviewed in the following science-related fields: philosophical, cultural, historical sciences.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on March 15, 2011. It has Registration Certificate ПИ № ФС 77-44190.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in Russian Science Citation Index. It has Licensed Agreement with NEB LLC No. 62-03/2011R of March 23, 2011 on the Inclusion of the Information about Published Articles in the System of the Russian Science Citation Index.

The journal is included in the following international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

CHIEF EDITOR:

Shalin Viktor Viktorovich, D.Phil., PhD in Education Science, Professor, Head of the Social and Cultural Sciences Department, Kuban State Agrarian University, Corresponding Member of the Russian Academy of Humanities,

EDITORIAL BOARD:

– philosophical sciences:

Ashkhamakhova Asiet Askarovna, D.Phil., Associate Professor, Lecturer of Preparatory Department for Foreign Citizens, Kuban State Agrarian University,

Barash Lyubov Aleksandrovna, PhD, Lecturer, Sochi branch of Peoples' Friendship University of Russia,
Betilmerzaeva Maret Muslamovna, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,

Garaeva Galina Faizovna, D.Phil., Professor, Deputy Director for Science, North Caucasus branch of Russian State University of Justice,

Golenkova Zinaida Tikhonovna, Honored Scientist of the Russian Federation, D.Phil., Professor, Honored Dr., Head of the Centre for the Studies of Social Structure and Stratification, The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Gorokhov Pavel Aleksandrovich, D.Phil., Professor, Department of Humanities, Social and Economic Sciences, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Guryanov Alexey Sergeevich, D.Phil., Associate Professor, Philosophy and Media Communications Department, Kazan State Energy University,

Duminskaya Marina Viktorovna, D.Phil., Professor, Department of Social and Economic Education and Philosophy, Surgut State Teacher's Training University,

Ivanov Andrey Anatolyevich, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Philosophy and History Department, Siberian University of Consumer Cooperation,

Ilivitskaya Larisa Gennadyevna, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Cultural Studies Department, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,

Kirillov German Mikhaylovich, D.Phil., Associate Professor, Philosophy and Social Communication Department, Penza State University,

Kotlyarova Viktoriya Valentinovna, D.Phil., Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Institute of Service and Business, branch of Don State Technical University in Shakhty, Rostov Region,

Makulin Artyom Vladimirovich, D.Phil., Associate Professor, Head of the Humanities Department, Northern State Medical University,

Malkina Svetlana Mikhaylovna, D.Phil., Professor, Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov State University,

Manzhueva Oksana Mikhaylovna, D.Phil., Associate Professor, Special Subjects Teacher, Innovation Technologies Multidisciplinary College of the Republic of Buryatia,

Morozov Ilya Leonidovich, D.Phil. in Political Science, PhD, Associate Professor, Professor, Public Administration and Management Department, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPA),

Musiychuk Maria Vladimirovna, D.Phil., PhD in Education Science, Associate Professor, General Psychology Department, Professor, Psychology Department, Institute for the Humanities, Magnitogorsk State Technical University,

Ogorodnikov Aleksandr Yurievich, D.Phil., Professor, Philosophy and Sociology Department, Kutafin Moscow State Law University,

Popov Vitaliy Vladimirovich, D.Phil., Professor, Theory and Philosophy of Law Department, Chekhov Institute of Taganrog (branch) of Rostov State University of Economics,

Pronkina Anna Vladimirovna, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University, Professor, Department of Philosophy and History, Academy of the Federal Penal Correction Service of Russia,
Ryazanova Svetlana Vladimirovna, D.Phil., Associate Professor, Leading Research Fellow, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Sergodeeva Elena Aleksandrovna, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
Solovyeva Lyudmila Nikolayevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities of the Branch of the Peter the Great Military Academy of the Russian Strategic Missile Forces in the city of Serpukhov,
Solopov Oleg Viktorovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Associate Professor of History and Archaeology Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,
Chernikova Valentina Evgenyevna, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
Shakhmatova Elena Vasilyevna, D.Phil., PhD in Art History, Associate Professor, Head of the Research Department, Russian Institute of Theater Arts,

– historical sciences:

Amosova Alisa Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University,
Anisimov Aleksandr Leonidovich, D.Phil. in History, Professor, Department of Humanities, Social and Economic Sciences, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Grishaeva Lidia Evgenyevna, D.Phil. in History, Professor, Department for Russian History of the XX–XXI Centuries, Lomonosov Moscow State University,
Kirchanov Maksim Valeryevich, D.Phil. in History, Associate Professor, Regional Studies and Foreign Countries' Economy Department, Voronezh State University,
Klochov Viktor Viktorovich, D.Phil. in History, Associate Professor, Associate Professor of Sociology, History and Political Science Department, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems, Southern Federal University,
Korshunova Nadezhda Vladimirovna, D.Phil. in History, Associate Professor, Dean of the School of History, Southern Ural State University of Humanities and Education Science,
Ktsoeva Sultana Gilmidinovna, D.Phil. in History, Senior Research Fellow, Ethnology Department, North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Professor, World History Department, North Ossetian State University,
Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Molzinsky Vladimir Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Art History, Dean of the Department of Music Variety Arts, St. Petersburg State University of Culture,
Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Deputy Director for Academic, Scientific and Educational Work, Branch of the Russian State Institute of Performing Arts in Kemerovo – Siberian Higher School of Theatre and Musical Art,
Petrulina Zhanna Valeryanovna, D.Phil. in History, Professor, Head of the Department "History and Cultural Studies", Komsomolsk-on-Amur State University,
Romanov Valeriy Vasilyevich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Theory and History of State and Law Department, Ulyanovsk State University,
Salchinkina Angelina Rostislavovna, PhD in History, Associate Professor, Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University,
Sivtseva Saassylana Innokentyevna, D.Phil. in History, Professor, History, Social Studies and Political Science Department, North-Eastern Federal University,
Sindeev Aleksey Aleksandrovich, D.Phil. in History, Professor, Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
Skipina Irina Vasilyevna, D.Phil. in History, Professor, Document Science and Records Management Department, School of Social Science and Humanities, Tyumen State University,
Suleymanova Rima Nugamanovna, D.Phil. in History, Chief Research Fellow, Professor, Head of the Department of Contemporary History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Sushkova Yulia Nikolaevna, D.Phil. in History, Associate Professor, Dean of the Law Department, Ogarev Mordovia State University,
Uporov Ivan Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Constitutional and Administrative Law Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Fedirko Oksana Petrovna, D.Phil. in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences,
Fomenko Vladimir Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Ancient History and Archeology Sector, Institute for the Humanities Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Shaozheva Natalia Anatolyevna, D.Phil. in Political Sciences, PhD in History, Leading Research Fellow, Centre for Socio-Political Research, Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,

Sharifov Rakhmonali Yatimovich, D.Phil. in History, Associate Professor, Head of the School of History, Tajik National University,

Yusupova Tatiana Ivanovna, D.Phil. in History, Leading Research Fellow, St. Petersburg branch of Institute of the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences,

– cultural sciences:

Abdulaeva Medina Shamilyevna, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in History, Associate Professor, Music Theory and History Department, Head of the Institution of Culture and Arts, Dagestan State Pedagogical University, Amosova Alisa Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University,

Betilmerzaeva Maret Muslamovna, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,

Gorobets Svetlana Vladimirovna, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in Education Science, Associate Professor, Piano Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,

Ilivitskaya Larisa Gennadyevna, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Cultural Studies Department, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,

Katkova Kristina Fedorovna, PhD in Cultural Science, Senior Lecturer, Museology and Cultural Heritage Department, St. Petersburg State Institute of Culture, Senior Research Fellow, Museum and Exhibition Center, St. Petersburg,

Kucheruk Irina Vladimirovna, D.Phil. in Culture Studies, PhD in Pedagogy, Head of the Design Department, Professor of the Department of Russian History at Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev,

Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,

Pronkina Anna Vladimirovna, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University,

Sapanzha Olga Sergeyevna, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Department of Art Studies and Pedagogics of Art, Acting Director of the Institute of Art Education, Herzen State Pedagogical University of Russia,

Tereshchenko Elena Yuryevna, D.Phil. in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Arts and Design Department, Murmansk Arctic State University,

Tishchenko Natalia Viktorovna, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Head of the Philosophy Department, Saratov State Technical University,

Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Abrahamyan Vagram Gevorgovich, D.Phil. in Economics, PhD in Engineering, Professor, Management, Business and Tourism Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Professor, Management and Business Department, Yerevan State University (Republic of Armenia),

Bukvich Rayko, D.Phil. in Economics (the Republic of Serbia),

Gambaryan Artur Sirekanovich, LL.D, Professor, Head of the Theory of Law and Constitutional Law Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Honored Lawyer of the Republic of Armenia (Republic of Armenia),

Gao Tianming, PhD in Economics, Professor, Director of the Center of Russian Research, Director of the Center of Blue Economy, Arctic, Institute of Economics and Management, Harbin University of Engineering (PRC),

Erokhin Vasily Leonidovich, PhD in Economics, Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University (PRC),

Karapetyan Vladimir Sevanovich, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Pre-school Psychology and Techniques Department, Armenian State Pedagogical University, Member of the International Academy of Psychological Sciences (Russia), Corresponding Member Armenian Philosophical Academy, (the Republic of Armenia),

Kyuskieva-Arabska Ekaterina Dimitrova, PhD in Sociology, PhD in Administration and Management, Associate Professor, Vice-Dean, Faculty of Economics and Management, Head of the National and International Projects Department, Secretary of the Academy Board, University of Agribusiness and Rural Development, President, Innovations and Sustainability Academy, Plovdiv (the Republic of Bulgaria),

Nyagolova Mariyana Dimitrova, PhD in Psychology, Associate Professor of History of Psychology, Lecturer, Psychology Department, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Republic of Bulgaria),

Pirizoda Jalil Safar, D.Phil. in Economics, Professor, Academician, Institute of Economics and System Analysis of Agricultural Development, Tajik Academy of Agricultural Sciences (the Republic of Tajikistan),

Pogosyan Gevorg Aramovich, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Academic Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (the Republic of Armenia),

Sandoyan Edward Martini, D.Phil. in Economics in the Russian Federation and the Republic of Armenia, Professor, Director of the Institute of Economics and Business, Russian-Armenian (Slavonic) University (Republic of Armenia),

Todev Ilija Toskov, D.Phil. in History, Professor, Institute for Historical Studies of the Bulgarian Academy of Sciences (the Republic of Bulgaria),

Khanov Talgat Akhmatzиеvich, LL.D, Professor, Director, Research Institute of Economic and Legal Studies, Karaganda University of Kazpotreboysuz (the Republic of Kazakhstan),

Khoporskaya Larisa Lvovna, D.Phil. in Political Science, PhD, Professor, Director of the Centre for Eurasian Studies, Professor, International Relations Department, Kyrgyz Russian Slavic University (The Kyrgyz Republic),

Hristozova Galya Mikhaylovna, Dr hab., Professor, Rector, Burgas Free University (the Republic of Bulgaria),

Tsvirkun Viktor Ivanovich, D.Phil. in History, D.Phil. in Education Science, Professor, Doctor Honoris Causa, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Moldova in the State of Qatar (Republic of Moldova),
Shebeko Valentina Nikolaevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Pre-School Education Techniques Department, Belarusian State Pedagogical University (the Republic of Belarus).

EDITORIAL STAFF:

DIRECTOR OF PUBLISHING HOUSE HORS LLC:

Kharseeva Viktoria Leonidovna, PhD in Social Science

DEPUTY DIRECTOR:

Dyuzheva Maria Pavlovna

MANAGING EDITOR:

Ugulava Kristina Gennadievna

EXECUTIVE EDITOR:

Izmailova Anastasiia Andreevna

EDITORS:

Nevzorova Natalya Viktorovna

Sitnikova Olga Valeryevna

Surkova Ekaterina Sergeevna

Tihomirova Yuliya Ivanovna

Tyulyukova Maria Olegovna

Shcheglova Irina Borisovna

TRANSLATORS:

Arakelyan Nina Sergeevna

Izmailova Anastasiia Andreevna

Kornilova Ekaterina Vitalievna

Nevzorova Natalya Viktorovna

Khanmamedova Victoria Ramizovna

FOUNDER:

Publishing House HORS LLC

PUBLISHER'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ФИЛОСОФИЯ..... 15	PHILOSOPHY
Мамедов А.А., Донских К.Ю., Мурадов Р.	Mamedov, A.A., Donskikh, K.Yu., Muradov, R.
Мифологическое мышление в условиях архаического общества 15	Mythological Thinking in an Archaic Society
Ромашко Н.В., Орлов М.О.	Romaschko, N.V., Orlov, M.O.
Страх в контексте философской рефлексии Рене Жирара 21	The Fear in the Context of Rene Girard's Philosophical Reflection
Федотова М.Г.	Fedotova, M.G.
Образ как аспект институционализации 26	Image as an Aspect of Institutionalization
Бужор Е.С., Шевченко О.В.	Buzhor, E.S., Shevchenko, O.V.
Религиозно-философский «символ веры» Достоевского в интерпретации Вячеслава Иванова 32	Dostoevsky's Religious and Philosophical "Symbol of Faith" as Interpreted by Vyacheslav Ivanov
Григорьев С.Л.	Grigoryev, S.L.
Этические экзистенциалы современной экранной культуры (на примере британского сериала "Black mirror") 39	Ethical Existentials of Modern Screen Culture (On the Example of the British TV Series "Black Mirror")
Куземина Е.Ф., Пашкова Н.В.	Kuzemina, E.F., Pashkova, N.V.
Утопия как форма экзистенциальной изоляции 45	Utopia as a Form of Existential Isolation
Лобанова Ю.В.	Lobanova, Yu.V.
История философского понимания и изучения эмоций 50	The History of Philosophical Understanding and Study of Emotions
Макарчук И.Ю.	Makarchuk, I.Yu.
Гуманитарные исследования и их трансформация как элемент культурфилософской модели литературно- художественного произведения 56	Humanities and Their Transformation as an Element of the Cultural and Philosophical Model of a Literary and Artistic Work
Хвастунова Ю.В.	Khvastunova, Yu.V.
Постсекулярная культура в контексте теории множественной современности Ш. Эйзенштадта (с учетом влияния трансгуманизма) 60	Post-secular Culture in the Light of Multiple Modernities Theory by S. Eisenstadt (Taking Account of Transhumanism Influence)
Буденис О.Г.	Budenis, O.G.
Перспективы развития билингвизма в современном белорусском обществе 65	Development Prospects of Bilingualism in Contemporary Belarusian Society
Демьяшина В.В.	Demyashina, V.V.
Цифровизация и цифровой суверенитет: к проблеме защиты политической субъектности Российского государства (оценки, позиции и социально-философская рефлексия) 70	Digitalization and Digital Sovereignty: Toward the Problem of Protecting the Russian State's Political Subjectivity (Assessments, Positions, and Socio-Philosophical Reflections)
Макулина Е.Ю.	Makulina, E.Yu.
Тематический анализ проблематики социальной памяти в современной социальной философии: хранение и транслирование смыслов и значений культуры в информационном обществе, «умная социальная память» 77	Thematic Analysis of the Problems of Social Memory in Modern Social Philosophy: Storage and Transmission of the Meanings and Significance of Culture in the Information Society, "Smart Social Memory"
Боровихин А.А., Павлович В.В.	Borovikhin, A.A., Pavlovich, V.V.
Общественный договор как способ реализации биополитики и социального управления 83	Social Pact as a Way to Implement Biopolitics and Social Management

Кайгородова В.С. Genius loci в эстетике повседневности	88	Kaigorodova, V.S. Genius Loci in the Everyday Aesthetics
Помазкова Е.В. Ценностные ориентации и мотивации российского предпринимательства	94	Pomazkova, E.V. Value Orientations and Motivations of Russian Entrepreneurship
ИСТОРИЯ	99	HISTORY
Благодер Ю.Г., Чупрынников С.А. «Китайский» вектор политики Петра I (посольство Л.В. Измайлова)	99	Blagoder, Yu.G., Chuprynnikov, S.A. Chinese Vector of Peter the Great's Policy (Embassy of L.V. Izmailov)
Воскресенская Н.О., Ялозина Е.А. Проблема преемственности духовного опыта поколений в зарубежной историографии	104	Voskresenskaya, N.O., Yalozina, E.A. The Problem of Intergenerational Continuity of Spiritual Experience in Foreign Historiography
Зайцев А.А., Капшук А.Ю. Структурные изменения в деятельности студенческих строительных отрядов в период перестройки в СССР (1985–1990 гг.)	111	Zaitsev, A.A., Kapshuk, A.Yu. Structural Changes in the Activities of Student Construction Teams of the Soviet Union during the Period of Perestroika (1985–1990)
Микуленок А.А. Проблема дискриминации еврейского населения в Литве в конце 1930-х гг. (по материалам АВП РФ)	116	Mikulenok, A.A. The Problem of Discrimination Jewish Population in Lithuania in the End of 1930s (A Case Study of the Foreign Office Archive of the Russian Federation)
Рудых Л.Г. Сотрудничество СССР с Новой Зеландией в сфере образования в конце 1940–1950-х годов	121	Rudykh, L.G. Cooperation of the USSR and New Zealand in the Field of Education in the Late 1940–1950s
Рыбалкин А.Н. Российская политическая поддержка государственной власти Сирийской Арабской Республики (2012–2018 гг.): итоги и выводы	125	Rybalkin, A.N. Russia's Political Support for the State Power of the Syrian Arab Republic (2012–2018): Results and Conclusions
Фоменко В.А. Транскавказские ветви Великого шелкового пути и исторические памятники региона Кавказских Минеральных Вод	132	Fomenko, V.A. Transcaucasian Branches of the Great Silk Road and Historic Sites of the Region of Caucasian Mineralnye Vody
Чуев С.В. Противоречивый полпред. В.Н. Зубков: штрихи к портрету	137	Chuev, S.V. Contradictory Plenipotentiary. V.N. Zubkov: Accents to the Portrait
Зайцев А.А. «Несуществующий рыцарь» Итало Кальвино и послевоенный европейский гуманизм	145	Zaitsev, A.A. “The Nonexistent Knight” by Italo Calvino and the Postwar European Humanism
Ярмолич Ф.К. Концепция «новый человек» и проблемы ее реализации в СССР в 1950–1960-е гг. (на материалах Ленинграда)	152	Yarmolich, F.K. The Concept of the “New Man” and the Problems of Its Implementation in the USSR in the 1950–1960s (Based on the Materials of Leningrad)
Лазуревская Ю.А. Этапы становления гражданской авиации на территории Северо-Кавказского края	158	Lazurevskaya, Yu.A. Stages of Formation of Civil Aviation on the Territory of the North Caucasus Krai
Тимофеева Ю.А. Внешняя политика Бразилии при Ж. Болсонару: смена парадигмы?	163	Timofeeva, Yu.A. Brazilian Foreign Policy under J. Bolsonaro: Paradigm Shift?
Ван Юе Китаеведение в Дальневосточном университете: история изучения	172	Wang Yue Sinology at the Far Eastern Federal University: History of Study

Чи Юйчао

Юридический факультет в Харбине как центр
российско-китайского правоведения
в первой половине XX века 180

Chi Yuchao
Harbin School of Law
as a Center for Sino-Russian Legal Studies in
the First Half of the XX Century

Ян Юе

Роль Восточного института во Владивостоке
в установлении российско-китайского
образовательного сотрудничества 188

Yang Yue
The Role of the Oriental Institute
in Vladivostok in Establishing Sino-Russian
Educational Cooperation

КУЛЬТУРА 193

CULTURE

Бетильмерзаева М.М.

Этническая идентичность как фактор
формирования гражданской идентичности 193

Betilmerzaeva, M.M.
Ethnic Identity as a Factor
of Formation Civic Identity

Бурова Ю.В.

Особенности мордовского героического эпоса
на примере произведения «Сияжар» 198

Burova, Yu.V.
Features of the Mordovian Heroic Epic
on the Example of the Work "Siyazhar"

Терещенко Е.Ю.

Западный Мурман:
особенности формирования
культурного ландшафта
во II половине XIX – начале XX в. 202

Tereshchenko, E.Yu.
Western Murman:
Features of the Formation
of the Cultural Landscape
in the II Half of XIX – Early XX Centuries

Левшина О.Н.

Креативные кластеры как способ
преобразования городской среды
и инструмент повышения
туристической привлекательности города
(на примере Санкт-Петербурга) 208

Levshina, O.N.
Creative Clusters as Transformational Ways
of the Urban Environment
and a Tool for Enhancing
the City's Tourist Attractiveness
(On the Example of St. Petersburg)

Солдатенкова О.В.

Экспокультура как феномен
современной культуры:
содержание понятия 212

Soldatenkova, O.V.
Expoculture as a Phenomenon
of Modern Culture:
The Content of the Concept

Ван Чуньсюе, Ван Янань

Национальная и государственная
идентичность китайско-российских
трансграничных этнических групп орохонов 217

Wang Chunxue, Wang Yanan
National and State Identity
of Sino-Russian Transboundary
Orochon Ethnic Groups

Карабанов А.А.

Феномен «субкультуры» в работах
зарубежных и отечественных исследователей:
историография вопроса 223

Karabanov, A.A.
The Phenomenon of "Subculture"
in the Works of Foreign and Russian Researchers:
Historiography of the Issue

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 15–20.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 15–20.

Научная статья

УДК 7.046.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.1>

Мифологическое мышление в условиях архаического общества

Азер Агабала оглы Мамедов¹, Ксения Юрьевна Донских², Рашад Мурадов³

^{1,2}Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия

³Азербайджанский государственный экономический университет, Баку, Азербайджан

¹azermamedov@mail.ru

²ks.donskih@gmail.com

³rashad_muradov@hotmail.com

Аннотация. В статье отмечается, что для архаичных сельских локальных обществ было характерно мифологическое мышление, которое как определенная форма сознания способствовало формированию мировосприятия, закладывало основные принципы социальной жизни. Подчеркивается, что мифологическое сознание и мышление являются свойствами не только первобытного общества, но и современного. Мифотворчество присуще человеку на постоянной основе, но в истории может принимать разные формы. На основе критического анализа концепций Х. Ортега-и-Гассета, К.Г. Юнга, Н. Хренова, А. Ахиезера и других исследователей определены роль и значение мифологических представлений в повседневной практической жизни человека, их влияние на скорость его адаптации к окружающему социальному миру. Установлено, что культура архаичного общества формировалась как сельская культура мифа, символа, синкретического единства человека с природой, животным и растительным миром; земля и необходимость ее обработки способствовали выработке культуры сельского производства.

Ключевые слова: архаическое общество, миф, мифологическое мышление, культура, сельская жизнь

Для цитирования: Мамедов А.А., Донских К.Ю., Мурадов Р. Мифологическое мышление в условиях архаического общества // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 15–20. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.1>.

Original article

Mythological Thinking in an Archaic Society

Azer A. ogly Mamedov¹, Ksenia Yu. Donskikh², Rashad Muradov³

^{1,2}Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Moscow, Russia

³Azerbaijan State Economical University, Baku, Azerbaijan

¹azermamedov@mail.ru

²ks.donskih@gmail.com

³rashad_muradov@hotmail.com

Abstract. The article notes that the archaic rural local societies were characterized by mythological thinking, which, as a certain form of consciousness, contributed to the formation of world perception, laid the basic principles of social life. It is emphasized that mythological consciousness and thinking are properties not only of primitive society, but also of modern society. Myth-making is inherent in a person on a permanent basis, but in history it can take different forms. Based on a critical analysis of X's concepts. Ortega y Gasset, K.G. Jung, N. Khrenov, A. Akhiezer and other researchers have determined the role and significance of mythological representations in the daily practical life of a person, their influence on the speed of his adaptation to the surrounding social world. It is established that the culture of an archaic society was formed as a rural culture of myth, symbol, syncretic unity of man with nature, animal and plant life; the land and the need for its processing contributed to the development of a culture of rural production.

Keywords: archaic society, myth, mythological thinking, culture, rural life

For citation: Mamedov, A.A., Donskikh, K.Yu. & Muradov, R. (2022) Mythological Thinking in an Archaic Society. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 15–20. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.1](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.1). (In Russian).

Архаичным называют общество, состоящее из слабо связанных между собой групп населения, именуемых обычно племенами. Последние в свою очередь объединяют многочисленные

кланы и роды, которые образовывали те экономические единицы, которые занимались обработкой земли.

Таким «естественным» формам организации, как племя и род, существовавшим у множества архаичных народов по всему миру, противостояла военная дружина, которая в основном включала представителей аристократических и «властимущих» слоев общества.

Большое значение в структуре архаичного социума имели также жрецы и другие служители культа, выполнявшие самые различные социальные функции.

Необходимо сказать и о том, что в рассматриваемом типе общества существовала особая социальная прослойка, состоящая из рабов, в которых превращались пленные, взятые в результате военных походов дружины (Тодд, 2005).

Наиболее тесными связями в обществе рассматриваемого типа были родственные. Так, сплоченные воины дружины состояли, как правило, в кровном родстве.

Многие архаичные общества имели традицию кровной мести, то есть преступление отдельного человека экстраполировалось на весь его род. Личностное, индивидуалистическое начало еще было достаточно слабо выделено из коллективистского.

Архаичное общество – это догосударственная форма социальной жизни, множество низкоинтегрированных локальных миров. Основной формой мышления в них было мифологическое. Это определенная форма сознания, которая дает основы для постижения человеком мира и закладывает главные принципы социальной жизни. Миф призван объяснить все тайны бытия, свести все непознанное к уже известному и понятному, обеспечить восприятие человеком природы и окружающего мира через ощущения и образы. В мифе процессы и явления, происходящие на земле, расцениваются как результат действия высших сил, ответственных за те или иные сферы человеческого бытия.

Х. Ортега-и-Гассет писал, что «миф – это фантастическое отображение, являющиеся внутренней функцией, без которой психическая жизнь парализуется. Конечно, у нас неадекватное восприятие реальности. Миф не встречает во внешней среде адекватного объекта» (Ortega y Gasset, 1961: 417).

Как отмечал К. Юнг, между объективной реальностью мира и ее восприятием лежит пропасть, заполненная бессознательным (Юнг, 1991). Согласно ученому мифы – это прежде всего психические явления, выражающие глубинные духовные процессы. Они позволяют приспособлять внешний человеческий опыт к душевным событиям, восполнять в воображении индивида те сферы, которые не были и не могут быть эмпирически им познаны (Юнг, 1991).

Миф помогает человеку объяснять окружающий мир и выстраивать социальные отношения. Природа, другие люди и социальные общности являются источником мифотворчества. Интересно, что этот процесс не является исключительным для первобытного общества, он характерен и для современного социума. Мифотворчество присуще человеку всегда, однако формы его варьируются в истории. «Принципиально важно учесть, – писал С. Телегин, – что элементы и структуры мифосознания являются общими для всех, врожденными и наследуемыми, не связанными с личным опытом» (Телегин, 1994: 7).

Н.А. Хренов подчеркивал, что в различные исторические периоды происходят процессы вытеснения или реабилитации мифа. Он писал: «Эпоха Просвещения с ее грандиозным проектом модерна стала тем периодом в истории, прежде всего – европейской культуры, когда представляемая наукой система рациональности заняла высокий статус и начала активно вытеснять из культуры другие системы рациональности и истолкования мира. Культ науки в Новое время породил иллюзию, что с этого времени культура связывает себя исключительно с наукой, а следовательно, она разделяет субъект и объект, соединенные в мифе, исходя исключительно из объекта или объектных отношений» (Хренов, 2006: 87).

А. Ахиезер отмечал: «Миф является не только этапом развития культуры, но и ее уровнем, который не исчезает в современном обществе, но служит основой для наслоения новых форм культуры иного типа» (Ахиезер, 1998: 279).

А. Лосев, выражая свою точку зрения, на рассматриваемый вопрос, подчеркивал: «Я категорически протестую против лженаучного предрассудка, заставляющего утверждать, что мифология предшествует науке, что наука появляется из мифа, что некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно не свойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф» (Лосев, 2001: 14).

Исследовать миф с точки зрения современной рациональной субъект-объектной науки достаточно сложно. Очевидно, что для первобытного человека он был чем-то другим, нежели для современного индивида. А. Лосев писал: «Разумеется, мифология есть выдумка, если применить к ней точку зрения науки, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга

ученых новоевропейской истории последних двух – трех столетий. С какой-то произвольно взятой, совершенно условной точки зрения миф действительно есть вымысел. Однако мы условились рассматривать миф не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого же мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами. Этот вот мифический взгляд на миф нас тут и интересует. А с точки зрения самого мифического сознания ни в каком случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола. Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность» (Лосев, 2001: 15).

Нужно принять тот факт, что миф необходимо рассматривать не только как форму мышления древнего человека, но и как определенный этап в развитии культуры, характеризующийся «движением от осмысления мира через восприятие, фонемы и даже семантемы к осмыслению его через язык, предложения, повествования. В мифе фиксируются те ритмы мира, к которым адаптируется человек» (Ахиезер, 1998: 278).

Миф представляет собой «повествование» о возникновении порядка из хаоса, в нем преобладает инверсия, то есть абсолютизация полярностей: добро – зло, черное – белое, правда – кривда, красивый – уродливый. По инверсивной логике мифов каждое явление может стать «оборотнем», то есть, прикоснувшись к другому полюсу, мгновенно оказаться своей противоположностью: добро может обернуться злом, человек – животным или вампиром и т.д. Миф существует как отражение эмоциональной жизни личности и как воплощение синкретического тотемического идеала.

В древности человек был подчинен силам природы, поэтому мифотворчество было направлено на ее осмысление и освоение. В архаическом сознании создание или открытие культурных ценностей (узнавание способов добычи огня, производство орудий сельского хозяйства или охоты) происходило по воле бога или духа-покровителя. Одухотворенная природа проецировалась на конкретные образы духов окружающего мира и первопредков.

Важнейшими элементами мифологического мышления являются синкретизм, тотемизм и антропоморфизм. Человек не только не выделял себя из животного и природного мира, но и стремился к преодолению границ между ними. В мифах не существует различия между человеком и животным, они равны во всех отношениях. Тотемизм представляет собой полное единство человеческого и животного-растительного мира, он основан на представлении о наличии кровнородственных связей между людьми и объектами природы (животными, растениями, камнями). Каждый человек (или племя) имел тотемного первопредка, которым могли выступать птицы, насекомые, растения, камни.

Антропоморфизм – это перенесение человеческих свойств на природные объекты. Человек, познавая Вселенную, не только проецировал ее на себя, но и переносил на нее свой опыт, то есть очеловечивал природу, животных, растения. Они наделялись им способностью говорить, мыслить. Происхождение любых культурных объектов (огонь, очаг, жилище, орудия труда, одежда) тесно связывалось с природой, в их создании человек ориентировался на ее законы. «Культура мифологического человека была природоподобна», – пишет С. Телегин (Телегин, 1994: 18).

Для синкретического мышления, таким образом, характерна нерасчлененность полюсов дуальных оппозиций, жестко понимаемая абсолютная картина мира, истолкование явлений по принципу «все во всем». «Этот кажущийся абсурд, – замечает А. Ахиезер, – возможен при одном условии: если любое явление мира в этой логике – оборотень, т. е. не то, что оно есть, то, что способно предательски превратиться в нечто отличное от своей кажимости. Это возможно, если человек мыслит по логике инверсии. Попугай (в племени Бороро) – это человек. В разных культурах соседка может оказаться ведьмой, живой волк – убитым человеком, медведь – братом, камень – тотемом, работник – вредителем и т. д. до бесконечности» (Ахиезер, 1998: 445). В этом смысле, по мнению А. Ахиезера, синкретизм присутствует в сознании и мышлении современного человека в виде псевдосинкретизма, который выступал идеологической основой развития российского общества в советском периоде его истории. Псевдосинкретизм – это распространение синкретических форм мышления из локальных миров на большое общество, то есть на государственные формы социальности. Синкретизм тесно связан с инверсионным сознанием и мышлением и с попыткой преодолеть социальные расколы, сохранить интеграцию общества инверсионно, без решения медиационных задач. Псевдосинкретизм в широком смысле понимается как стремление вернуться к прошлому, возвратиться к тотему, к вождю, к «прочному» социальному порядку (Ахиезер, 1998). О сакральном характере синкретического мифологического комплекса говорит и В.В. Ильин (Ильин, 2013: 126).

Очевидно, мифологическое сознание выражается не в суждениях, оно выступает как нерасчлененный поток образов. Миф тесно связан с символом; по мнению исследователей, он даже предшествует последнему (Телегин, 1994). Миф не символичен, но подготавливает почву для символа, причем символизм усиливается по мере утраты веры в достоверность мифа (Телегин, 1994).

Несомненно, мифологические представления играли важную роль в повседневной практической жизни человека – способствовали быстрой его адаптации к окружающему социальному миру. Хотя миф как первоначальная универсальная попытка познания мира способствовал возникновению других видов познания, дальнейшее их развитие не приводило к вытеснению мифологии из познавательной практики. На языческие же «пережитки» в различных религиях указывает Д. Франкфуртер (Frankfurter, 2021: 128).

Таким образом, культура архаичного общества формировалась как культура мифа, символа, синкретического единства с природой, животным и растительным миром.

Земля и необходимость ее обработки определяли культуру производства. Само слово «культура» переводится как «возделывание земли». Сегодня известно множество форм древней аграрной культуры. Одно из них (характерное, например, для европейской лесистой части континента) – подсечно-огневое земледелие, то есть расчистка земли от леса путем вырубki и сжигания деревьев. Оно не только позволяло освободить пространство для посевов, но и на какое-то время обеспечивало обогащение почвы минеральными солями. После того как в течение нескольких лет на этой земле собирали урожай, запасов минеральных удобрений становилось недостаточно для подкормки посевов. Тогда поле оставляли под паром на десять и более лет. После появления железных орудий труда люди стали активно использовать их для расчистки лесов и обработки полей.

Сельская жизнь на основе возделывания земли в архаичном обществе была практически единственно возможной формой социального бытия. В священной книге древних иранцев «Авеста» отсутствуют всякие упоминания о наличии городов (Мамедов, 2011). Только великие древние цивилизации, такие как Месопотамия, Египетская цивилизация, Древняя Греция и Древний Рим, демонстрируют нам развитие полисов. Однако по типу экономических отношений древние общества были все же аграрными, так как именно продукция сельского хозяйства служила главным источником человеческого существования и развития.

В традиционном обществе можно говорить о более выраженном развитии городских форм социальной жизни. Оно характеризуется развитой системой государственности, основу которого составляет следование социальным нормам и обычаям. Традиционное общество – это доиндустриальное, докапиталистическое общество, экономика которого зиждется на сельском хозяйстве. И человек в таком социуме находился в неразрывном единстве с окружающим его природным миром, который воспринимался им как нечто сакральное, величественное и вечное. Социальный статус индивида, его место в иерархической структуре общества целиком определялись традицией, причем эта характеристика была наследственной, то есть место человека в обществе зависело от социального статуса его предков.

В традиционном обществе преобладали коллективистские установки, социальная дифференциация была еще достаточно слаба, наблюдалось синкретическое единство власти, слабая дифференциация политической, правовой и экономической систем. Безусловно, в таком обществе коллективистские представления доминировали над индивидуальными; главным достоинством считалось не личное умение человека, его способности, а место в иерархической (сословной) структуре общества. В таких древних, очевидно, сельских типах обществ, были сильны только внутриродственные связи.

Необходимо отметить, что типологическое выделение архаичного, традиционного общества и общества модерна достаточно условно. Оно связано с теорией социальной модернизации, которая объясняет основные принципы социально-исторического развития тенденцией к рационализации социального действия и ко все большей мере социального усложнения или дифференциации. Теория модернизации фактически приобрела в XX веке характер социологической парадигмы, то есть господствующей аналитической концепции, объясняющей причины и вектор исторического развития западных обществ. Были попытки экстраполировать теорию модернизации и на другие (незападные) социумы. В рамках указанной концепции объясняются причины и основания того, что традиционные общества подвергаются преобразованиям. Модернизация условно подразделяется на политическую, экономическую и социокультурную и предполагает развитие определенных институтов: в политической сфере – институтов демократии, выборов, политических партий, гражданского общества; в экономической сфере – институтов предпринимательства, конкуренции, частной собственности, свободного обмена, индустриализации, менеджмента. В качестве изменений, характеризующих сферу культуры, следует назвать секуля-

ризации, примат индивидуализма, рост ценности личности, активность, инновационность. Модернизация предполагает также рост городов и урбанизацию, но при этом сельская жизнь остается очагом традиционализма, так как индустриализация и процессы социально-культурных преобразований охватывают ее в последнюю очередь.

Глубокую укорененность крестьянского менталитета во всех культурно-нравственных паттернах российского общества конца XIX – начала XX веков отмечает А. Ахиезер: «Государственность в России возникла на основе экстраполяции синкретического вечного идеала, сложившегося в древних локальных сообществах... Традиционализм пронизывал все общество, включая синкретическую государственность, а также и прочие формы жизни: крепостную промышленность, город и т.д.» (Ахиезер, 1998: 359). При этом в конце XIX столетия в стране, где крестьянами были почти 98 % населения, сельское хозяйство не было в достаточной мере изучено. В основном при его исследовании использовались методы западной политэкономии, которые не являлись адекватными для этих целей. После 1917 года подлинно научных исследований крестьянства долгие годы не проводилось. В качестве исключения можно вспомнить лишь работы А.В. Чаянова, который впервые показал принципиальное отличие крестьянского труда от труда в любом другом секторе экономики: особую мотивацию крестьянина, отсутствие к капиталистическому стремлению максимизации доходов и т.д. (Чаянов, 1989).

Таким образом, крестьянская жизнь, в отличие от городских форм, в архаичном и традиционном социумах имеет существенное сходство. Крестьянство как образ жизни и сельское хозяйство, особенно земледелие, имеют значительное количество общих черт в различных социумах, у разных народов. Подобная жизнь как в архаичном, так и в традиционном социуме основана на определенного рода ценностях, социальных обычаях и нормах, определяемых элементами мифологического мышления, которые могут быть выражены в большей или меньшей мере, – синкретизмом, холизмом, тотемизмом, патернализмом, инверсионностью мышления и социальных практик. При этом традиционно крестьянское, мифологическое мышление может принимать различные латентные формы. Так, например, синкретизм проявляется в виде псевдосинкретизма, то есть он может быть завуалирован научно-рационалистической и урбанистической риторикой. В латентных формах, как, например, в российском обществе, основные паттерны сельской архаики и традиционализма могут существовать вплоть до современности.

Список источников

- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта : в 2 т. Новосибирск, 1998. Т. 2. 594 с.
 Веселовский А.Н. Миф и символ // Русский фольклор: вопросы теории фольклора. Т. 19. Л., 1979. С. 186–199.
 Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М., 2013. 384 с.
 Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. 559 с.
 Мамедов А.А. Гуманистический ресурс зороастризма в современном мире // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1 (39). С. 25–29.
 Телегин С.М. Философия мифа. М., 1994. 140 с.
 Тодд М. Варвары. Древние германцы: быт, религия, культура. М., 2005. 223 с.
 Хренов Н.А. Воля к сакральному. СПб., 2006. 571 с.
 Чаянов А.В. Избранные произведения. М., 1989. 366 с.
 Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. 297 с.
 Frankfurter D. Restoring «Syncretism» in the History of Christianity // Studies in Late Antiquity. 2021. Vol. 5, iss. 1. P. 128–138. <https://doi.org/10.1525/sla.2021.5.1.128>
 Ortega y Gasset J. El Espectador. Madrid, 1961. 1100 p. (на испан. яз.)

References

- Akhiezer, A. S. (1998) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of Historical Experience]. Vol. 2. Novosibirsk. 594 p. (in Russian).
 Chayanov, A. V. (1989) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow. 366 p. (in Russian).
 Frankfurter, D. (2021) Restoring «Syncretism» in the History of Christianity. *Studies in Late Antiquity*. 5 (1), 128–138. Available from: <https://doi.org/10.1525/sla.2021.5.1.128>
 Il'in, V. V. (2013) *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of Knowledge. Symbolology. Theory of Symbolic Forms]. Moscow. 384 p. (in Russian).
 Khrenov, N. A. (2006) *Volya k sakral'nomu* [The Will to the Sacred]. Saint-Petersburg. 571 p. (in Russian).
 Losev, A. F. (2001) *Dialektika mifa* [Dialectic of Myth]. Moscow. 559 p. (in Russian).
 Mamedov, A. A. (2011) Humanistic Resource of Zoroastrianism in the Modern World]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. (1 (39)), 25–29 (in Russian).
 Ortega y Gasset, J. (1961) *El Espectador*. Madrid. 1100 p. (in Spanish).
 Telegin, S. M. (1994) *Filosofiya mifa* [Philosophy of Myth]. Moscow. 140 p. (in Russian).
 Todd, M. (2005) *Varvary. Drevnie germantsy: byt, religiya, kul'tura* [Barbarians. Ancient Germans: Life, Religion, Culture]. Moscow. 223 p. (in Russian).
 Veselovskii, A. N. (1979) Mif i simvol [Myth and Symbol]. In: *Russkii fol'klor: voprosy teorii fol'klora*. Vol. 19. Leningrad, pp. 186–199 (in Russian).
 Yung, K. (1991) *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow. 297 p. (in Russian).

Информация об авторах

А.А. Мамедов – доктор философских наук, доцент Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=706439.

К.Ю. Донских – кандидат философских наук, доцент Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1036422.

Р. Мурадов – доктор экономических наук, профессор Азербайджанского государственного экономического университета, Баку, Азербайджан.

Information about the authors

A.A. Mamedov – D.Phil., Associate Professor of Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=706439.

K.Yu. Donskikh – PhD in Philosophy, Associate Professor of Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1036422.

R. Muradov – D.Phil., Professor of Azerbaijan State Economic University, Baku, Azerbaijan.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 21–25.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 21–25.

Научная статья

УДК 141.3

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.2>

Страх в контексте философской рефлексии Рене Жирара

Наталья Владимировна Ромашко¹, Михаил Олегович Орлов²

^{1,2}Саратовский национальный исследовательский государственный университет,

Саратов, Россия

¹natal-niks@mail.ru

²orok-saratov@mail.ru

Аннотация. В статье изучается понятие страха в его философском и религиозном аспектах. Авторы рассматривают интерпретацию страха в античной и средневековой философии, в трудах С. Кьеркегора и русского мыслителя Н.А. Бердяева. Особое внимание уделено понятию религиозного страха, характер которого раскрывается здесь с позиций христианской религии и опорой на Священное Писание. Авторы анализируют некоторые сюжеты из Нового Завета и исследуют их в контексте философии и теологии франко-американского религиоведа и антрополога Р. Жирара. Данное исследование показывает, что существует связь страха и миметического желания. Также авторы статьи приходят к выводу, что страх в контексте драматической теологии можно считать неким двигателем евангельской истории спасения мира.

Ключевые слова: страх, Кьеркегор, Бердяев, драматическая теология, Жирар, миметическое желание, Евангелие, христианство

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Для цитирования: Ромашко Н.В., Орлов М.О. Страх в контексте философской рефлексии Рене Жирара // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 21–25. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.2>.

Original article

The Fear in the Context of Rene Girard's Philosophical Reflection

Natalia V. Romaschko¹, Mikhail O. Orlov²

^{1,2}Saratov National Research State University, Saratov, Russia

¹natal-niks@mail.ru

²orok-saratov@mail.ru

Abstract. The article examines the concept of fear in its philosophical and religious aspects. The authors consider the interpretation of fear in ancient, medieval philosophy, in the works of S. Kierkegaard, N.A. Berdyaev. Particular attention is paid to the concept of religious fear, the nature of which is explored here from the perspective of the Christian religion and with reference to the Holy Scriptures. The authors analyze some stories from the New Testament and examine them in the context of the philosophy and theology of the Franco-American religious scholar and anthropologist R. Girard. Current research shows that there is a link between fear and mimetic desire. Likewise, the authors of the article conclude that fear in the context of dramatic theology can be seen as a kind of engine of the evangelical story of world salvation.

Keywords: fear, Kierkegaard, Berdyaev, dramatic theology, Girard, mimetic desire, Gospel, Christianity

Funding: the reported study was funded by the RFBR as part of research project no. 21-011-44127.

For citation: Romaschko, N.V. & Orlov, M.O. (2022) The Fear in the Context of Rene Girard's Philosophical Reflection. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 21–25. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.2](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.2) (In Russian).

Страх – очень важное чувство; это ощущение, возникающее при угрозе. Понятие страха весьма обширно, полярно и многолико. Данное чувство может быть полезным, а может довести человека до смерти; может иметь причину, а может быть неопределенным. Бояться можно за себя, а можно и за другого человека. Страх может проявляться как непосредственно страх (боязнь, тревога, волнение, беспокойство), а может скрываться за маской другого чувства (агрессии, обмана, стыда и т. п.). От страха либо убегают, либо вступают с ним в борьбу.

Страх преследует человека с самых древних времен и сопровождает его от рождения до смерти. Человек живет в состоянии постоянной обороны, с чувством, что всегда необходимо защищаться от каких-либо опасностей. К слову, на то всегда есть объективные причины. Помимо

собственных внутренних конфликтов, человека раздирает страх, возникающий от катастроф, геноцидов, катаклизмов, повсеместно распространенных конфликтов и насилия, которыми полна история цивилизаций. Страх движет историей.

В данной статье мы рассмотрим общие понятия страха, как его трактовали в философии, дадим определение такому виду христианского страха, как страх Божий. Также коротко рассмотрим основные положения драматической теологии и определим, какую роль в данной концепции играет понятие страха.

Страх как объект исследования в философии. Как неотъемлемый атрибут существования человека страх с самых ранних времен интересовал таких философов, как Эпикур, Платон, Аристотель, Декарт, Паскаль, Гольбах, Гегель, Тиллих, Камю, Сартр, Спиноза, Тригг, Свендсен. Например, Аристотель считал, что страх – «некоторого рода неприятное ощущение или смущение, возникающее из представления о предстоящем зле, которое может погубить нас или причинить нам неприятность, ...страдание, сильно огорчить или погубить» (Аристотель, 1978). Мыслитель добавляет, что человек боится не в тех случаях, когда неприятности угрожают издали, а в тех, когда они находятся так близко, что кажутся неизбежными. Р. Декарт писал о том, что страх – это крайняя степень трусости. В работах средневековых религиозных мыслителей (Августина, Фомы Аквинского) страх анализируется через призму Евангелия. В философии Нового времени страх также интерпретируется через религиозный аспект, но уже в атеистическом ключе. Так, П. Гольбах писал о том, что «страх создал богов»: «Человек суеверен только потому, что пуглив; он пуглив только потому, что невежествен... Он полагает, что природа подчинена каким-то невидимым силам; он считает себя зависящим от них и воображает, что они либо раздражены против него, либо благосклонны к нему» (Гольбах, 2022).

Человек не всегда знает, чего он боится. Так, философ-экзистенциалист Серен Кьеркегор, посвятивший исследованию страха несколько своих работ, различал два вида страха:

– *Frygt*, некий страх-боязнь, который имеет конкретную причину, когда индивид знает, чего он боится;

– *Angest*, мучительный страх, сосущий человека изнутри, лишенный рациональных объяснений. Это страх перед бездной небытия, или, как писал Н. Бердяев, «событие на границе внешнего примитивного мира и сверх-я» (Бердяев, 1952: 80). Необходимо отметить, что страх в экзистенциальной философии рассматривался как некий толчок для реализации скрытых ресурсов человека. Нередко именно страх является тем фактором, который приводит в действие реакции человека для преодоления угрозы. Поэтому Кьеркегор считал, что необходимо «научиться страшиться, чтобы не погибнуть... тот, кто научился страшиться, научился высшему» (Кьеркегор, 2022).

Н. Бердяев, опираясь на размышления Кьеркегора, дает важные характеристики общего понятия страха: он [страх] разрушителен, связан с ложью и жестокостью, «искажает сознание и мешает познавать истину» (Бердяев, 1952: 83), что, в свою очередь, позволяет ловко манипулировать человеком и испуганным обществом. Человек, находясь в состоянии страха, нередко оказывается неспособным к критическому мышлению и «верит в любое предлагаемое ему “спасительное средство”» (Фролова, 2006). Индивид постоянно пребывает свидетелем конфликта страха и истины, поэтому Бердяев полагает, что главной духовной задачей человека должна быть победа над страхом.

Страх в христианстве. Не менее интересно понятие страха в христианской традиции. Здесь, помимо страха обыденного, встречается понятие «страх Божий». Этот вид считается «правильным» и единственным допустимым, что подтверждается в Священном Писании: «начало мудрости – страх Господень» (Пс. 110:10), «уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге». Страх Божий не является страхом в привычном понимании этого слова. Речь идет, скорее, о послушании, трепете, уважении Бога. Страх мирской, по мнению Отцов церкви, возникает как раз из-за отсутствия страха Божьего, т. е. человек, не имеющий опоры в Боге, склонен ступать по такому пути, где его непременно ждут опасности. Следовательно, понятие «страх Божий» тесно связано с понятием веры. Наглядным примером является событие из Нового Завета, когда Иисус и ученики переправляются в лодке во время бури и последних охватывает страх. Иисус обращается к ученикам: «Что вы так боязливы? Как у вас нет веры?» (Мк. 4:40). Заметим, что у Кьеркегора вера как раз-таки является беспокойным чувством. Это чувство, конечно же, не является страхом, но идентично ему. Философ пишет: «Вера означает именно глубокое, сильное, блаженное беспокойство, которое подвигает верующего к тому чтобы он не мог успокоиться в этом мире, так что тот, кто совершенно успокоился, тот перестал быть и верующим» (Кьеркегор, 2011).

К слову, ситуации страха на страницах Священного Писания встречаются нередко, и каждый случай по-своему интересен. Страх, как считал Кьеркегор, вошел в мир вместе с первород-

ным грехом; он был первым состоянием человека после послушания Бога – «...голос твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся» (Быт. 3:10). Апостолы пугаются Иисуса, идущего по морю, приняв его за призрака (Мк. 6:49–51), приходят в ужасающий трепет от гласа из облака (Мф. 17:5), и здесь, возможно, угадываются черты кьеркегорского *angest*, который не поддается рациональному объяснению. Особенного внимания заслуживают призывы «не бояться»: «Не бойся, и не смущайся, ибо Господь, Бог твой, с тобою, куда бы ты ни пошел» (Ис. Нав. 1:9); «Не бойся, ибо Я с тобою» (Ис. 41:10). Как можно увидеть, страх мирской можно победить «упованием на Господа».

Отдельно стоит упомянуть три эпизода из Нового Завета, где описан страх, и их мы рассмотрим в контексте философской рефлексии антрополога и культуролога Рене Жирара, одного из представителей драматического богословия.

Роль страха в концепциях Рене Жирара. XX в., богатый на разные мировые события, способствовал появлению нового направления в теологии – драматического богословия. Как следует из названия, богословие здесь рассматривается с помощью категорий драмы. Считается, что основы драматической теологии заложены К. Бартом, А. Гарнаком, Г. Ауленом; развитие она получила в трудах Х.У. фон Бальтазара, Р. Швагера и упомянутого нами Р. Жирара. Драматическое богословие – это богословие конфликта. Например, Гарнак, изучая библейские тексты, отмечал постоянное драматическое напряжение и конфликт между царством Божиим и царством мирским. Во всей истории Спасения присутствует конфликт – это и внешний конфликт между Иисусом и Его врагами, внутренний конфликт каждого человека, которого раздирает грех, и потому ему сложно принять Благою весть. Отдельно можно выделить в драматической концепции отношения между Богом и человеком. Если человек не соглашается впустить Бога в свою душу, Бог не принуждает его делать это насильно – и это тоже конфликт, вероятно, самый сильный и главный в череде перечисленных конфликтов.

Заслуга Рене Жирара в становлении данного богословского дискурса заключается в том, что он представил несколько уникальнейших концепций, открывающих новый взгляд на общественные проблемы, а также раскрывающих социально-антропологический потенциал христианской религии. В данной статье мы акцентируем внимание на основополагающей идее Жирара – теория миметического желания. Человек, по мнению мыслителя, есть существо драматическое, страдающее, и основное страдание заключается в неопределенности своих желаний: он постоянно что-то хочет, но не знает чего. Человеку кажется, что он чего-то лишен, и, наблюдая за тем, что есть у другого, он начинает желать того же, начинает подражать. В 9 из 10 случаев желание подражать, согласно теории Жирара, трансформируется в желание присвоить, а это приводит к конфликтам и насилию.

Страх – важный элемент в концепциях Жирара и в драматической теологии в целом. Страх является неким двигателем сотериологической истории и присутствует в ее ключевых моментах. В эпизоде распятия и предшествующих тому событиях состояние страха встречается часто, и каждый момент по-своему уникален. Так, после взятия Иисуса под стражу, апостолы под гнетом страха разбегаются. Единственный, кто не боится следовать за Учителем, – апостол Петр; но и тот, проникнув во двор дома, куда отвели Христа, отрекается от него (Мф. 26:69–72). Этим обманом Петр пытается разорвать связи, соединяющие его с Иисусом и завязать новые с окружающими. Он пытается примириться с врагами, и в угоду им обращается с Иисусом также, как они сами с ним обращаются. Апостол подражает им, попадает в миметическую ловушку и, соответственно, не противится эффекту «козла отпущения». Делает ли он это от страха? Р. Жирар пишет, что «в основе отречения Петра лежит и страх, но прежде всего стыд» (Жирар, 2010: 247). Стыд, по мнению Жирара, – главное миметическое чувство. В данном эпизоде Петру стыдно за Иисуса, «стыдно за тот образец, который он себе выбрал, стыдно, следовательно, за самого себя» (Жирар, 2010: 247).

Чувство страха, как можно понять из эпизода, описанного выше, тесно связано с миметическим желанием. Это демонстрирует и следующий ключевой эпизод евангельской истории Спасения – разговор Пилата с толпой по поводу освобождения одного из узников (Мф. 27:15–26). Пилат, как мы видим, сопротивляется мнению толпы и понимает невиновность Иисуса – «какое же зло сделал Он?» (Мф. 27:23). Пилат, обладающий властью, оказывается бессилён перед толпой гонителей, ибо она – настоящая власть. Пилат *боится* толпы. Жирар поясняет: «Иисус – персонаж слишком незначительный, чтобы человек из мира политики стал ради его спасения рисковать мятежом» (Жирар, 2010: 174). Пилату не интересен Иисус, но он оказывается между двух миметических полярностей. С одной стороны, жена Пилата настоятельно советует: «не делай ничего Праведнику, потому что я во сне много пострадала за Него» (Мф. 27:19), с другой – разъяренная всевластная толпа требует казни. В итоге из-за своего страха правитель оказывается побежденным толпой, принимает чуждое желание к исполнению.

Интересен и страх Иисуса, который описан в эпизоде молитвы в Гефсиманском саду (Мф. 26:36–44). Этот эпизод, предшествующий первым двум, мы намеренно рассмотрим последним. Важен здесь не только миметический аспект, но и соответствие эпизода той задаче, которую обозначил Бердяев. Здесь представлена настоящая борьба со страхом и, соответственно, победа над ним. Итак, Иисус обращается к Господу: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия...» (Мф. 26:39). Что касается миметического аспекта, здесь можно предположить, что собственное желание Иисуса пойти на жертву борется с желанием Петра – «да не будет этого с Тобою» (Мф. 16:22). В тот раз, как мы помним, Иисус обращается к своему ученику с нелестными словами: «Отойди от Меня, сатана!» (Мф. 16:23). Почему столь любимый ученик удостоивается такого обвинения? Ответ кроется в следующих словах: «Ибо ты мне соблазн! Потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16:23). Христос уподобляет сатану соблазну или скандалу (Жирар считает эти понятия равнозначными). Петр тут превращается в сеятеля скандалов, в Сатану, который отвращает людей от Бога в пользу миметических образцов. Пытаясь подвергнуть Иисуса заразительному искушению собственным мирским желанием, мирским стремлением, ввязывая его в миметическое соперничество, Петр рискует превратить божественную миссию в мирское предприятие.

Согласно другой версии, в этом эпизоде описан страх человеческой природы Христа перед предстоящими страданиями и смертью. Этот эпизод также демонстрирует борьбу, но уже борьбу страха человеческого и страха Божьего: «...впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39). Слова Иисуса повторяются трижды. Человеческий страх Иисуса окончательно уступает место Божественному страху, и здесь сосредотачиваются силы не для спасения себя, а для спасения людей; обретается мужество, смирение и непоколебимая уверенность в правоте своих действий. Иисус преобразует в любовь не только зло, обрушившееся на него, но и делает то же самое с внутренним страхом, мешающим и уводящим от цели. Страх Божий в этом контексте может также рассматриваться как страх сделать что-то неправильно, против назначенной цели. Если бы победил страх человеческий, желание Петра, то, опять же, не было бы никакой драматической истории Спасения.

В данной статье дано определение общему понятию страха, рассмотрено, как интерпретируют страх в христианстве, а также проанализировано три эпизода, ключевых для драматической теологии и философской рефлексии Рене Жирара. Основываясь на выводах исследования, можно констатировать, что страх является неотъемлемым атрибутом не только всего человеческого существования, но и играет важную роль в развитии драматической истории Спасения. Страх, согласно Жирару, в драматической концепции Евангелий – это динамика, именно он движет эту историю к ее логическому завершению. Так, эпизод с отречением рисует психологический портрет Петра, предшествующий его раскаянию – он движим страхом и стыдом. История Пилата показывает его боязнь толпы, что сыграло роль в принятии судьбоносного решения. Молитва в Гефсиманском саду не просто показывает борьбу – этот эпизод можно считать первой ступенью в кульминации Евангелия. Именно борьба со страхом помогает Иисусу спасти человечество. Этот эпизод является неким дидактическим ядром христианства – учит человека, как и вся христианская религия в целом, бороться со своими внутренними страхами. Можно предположить, что подобный анализ страха, а также его интерпретация в контексте идей Жирара (и в принципе в контексте всей драматической теологии) может открыть новые вехи в исследовании религиозной антропологии или философии.

Список источников:

- Аристотель. Риторика // Античные риторика / под. ред. А.А.Тахо-Годи. М., 1978. С. 15–166.
 Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. 246 с.
 Гольбах П. Священная зараза, или Естественная история суеверия / пер. с фр. URSS, 2022. 224 с.
 Жирар Р. Козел отпущения / пер. с фр. СПб., 2010. 336 с.
 Кьеркегор С. Евангелие страданий. Христианские беседы. М., 2011. 304 с.
 Кьеркегор С. Понятие страха. М., 2022. 217 с.
 Фролова О.С. Страх как феномен культуры // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S9. С. 23–29.

References:

- Aristotel. (1978) Ritorika [Aristotle. Rhetoric]. In: Takho-Godi, A.A., ed. Antichnye ritoriki [Antique Rhetoricians]. Moscow, Izdael'stvo Moskovskogo universiteta. p. 15–166. (In Russian)
 Berdyaev, N.A. (1952) Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo [The Existential Dialectic of the Divine and the Human]. Paris, Ymca-Press. (In Russian)
 Frolova, O.S. (2009) Strakh kak fenomen kul'tury [Fear as a Cultural Phenomenon]. Bulletin of Hgher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences. (S9), 23–29. (In Russian)
 Golbakh, P. (2022) Svyashchennaya zaraza ili estestvennaya istoriya sueveriya [Sacred Contagion, or the Natural History of Superstition]. URSS. (In Russian)

- K'yerkegor, S. (2011) Evangelie stradaniy. Khristianskie besedy [The Gospel of Suffering. Christian Conversations]. Moscow, Svyato-Vladimirskoe izdatel'stvo. (In Russian)
 K'yerkegor, S. (2022) Ponyatie strakha [The Notion of Fear] Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russian)
 Zhirar, R. (2010) Kozel otpushcheniya [Sacrificial Pawn]. St. Petersburg, Izdatelstvo Ivana Limbakha. (In Russian)

Информация об авторах

Н.В. Ромашко – факультет философии, кафедра теологии и религиоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1113692.

М.О. Орлов – доктор философских наук, доцент, декан философского факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=496711.

Information about the authors

N.V. Romaschko – School of Philosophy, Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1113692.

M.O. Orlov – D.Phil., Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=496711.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.06.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 26–31.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 26–31.

Научная статья

УДК 304.42

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.3>

Образ как аспект институционализации

Марина Геннадьевна Федотова

Омский государственный технический университет, Омск, Россия, fmg@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-2571-6198>

Аннотация. Статья вносит вклад в разработку информационного подхода к содержанию термина «социальный институт». Информационный подход к пониманию социального института основан на когнитивно-коммуникативных процессах, конструирующих общество. Существенная роль в институционализации отводится знаково-символическому компоненту. В работе рассматривается образный аспект институционализации. Образ рассматривается в опоре на семиотическую традицию его толкования как знак, указывающий на объект в силу сходства с ним. Атрибутивными характеристиками образа являются метафоричность выражения образности и двойное означивание уже однажды означенных референтов. На основе философского анализа классических работ П. Бергера и Т. Лукмана, а также Дж. Сёрля по конструированию социальной реальности автор уточняет роль образа в институционализации, предложена модель трансформации образа в этом процессе. Общая логика трансформации образа в институционализации включает хабиутализацию метафоры, объясняющей индивиду элементы социальной реальности, затем новый этап образной метафоризации в процедуре двойного, тройного и т. д. означивания на уровнях типизации и легитимации с целью создания непротиворечивого смыслового универсума и, наконец, последующее объективирование этих субъективных образов на уровне реификации.

Ключевые слова: социальный институт, конструирование реальности, информационный подход, образ, семиотика, институционализация, социальный конструктивизм, означивание

Для цитирования: Федотова М.Г. Образ как аспект институционализации // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 26–31. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.3>.

Original article

Image as an Aspect of Institutionalization

Marina G. Fedotova

Omsk State Technical University, Omsk, Russia, fmg@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2571-6198>

Abstract. The study contributes to the development of an information approach to the content of the term “social institution”. The informational approach to understanding a social institution is based on cognitive and communicative processes that construct society. A significant role in institutionalization is assigned to the symbolic component. The author considers the figurative aspect of institutionalization. The image is considered based on the semiotic tradition of its interpretation as a sign indicating an object by virtue of similarity with it. The attributive characteristics of the image are the metaphorical expression of imagery and the double signification of the referents already mentioned once. Based on the philosophical analysis of the classical works of P. Berger, T. Lukman and J. Searle on the construction of social reality, the author clarified the role of the image in institutionalization, proposed a model of image transformation in this process. The general logic of image transformation in institutionalization includes habitualization (erasure) of a metaphor explaining elements of social reality to an individual, then a new stage of figurative metaphorization in the procedure of double, triple, etc. attribution at the levels of typification and legitimation in order to create a consistent semantic universe and, finally, the subsequent objectification of these subjective images at the level of reification.

Keywords: social institution, reality construction, information approach, image, semiotics, institutionalization, social constructivism, signification

For citation: Fedotova, M.G. (2022) Image as an Aspect of Institutionalization. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 26–31. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.3](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.3) (In Russian).

Как само понятие «социальный институт», так и процесс возникновения и утверждения социальных институтов (институционализация) являются проблемной областью социальной теории. Не выработано конвенциональное определение социального института, и, соответственно, тех социальных явлений, которые с необходимостью включает данное понятие. Между тем (а, возможно, именно поэтому) область использования понятия «социальный институт» чрезвычайно

широка – социальным институтом в научной литературе может быть названо, по сути, любое общественное явление – от государства, науки и церкви до дедовщины в армии, «сферы досуга» (Stebbins, 2020: 129), «крюкетного клуба и лондонского универмага» (Готов, 2003: 13). И если сегодня можно говорить о ряде наметившихся тенденций в понимании социального института, то его ключевые характеристики до сих пор остаются проблематичными. Непроясненность понятия «социальный институт» также создает сложности в изучении отдельных его аспектов. Гипотезой данной статьи является утверждение о значимой роли образа и наличии особой модели трансформации образа в институционализации. Попытаемся доказать эту мысль, опираясь на философскую реконструкцию понятия «социальный институт» и анализа его «образного» аспекта.

Существует несколько подходов к пониманию социального института. Е.С. Нестеренко, исследовавшая теоретические основы становления социальных институтов, выделяет нормативный, информационный, эволюционный, трансакционный, организационный, функциональный, социологический и контрактный подходы (Нестеренко, 2021). Среди перечисленных подходов наиболее распространенными в научном сообществе являются нормативный, организационный и функциональный подходы. Исторически первый подход связан с переносом из юриспруденции в социологический дискурс понятия «институции», что привело к пониманию социального института как «комплекса санкционированных правил и установок поведения индивида в обществе»¹ (нормативный подход). Согласно функциональному подходу, под социальным институтом понимается некий набор функций и социальных ролей членов социальной группы (Симченко, 2010: 292). Также широко распространен организационный подход, когда социальный институт понимается как организация, регламентирующая поведение отдельных её членов. Этот подход представлен, в частности, в «Российской социологической энциклопедии»². Данные подходы к определению понятия «социальный институт» акцентируют внимание на определенном аспекте его бытия в обществе – нормативном, функциональном или организационном. В этих аспектах социальный институт изучен наиболее обстоятельно, поскольку помогает эффективно решать практические исследовательские задачи в области социологии, политологии и других наук, исследующих конкретные формы организации общества. Общетеоретический, философский подход с необходимостью, помимо вышеперечисленных аспектов существования социального института, должен объяснять принципиальную возможность его бытия.

Наиболее интересным с точки зрения изучаемого в данной статье образного аспекта социального института является информационный подход, развиваемый в англо-американской социологической традиции с 20–30 гг. XX в. Все социальные процессы описываются как интеракции, имплицитно содержащие факты языка и его структуры, а не только актуальную информацию, передаваемую в сообщениях. Таким образом в процессе институционализации существенная роль отводится знаково-символическому компоненту. В данном случае определение социального института основано на когнитивно-коммуникативных процессах, происходящих в обществе. У. Гамильтон называет социальными институтами «вербальные символы, при помощи которых описывается группа социальных обычаев, широко распространенных и неизменяемых»³, Ч. Кули – «определенные установившиеся формы мышления»⁴.

Онтологическое обоснование такого понимания социального института содержится в классических работах по социальному конструированию реальности П. Бергера и Т. Лукмана, а также Дж. Сёрля. Социальная реальность в этих работах описывается как конструируемая индивидами в обществе посредством языка и социальных действий, а затем объективированная. Отметим, что при всей несхожести социально-философских оснований рассуждений указанных авторов (П. Бергер и Т. Лукман опираются на феноменологическую традицию в понимании общества, а Дж. Сёрль – на натуралистическую), выводы, которые они делают относительно роли языка и смыслов в институционализации, достаточно близки.

П. Бергер и Т. Лукман определяют институционализацию максимально широко, отмечая, что «институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Любая такая типизация есть институт»⁵. Такое широкое определение, по мысли авторов, «подходит для всеобъемлющего анализа базовых социальных

¹ Hertzler J.O. Social Institutions. N.Y., 1929. P. 69.

² Комаров М.С., Яковлев А.М. Институт социальный // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 157–158.

³ Hamilton W.H. Institution // Encyclopedia of The Social Sciences. Vol. 8. L., 1932. P. 84.

⁴ Cooley Ch.H. Social Organization. A Study of the Larger Mind. N.Y., 1929. P. 313.

⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 92.

процессов»¹. Это общее понимание институционализации соседствует в работе П. Бергера и Т. Лукмана с пониманием институционализации в узком смысле слова – как одного из этапов процесса, включающего в качестве уровней конструирования социальной реальности хабиутализацию, типизацию, институционализацию и реификацию. Таким образом, институционализация в узком смысле слова – один из уровней конструирования реальности. На каждом из этих уровней особый смысл для авторов имеет язык и означивание (значение, приписываемое знакам языка в обществе).

Понятие «образ» является полисемантическим, для целей нашей работы принципиально важно некоторое общее семантическое поле с такими понятиями как «знак» и «миф». Отдавая себе отчет в специфике каждого из перечисленных терминов, отметим те общие черты их значения, которые являются принципиальными для анализа институционализации. В семиотических исследованиях (Фомин, 2018) подчеркивается, что образ – особый вид знака, указывающий на объект в силу сходства с ним. Это сходство самого предмета и знакового средства возникает как следствие метафорического переноса свойств предмета на знаковое (образное) его представление. Происходит двойное означивание ранее уже означенных объектов действительности. Р. Барт называет такую систему из двух этапов означивания («вторичную семиологическую систему») основой мифа². На основании двойного означивания по принципу сходства образом называют «комплексную семиотическую конструкцию, имеющую в роли знакового средства некоторый первичный знак, а в роли объекта – все фрагменты действительности (факты), подобные этому знаку, в силу того, что этот первичный знак детерминирует по принципу сходства с ними вторичный образный интерпретант» (Фомин, 2018: 44). В пределе возможно бесконечное количество таких ступеней означивания, в результате которого язык будет представлять собой лишь одно бесконечно метафорическое слово. Возможность аккумулировать в процессах означивания бесконечное множество значений и метафорически соединять разрозненные компоненты действительности – наиболее существенные свойства образа, проявляющиеся в институционализации. Дж. Сёрль, описывая соотношение языка и социальной реальности, утверждает, что «каждый институт требует лингвистических элементов внутри этого института»³, а в качестве свойств языка, существенных для конструирования институциональных фактов, называет «существование символического аппарата, например, слов, которые в соответствии с соглашением означают, представляют или отображают в символической форме что-то вне себя»⁴.

П. Бергер и Т. Лукман выделяют несколько уровней конструирования реальности. Начальный уровень конструирования реальности – хабиутализация – призван сделать любое социальное действие индивида повторяющимся, имеющим характер привычки. «Хабиутализация предусматривает направление и специализацию деятельности, которых недостает биологическому аппарату человека»⁵. Этот уровень конструирования реальности проявляется даже в изоляции индивида от общества, если какая-то социальная деятельность для него ранее уже вошла в привычку в соответствии с уже имеющимся у индивида опытом в мире социальных институтов. Смысл хабиутализации в освобождении сознания индивида для более продуктивной творческой деятельности, «для рассуждения и инновации»⁶. Значения, которые содержат выполняемые рутинно действия, являются само собой разумеющимися, неким объективным фактом, с которым индивид сталкивается в повседневности. Эти смыслы не требуют размышления и включаются в общий запас знания социальной общности. Отметим также, что хабиутализации, по мысли П. Бергмана и Т. Лукмана, в первую очередь подвергается язык.

Дж. Сёрль в свою очередь различает институциональные и неинституциональные (грубые) факты. Институциональные факты зависимы от языка, факт частично конструируется мыслями о реальности (а не самой реальностью), т. е. для институционального факта невозможно вообще или возможно лишь до некоторой степени указать референт, соответствующий ему в реальности. В качестве примера неинституциональных фактов Дж. Сёрль приводит предложение «Я голоден», поясняя, что мы можем испытывать чувство голода, не обращаясь к языку. А в качестве примеров институциональных фактов – деньги и собственность. «Институциональный факт может существовать только если его представляют существующим»⁷. Чтобы деньги могли функционировать в этом качестве, необходимо чтобы все, использующие деньги, верили, что деньги – это деньги, несмотря на то, что по своим физическим свойствам – это просто клочок бумаги. Таким образом, уровень хабиутализации предполагает наличие языка как такового, даже в самом

¹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 92.

² Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 78-81.

³ Searle J.R. The construction of social reality. NY, 1995. P. 60.

⁴ Ibid. P. 60–61.

⁵ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 91.

⁶ Там же.

⁷ Searle J.R. Op. cit. P. 61.

неразвитом виде, т. е. «опривычивание» связи между отдельными звуками речи и их значением, а вместе с тем появление неинституциональных и институциональных фактов. В процессах хабиитуализации образ также становится привычным, метафора, составляющая его, «стирается», перестает восприниматься в качестве таковой. В примере о деньгах это могут быть крупные или мелкие деньги. Метафорическая образность в этих выражениях стала привычной и зачастую не осознаётся носителями языка.

Следующий уровень конструирования реальности по П. Бергману и Т. Лукману – типизация. Само по себе наличие социального института означает, что некоторые санкционированные обществом типизированные действия должны совершаться типизированными деятелями, играющими свою социальную роль. Одно из важных социальных приобретений на этом уровне конструирования реальности – в возможности сделать действия Другого предсказуемыми. Кроме того, образцы предписываемых действий позволяют осуществлять процедуру социального контроля. Институционализированным знакам приписывается типизированное значение, которым наделяются объекты вне зависимости от связи их с природными свойствами и качествами. Дж. Сёрль описывает сам процесс означивания при помощи логической формулы «X считать как Y, где Y термин налагает новый статус на объект X посредством коллективной интенциональности... Во всех случаях, когда институциональный факт удовлетворяет формуле “считать X как Y [в ситуации C]” мы сталкиваемся с символизацией»¹. Дж. Сёрль приводит логическую формулу, верную для всех знаков вообще. Уточняя её относительно образа, стоит добавить в эту формулу способ, при помощи которого X сводится к Y. Наиболее частым случаем для образа является метафорический перенос, создающий «словесное изображение», «картинку» реальности. Здесь также можно говорить о действии механизмов двойного означивания, которые были описаны выше, как атрибутивные качества образа. Достаточно показательным примером типизации, оказавшим прямое влияние на социальную реальность, на наш взгляд, является факт переименования в РФ милиции в полицию. В основе второго уровня означивания (из милиции – в полицию) явно находится общекультурный миф о типичных полицейских – высокопрофессиональных служителях закона, принципиальных и бескомпромиссных, основанный на соответствующих художественных и литературных произведениях. Тем самым возникает «особая надстроенная семиологическая система, выходящая за рамки языка: её означающее само образовано совокупностью знаков и само по себе является первичной семиологической системой»².

Институционализация (в узком смысле слова) начинается, когда социальная реальность стала привычной и рутинной, а действия индивидов закрепились в типизированных социальных ролях. Для простоты рассуждения П. Бергер и Т. Лукман обозначают начало процесса институционализации вторым поколением неких впервые социализирующихся индивидов А и В, которые уже прошли хабиитуализацию и типизацию. Новое поколение (дети А и В) не знает причин хабиитуализированных и типизированных действий, и тем самым «формула “Мы делаем это снова” заменяется формулой “Так это делается”, а мир приобретает устойчивость в сознании, он становится гораздо более реальным и не может быть легко изменен»³. Лишь на этом уровне конструирования реальности становится вполне возможно говорить о социальном как о некоем феномене, подобном в своей объективности природе для каждого вновь социализирующегося поколения. Можно сказать, что в ходе институционализации реализуются предпосылки социальности. Природные феномены и социальные учреждения представляются индивиду равно объективными. В частности, язык, как наиболее важный инструмент социализации, «кажется ребенку присущим природе вещей, и он не может понять его конвенциональности»⁴. На уровне институционализации оказывается возможным говорить о завершенности модели (конструкта) социального мира, включающей диалектику соотношения экстернализации, объективации и интернализации, подчеркивающей взаимодействие между социальной общностью и сконструированным миром. Эта диалектика, воплощенная в языке, обсуждается Дж. Сёрлем в виде вопроса о том, нужен ли языку язык? Как отмечает Дж. Сёрль, «язык развился как самоидентифицирующая категория институциональных фактов»⁵. Тем самым институциональные факты не могут существовать без языка, ибо их смысл социален, а не природен. Другая сторона диалектического противоречия заключается в том, что язык, как и любой другой общественный феномен (наряду, например, с деньгами и собственностью), также подвергается институционализации.

¹ Searle J.R. Op. cit. P. 71.

² Барт П. Указ. соч. С. 80.

³ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 99.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Searle J.R. Op. cit. P. 73.

Еще одной важной характеристикой институционализации является необходимость легитимации, призванной объяснять каждому новому поколению социальный мир. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, «расширяющийся институциональный порядок создает соответствующую завесу легитимации, простирающую над ним свое защитное покрывало когнитивной и нормативной интерпретаций»¹. И далее: «институты должны утверждать свою власть над индивидом (что они и делают) независимо от тех субъективных значений, которые он может придавать каждой конкретной ситуации»². Двойное означивание, характерное для образа, создает объективную возможность отрыва знака от референта и тем самым появления искаженной информации и симулякров в соответствии с интересами отдельных социальных групп. На этом свойстве образа основан механизм манипуляции сознанием и социального контроля в легитимации. При этом на каждом следующем уровне означивания отрыв образа от реальности только усиливается.

Главным инструментом системы легитимации П. Бергер и Т. Лукман называют язык. Язык способствует фундаментальному наложению логики на объективированный мир. Обыденные знания посредством языка и основанного на нем когнитивного аппарата «упорядочивают мир в объекты, которые должны восприниматься в качестве реальности»³. «Язык объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех, кто относится к данной лингвистической общности, становясь, таким образом, и основой, и инструментом коллективного запаса знания»⁴. Логика языка (а не объективная реальность как таковая) придает смысл и связность отдельным опривыченным знаниям о социальной реальности. Посредством языковой логики создается символический универсум, непротиворечивым образом объясняющий мир и тем самым придающий легитимность социальному порядку. В этом процессе особую роль играет метафоричность образа. Образ создает некую «картину реальности», которая, как известно, дает возможность соединить объекты, не только несопоставимые в процедурах формальной логики, но даже противоречащие друг другу. Примером является такое образное средство, как оксюморон: например, гуманная война.

Наконец, знание о социальной реальности реифицируется, т. е. сконструированная индивидами реальность приобретает самостоятельное существование, объективируясь в продуктах человеческой деятельности, в языке и других знаковых системах. «Знание может вновь и вновь подтверждаться с помощью символических объектов (таких как фетиши или военные эмблемы) и/или символических действий (таких, как религиозный или военный ритуал)»⁵. П. Бергер и Т. Лукман в качестве особого случая объективации называют означивание (сигнификацию). Знак передает субъективные значения, объективируя их для всех членов языковой общности. Знак репрезентирует в реальности непосредственное присутствие субъекта, конструируя для индивида его повседневную жизнь в обществе. Обладая способностью выражать субъективность, языковая система тем не менее остается для индивида объективной, обладающей «внешней фактичностью, которая оказывает на индивида принудительное влияние, подчиняя его своим структурам (например, синтаксическим и грамматическим)»⁶.

Итак, наш анализ показал, что язык играет в процессе легитимации существенную роль. За языком закрепляется несколько ключевых для институционализации функций: объективации возрастающего опыта социального субъекта; типизации индивидуального переживания и опыта; соединения различных зон реальности повседневной жизни и интеграции их в смысловой универсум. Конкретизируя эти функции относительно образа, стоит сказать, что на различных уровнях институционализации функции образа специализированы, что дает возможность говорить о модели трансформации образа в институционализации. На уровне хабитуализации образность выражений «стерта», это часть «само собой разумеющегося» фона конструируемой реальности. Это первичное означивание образа, когда происходит единичный метафорический перенос значения знака по сходству с референтом. На уровне типизации происходит двойное означивание уже однажды означенного знака, что позволяет создавать определенные типы социальных акторов. Завершенный проект социального мира на уровне институционализации востребует диалектику образа, с одной стороны, как легитимацию символического универсума и отдельных его элементов, а с другой – как постоянную деконструкцию и реконструкцию социальной реальности. На этом уровне наиболее полно проявляется манипулятивный потенциал образа. В процессе реификации образы объективируются, становятся конвенциональными.

¹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 103–104.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 114.

⁵ Там же. С. 118.

⁶ Там же. С. 67.

На наш взгляд, конкретизация «образного» аспекта институционализации дает возможность более определенно выявить базовые характеристики социального института, включив в него языковой и, в частности, образный аспект.

Список источников:

- Глотов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13–19.
- Нестеренко Е.С. Теоретические основы становления социальных институтов // Теоретическая экономика. 2021. № 4. С. 27–37.
- Симченко Н.А. Социальные институты устойчивого развития // Бюллетень Международного Нобелевского экономического форума. 2010. Т. 2. № 1-2 (3). С. 292–298.
- Фомин И.В. О семиотической модели образа // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. №2. С. 37–51. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-2-3>.
- Stebbins R.A. The serious leisure perspective a synthesis. L., 2020. 229 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-48036-3>.

References:

- Fomin, I.V. (2018) On the Semiotic Model of Image. *Slovo.ru: Baltic Accent*. 9 (2), 37–51. Available from: doi:10.5922/2225-5346-2018-2-3. (In Russian)
- Glotov, M.B. (2003) Social Institute: Definition, Structure, Classification. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. (10). 13–19. (In Russian)
- Nesterenko, E.S. (2021) Theoretical Foundations of the Formation of Social Institutions. *Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical Economics]*. (4). 27–37. (In Russian)
- Simchenko, N.A. (2010) Social'nye instituty ustoichivogo razvitiya [Social institutions of sustainable development]. *Byulleten' Mezhdunarodnogo Nobelevskogo ekonomicheskogo foruma [Bulletin of the International Nobel Economic Forum]*. 2 (1-2). 292–298. (In Ukrainian)
- Stebbins, R. (2020). The serious leisure perspective a synthesis. London: Palgrave Macmillan. Available from: doi:10.1007/978-3-030-48036-3.

Информация об авторе

М.Г. Федотова – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации», Омский государственный технический университет, Омск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=460665.

Information about the author

M.G. Fedotova – D.Phil., Associate Professor, Professor, History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=460665.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 32–38.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 32–38.

Научная статья

УДК 140.8

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.4>

Религиозно-философский «символ веры» Достоевского в интерпретации Вячеслава Иванова

Евгения Сергеевна Бужор¹, Ольга Викторовна Шевченко²

^{1,2}Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ESBuzhor@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2724-9565>

²OVShevchenko@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4883-603X>

Аннотация. В статье рассматривается отношение русского поэта-символиста Вячеслава Иванова к Ф.М. Достоевскому и интерпретация его творчества. Прослеживается развитие и преемственность основных положений Иванова о Достоевском как религиозно-философском учителе в работах разных лет. Показано, что итоговый труд Иванова «Достоевский. Трагедия – Миф – Мистика» представлял собой не только интерпретацию творчества Достоевского в литературоведческом, мифологическом и религиозном аспектах, но и попытку целостного изложения религиозно-философского мировоззрения писателя. В работе проводится анализ семи концептуальных положений, сформулированных Ивановым в начале его итогового труда, как «символа веры» Достоевского. Обосновывается, что все тезисы данного «символа веры» представляют собой, прежде всего, концептуальное выражение религиозно-философской системы самого Иванова. В заключении статьи на основе анализа указанных тезисов приводится ее сжатое изложение.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Достоевский, символ веры Достоевского, религиозно-философское мировоззрение, антропология, единство и многосложность человека, умопостигаемое самоопределение, автономия и гетерономия, живое зеркало

Для цитирования: Бужор Е.С., Шевченко О.В. Религиозно-философский «символ веры» Достоевского в интерпретации Вячеслава Иванова // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 32–38. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.4>.

Original article

Dostoevsky's Religious and Philosophical "Symbol of Faith" as Interpreted by Vyacheslav Ivanov

Evgeniya S. Buzhor¹, Olga V. Shevchenko²

^{1,2}Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

¹ESBuzhor@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2724-9565>

²OVShevchenko@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4883-603X>

Abstract. The article examines the attitude of the Russian symbolist poet Vyacheslav Ivanov to F.M. Dostoevsky and the interpretation of his work. The author traces the development and continuity of Ivanov's main propositions about Dostoevsky as a religious and philosophical teacher in the works of different years. It is shown that the final work of Ivanov "Dostoevsky. Tragedy – Myth – Mysticism" was not only an interpretation of Dostoevsky's work in literary, mythological and religious aspects, but also an attempt at a holistic presentation of the writer's religious and philosophical worldview. The paper analyzes seven conceptual propositions formulated by Ivanov at the beginning of his final work as Dostoevsky's "symbol of faith". It is proved that all the theses of this "creed" are, first of all, a conceptual expression of the religious and philosophical system of Ivanov himself. At the conclusion of the article, based on the analysis of these theses, its concise presentation is given.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Dostoevsky, Dostoevsky's creed, religious and philosophical beliefs, anthropology, unity and complexity of man, intelligible self-determination, autonomy and heteronomy, living mirror

For citation: Buzhor, E.S. & Shevchenko, O.V. (2022) Dostoevsky's Religious and Philosophical "Symbol of Faith" as Interpreted by Vyacheslav Ivanov. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 32–38. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.4](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.4) (In Russian).

Интерес к Ф.М. Достоевскому сопровождал русского поэта-символиста Вячеслава Иванова (1866–1949) на протяжении всего его творческого пути. Как пишет известный исследователь творчества Иванова А.Б. Шишкин, «еще в 1888 г., 22 лет от роду, он задумал писать эссе «Мисти-

ческое в произведениях Достоевского»; летом 1949 г., менее чем за две недели до смерти, восьмидесятилетнему старцу получил от итальянской «Католической энциклопедии» заказ на статью об авторе «Бесов» и редактировал перевод на английский язык своей итоговой книги о Достоевском 1932 г.» (Шишкин, 2021: 41).

До революции в российской печати вышли три работы Иванова о Достоевском: «Достоевский и роман-трагедия» появилась в 1911 году. В 1914 г. была напечатана работа «Экскурс: Основной миф в романе “Бесы”». Последним трудом о Достоевском, созданным на родной земле, была работа «Лик и личины России: К исследованию идеологии Достоевского», над которой Иванов работал уже в предчувствии надвигающейся на Россию катастрофы осенью 1916 г., уехав из Москвы.

Уже в статье 1911 г. Иванов изображает Достоевского не просто как гениального писателя, но как вселенского учителя, называя его «сумрачным и зорким вожатым» всего человечества. Иванов с пиететом пишет о русском писателе: «Достоевский зажег на краю горизонта самые отдаленные маяки, почти невероятные по силе неземного блеска, кажущиеся уже не маяками земли, а звездами неба, — а сам не отошел от нас, остается неотступно с нами и, направляя их лучи в наше сердце, жжет нас прикосновениями раскаленного железа» (Иванов, 1994: 282).

В своей речи в Религиозно-философском обществе в феврале 1914 г., произнесенной по поводу доклада философа С.Н. Булгакова «Русская трагедия» и положенной в основу статьи «Основной миф в романе “Бесы”», Иванов предельно высоко оценил духовно-нравственное значение творчества Достоевского для современной и будущей России: «Если Дельфийский оракул говорит: “познай самого себя”, то какая-то тайная сила говорит нам, познай Достоевского, а через него и самого себя». Романы Достоевского — это своего рода «русская библия», «нам остается ее только читать и понимать» (Иванов, 1999: 64).

Наконец, в статье 1916 г. «Байронизм как событие в жизни русского духа» он именует Достоевского глашатаем «наших высочайших и отдаленнейших надежд на исполнение богоносной миссии «всечеловечества» и свободной соборной теократии Христова духа» (Иванов, 1994: 271).

В русле дальнейшего развития этих идей о значении Достоевского следует рассматривать и итоговую работу Иванова о Достоевском «Достоевский. Трагедия-Миф-Мистика», написанную им уже в эмиграции и вышедшей в 1932 г. на немецком языке. Мысль о новой работе была подсказана Иванову его давним и преданным другом Е.Д. Шором, который считал своим культурным долгом познакомить немецкого читателя с произведениями Иванова и задумывал издать ряд книг со статьями русского поэта. Сперва в немецкой печати появилась переведенная самим Шором статья Иванова «Русская идея». После «Русской идеи» Шор хотел издать отдельными брошюрами дореволюционные статьи Иванова, посвященные Достоевскому. Иванов начал пересматривать их с сентября 1924 г., будучи в Риме. Но уже к лету 1925 г. разрозненные и переработанные этюды стали складываться в цельную книгу, и ее композиция приобрела вид, как пишет Шишкин, «тройственной интерпретации» (Шишкин, 2021: 45) творчества Достоевского как трагического поэта, как мифотворца и как религиозного учителя. И Иванову, и Шору стало ясно, что более целесообразно соединить существующие переработанные и дополненные автором статьи в одну книгу. В предисловии к немецкому читателю Иванов сам упоминает, что хотя первая и третья части работы, посвященные роману-трагедии и религиозным взглядам Достоевского уже были изложены им в статьях 1911 и 1917 гг., они оказались «столь коренным образом переработаны, что не только по форме, но и по содержанию существенно отличаются от первоначального текста» (Иванов, 1987: 486). Что касается второй части, посвященной мифологии Достоевского, то она, по словам Иванова, вообще, печатается впервые.

Таким образом, вопреки первоначальному замыслу издания уже существующих статей на немецком языке, по сути Иванов осуществил их коренную переработку. Исследователи считают, что это стало следствием того, что в эмиграции система представлений и идей Иванова о Достоевском продолжала развиваться и пришла наконец к своей полной реализации (Сегал-Рудник, 2021: 129). Об этом говорит и тот факт, что Иванов писал на русском языке, хотя обычно в эмиграции он создавал свои труды на том языке, на котором они предназначались для публикации. На немецкий язык книгу переводил университетский преподаватель-русист Александр Креслинг. Так вышло, что русскоязычная рукопись Иванова оказалась утраченной, и впоследствии эту работу пришлось подвергать обратному переводу на русский язык. На русском языке книга «Достоевский. Трагедия-Миф-Мистика» вышла в свет только в 1987 г., в рамках брюссельского издания сочинений Вячеслава Иванова. В 1952 г. итоговая работа о Достоевском была опубликована на английском языке. Престарелому Иванову (ему было более восьмидесяти лет) предложили провести правку и авторизацию английского текста. Над этим он начал работать в апреле 1949 г., однако 16 июля 1949 г. Иванов умер, не успев довести до конца еще одну редакцию своего главного труда о Достоевском. Примечательно, что судьба заставила Иванова возвращаться к своим

размышлениям о любимом писателе на закате жизни. Достоевский буквально не отпускал поэта до самого конца.

Таким образом, все три аспекта творчества Достоевского, представлявшие интерес для Иванова – трагический, мифологический и религиозный – оказались в работе 1932 г. существенно переработанными. По мнению Шишкина, смысловую новизну новой книги должна была принести третья часть, посвященная богословским аспектам духовного наследия Достоевского. Шишкин приводит слова самого Иванова: «очертить религиозное мировоззрение, даже определить религиозное учение ... Достоевского <...> то, что было раньше напечатано, существенно переработать и прежние рамки широко раздвинуть» (Шишкин, 2021: 45).

На самом деле, как представляется, в этом труде Иванов дает не только очерк религиозного, но и – шире – философско-антропологического мировоззрения Достоевского. Иванов окончательно оформляет образ Достоевского как великого учителя, «учителя-визионера», проповедующего миру собственное учение, и «полагает своей задачей выявить его в отдельных высказываниях писателя, раскрыть связи между ними, изложить в виде цельной теории и истолковать» (Сегал-Рудник, 2021: 130).

В своем итоговом труде Иванов делает признание о том, что его мировоззрение совпадает с мировоззрением Достоевского и что он считает себя его учеником. Поэт пишет: «Не исповедуя, правда, все члены Символа веры Достоевского, в главном и существенном он [то есть автор, Иванов] с радостью готов признать себя его преданным учеником; пользуясь подчас своими собственными доводами, хоть и неумело, он старается убедить читателей в истине, принятой от учителя, с ревностной непосредственностью хочет он рассказать, как он осознал и передумал все, что получил и что стало его достоянием» (Иванов, 1987: 559). Истолкованию «символа веры» Достоевского посвящена вся книга, однако примечательно, что уже на ее первых страницах, сразу после слов о том, что Достоевский открыл «еще не разгаданную многосложность, многослойность, многосмысленность современного человека» (Иванов, 1987: 488), Иванов приводит если не полный, то значительный перечень постулатов о человеке и мире, которые, по словам Иванова, были открыты писателю свыше: «Он подслушал у судьбы самое сокровенное о том, что человек един и что человек свободен; что жизнь в основе своей трагична, потому что человек не то, что он есть; что рай цветет на земле вокруг нас, но мы его не видим, потому что видеть не хотим; что вина каждого всех связывает, как и его освящение всех святит и его страдание всех искупляет; что грех злого действия может быть искуплен, ибо все его на себя принимают, но не может быть искуплен грех злого сна о мире, потому что отдавшийся сновидению отъединен в своем самоотражении и обречен всецело пребывать в своем сне; что вера в Бога и неверие не два различных объяснения мира, но два разноприродных бытия, существующие рядом как земля и противоземие, подчиненные каждое до конца своему внутреннему закону на своем самостоятельном поле действия (Иванов, 1987: 488).

С учетом приведенного замечания о своем преданном ученичестве можно сказать, что в этих тезисах Иванов сформулировал «символ веры» Достоевского, как он его понимал. И хотя Иванов обмолвился, что не во всем он до конца согласен со своим учителем, позволительно допустить, что в данном случае Иванов разделяет все семь членов этого «символа веры». Это подтверждается тем, что большая часть этих постулатов, если не все они, находит свой отклик в религиозно-философских представлениях самого Иванова.

Так, тезис о том, что **«человек един»** не предполагает, по Иванову, какой-либо одномерности человека. Напротив, глубокое убеждение Иванова состояло в том, что человек – это сложносоставное существо, состоящее по меньшей мере из двух планов: эмпирического и умопостигаемого. В частности, в статье «Идея неприятия мира» Вяч. Иванов писал, что личность цельна «лишь тогда, когда... понимается не в эмпирическом только, но и в умопостигаемом ее значении...» (Иванов, 1994: 57). В таком случае постулат о единстве человека означает, что образующие его планы, будучи различными, неразрывно слиты воедино. Однако это единство человеческого существа не столько данное, сколько заданное. Под умопостигаемым характером человека Иванов понимает некое изначально присущее человеку ноуменальное измерение, имманентную божественность, которую, однако, человеку нужно осознать, актуализировать и слить воедино со своим эмпирическим характером. Таким образом, считал мыслитель, человеку нужно своей жизнью осуществить, актуализировать то единство, которое изначально дано ему только потенциально.

Далее, постулат о том, что **«человек свободен»** можно понимать в русле размышлений Иванова таким образом, что умопостигаемый план человека имеет преимущество, ибо человек заведомо несвободен, детерминирован в эмпирическом плане, однако он свободен в умопостигаемом плане. Это значит, что человек своим собственным свободным деянием определяет свою судьбу, но это свобода исключительно умопостигаемой деятельности человека. Как пишет Иванов, «человек действует и самоопределяется как совершенно свободная личность только

в [метафизическом] плане» (Иванов, 1987: 485), Таким образом, несмотря на то, что онтологически человек представляет собой единство двух сторон – метафизической и эмпирической, в плане своей деятельности он является двойственным существом, одновременно свободным и детерминированным.

В свете этого получает истолкование третий постулат, гласящий, что **«жизнь в основе своей трагична, потому что человек не то, что он есть»**. Человек употребил свою свободу таким образом, что потерял ее, стал не тем, что он есть – вместо существа свободного стал существом детерминированным. В этом и заключается трагедия человека. Казалось бы, это дезавуирует постулат о том, что человек свободен, однако Иванов не видит в этом противоречия, поскольку считает, что детерминированность человека определяется его свободой, его свободным самоопределением. Поэт понимает это таким образом, что свою умопостигаемую свободу человек употребил неправильно, совершил ошибочный выбор, что и привело его к так называемому падению, утрате умопостигаемой свободы и попаданию в оковы гетерономии. При правильном выборе первичное свободное самоопределение сохранилось бы и далее. Иными словами, человек свободно, по собственной воле становится несвободным. Гетерономия является именно следствием действия свободного акта человека, которые не отменяются порожденной им необходимостью, но продолжает иметь непреходящее значение: «Как бы ни зависел он в своей душевной или физической жизни от внешнего мира, в глубинах его существа живет его собственный автономный закон, которому в конце концов все, что его окружает, как-то пластически подчиняется» (Иванов, 1987: 495), Неправильность употребления первоначальной и неотменимой умопостигаемой свободы заключается в том, что первичное самоопределение было сделано не в пользу Бога, а против него; что произошло противление и отделение свободной воли умопостигаемого плана человека от воли Бога. Потеря свободы – это акт богопротивления, когда человек начинает любить себя и противопоставлять любовь к самому себе любви к Богу вплоть до ненависти к нему (Иванов, 1987: 486). Поэтому, как пишет Иванов, «трагедия в строгом смысле слова перемещается в область первичного самоопределения свободной воли – в сферу метафизическую» (Иванов, 1987: 485). Таким образом, второй и третий постулаты «символа веры» проливают дополнительный свет на первый постулат, подчеркивая, что умопостигаемое измерение человека не является непременно только благом: как мир возможного оно может таить в себе и отрицательные и даже inferнальные перспективы, связанные с эгоизмом и самоутверждением.

Четвертый член «символа веры», что **«рай цветет на земле вокруг нас, но мы его не видим, потому что видеть не хотим»**, представляет собой одну из излюбленных мыслей Достоевского, а именно, что ад и рай не онтологически разные горизонты, а модусы одного и того же бытия, который можно назвать миром или землей. В своем рассказе «Сон смешного человека» Достоевский устами своего героя возглашает ту открывшуюся ему истину, «что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле»¹. Произведения Достоевского изобилуют примерами того, что рай может очень просто устроиться – стоит только захотеть. Особенно их много в «Братьях Карамазовых». Так, молодой Зосима говорит: «...только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимем мы и заплачем...»². Достоевский говорит также и о том, каким образом может устроиться рай: «А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час – все бы сразу устроилось! Главное – люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. Если только все захотят, то сейчас все устроится»³. Таким образом, если все будут любить других как себя, то все сразу же и устроится – тут же ад обернется раем. Потому что рай – это именно полнота осуществленной возможности любить других (Бужор, Шевченко, 2022: 78).

Пятый тезис о том, что **«вина каждого всех связывает, как и его освящение всех святит и его страдание всех искупляет»** представляет собой также сокровенную мысль Достоевского, заключающуюся в том, что человек несет вину не только за свои проступки и преступления, но и за преступления другого человека, где бы и когда бы тот ни жил. Соответственно, страдание и искупление проступка может осуществляться не только виновником, но и любым другим человеком. У Достоевского есть образ великого грешника. Очевидно, что великий грешник – это не столько тот, кто сам совершил много преступлений, сколько тот, кто умеет чувствовать свою вину за преступления других людей и умеет искупать их своим страданием. Эта позиция, что

¹ Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 12. М., 1982. С. 520.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1982. С. 353.

³ Там же. С. 521.

«всякий за всех виноват» по мере ее реализации приводит человека из установки уединенной пустоты сердца (то есть из ада) к установке соборности или всеединства (то есть в рай).

Шестой тезис, гласящий, что **«грех злого действия может быть искуплен, ибо все его на себя принимают, но не может быть искуплен грех злого сна о мире, потому что отдавшийся сновидению отъединен в своем самоотражении и обречен всецело пребывать в своем сне»**, является более трудным для понимания, особенно в своей второй части. Что касается возможности искупления греха злого действия, то она перекликается с предыдущим членом «символа веры» Достоевского-Иванова о том, что как страдание каждого человека искупляет всех, так и его освящение всех освящает. Парадигмальным «злым действием» является «умопостигаемое преступление», заключавшееся в том, что на метафизическом уровне человек ошибкой «первичного самоопределения свободной воли» противопоставил себя Богу, что и привело его к гетерономии, к тому, что он стал не тем, кем должен быть. Иванов утверждает принципиальную возможность искупления «умопостигаемого преступления» против Бога, поскольку оно «исходит не из окончательного решения метафизического «я», но есть лишь антитетический момент предмирной драмы, момент своеговольного отдаления от Бога возгордившегося человека, возмечтавшего испытать необузданную мощь свободного и автономного акта, момент самовольного, онтологического отступления и саморасточения... – тогда, после всех тяжелых переживаний и разочарований все еще возможен возврат в Отчий дом...» (Иванов, 1987: 497).

Тезис же о неискупимости злого сна о мире, возможно, следует понимать как закостенелость человека в эгоистической установке, как его центрированность на собственном «я». «Злым сновидением о мире» Иванов считает убеждение в самодостаточности отдельного человеческого существа. На самом деле отдельный человек несамодостаточен, и эту мысль Иванов иллюстрирует с помощью метафоры «живого зеркала». Человек представляет собой живое зеркало, которое отражает мир согласно его основополагающей установке. Эмпирический человек ориентирован на самого себя, соответственно, его зеркало наведено на него самого, так что он имеет о мире неадекватное, более того, перевернутое представление, поскольку зеркало отражает его самого, и человек везде видит самого себя. Одиночный человек приходит к «дурной зеркальности» самообожествления, приводящей душу человека к «солипсическому нигилизму» (Иванов, 1987: 504), отъединению от Бога и других людей. Такой отъединенной душе «снятся человек и мир», пишет Иванов и указывает на тяжелые последствия этого злого сна о мире: «она ненавидит свой сон и свою похоть к обману и тягостному сну; она хочет убить окружающие ее призраки и в отчаянии стремится погрузиться в небытие и так освободиться от угнетающего бремени» (Иванов, 1987: 497). В состоянии солипсического нигилизма или злого сна о мире человек пытается избавиться от окружающих его призраков бытия и одновременно старается за них хватиться, ибо не имеет иной опоры. В конечном итоге, злой сон о мире приводит к аннигиляции не только самого человека, но и окружающего его мира: даже искренняя попытка в состоянии этого сна полюбить другого человека оборачивается ненавистью к нему и в этой ненависти «мне безразлично, кого я ненавижу: мне подобных теней, собратьев моих, которых я держу в себе вместо того, чтобы быть ими утвержденным и спасенным в бытии – или себя самого в них, призраках моего сна. Во всяком случае, я могу с ними делать, что хочу, ведь сновидящий свободен – могу, если предпочту, закончить злой сон – убить себя и с собой убить весь содержимый мною мир» (Иванов, 1987: 505).

Этой ложной зеркальности, приводящей в конечном счете к нигилизму и самоуничтожению, Иванов противопоставляет так называемую «истинную зеркальность», способную развеять чары злого сна о мире. Подобно тому, как для восстановления правильности отражения на зеркало нужно навести другое зеркало, точно также человек для восстановления истинных пропорций познаваемого должен привлечь другого человека: «Этим другим зеркалом – *speculum speculi* – исправляющим первое, является для человека как познающего другой человек. Истина оправдывается только будучи созерцаемой в другом» (Иванов, 1994: 342), когда происходит встреча двух людей как двух живых зеркал, отражающих друг друга. Человек как живое зеркало способен подлинным образом познать себя, только отразившись в другом человеке, то есть растворив свое собственное бытие в другом. Это растворение будет означать не утрату себя, а подлинное обретение. Постигая другого, человек постигает и себя в другом, причем в подлинной сути: не как существо, которое заключено в оболочку своего непроницаемого тела, отгораживающего и отделяющего его от мира, но как присутствие себя во всех других существах мира и как присутствие мира в себе.

Что касается седьмого тезиса: **«вера в Бога и неверие не два различных объяснения мира, но два разноприродных бытия, существующие рядом как земля и противовоземие, подчиненные каждое до конца своему внутреннему закону на своем самостоятельном поле действия»** – он перекликается, по нашему мнению, с предыдущим тезисом, поскольку

неверие и есть злой сон о мире. Только Бог «обеспечивает реальность моего реализма, действительность моего действия и впервые осуществляет то, что смутно сознается мною, как существенное, во мне и вне меня» (Иванов, 1987: 504). Известно, что Достоевский считал, что без веры в Бога невозможно вообще устройство человеческого общества. Заостренно это выражено в формуле, что если Бога нет, то все дозволено. А если все дозволено, то человек вправе вести себя внеморально и антисоциально. Атеистическое общество по Достоевскому – это общество закоренелых эгоистов, которые совершенно неспособны к общежитию. Гротескно это представлено в знаменитом сне Раскольникова о людях, зараженных трихинами, каждый из которых думал, что в нем одном и заключается истина и которые не в чем не могли прийти к согласию, так что разрушилась общественная жизнь. Иванов вторит своему учителю, говоря, что неверие или атеизм, «возведенный в практическую норму общественной жизни, приводит... сначала к вырождению и искажению, а потом, к окончательному отмиранию нравственного чувства» (Иванов, 1987: 505). Конец неверия тот же, что и злого сна о мире: «Вера в Бога, согласно этому ходу мысли, подобна золотому запасу, наличием которого гарантируется ценность личности: если фонд иссяк, личность обесценивается. Некоторые более благородные личности не переносят такого подтвержденного через consensus omnium онтологического обесценивания; они сходят с ума или, полуобезумев, ищут прибежища в самоубийстве, в котором видят единственное достойное их действие» (Иванов, 1987: 505).

Таковы семь членов «символа веры» Достоевского, изложенные Ивановым в его итоговом труде о великом писателе. Едва ли можно думать, что они носят исчерпывающий характер, но их емкая лаконичность и четкая сформулированность свидетельствуют о том, что они вынашивались и прорабатывались многолетней упорной работой мысли поэта по познанию человека. Иванов говорит одновременно о единстве и многосложности человека, которому присуща душевно-телесная дихотомия, но определяющий характер имеет умопостигаемое измерение. В своем умопостигаемом существе человек автономен, свободен к самоопределению таким образом, что это самоопределение обуславливает его земное существование. Однако умопостигаемое самоопределение может иметь и негативный характер, в таком случае оно обуславливает трагизм человеческого существования. Человек, по Иванову, существо трагическое постольку, поскольку он «не то, что он есть», что надо понимать так, что, будучи свободным в своем умопостигаемом существе, в силу неправильного (ошибочного) употребления свободной воли человек ввергается в состояние необходимости и гетерономии эмпирического существования. Иванов считает, что возможно искупление негативного метафизического самоопределения воли человека, поскольку оно происходит не столько от злой воли, сколько от ошибочности выбора себя вместо Бога; однако он не допускает возможности искупления «злого сна о мире» или неверия, понимаемое как хула на мир Божий как на неудачное творение, ибо такое отношение к миру неизбежно приводит к его отрицанию и попытке аннигиляции. Представление о мире как неудачном творении (или аде) является в корне ложным, ибо, следуя Достоевскому, на самом деле мир представляет рай, который мы всего лишь не хотим и не можем увидеть в силу искаженности нашего существа эгоцентрической установкой. Определение мира как ада, который нужно уничтожить, либо как рая, который нужно беречь и холить, – зависит от умоперемены, пробуждения от злого сна о мире. Средством такого пробуждения является любовь, которая в конечном счете есть альфа и омега бытия человека, универсальное средство осуществления полноты человеческого существа, снятия трагизма, упразднения гетерономии, избавления от необходимости и тоски одиночного существования. Такова религиозно-философская антропология Иванова, которую он считает конечной истиной, отвечающей устройству мира и которую он оправдывает тем, что вынес ее из творчества Достоевского, «учителя тех, кто знает» (Иванов, 1987: 496).

Список источников:

- Бужор Е.С., Шевченко О.В. О мотивах ада, чистилища и рая в творчестве Ф.М. Достоевского // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Вып. 12(2). С. 75–83.
- Вяч. Иванов о Ф. М. Достоевском <Выступление по докладу С.Н. Булгакова в Религиозно-философском обществе 2 февраля 1914 г.> // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М. 1999. С. 62–74.
- Иванов Вяч. И. Байронизм как событие в жизни русского духа // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. М., 1994. С. 269–272.
- Иванов Вяч. И. Достоевский и роман-трагедия // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. М., 1994. С. 282–306.
- Иванов Вяч. И. Достоевский. Трагедия – Миф – Мистика // Вячеслав Иванов. Собрание сочинений. Т.4. Брюссель, 1987. С. 483–590.
- Иванов Вяч. И. Идея неприятия мира // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. М., 1994. С. 51–59.
- Иванов Вяч. И. Религиозное дело Владимира Соловьева // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. М., 1994. С. 337–345.
- Сегал-Рудник Н. Достоевский в мифологии и онтологии Вяч. Иванова // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции «Vlacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism». М., 2021. С. 124–178.
- Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке // ACTA ERUDITORUM, 2021. Вып. 38. С. 40–46.

References:

- Buzhor E.S., Shevchenko O.V. O motivah ada, chistilishcha i raya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [About the Motives of Hell, Purgatory and Paradise in the Works of F.M. Dostoevsky.] In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2022; 12(2): 75–83 (in Russian).
- Ivanov, Vyach.I. (1994) Bajronizm kak sobytie v zhizni russkogo duha [Byronism as an Event in the Life of the Russian Spirit]. In: *Vyacheslav Ivanov. Rodnoe i vselenskoe*. Moscow, pp. 269–272 (in Russian).
- Ivanov, Vyach.I. (1994) Dostoevskij i roman-tragediya [Dostoevsky and the Novel-Tragedy]. In: *Ivanov V.I. Rodnoe i vselenskoe*. Moscow, pp. 282–306 (in Russian).
- Ivanov, Vyach.I. (1987) Dostoevskij. Tragediya–Mif–Mistika [Dostoevsky. Tragedy-Myth-Mysticism]. In: *Vyacheslav Ivanov. Sobranie sochinenij*. Vol. 4. Brussels, pp. 483–590 (in Russian).
- Ivanov, Vyach.I. (1994) Ideya nepriyatiya mira [The idea of Rejection of the World]. In: *Vyacheslav Ivanov Rodnoe i vselenskoe*. Moscow, pp. 51–59 (in Russian).
- Ivanov, Vyach.I. (1994) Religioznoe delo Vladimira Solov'eva [Religious Work of Vladimir Solovyov]. In: *Vyacheslav Ivanov Rodnoe i vselenskoe*. Moscow, pp. 337–345 (in Russian).
- Segal-Rudnik, N. (2021) Dostoevskij v mifologii i ontologii Vyach. Ivanova [Dostoevsky in the Mythology and Ontology of Vyach. Ivanov]. In: *Zagadka modernizma: Vyacheslav Ivanov: Materialy XI Mezhdunarodnoj Ivanovskoj konferencii «Vyacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism»*. Moscow, pp. 124–178 (in Russian).
- Shishkin, A.B. (2021) Vyacheslav Ivanov i otkrytie Dostoevskogo v XX veke [Vyacheslav Ivanov and the Discovery of Dostoevsky in XX Century]. In: *ACTA ERUDITORUM*, 38, pp. 40–46 (in Russian).
- Vyach. Ivanov o F.M. Dostoevskom (1999) <Vystuplenie po dokladu S.N. Bulgakova v Religiozno-filosofskom obshchestve 2 fevralya 1914 g.> [Vyach. Ivanov about F. M. Dostoevsky. < Speech on the report of S.N. Bulgakov in the Religious and Philosophical Society on February 2, 1914>]. In: *Vyacheslav Ivanov. Arhivnye materialy i issledovaniya*. Moscow, pp. 62–74 (in Russian).

Информация об авторах

Е.С. Бужор – кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=999020.

О.В. Шевченко – кандидат философских наук, старший преподаватель Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1037391.

Information about the authors

E.S. Buzhor – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=999020.

O.V. Shevchenko – PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Humanitarian Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1037391.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.06.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.07.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 39–44.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 39–44.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.5>

Этические экзистенциалы современной экранной культуры (на примере британского сериала “Black mirror”)

Сергей Леонидович Григорьев

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия, grigoryevdiss@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9143-0636>

Аннотация. С целью создания интерпретационной модели современной экранной культуры в статье представлен философско-культурологический анализ фильмов “The Entire history of you” и “San Junipero”, созданных британскими кинематографистами в рамках сериала “Black mirror”. Автор исследует феномен виртуальности, которая становится неотъемлемой частью жизни героев сериала, входя в их повседневность и подменяя сущность существованием. В статье транслируется идея того, что инверсия низа (быт) и верха (бытие) создает прецедент ценностной доминанты симуляции над подлинностью в экранном типе культуры. В то же время свидетельством агонизирующей сущности, едва заметной в уподобленных марионеткам индивидах, оказывается неконтролируемая иррациональность и свобода выбора, которая приводит героев либо к окончательному вырождению личности, либо к их духовной победе.

Ключевые слова: экранная культура, экзистенциалы, The Entire history of you, San Junipero, Чёрное зеркало, виртуальная реальность, симулякр

Для цитирования: Григорьев С.Л. Этические экзистенциалы современной экранной культуры (на примере британского сериала “Black mirror”) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 39–44. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.5>.

Original article

Ethical Existentials of Modern Screen Culture (On the Example of the British TV Series “Black Mirror”)

Sergey L. Grigoryev

Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev,
Moscow, Russia, grigoryevdiss@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9143-0636>

Abstract. In order to create an interpretive model of modern screen culture, the article presents a philosophical and cultural analysis of the films “The Entire history of you” and “San Junipero”, created by British filmmakers as part of the series “Black mirror”. The author explores the phenomenon of virtuality, which becomes an integral part of the life of the series’ characters, entering their everyday life and substituting existence for essence. The article translates the idea that the inversion of the bottom (life) and the top (existence) creates a precedent of the value dominant of simulation over authenticity in the screen type of culture. At the same time, the evidence of the agonizing essence, barely noticeable in individuals likened to puppets, is the uncontrolled irrationality and freedom of choice, which leads the heroes either to the final degeneration of personality, or to their spiritual victory.

Keywords: screen culture, existentials, The Entire history of you, San Junipero, Black mirror, virtual reality, simulacrum

For citation: Grigoryev, S.L. (2022) Ethical Existentials of Modern Screen Culture (On the Example of the British TV Series “Black Mirror”). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 39–44. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.5](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.5) (In Russian).

В одной из документальных киноработ российского режиссера Любви Аркус «Антон тут рядом» (Россия, 2012) незадолго до финала повествования, в центре которого – подросток-аутист, закадровый голос, принадлежащий создателю фильма, произносит такие слова: «Я давно поняла, что камера – главное действующее лицо этой истории. Камера помогла папе принять решение, и камера продлила Ринате жизнь – она умерла, когда камера была выключена. Камера изменила Антона, камера изменила меня. Она была как мой личный персональный бог, который с детства обитал в углу комнаты и не давал мне спуску»¹.

¹ Документальный фильм Л. Аркус «Антон тут рядом», 2012 (1:36:41–1:37:10) <https://clck.ru/sSvDU> (дата обращения 02.08.2022)

Очевидно, что в контексте изображаемых событий, повторяемость которых стирает неизбежно существующие между ними отличия, притупляя остроту взора наблюдателя, объектив камеры приобретает магическое значение. Имеется в виду тот факт, что именно в лоне объектива рождается луч направленного внимания, в свете которого становятся заметны мельчайшие детали происходящего, независимо от того, идет ли речь об объекте или же субъекте. В итоге объектив обретает статус всевидящего ока, которое беспристрастно фиксирует все, чего ни коснется своим взором работающий с камерой человек, несмотря на субъективность самой интенции подобного видения. Другими словами, субъективный опыт, реализуемый посредством объективно задаваемых рамок, утрачивает контроль над изображением, в котором все предстает таким, каким оно является на самом деле. Что же касается осмысления того, что оказалось запечатленным посредством такого всевидящего ока, то это остается в ведении интерпретации либо реинтерпретации (Волкова, 2008), под знаком которых изображение нередко становится поводом для манипуляций сознанием, порождая симуляции и симулякры.

В данном контексте уместно вспомнить позицию В. Беньямина, который беспощадно заявляет, что оператор кинокамеры ставит зрителю вместо глаз камеру. «Кино, в особенности звуковое, открывает такой взгляд на мир, который прежде был просто невыносим. Оно изображает событие, для которого нельзя найти точки зрения, с которой не были бы видны не принадлежащие к разыгрываемому действию как таковому кинокамера, осветительная аппаратура, команда ассистентов и т. д. (Разве только положение его глаза точно совпадает с положением объектива кинокамеры.)» (Беньямин, 1996: 46).

Нам же представляется, что экранный тип экзистенции в период своего формирования (распространения кинематографа) имел ярко выраженный эстетический тип, посредством которого происходила трансляция адресованных зрителю внешних образцов, выработка идеала красоты, демонстрация (подчас с упоением) безобразного. Начало XXI века стало временем перехода в новый тип экранной экзистенции – этический: экран монитора интенсивно трансформирует содержание добродетелей, стирает границы позитивных и негативных ценностей, как уже было отмечено, обуславливает инверсию процедуры служения. Исследователи, обращающиеся к анализируемому британскому сериалу в качестве художественной футурологии, также отмечают, что «...на поверхности оказываются в первую очередь не технические и технологические аспекты, а некая проективная этика будущего и будущих поколений» (Слюсарев, 2019: 22).

Размышления о смене статусов объекта и субъекта, об их инверсии в условиях экранной экспансии современной культуры возникают после знакомства с британским сериалом *“Black mirror”* / «Черное зеркало» (Великобритания, 2011). Результаты семиотической интерпретации начальных титров поддерживают нашу исследовательскую интенцию – определять сакральную роль экрана в картине мира современного человека. Знаменательно, что демонстрация названия сериала реализуется посредством уподобления экрана черной дыре, на которой в момент, когда исходное пространство покрывается трещинами, раскалываясь на отдельные фрагменты, появляются, постепенно проступая, белые буквы. Именно они складываются в текст, создавая определенное напряжение между цветом фона и рельефа, в качестве которого выступает буквенная графика.

То обстоятельство, что и буквы, и контуры трещин выделяются на черном фоне, будучи отмечены преобладанием белого оттенка, позволяет вспомнить «Черный квадрат» Малевича. Его история также связана с именем Бога, поскольку свое творение художник разместил в сакральном для каждого православного христианина месте – так называемом красном углу, где располагался иконостас. Помимо этого, черный цвет квадрата также вступает в противоречие с белым, который присутствует в очертаниях центральной фигуры, повторяя форму рамки. Думается, что в обоих случаях присутствие белого цвета – знак возможности выхода из тупика, хотя упомянутая ранее субъективность, неизбежная в процессе интерпретации или реинтерпретации, задает двойственность отношения.

Как в «Черном квадрате», с одной стороны, можно опознать черную воронку, без остатка «всасывающую» в себя светлое начало, а с другой – белое пространство, наступающее на темноту с готовностью ее поглотить, так и в проекте *“Black mirror”* каждая серия ставит в повествовании не точку, но многоточие. Так, в сюжете *“The Entire history of you”* («Вся история о тебе») все случившееся с молодой семейной парой в одном случае можно квалифицировать как историю о супруге, увиденную глазами ее партнера, а в другом – историю о молодом мужчине, который видит только то, что хочет видеть, и не более того. Подобная установка кардинально противоположна намерениям другого художника – российского композитора Галины Уствольской, чью музыку критики называют «голосом из черной дыры» (Волкова, Невская, 2014: 12–21). Уходя от неопределенности «или-или», композитор средствами музыкальной выразительности предлагает слушателю не столько выбор, сколько знакомство с данностью совершенного человеческого выбора, его результатом (Волкова, Невская, 2016: 63–73).

«Чёрное зеркало» претендует на превращение в медиафраншизу, что обуславливает до-растание сериала до шестого сезона, активное распространение цитат, мемов и узнаваемых сюжетных линий в Интернет-сообществах. Кроме того, сериал все десять лет своего существования является иллюстративным ресурсом для философских и культурологических исследований¹ (Conley, Burroughs. 2019; Gecer, 2018; Murray, 2013). Например, авторы книги *“Black Mirror and Critical Media Theory”*, опираясь на таких мыслителей, как Мишель Фуко, Жан Бодрийяр, Гай Деборд, Маршалл Маклюэн и Пол Вирильо, реконструируют сюжеты «Чёрного зеркала», исследуя идеи, концепции, заложенные в эпизодах. Книга построена вокруг шести ключевых тем, отраженных и исследованных в «Чёрном зеркале» — человеческая идентичность; культура наблюдения; зрелище и гиперреальность; глобальная эстетизация; технология и существование; мрачное будущее (Cirucci, Vacker, 2018). Вокруг перечисленных вопросов выстроены исследования и отечественных авторов (Кондауров, 2019; Кудрявцева, 2019; Суслов, Ляхова, 2019; Урусова, 2019; Хусьяинов, 2019; Слюсарев, 2019).

“The Entire history of you” / «История всей твоей жизни». В фильме *“The Entire history of you”* глаз как орган зрения оказывается идентичен глазу объектива. Замена одного другим происходит вплоть до того, что накапливаемые на протяжении какого-либо промежутка времени впечатления, хранящиеся в памяти, будучи уподоблены съемке, отторгаются от своего носителя так, словно кто-то невидимой рукой выключил камеру, не дав нам возможности увидеть отснятое. Тем не менее оно не утрачивается без следа посредством таких специальных приспособлений, как:

- вживленный в располагаемую за ушной раковиной область, относящуюся к задней ушной мышце, чип;

- своего рода «пульт», размером с магнитный ключ для домофона, который обеспечивает «прокручивание» воспоминаний. Другими словами, человеческая память хранится в особом «носителе», информация с которого может выводиться на экран либо актуализироваться во внутреннем пространстве личности (внутреннее видение).

Специально отметим, что концепция «внутреннего экрана», выкристаллизовавшегося в пространстве познавательных механизмов в течение 120 лет экранной культуры, постепенно складывается из различных исследовательских позиций. В.Ф. Познин, цитируя А. Эйнштейна, пишет об эволюции механизма зрительного восприятия в культуре, приведшей в период релятивизации сознания к устойчивой интенции «заменить этот мир созданной им картинкой». Развивая идею данной замены, В.Ф. Познин рассуждает об этапе, на котором «эстетическая информация проецируется на несколько фонов опыта зрителя» (Познин, 2021: 13), и оперирует понятием «проекция-идентификация». Этот исследовательский ход – весьма продуктивное объяснение вызова визуальности или экспансии экранного как неоспоримых процессов современной культуры, критически отраженных в анализируемом сериале. Отмеченная установка перекликается с другими современными исследовательскими позициями. Например, В.И. Михалкович размышляет над тем, что во время киносеанса наряду с «технической» осуществляется «психическая» проекция (Михалкович, 2006: 12). Глобальное заявление о повсеместной «распределенной образности» делает И.Н. Инишев, осуществляя «преодоление понимания образа как изолированного визуального артефакта, расширение понятия образа в направлении идеи специфических материальных сред и их состояний, что позволяет взглянуть на феномен образности как на фактор, во многом определяющий специфику визуальной экологии современности» (Инишев, 2020: 45).

Несмотря на предельную рационализацию искусственного «хранилища» (всё чаще называемую в исследованиях «дигитальной памятью» современного человека), – не случайно неоднократное воспроизведение событий, которые не были подвержены рефлексии, помогает героям сюжета *“The Entire history of you”* уточнять детали и черпать аргументы в пользу выдвигаемой ими точки зрения, – все конструкция рушится под действием иррациональности. Эта волна неконтролируемых эмоций, во многом «раздуваемая» в процессе неоднократной демонстрации конкретного воспоминания, приводит к краху отношений молодой пары. А.А. Костригин, анализируя данный сюжет, заостряет внимание на важном аспекте трансформации субъективности психического образа, который «выражается в возможности переживать его не только самим индивидом, у которого он возник, но и другими индивидами, а также вмешиваться в характер субъективных переживаний» (Костригин, 2019: 41).

Данная история, в центре которой изменившая своему мужу женщина, обвиняемая во лжи, оборачивается в историю о мужчине, не способном жить счастливым настоящим. Разрушивший его своими руками, одинокий, растерянный, он бродит по пустому дому, имитируя присутствие в нем супруги посредством специального, актуализирующего воспоминания устройства. Вот его

¹ The Black Mirror Project. (2021) URL: <https://blackmirrorideas.wordpress.com/> (дата обращения 17.01.2022).

возлюбленная готовит завтрак на кухне, вот сидит за книгой или поднимается по лестнице, ведущей на второй этаж, всякий раз одаривая мужчину взглядом, исполненным нежности подлинного чувства. Очевидно, что его наличие требует от партнеров и подлинных поступков – умения прощать, готовности слышать друг друга, понимать быстротечность жизни и радоваться настоящему мгновению, однако такая подлинность неподвластна механизму. Всякие оттенки этического губительны для машины, которая владеет однозначностью морали. Потому в ситуации, когда ценность информации оказывается важнее ценности человека, возникающий в отношениях диссонанс приводит к ломке и уничтожению отношений, но никак не к поломке машины.

“San Junipero” / «Святой Джуниперо». Название фильма “San Junipero” / «Святой Джуниперо» связано с можжевельником (от англ. Junipero). Поскольку это дерево символизирует одновременно и смерть, и ее преодоление, «Святой можжевельник» – город мертвых, который предстает цифровым аналогом рая. Возможность стать его частью оказывается доступной для тех, кому предстоит выбор – дать согласие на то, чтобы информация о них была закачена в облако, и, таким образом, одобрить свое вечное существование в качестве жителя “San Junipero”, либо отказаться и уйти в никуда. Причем, “San Junipero” – это не ловушка. У каждого жителя этого города есть другой шанс – удалиться.

Удивительно, но компьютерная программа столь совершенна, что оказавшиеся в райском месте люди способны испытывать спектр самых разных чувств – страха, отчаяния, боли. Они жаждут физической близости и идут на встречу с ней, испытывая удовольствие, они боятся привязанностей, пытаются сохранить за собой право на объективный выбор. «Здесь все настоящее», – говорит одна из героинь. При этом главная проблема для большинства, которую озвучивает ее подруга, заключается в следующем: как провести вечность там, где все бессмысленно? Не случайно одно из мест “San Junipero”, называемое цифровыми аборигенами топью, принадлежит тем, кто предается самым развратным разгулам, чтобы хоть что-то почувствовать. Именно это дает основание Келли назвать цифровой рай убогим кладбищем.

Тем не менее обе молодые женщины, у одной из которых в реальной жизни за плечами многие десятилетия жизни на больничной койке, где она оказалась в результате травмы, случившейся после аварии, и презрение родных за ее нетрадиционную ориентацию, у другой – 40 лет брака в счастье, смерть дочери в 39 лет и уход из жизни мужа, выбирают “San Junipero”. Почему их не страшит вечность, отмеченная отсутствием смысла? Гарантом их подлинности в этой цифровой реальности, наполненной симуляциями и симулякрами, становится любовь. Только подлинность человеческого чувства создает для них смысловое пространство, в котором происходит непрестанная духовная работа над собой лишь с одной целью – отдавать все лучшее в себе другому, отдавать бескорыстно, всякое мгновение жизни жертвуя собой во имя него. Как важно, чтобы очевидность этой истины мы могли понять до того, как окажемся поставленными перед последним выбором.

Подытоживая вышеизложенное, выскажем мысль о том, что как рассматриваемые фильмы, так и весь сериал в целом помогают современному зрителю оценить все плюсы и минусы надвигающегося на нас будущего глобальной цифровой реальности. «Информационное расцвело пышным цветом – сегодня это уже не страшные истории про будущее и не главы из антиутопий: это уже происходящая реальность, и, как все чудовищное, вблизи она не так страшна, можно сказать незаметна в своей повседневности, и с ней можно свыкнуться» (Громов, 2014: 38). Другими словами, на фоне цифровизации, формализации и рационализации человек должен предпринять определенные усилия для того, чтобы уже сегодня попытаться быть счастливым вопреки обстоятельствам и времени, сопротивляться дегуманизирующему воздействию глобальных экономических механизмов, требующих от субъекта превращения в быстро работающую машину, фиксирующую информацию без каких-либо искажений. Подобное оказывается возможным по определенной причине: искомое равновесие формального и неформального, рационального и иррационального, материального и духовного зависит исключительно от установки сознания индивида (Volkova, Orekhova et al., 2020: 680). В отличие от механизма, объективность которого исключает какой-либо диалог, мы способны договариваться с собой и с миром, обретая подлинную гармонию сущности и существования.

Список источников:

- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М, 1996. 239 с.
 Волкова П.С. Реинтерпретация художественного текста (на материале искусства XX века. Краснодар, 2008. 200 с.
 Волкова П.С., Невская П.В. К. Малевич – Г. Устовольская: в поисках параллелей // Aspectus. 2014. № 3. С. 12–21.
 Волкова П.С., Невская П.В. Музыка в пространстве визуальности: коллективная монография // Лики музыки XXI века: приношение Галине Устовольской, Борису Тищенко. Спб., 2016. С. 63–73.
 Громов П. Е. Интернет, Хайдеггер и глубокая скука // Обсерватория культуры. 2014. № 5. С. 32–39.
<https://doi.org/10.25281/2072-3156-2014-0-5-32-39>.

- Инишев И. Н. Распределённая образность: имажинативные практики современной культуры. ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. Вып. 1 (23). С. 31–46.
- Кондауров А.С. Футушок как способ задуматься о грядущем // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. №1. С. 33–39.
- Костригин А.А. Психика, сознание и личность в «Черном зеркале» // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. №1. С. 39 – 46.
- Кудрявцева А.А. Отношения властности между Человеком и машиной // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. №1. С. 46–53.
- Михалкович В.И. Избранные российские киносы. М., 2006. 318 с.
- Познин В.Ф. Экранное пространство и время. Структурно-типологический и перцептуальный аспекты. СПб., 2021. 390 с.
- Слюсарев В.В. Философия «Черного зеркала»: об обществе грядущих поколений // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. №1. С. 73–78.
- Слюсарев В.В. Философия «Черного зеркала»: переворот в мозгах из края в край... // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 1. С. 22–32. 10.5840/dspl2019212.
- Суслов М.Д., Ляхова Е.С. Может ли искусственный интеллект обладать сознанием? // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. №1. С. 53–60.
- Урусова Е.А. Взаимоотношения личности и общества, отраженные в «Черном зеркале» // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. №1. С. 66–73.
- Хусяинов Т.М. Цифровое правосудие: отражение в «Черном зеркале» // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. №1. С. 60–66.
- Cirucci A.M., Vacker B. *Black Mirror and Critical Media Theory*. Lexington: Lexington Books, 2018. 274 p.
- Conley D., Burroughs B. *Black Mirror, Mediated Affect and the Political* // *Culture, Theory and Critique*. 27 February 2019. 10.1080/14735784.2019.1583116.
- Gecer E. Judgment, Surveillance and Cultural Desensitization Triangle in TV Series: The Case of Black Mirror // *OPUS. Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi – International Journal of Society Researches*. 2018. Vol. 8, iss. 15. P. 1669–1695. 10.26466/opus.441690.
- Murray T. *Television: Black Mirror Reflections* // *Philosophy Now*. 2013. Iss. 97. P. 42–44.
- Volkova P. S., Orekhova E. S., Saenko N. R., Trofimova L. V., & Barova A. G. Features of the Modern Process of Differentiation of Sense and Meaning in Communication. *Media Watch*. 2020. 11 (4). P. 679–689.

References:

- Ben'yamin, V. (1996) *Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit*. Moscow, 239 p. (In Russian)
- Cirucci, A.M., Vacker, B. (2018) *Black Mirror and Critical Media Theory*. Lexington: Lexington Books. 274 p.
- Conley, D., Burroughs, B. (2019) *Black Mirror, Mediated Affect and the Political, Culture, Theory and Critique*. Available from: doi:10.1080/14735784.2019.1583116.
- Gecer, E. (2018) Judgment, Surveillance and Cultural Desensitization Triangle in TV Series: The Case of Black Mirror, *OPUS. Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi – International Journal of Society Researches*, 8 (15), 1669–1695. Available from: doi:10.26466/opus.441690.
- Gromov, P.E. (2014) Prospects for Intensifying and Spreading Creativity as a Precondition of Social Progress. *Observatoriya kul'tury*. 5, 32–39. Available from: doi:10.25281/2072-3156-2014-0-5-32-39 (In Russian)
- Inishev, I.N. (2020) Distributed imagery: imaginative practices of contemporary culture. ПРАЭНМА. *Problemy vizualnoy semiotiki*, (1), 31–46. Available from: doi:10.23951/2312-7899-2020-1-31-46. (In Russian)
- Khusyainov, T.M. (2019) Tsifrovoye pravosudiye: otrazheniye v "Chernom zerkale" [Digital justice: Reflected in the "Black Mirror"]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. 2 (1), 60–66. (In Russian)
- Kondaurov, A.S. (2019) Futuroshok kak sposob zadumatsya o gryadushchem [A future shock as a way to think about tomorrow]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. 2 (1), 33–39. (In Russian)
- Kostrigin, A.A. (2019) Psikhika. soznaniye i lichnost v "Chernom zerkale" [Psyche, consciousness and personality in the "Black Mirror"]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. 2 (1), 39–46. (In Russian)
- Kudryavtseva, A.A. (2019) Otnosheniya vlastnosti mezhdru Chelovekom i mashinoy [Power relations between human and machine]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. 2 (1), 46–53. (In Russian)
- Mikhalkovich, V. I. (2006) Selected Russian films. Moscow, 318 p. (In Russian)
- Murray, T. (2013) *Television: Black Mirror Reflections, Philosophy Now*. (97), 42–44.
- Poznin, V. F. (2021) *Screen space and time. Structural-typological and perceptual aspects*. St. Petersburg, 390 p. (In Russian)
- Slyusarev, V.V. (2019) Filosofiya "Chernogo zerkala": ob obshchestve gryadushchikh pokoleniy [The philosophy of the "Black Mirror": About the society of future generations]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. 2 (1), 73–78. (In Russian)
- Slyusarev, V.V. (2019) Filosofiya «Chernogo zerkala»: perevorot v mozgakh iz kraya v kray... [The philosophy of the "Black Mirror": A revolution in the minds up and down...] *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. 2 (1), 22–32. (In Russian)
- Suslov, M.D., Lyakhova, E.S. (2019) Mozhet li iskusstvennyy intellekt obladat soznaniyem? [Can Artificial Intelligence be conscious?] *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. 2 (1), 53–60. (In Russian)
- Volkova, P.S. (2008) *Reinterpretation of a literary text (based on the material of the art of the XX century)*. Krasnodar, 200 p. (In Russian)
- Volkova, P.S., Nevskaya, P.V. (2014) K. Malevich – G. Ustvolskaya: in the search of parallels. *Aspectus*, 3, 12–21. (In Russian)
- Volkova, P.S., Nevskaya, P.V. (2016) *Music in the visual space, Faces of music of the XXI century: an offering to Galina Ustvolskaya, Boris Tishchenko*. St. Petersburg, pp. 63–73. (In Russian)
- Volkova, P. S., Orekhova, E. S., Saenko, N. R., Trofimova L. V., & Barova, A. G. (2020) Features of the Modern Process of Differentiation of Sense and Meaning in Communication. *Media Watch*. 11 (4), 679–689.
- Urusova, E.A. (2019) Vzaimootnosheniya lichnosti i obshchestva. otrazhennyye v "Chernom zerkale" [The relationship between individual and society: Behind the "Black mirror"]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa*. 2 (1), 66–73. (In Russian)

Информация об авторе

С.Л. Григорьев – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=303464.

Information about the author

S.L. Grigoryev – PhD in Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=303464.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 45–49.
 Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 45–49.

Научная статья

УДК 141.32

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>

Утопия как форма экзистенциальной изоляции

Елена Федоровна Куземина¹, Наталия Викторовна Пашкова²

^{1,2}Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

¹dudakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9907-4880>

²pashkov17@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2215-6869>

Аннотация. В статье исследуется феномен утопии, интерес к которой возник еще в античном мире как стремление отдалиться от неидеальной реальности и построить совершенный мир. Предметом исследования в данной статье выступает утопия как форма экзистенциальной изоляции, в которой открывается возможность на внутреннем плане сознания создавать идеальный мир, способный заслонить существующую действительность. Целью статьи является философский анализ, позволяющий осмыслить данный феномен и выявить его новые грани, среди которых экзистенциальный опыт субъекта, направленный на обретение ценности индивидуальных различий. Используя элементы историко-философской реконструкции, в статье анализируются утопические идеалы от античности до наших дней. В исследовании также были использованы герменевтический и психоаналитический анализы. Подобный синтез подходов позволяет рассматривать утопию как форму экзистенциальной изоляции и способствует освоению реальности в период кризиса. Многочисленные кризисы современного мира (политические, экономические, экологические, социальные, психологические) порождают ряд проблем, иллюзорным выходом из которых является бегство от реальности. Утопия как форма идеального мира, противопоставляющая себя действительности, становится вновь актуальной темой философской рефлексии. Неиссякаемый интерес мыслителей разных поколений к проблеме несовершенного мира и построение утопических концепций не только раскрывают новые грани данного явления, но и вызывают ряд дискуссий, что позволяет сделать вывод о противоречивости и неоднозначности данного явления. Авторы приходят к выводу, что утопия выступает не только в качестве одного из признаков кризисного состояния общества, но и стимулирующей формой самосознания, позволяющего понять и принять себя в настоящем.

Ключевые слова: утопия, бытие, реальность, человек, экзистенциальная изоляция, утопическое сознание, будущее

Для цитирования: Куземина Е.Ф., Пашкова Н.В. Утопия как форма экзистенциальной изоляции // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 45–49. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>.

Original article

Utopia as a Form of Existential Isolation

Elena F. Kuzemina¹, Natalia V. Pashkova²

^{1,2}Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

¹dudakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9907-4880>

²pashkov17@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2215-6869>

Abstract. The article reveals the phenomenon of utopia, the interest in which arose in the ancient world as a desire to move away from imperfect reality and build a perfect world. In this article the subject of the research is utopia as a form of existential isolation, in which the possibility opens up on the inner plane of consciousness to create an ideal world that can obscure the existing reality. The purpose of the article is a philosophical analysis that allows comprehending this phenomenon and identify its new facets, including the existential experience of the subject, aimed at gaining the value of individual differences. Using elements of historical and philosophical reconstruction, the article analyzes utopian ideals from antiquity to the present day. Hermeneutical and psychoanalytic analyses were also used in the study. Such a synthesis of approaches allows considering utopia as a form of existential isolation and contributes to the development of reality during a crisis. Numerous crises of the modern world (political, economic, environmental, social, psychological) give rise to a number of problems, the illusory way out of which is to escape from reality. Utopia as a form of the ideal world, which opposes itself to reality, becomes an urgent topic of philosophical reflection again. The inexhaustible interest of thinkers of different generations in the problem of an imperfect world and the construction of utopian concepts not only reveal new facets of this phenomenon, but also cause a number of discussions, which allows concluding that this phenomenon is contradictory and ambiguous. The authors come to the conclusion that utopia acts not only as one of the signs of the crisis state of society, but also as a stimulating form of self-awareness that allows understanding and accepting yourself in the present.

Keywords: utopia, being, reality, man, existential isolation, utopian consciousness, future

For citation: Kuzemina, E.F. & Pashkova, N.V. (2022) Utopia as a Form of Existential Isolation. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 45–49. Available from: doi:10.24158/fik.2022.8.6 (In Russian).

Если люди не изобретут новую,
на первый взгляд никому не нужную утопию,
то они не выживут в качестве людей.

А.А. Зиновьев

Человеку свойственно преодолевать несовершенство реальности, двигаясь к намеченной цели. В сопротивлении с действительностью в сознании человека рождаются варианты новых идеальных моделей мира. Уже во времена античности в рамках философии возникает утопическое направление, которое как жанр и сегодня продолжает свое существование в литературе, живописи, кинематографе. В чем особенность утопического мышления, какова роль его в современном мире? Какими новыми смысловыми характеристиками наделила утопию виртуальная реальность? Оказывает ли она существенное влияние на жизнь общества, и есть ли в утопии место бытию отдельного человека? Актуальность данных вопросов связана с происходящими социальными явлениями первой четверти XXI в., которые порождают тревогу и неопределенность. В поисках осмысления новой реальности человек прибегает к различным способам, и утопия – один из них. Многогранность и широта исследовательского интереса к феномену утопии говорит о неисчерпаемом его потенциале, это и послужило основанием данного исследования.

Являясь предметом изучения многих научных дисциплин, понятие «утопия» на сегодняшний день не имеет однозначного определения. Широкая сфера применения данного термина в таких областях, как история, философия, лингвистика, психология, культурология, социология, экономика, литература и искусство породила большое разнообразие смыслов, которые создают определенную сложность в изучении данного феномена. В научных исследованиях неоднократно предпринимались попытки определить значение понятия «утопия», раскрыть его новые грани, обнаружить пределы и проследить семантическую эволюцию (Мартынов, 2009), но трансформация ранее существующих форм данного явления и возникновение новых требуют дополнительной теоретической рефлексии.

Традиционно философская энциклопедия определяет утопию (от греч. οὐ – отрицательная частица и τόπος – место, т. е. место, которого нет) как изображение идеального общественного строя, либо в якобы уже существовавшей или существующей где-то стране, либо как проекта социальных преобразований, ведущих к его воплощению в жизнь¹. Многообразие оттенков смысла возникло в связи с переводом термина на латынь, где *eutopos* – не только место, которого нет, но и благословенное место.

Благодаря Томасу Мору, чья книга «Утопия» принесла ему бессмертную славу, окончательно сформировался литературный жанр, существовавший задолго до эпохи гуманизма. Уже Платон в трактате «Государство» («Республика»), применяя «сократовский метод», описывает модель идеального государства так, «чтобы оно было счастливо все в целом» (Платон, 2018: 144). В основе построения идеального государства лежит справедливость, это ось, вокруг которой, по мнению Платона, должно вращаться и бытие отдельного человека. Маловероятно, что мы станем свидетелями государства, в котором правят «цари-философы», чьей единственной целью будет работа на благо общества, где справедливость – единственный путь к хорошей жизни. Такое представление об идеальном государстве раскрывает подлинный смысл определения «утопии», на котором настаивал Мор – «места, которого нет» и не может быть. Справедливости ради надо отметить, что политическая концепция Платона сегодня уже не вызывает доверия, так как призывает к созданию государства, где власть принадлежит не демократическому большинству, но некой авторитарной элите «сверхлюдей», а это, как нам наглядно демонстрирует история, уже антиутопия. Являясь зеркальной разновидностью утопии, «антиутопия конструируется на иррациональных началах» (Черепанова, 1999: 106) и реализуется как социальный проект в условиях катастрофогенной социокультурной реальности.

Как видно из определения, понятие «утопия» тесно связано с будущим и является неким индикатором неудовлетворенности действительности. Так, возникновение утопий связано с потребностью изменений в существующей реальности через сценарий образа желаемого будущего с иллюзорного предположения «а что если». Будущее, как и прошлое, является мощным детерминантом поведения человека, которое влияет на его внутренний опыт и поступки. Логично предположить, что на каждом историческом этапе конструируется своя концепция утопии, в которой проявляются «иллюзии эпохи».

¹ Утопия и антиутопия [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc26f42a76526f3c43ca4c2> (дата обращения: 24.06.2022).

В рамках философии, которая, как и любая область знаний, смотрит в будущее, утопическое мышление, реализуемое в мысленных экспериментах, является верным способом его прогнозировать. В поисках новых форм жизни формируется утопическое сознание, предметом которого служит иллюзия, принятая за реальность. Характерной чертой такого сознания становится неприятие существующего порядка вещей в мире и желание замены его на альтернативный идеальный мир. Экзистенциальный кризис проявляется здесь в разрыве человека с реальностью, где человеку нет *места*. В поисках *места* и формируется особое мироотношение – «утопическое сознание, как “превращенная форма, где все стало с ног на голову”» (Смирнова, 2011: 145). Используя утопическое сознание, человек, живя в реальном мире, размышляет над тайной бытия, максимально используя имеющиеся у него возможности для реализации своего Я. Основанием для «Я существую» становится определение своего *места* в общественном и политическом отношении. В постоянном вопрошании себя и изучении своего места рождается философия, которая по своей сути и есть утопический дискурс (Гройс, 1985: 16). В полной мере это проявляется уже у Платона, в философском проекте которого идея мыслится как образец для всего остального сущего. Сущее в виде идеи как высшего сущего затмило собой бытие. Воображаемая идеальность бытия, но не принадлежащая бытию, так как «бытие означает присутствие» (Хайдеггер, 1993: 393) вне места, времени и пространства, утопия обеспечила себе возможность быть, обнаружив себя альтернативой бытия и небытия. Так, термин «утопия», наполненный философским значением, несет в себе «позитивный смысл того, что не существует, являясь образцом для сущего» (Сокотун, 2011: 126).

Феномен утопии, рассматривающийся как часть культуры, включает в себя «триединство литературного жанра, социального проекта и формы сознания» (Черткова, 2000: 299). Всех их объединяет обращение в будущее, которому не дано воплотиться в рамках заданной программы, так как любая попытка реализации утопии в жизнь становится антиутопией. Обе системы, характеризующиеся определенным типом миропонимания, наличием конфликта между реальным и идеальным миром, обладают способностью возрождаться в той или иной форме. Так, «Конец утопии» социального изобилия и свободы сменяется новой концепцией утопии свободы и самореализации (Маркузе, 2004). В силу своей недостижимости утопия выступает трансцендентной. В стремлении выйти из несовершенного бытия в новый, идеальный мир обнаруживается глубокий пласт человеческой природы, реализуемой в построении утопических проектов.

Стремление к идеализации в утопии расценивается не просто как бегство, а как инстинктивное желание, но если не в реализации, то в самосохранении. Утопический проект глобального переустройства в современном мире трансформируется в антиутопию с ее тотальным контролем и искажением настоящего, прошлого и будущего¹. Проблема утопического мышления – в создании единой (унифицированной) картины будущего. Полная рациональность приводит к абсурду, а идеи утопии достигаются насилием над природой человека, трансформируют зазеркалье в уродливые формы цивилизации. Сохраняя свое прошлое, человек стремится к своему будущему, к своим целям, руководствуясь собственными интересами. Жесткий контроль над личностью, тотальное ограничение прав и свобод, примитивизация потребностей, суггестивное воздействие через страх вступают в конфликт с истинной природой человека. В этом роковая уязвимость антиутопии, в какой бы исторической и географической точке не пытались ее воплотить. Почему такие проекты появляются, вопрос, который требует отдельного рассмотрения; можно только констатировать, что как бы они не стремились, пока им не удастся завоевать весь мир.

Человеческая природа противится антиутопии, стремясь к частному, проявляя отвращение к общему, сопротивляясь унификации и солидарности, она стремится к разнообразию, сохраняя инаковость.

Утопия, таким образом, является возможностью не только уйти от реальной жизни с ее проблемами и несовершенством, но и экзистенциальной изоляцией, связанной с пропастью между индивидом и миром. Происходит нарушение *онтологической* индивидуальности и, как следствие, нарушения взаимодействия внутреннего «Я» с окружающим миром (Пашкова, Куземина, 2021: 64). Сепарация с миром порождает фундаментальную изоляцию между *Я-реальным* и *Я-идеальным*. Именно это заставляет человека в полной мере осознать, что никто не может забрать у него желание мечтать о будущем, в котором и проявляется его авторство. Неспособность влиять на реальность, утопическое сознание являются «понятным эмоциональным ответом, когда мы обнаруживаем, что без нашего согласия помещены в существование, которое не выбирали» (Ялом, 2004: 403). Это «*вброшенность*» в мир, порождающая тревогу и страх

¹ Якушева Н.Б. Трансформация утопии в антиутопию в культуре XX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2001.

«находимости» в реальности, а расхождение между «бытием» и «должен быть» проявляется в «утопическом синдроме» (Вацлавик, Уикленд, Фиш, 2020: 58).

У современного человека, стоящего перед выбором – менять или мечтать, появилась новая альтернатива – бежать, «но существование, как и смерть, не может быть отложено» (Куземина, 2022: 49). В утопическом сознании создание идеально типического образа все больше приобретает формы индивидуального. Классическая утопия не интересуется человеком, в ее сюжетах не принято описывать озабоченность человека своим местом в мире, его одиночество и бессмысленность существования, ей интересен социум в целом. Однако сегодня при анархии индивидуальных интересов, трудно представить утопическую картину, в которой все люди одинаково счастливы. В последнее время благодаря техническому прогрессу утопическое мышление становится частью повседневности. У каждого есть свой собственный карманный утопизм. Цифровое общество породило виртуальную реальность как «эскапистскую форму утопии и предлагает бегство от общества посредством “врастания” личности в информационную среду» (Морщикина, 2017: 51). Здесь никто больше не ищет здравого смысла, не пытается изменить или понять мир, абсолютно все строят свой «лучший из миров». «С каждым днем все больше людей выбирают утопический онлайн-формат общения взамен живым коммуникациям. Это, в свою очередь, становится определяющим фактором при выборе ценностных ориентиров для каждого человека» (Куземина, Пашкова, Струева, 2022: 203). Так, новый альтернативный социальный проект сформировал новое альтернативное мышление, в котором утопическое выполняет функцию экзистенциального опыта субъекта, направленного на обретение ценности индивидуальных различий. Как отмечает С.В. Рудановская, «утопия перестает быть “местом, которого нет” и которого ищут за дальними далями, но становится модусом субъективного, борющегося за аутентичность своего существования здесь и сейчас, на фоне сложной неоднозначной действительности» (Рудановская, 2017: 89). В новом технологическом мире главный вызов состоит в определении границ человеческого бытия. И если классическая утопия слепа к бытию отдельного человека, то современники в поисках подлинного существования конструируют уже не «идеальное государство» для всех, а «комфортную среду» для себя. Так, множество утопий в виде мифов, теорий, концептов, мировоззрений создают картину будущего «там», противопоставляя ее «здесь». Спасения от настоящего человек больше не ищет в завтрашнем дне, он живет одним днем, пораженный эффектом дефицита представлений о будущем. Утопия как форма изоляции представляется нам важнейшим экзистенциальным опытом субъекта, позволяющим не столько определить будущее, сколько через страх и бессилие понять и принять себя в настоящем.

Список источников:

- Вацлавик П., Уикленд Дж., Фиш Р. Изменения. Принципы формирования и решения проблем. М. : 1000 бестселлеров, 2020. 176 с.
- Гройс Б. По ту сторону утопии и антиутопии // Беседа. 1985. № 3. С. 16–40.
- Куземина Е.Ф. Бытие-к-смерти как процесс исследований и открытий // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1. С. 47–50. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.6>
- Куземина Е.Ф., Пашкова Н.В., Струева В.А. Утопия как форма вытеснения бытия // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., (10 июня 2022 г.). М., 2022. С. 199–204. <https://doi.org/10.34755/IROK.2022.76.25.030>
- Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6 (45). С. 18–23.
- Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 152–158.
- Морщикина Л.А. Исследования феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 46–57. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.2.46>
- Пашкова Н.В., Куземина Е.Ф. Становление человеческого «Я» в экзистенциализме М.К. Мамардашвили // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 60–68. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-87-4-60-68>
- Платон. Государство. М., 2018. 448 с.
- Рудановская С.В. «Женщина на краю времени»: Опыт субъекта в феминистической утопии // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2017. Т. 21, № 1. С. 86–92. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2017-21-1-86-92>
- Смирнова Ю.Д. Утопия, утопизм, утопическое сознание – основные смыслы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 141–148.
- Сокогутун Ю. Типология утопий: поиск оснований // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Сер.: Философия, Культурология, Политология, Социология. 2011. Т. 24, № 3–4 (63). С. 126–135.
- Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи выступления : пер. с нем. М., 1993. 447 с.
- Черепанова Р.С. Утопия и антиутопия: Типология и взаимоотношения // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. № 1 (9). С. 96–108.
- Черткова Е.Л. Притяжение идеала: О природе утопического сознания // Альтернативные миры знания. СПб., 2000. С. 297–321.
- Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 2004. 576 с.

References:

- Cherepanova, R.S. (1999) Utopiya i antiutopiya: Tipologiya i vzaimootnosheniya [Utopia and Dystopia: Typology and Relationships]. Bulletin of Chelyabinsk State University. (1), 96-108. (In Russian)
- Chertkova, E.L. (2000) Prityazhenie ideala: O prirode utopicheskogo soznaniya [Attraction of the Ideal: On the Nature of Utopian Consciousness]. In: Chertkova, E.L. Al'ternativnye miry znaniya [Alternative Worlds of Knowledge]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, p. 297-321. (In Russian)
- Groys, B. (1985) Po tu storonu utopii i antiutopii [On the Other Side of Utopia and Dystopia]. Beseda [Conversation]. (3), 16-40. (In Russian)
- Heidegger, M. (1993) Vremya i bytie: Stat'i vystupleniya [Time and Being: Articles of Speech]. Moscow, Respublika. (In Russian)
- Kuzemina, E.F. (2022) "Being-Towards-Death" as a Process of Research and Discoveries. Society: Philosophy, History, Culture. (1), 47-50. Available from: doi:10.24158/fik.2022.1.6 (In Russian)
- Kuzemina, E.F., Pashkova, N.V. & Strueva, V.A. (2022) Utopiya kak forma vytesneniya bytiya [Utopia as a Form of Exclusion of Being]. In: Babayeva, Z.Sh., ed. Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyakh novoi real'nosti [Challenges of Modernity and Strategies of Development of Society in New Reality]. Moscow, IROK, ALEF. p. 199-204. Available from: doi:10.34755/IROK.2022.76.25.030 (In Russian)
- Marcuse, G. (2004) Konets utopii [The End of Utopia]. Logos. (6), 18-23. (In Russian)
- Martynov, D.E. (2009) To Consideration of Semantic Evolution of Concept "Utopia" (XX Century). Voprosy Filosofii [Questions of Philosophy]. (10), 152-158. (In Russian)
- Morshchihina, L.A. (2017) Research into the Phenomenon of Utopia in Modern Russia: A Paradigmatic Analysis. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences. (2), 46-57. Available from: doi:10.17238/issn2227-6564.2017.2.46 (In Russian)
- Pashkova, N.V. & Kuzemina, E.F. (2021) The Formation of the Human «I» in Existentialism of M.K. Mamardashvili. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Humanitarian and Social Sciences]. (4), 60-68. Available from: doi:10.18522/2070-1403-2021-87-4-60-68 (In Russian)
- Plato (2008). Gosudarstvo [State]. Moscow, AST. (In Russian)
- Rudanovskaya, S.V. (2017) "Woman on the Edge of Time": Experience of the Subject in Feminist Utopian Fiction. RUDN Journal of Philosophy. 21 (1), 86-92. Available from: doi:10.22363/2313-2302-2017-21-1-86-92 (In Russian)
- Smirnova, Yu.D. (2011) Utopiya, utopizm, utopicheskoe soznanie – osnovnye smysly [Utopia, Utopianism, Utopian Consciousness – Main Meanings]. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki [Scientific notes of Kazan University. Humanities]. 153 (1), 141-148. (In Russian)
- Sokotun, Yu.A. (2011) Typology of Utopias: Ground Search. Scientific notes of Tavrida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy, Culturology, Political Science, Sociology. 24 (3-4), 126-135. (In Russian)
- Vatslavik, P., Wickland, J. & Fish, R. (2020) Izmeneniya. Printsipy formirovaniya i resheniya problem [Changes. Principles of Formation and Solution of Problems]. Moscow, 1000 bestsellerov. (In Russian)
- Yalom, I. (2004) Ekzistentsial'naya psikhoterapiya [Existential Psychotherapy]. Moscow, Klass. (In Russian)

Информация об авторах

Е.Ф. Куземина – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=592304.

Н.В. Пашкова – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=654352.

Information about authors

E.F. Kuzemina – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=592304.

N.V. Pashkova – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=592304.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 50–55.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 50–55.

Научная статья
УДК 130.122
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.7>

История философского понимания и изучения эмоций

Юлия Владимировна Лобанова

Московский политехнический университет, Москва, Россия,
lobanova_diss@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2970-7520>

Аннотация. В статье осуществлен исторический обзор развития представлений о формах выражения человеческих эмоций от античности через средние века к Новому времени, когда первоначальные, преимущественно эмпирические, представления о природе эмоций сменяет их постепенно формирующееся философское понимание, а также возникает междисциплинарная психолого-философская методология их изучения и исследования. Особое внимание уделено сравнению и анализу особенностей различных подходов к объяснению и пониманию природы эмоций не только с точки зрения различных видов духовной активности человека – науки, культуры, философии, – но и их наиболее ярких, выдающихся представителей, чья деятельность в наибольшей степени оказала влияние на формирование и закрепление современных представлений о значении и роли эмоций человека в процессах познания и преобразования им внешнего мира.

Ключевые слова: внешние генеративы эмоций, историческая культура эмоций, междисциплинарная методология исследования, апперцепция и интегративность восприятия, структурная демаркация эмоций, эмоциональная детерминация процесса познания

Для цитирования: Лобанова Ю.В. История философского понимания и изучения эмоций // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 50–55. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.7>.

Original article

The History of Philosophical Understanding and Study of Emotions

Yuliya V. Lobanova

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia,
lobanova_diss@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2970-7520>

Abstract. The article provides a historical overview of the development of ideas about the forms of expression of human emotions from antiquity through the Middle Ages to Modern times, when the initial, mainly empirical, ideas about the nature of emotions are replaced by their gradually forming philosophical understanding, and an interdisciplinary psychological and philosophical methodology for their study and research arises. Special attention is paid to comparing and analyzing the features of various approaches to explaining and understanding the nature of emotions not only from the point of view of various types of human spiritual activity – science, culture, philosophy – but also their brightest, outstanding representatives, whose activities have most influenced the formation and consolidation of modern ideas about the meaning and role of emotions a person in the processes of cognition and transformation of the external world by him.

Keywords: external generatives of emotions, historical culture of emotions, interdisciplinary research methodology, apperception and integrity of perception, structural demarcation of emotions, emotional determination of the cognition's process

For citation: Lobanova, Yu.V. (2022) The History of Philosophical Understanding and Study of Emotions. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 50–55. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.7](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.7) (In Russian).

Актуальность вопроса усиления эмотивности и чувственности большинства областей современной культуры (Щеглова, 2003: 3) обуславливает интерес философии к понятию, природе и структуре эмоционального мира. Сама философия как способ практически-духовного освоения мира включает философскую практику и философское познание, которое осуществляется в формах философского мышления и чувственно-эмоционального отражения действительности (Тюгашев, 2016: 161). Когнитивная значимость эмоций в философствовании – дополнительная детерминанта философского изучения природы и культуры эмоций.

В современной социальной философии основным методологическим фундаментом в этой области являются концепция «общества переживания» Г. Шульце (Schulze, 2005), работы социолога эмоций Е. Иллус (Иллус, 2022а; Иллус, 2022б). Однако на то, что восприятие окружающего

мира со стороны сознания человека и последующее взаимодействие с ним чаще всего протекает небезоценочно, обратили внимание еще в античности. Сопровождающееся сложной гаммой чувств вхождение человека в окружающий мир, его последующее взросление и становление в этом мире, живой и непосредственный интерес познания к происходящим в этом мире изменениям – все это обнаруживает, по мере развития античной естественно-научной, а затем и философской мысли, более отчетливо ощущаемую связь между теми тонкими и одновременно яркими тонами все более расширяющейся палитры ощущений и чувств, становящихся доступными античному человеку, и их внешними генеративами. Наследуя все это буйство эмоциональных красок из прежней мифологии и религии, античная философия с самого начала складывалась как своего рода система целого ряда объяснительных концепций раскрытия эмоциональных составляющих мотивации формирующих античную картину мира людей и богов – их мыслей, поступков, желаний и отношений друг к другу и внешнему миру.

Именно на этой основе возникают первоначальные представления о наиболее ярко и рельефно ощущаемых компонентах сферы эмоций внутри так называемого учения древних о душе. В то же время усложняющаяся социальная реальность, формирующая все более разнообразные контексты возможных эмоциональных проявлений человека по отношению к равному себе, обществу, природе, конвергирует эти прежде разрозненные впечатления в некоторое единое целое, в дальнейшем воплощаемое в эмоциональной структуре античного культурного пространства, репрезентируемой не только в естественно-научной или философской мысли, но и в творческих актах создания текстов античной художественной культуры.

Особенное внимание историков эмоций привлекает древнегреческое учение не о чувствах, а об аффектах, например концепция стоиков об аффектах и их рекомендации по борьбе с ними. Подробнее останавливается на аффектах Аристотель (Мелкая, 2016). Он называет аффектами влечения, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь, ненависть, тоску, зависть, жалость – вообще все, чему сопутствует удовольствие или страдание. Аффект – это страдательное состояние, вызванное в человеке каким-то воздействием, возникает без намерения и обдумывания, под его влиянием меняются прежние решения. Аффект сопровождается телесными изменениями. Аристотель составил описания отдельных аффектов. Например, страх описывается так: «Страх (*fobos*) – некоторого рода неприятное ощущение или смущение, возникающее из представления о предстоящем зле, которое может погубить нас или причинить нам неприятность: люди ведь не боятся всех зол; например, не боятся быть несправедливыми или ленивыми, но лишь тех, которые могут причинить страдание, сильно огорчить или погубить, и притом в тех случаях, когда [эти бедствия] не [угрожают] издали, а находятся так близко, что кажутся неизбежными. Бедствий отдаленных люди не особенно боятся» (Античные риторика, 1978: 81).

В дальнейшем это приводит к тому, что в последующей традиции философия культуры с точки зрения своего актуального исторического генезиса оказывается не представимой вне анализа доминирующих внутри соответствующего исторического контекста значимых эмоциональных составляющих культурного универсума той или иной эпохи. В этом отношении всякая исторически складывающаяся культура в плане своего философского понимания должна рассматриваться и оцениваться в том числе и как культура эмоций, обнаруживающих, с одной стороны, некоторое постоянство, главным образом связанное с некой условной нормой физиологии высшей нервной деятельности человека по отношению к сфере эмоций, и, с другой – столь же определенную историческую изменчивость.

Последовавшие за распадом античного мира десять веков Европейского Средневековья почти ничего не смогли добавить к этим исходным представлениям, сформировавшимся и затем прочно утвердившимся в философии античности. По большей части это оказался именно тот случай, когда «прах античности» был почти без всякой пользы развеян по ветру, и до начала эпохи Возрождения почти никак себя не проявлял. Провозгласившая «возврат к идеалам античности» эпоха Возрождения тем же самым заново воздвигла из-под небытия средневековой схоластики те эстетические модусы культуры, реализация которых в пространстве нарождающейся культуры Нового времени была бы невозможна без актуализации наследуемых от античности эмоциональных паттернов восприятия новых культурных феноменов, знаменуя собой переход от многовекового осуждения «бесстыдства» и «греховности» почти обнаженного или даже полностью обнаженного человеческого тела, изображенного художественными средствами, к исторически реанимированному восприятию его же естественной красоты.

«Эмоция» – это термин, который вошел в употребление в английском языке в XVII–XVIII вв. как перевод французского термина, но не обозначал «категорию психических состояний, которые можно систематически изучать» до середины XIX в. (Dixon, 2003: 338; Solomon, 1976). В то же время многое, что мы сегодня называем эмоциями, было объектом теоретического анализа со

времен Древней Греции под различными языковыми обозначениями, такими как «страсть», «чувство», «привязанность», «аффект», «беспокойство», «возмущение», «потрясение» или даже «аппетит». Это приводит к долгой и сложной истории, которая постепенно развивает разнообразные общие представления о природе и функциях эмоций, но не к консенсусному определению того, что такое эмоции, ни в философии, ни в естественных науках.

Самая простая теория эмоций и, возможно, теория, наиболее репрезентативная для здравого смысла, заключается в том, что эмоции – это просто класс чувств, отличающихся по их качеству от других сенсорных ощущений, таких как дегустация сыра или, например, ощущение головной боли. Идея о том, что эмоции представляют собой особый вид субъективных переживаний, доминировала в теории эмоций примерно с Древней Греции до начала XX в.

Великие классические философы – Платон, Аристотель, Спиноза, Декарт, Гоббс, Юм, Локк – понимали эмоции как примитивные чувства, не имеющие составных частей. Альтернативная идея была впервые представлена У. Джеймсом, который утверждал, что научная психология должна прекратить рассматривать чувства как «вечные и священные психические сущности, подобные старым неизменным видам в естественной истории» (Джеймс, 2020: 449).

Предложение Джеймса, часто называемое теорией Джеймса – Ланге, потому что оно довольно похоже на теорию, предложенную примерно в то же время К. Ланге (1885), гласило, что эмоции – это чувства, возникающие в результате восприятия изменений в физиологических условиях, связанных с вегетативными и моторными функциями. Например, когда мы чувствуем, что находимся в опасности, это восприятие непосредственно запускает набор телесных реакций, и наше осознание этих реакций является тем, что составляет страх. Таким образом, Джеймс утверждал, что *«наше ощущение [телесных] изменений по мере их возникновения является эмоцией»* (Джеймс, 2020: 189–190).

Постепенно выделявшаяся из субъективно-идеалистической философии, а также из теории познания Нового времени экспериментальная психология начала XIX столетия положила эмоции человека в качестве одного из наиболее важных для понимания объектов в рамках своего научного поиска. К достижениям основоположников экспериментальной психологии – Фехнера, Вебера, Гельмгольца, Вундта, Эббингауза – следует отнести создание основ не только психологической теории, но и философско-психологической методологии исследования эмоций человека, которая с течением времени и развитием всего кластера антропологических дисциплин обнаруживала свой междисциплинарный характер.

Исторически и социо-генетически этому, безусловно, способствовала выраженная концептуальная преемственность натурфилософской психофизики как науки о нерасторжимой связи внутреннего мира души человека с миром, его окружающим, с возникшей психологией, которая впервые в истории науки поставила вопрос о конкретных формах этой связи. Так, основатель этого направления Г.-Т. Фехнер впервые постулировал положение о наличии связи между внутренним психическим ощущением и внешним воздействием, его вызвавшим (Heidelberger, 2018: 21). Более того, по утверждению Фехнера, между первым и вторым существовала вполне определенная зависимость, которую можно было бы выразить алгебраически, т. е. с помощью формулы. Дальнейшие попытки исследователя каким-либо образом нащупать эту закономерность привели его к уточнению первоначально высказанной гипотезы, поскольку в реальности выяснилось, что зависимость между полюсами системы «стимул – реакция» носит значительно более сложный, нежели линейный, характер (Heidelberger, 2018: 21). Тем не менее полученные в результате проведенных исследований данные сделали возможным само соотнесение объективной и субъективной сторон восприятия внешней действительности в каких-то сопоставимых величинах, что, в свою очередь, позволило хотя бы условно преодолеть грань, прежде разделявшую тело как часть внешнего мира и душу, в которой этот мир отражался, а это уже был вопрос чисто философский.

Простой эксперимент в этой же связи был проведен Э. Вебером, который вкладывал в руки подопытного два разных по весу грузика, преднамеренно держа того в неведении относительно фактического значения этой разницы. Данный эксперимент имел своей практической целью определение той минимальной разницы веса грузиков, что могла быть распознана человеком по ощущениям, т. е. субъективно. Вне зависимости от Фехнера он пришел к выводу о том, что прямого соответствия в величинах между внешним воздействием и вызываемой им реакцией, скорее всего, не существует (Ernst Heinrich Weber, 1967: 273). Причем этот полученный им вывод оказался верен не только для осязания, но и для любого другого сенсорного канала.

Это навело исследователя на мысль о том, что для величин каждой такой пары «стимул – реакция» внутри определенной модальности может быть получен свой собственный коэффициент. Это открытие чрезвычайно вдохновило ученого, поскольку исподволь порождало новую мысль о соответствии: подобно тому, как набор базовых физических констант определяет лик внешнего мира, так и набор этих базовых коэффициентов вполне может определять лик внутреннего мира

человеческой психики. Данная гипотеза Э. Вебера, выходя за рамки чистой психологии, также приобретала собственное философское измерение, однако само время не только не подтвердило справедливость всей этой дилеммы, но и поставило (от лица релятивистской физики) под сомнение ее первую часть.

Экспериментально-психологические работы Г. Гельмгольца опирались на значительное количество эмпирического материала, полученного им в ходе исследования человеческого зрения и слуха. Проводя первичное эмпирическое обобщение результатов этих экспериментов, Гельмгольц пришел к выводу о постоянном наличии интегративных элементов в деятельности головного мозга человека по обработке внешней сенсорной информации (Гельмгольц, 2018: 129). Зрительные и слуховые образы внешнего мира обретали явно системный характер по факту наличия между отдельными фрагментами увиденного или услышанного связей, не представленных в самой действительности эксплицитно, но обнаруживаемых всякий раз в целостной зрительной или слуховой картине окружающего имплицитно.

Человек, таким образом, всегда воспринимал нечто большее, нежели прямо представленное в данность его глазам или ушам на чисто сенсорном уровне, и попытки найти источник формирующихся в процессе обработки внешней информации внутренних связей, в конце концов, привели ученого к выводу об индивидуальной роли и субъективном значении прошлого опыта человека, всякий раз порождающего, путем сравнения и аналогизации, некоторый эффект «пред-восприятия», или апперцепции на основе этого же самого прошлого опыта. Именно об этом несколькими десятилетиями ранее уже писал в «Критике чистого разума» И. Кант (Кант, 2022: 37), рассматривая, в соответствии с постулируемым им там принципом «трансцендентального единства апперцепции», пространство и время в качестве «априорных конструкций логического сознания» человека (Кант, 2022: 41). В классической теории высших психических функций современной психологии функции ощущения и восприятия разделены именно по факту дискретности или интегративности формируемых образов, поскольку, чем больше собственный опыт анализа отдельных ощущений индивида, тем в большей степени будут различаться итоговые образы ощущения и восприятия как результата интеграции отдельных ощущений в его сознании (Барабанщиков, 2022: 24–25).

Данное различие нашло свое отражение и в философии. Введенная еще Г.В. Лейбницем в «Монадологии» (Лейбниц, 2020: 89) в противовес «пассивной перцепции» Дж. Локка философская категория апперцепции прошла дальнейшую историческую эволюцию преимущественно в трудах субъективных идеалистов, формально относимых к тому направлению, что сейчас носит название когнитивной философии: это и «трансцендентальное единство апперцепции» в «Критике чистого разума» И. Канта (Кант, 2022: 37), и «Die Wissenschaftlehre» («Наукоучение») И.Г. Фихте (Фихте, 2021: 114), у которого она реализуется в понятии *produktive Einbildungskraft* (производительная сила мышления), и концепция интенциональности сознания человека в акте восприятия в «Феноменологии» Э. Гуссерля (Гуссерль, 2018: 179). В современной психологической науке понятие апперцепции определяется как фундаментальное свойство человеческой психики, в значительной степени определяющее саму возможность бытия индивида в качестве социального субъекта, без наличия которого развитие современной философской гносеологии просто невозможно представить, поскольку философию часто интересует не сама возможность познания внешнего мира (Кант, 2022: 39), а то, каким образом и в качестве чего он может быть познан.

В своих экспериментальных работах В. Вундт предположил, что ощущение является лишь одной из сторон опыта, тогда как другой его стороной должно быть формирующееся в опыте чувство (Вундт, 2007: 83). Чувство, как возникающее отношение к познанному в опыте, не одномерно, и В. Вундт создает трехмерную модель чувства в пересечении трех независимых оппозиций «комфорт – неудобство», «действие – расслабление», «активация – дезактивация». Комбинации таких трехмерных моделей, по мнению В. Вундта, в результате и создают эмоции, тем самым значительно более сложные по своей структуре, нежели простые чувства.

В отличие от структуралистской концепции В. Вундта, Г. Эббингауз в основу формирования оценочной стороны внешнего восприятия заложил понятие ассоциации (Эббингауз, Бэн, 1998: 510), и на этой основе сформулировал психологию процесса восприятия как систему взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга ассоциаций. В своих знаменитых опытах по изучению особенностей забывания воспринимаемого речевого материала он обратил внимание на большую результативность испытуемых в том случае, если экспериментальный речевой материал был осмысленным и порождал у испытуемых какие-либо индивидуальные эмоции, содержательно фундирующие образование вспомогательных ассоциаций. Г. Эббингаузом было доказано, что возникающие в случае осмысления предлагаемых единиц речи эмоции приводили к

более продолжительному удержанию в памяти испытуемых опытного материала, что в итоге привело к возникновению внутри складывающихся исследовательских направлений еще одного нового – психологии эмоциональной сферы человека.

Современная психология эмоций демаркирует их как феномен от иных видов процессов, происходящих в этой сфере: чувств, аффектов, настроений (Экман, 2019: 272). Генеалогия эмоций усматривает их эволюционное происхождение от простейших типов эмоциональных процессов, присущих далеким предкам современного человека (Bleiker, Huttchison, 2018: 329). Критерии демаркации эмоций от иных типов эмоциональных состояний определенным образом влияют на выбор методов их исследования, разнообразие которых связано главным образом с многоаспектностью взглядов и воззрений на них, формирующихся в рамках тех или иных частных наук (Griffiths, 2013: 9).

Философская методология исследования эмоций и их проявления центрируется вокруг изучения и анализа особой сферы человеческого бытия, в котором эмоции обретают роль отношений человека к миру, к своей деятельности во внешней действительности, к результатам этой деятельности, к позиционированию себя внутри этой действительности как чего-то такого, что в одно и то же время выступает и проявляется и как часть ее, и как нечто от нее отличное (Kim, Klinger, 2019: 27). Таким образом, всякая эмоция представляется в рамках философского исследования как специфическая, имманентно присущая человеческой психике сторона оценивания различных форм синтеза человека и мира. Вследствие того, что человек взаимодействует не только с природной, но и с социальной реальностью, эмоциональный анализ такого рода позволяет фактически подобрать ключ к раскрытию значений и смыслов особенностей социокультурного контекста, окружающего человека на том или ином этапе исторического развития и вызывающего у него определенные эмоции по отношению к этим исторически складывающимся формам. В этом отношении эмоциональная рефлексия рассматривается как существенная часть общей рефлексии внешнего мира не только со стороны психологии или социологии, но и со стороны философии и культурологии. Кроме того, в рамках целого ряда концепций когнитивной философии последних десятилетий эмоциональные составляющие рассматриваются не в качестве дескрипций, а в качестве векторных детерминаций выбора направлений познавательной активности человека, например науки, культуры, философии.

Обобщая накопленный опыт изучения эмоций, можно сказать, что с позиции философии эмоции включают следующие элементы: 1) биологическую составляющую; 2) социально сконструированные культурные дефиниции эмоций; 3) языковые обозначения (имена) для разнообразных переживаний; 4) восприятие и оценку ситуации, объектов и событий. Не все эти элементы обязательно проявляются во всех эмоциях, но если присутствуют, то монолитно сливаются. Философия в данном случае стремится объяснить связи между природным (биологическим), когнитивными процессами и культурными установками.

Список источников:

- Античные риторика / Собрание текстов, статьи, коммент. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978. 352 с.
 Барабанщиков В.А. Общая психология. Психология восприятия. М., 2022. 184 с.
 Вундт В.М. Введение в психологию. М., 2007. 168 с.
 Гельмгольц Г.Л.Ф. О цели и об успехах естествознания. М., 2018. 150 с.
 Гуссерль Э. Идея феноменологии. Пять лекций. М., 2018. 320 с.
 Джеймс У. Психология. М., 2020.
 Иллус Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / пер. С.В. Сидоровой. М., 2022а. 520 с.
 Иллус Е. Почему любовь уходит? Социология негативных отношений / пер. с нем. С.В. Сидоровой. М., 2022б. 384 с.
 Кант И. Критика чистого разума. М., 2022. 160 с.
 Лейбниц Г.В. Монадология. М., 2020. 200 с.
 Мелкая М.В. «Стыд» в философии Аристотеля // Ценности и смыслы. 2016. № 2 (42). С. 111–120.
 Тюгашев Е.А. Чувственно-эмоциональные истоки философии // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2. С. 161–170. <https://doi.org/10.15643/libartus-2016.2.5>
 Фихте И.Г. Второй курс лекций по наукоучению 1804 г. М., 2021. 414 с.
 Щергова Л.В. Значение этики в эпоху эстетизма // Известия ВГПУ. 2003. № 2 (03). С. 3–9.
 Эббингауз Г., Бэн А. Ассоциативная психология. М., 1998. 544 с.
 Экман П. Психология эмоций / пер. В. Кузина. СПб., 2019. 448 с.
 Bleiker R., Huttchison E. Methods and Methodologies for the Study of Emotions in World Politics // Researching Emotions in International Relations / ed. by M. Clément, E. Sangar. Palgrave Macmillan Cham, 2018. Pp. 325–342. https://doi.org/10.1007/978-3-319-65575-8_14
 Dixon T. From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 287 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490514>
 Ernst Heinrich Weber (1795–1878) Leipzig physiologist // Jama. 1967. Vol. 199, no. 4. Pp. 272–273.
 Griffiths P. Current Emotion Research in Philosophy // Emotions Review. 2013. Vol. 5, no. 2. Pp. 215–222. <https://doi.org/10.1177/1754073912468299>
 Heidelberg M. Life and Work // Nature from within: Gustav Theodor Fechner and his Psychophysical Worldview. New York : University of Pittsburgh Press, 2018. 456 с.

- Kim E., Klinger R. A Survey on Sentiment and Emotion Analysis for Computational Literary Studies // *Zeitschrift für digitale Geisteswissenschaften*. 2019. https://doi.org/10.17175/2019_008_v2
- Schulze G. *Erlebnisgesellschaft: Kultursociologie der Gegenwart*. Campus Verlag, Frankfurt ; New York, 2005. 612 p.
- Solomon R.C. *The Passions*. Garden City ; New York : Doubleday Anchor, 1976.

References:

- Barabanshnikov, V.A. (2022) *Obshchaya psixologiya. Psixologiya vospriyatiya* [General Psychology. Psychology of Perception]. Moscow, Yurajt. (In Russian)
- Bleiker, R. & Huttchison, E. (2018) Methods and Methodologies for the Study of Emotions in World Politics. In: Clément, M. & Sangar E. *Researching Emotions in International Relations*. Palgrave Macmillan Cham, p. 325–342. Available from: doi:10.1007/978-3-319-65575-8_14
- Dixon, T. (2003) *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*. Cambridge, Cambridge University Press. Available from: doi:10.1017/CBO9780511490514
- Dzhejms, U. (2020) *Psixologiya* [Psychology]. Moscow, Akademicheskij proekt. (In Russian)
- Ebbinghaus, G. & Ben, A. (1998) *Associativnaya psixologiya* [Associative Psychology]. Moscow, AST-LTD. (In Russian)
- Ekman, P. (2019) *Psixologiya emocij* [Psychology of Emotions]. St. Petersburg, Piter. (In Russian)
- Ernst Heinrich Weber (1967) (1795–1878). *Leipzig Physiologist. Jama*. 199 (4), pp. 272–273.
- Fikhte, I.G. (2021) *Vtoroj kurs lekcij po naukoucheniju 1804 g.* [The Second Course of Lectures on Science Studies in 1804]. Moscow, V. Dal. (In Russian)
- Gel'mgol'cz, G.L.F. (2018) *O celi i ob uspechax estestvoznaniya* [On the Goal and Successes of Natural Science]. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
- Griffiths, P. (2013) Current Emotion Research in Philosophy. *Emotions Review*. 5 (2), 215–222. Available from: doi:10.1177/1754073912468299
- Gusserl', E. (2018) *Ideya fenomenologii. Pyat' lekcij* [The Idea of Phenomenology. Five Lectures]. Moscow, Humanities Academy. (In Russian)
- Heidelberger, M. (2018) Life and Work. In: Heidelberger, M. *Nature from within: Gustav Theodor Fechner and his Psycho-physical Worldview*. New York, University of Pittsburgh Press.
- Illuz, E. (2022a) *Pochemu lyubov' ranit? Sociologicheskoe ob'yasnenie* [Why does Love Hurt? Sociological Explanation]. Moscow, Berlin, Directmedia Publishing. (In Russian)
- Illuz, E. (2022b) *Pochemu lyubov' uxodit? Sociologiya negativny'x otnoshenij* [Why is Love Leaving? Sociology of Negative Relations]. Moscow, Berlin, Directmedia Publishing. (In Russian)
- Kant, I. (2022) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, Eksmo-press. (In Russian)
- Kim, E. & Klinger, R. A (2021) Survey on Sentiment and Emotion Analysis for Computational Literary Studies. *Zeitschrift für digitale Geisteswissenschaften*. Available from: doi:10.17175/2019_008_v2
- Lejbnic, G.V. (2020) *Monadologiya* [Monadology]. Moscow, Ripoll-Classice. (In Russian)
- Melkaia, M.V. (2016) Shame in Aristotle's Philosophy. *Values and Meanings*. (2). 111–120. (In Russian)
- Schulze, G. (2005) *Erlebnisgesellschaft: Kultursociologie der Gegenwart*. Frankfurt, New York, Campus Verlag. (In German)
- Shcheglova, L.V. (2003) Znachenie etiki v epokhu estetizma [The Meaning of Ethics in the Era of Aestheticism]. *Izvestiya VSPU* [News of VSPU]. (2), 3–9. (In Russian)
- Solomon, R.C. (1976) *The Passions*. Garden City, New York, Doubleday Anchor.
- Takho-Godi, A.A., ed. (1978) *Antichny'e ritoriki. Sobranie tekstov, stat'i* [Ancient Rhetoric. Collection of Texts, Articles]. Moscow, Publishing House of Moscow State University. (In Russian)
- Tyugashev, E.A. (2016) Emotional Genesis of Philosophy. *Liberal Arts in Russia*. 5 (2), 161–170. Available from: doi:10.15643/libartus-2016.2.5 (In Russian)
- Vundt, V.M. (2007) *Vvedenie v psixologiyu* [Introduction to Psychology]. Moscow, KomKniga. (In Russian)

Информация об авторе

Ю.В. Лобанова – кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского политехнического университета, Москва, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=957123.

Information about the author

Yu.V. Lobanova – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department “Humanities Disciplines”, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=957123.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.07.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.07.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 56–59.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 56–59.

Научная статья

УДК 303.4:82-3

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.8>

Гуманитарные исследования и их трансформация как элемент культурфилософской модели литературно-художественного произведения

Иван Юрьевич Макаrchук

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
faler2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2632-2772>

Аннотация. Гуманитарные науки находятся в непрерывном поиске новых интерпретационных методов и стратегий. Автором статьи в качестве исследовательского метода разрабатываются общетеоретические основания культурфилософской модели литературно-художественного произведения, которая может быть использована при изучении творческого наследия разных писателей. К структурным элементам такой модели, наряду с существующими в пространстве гуманитарного знания исследованиями соответствующего литературно-художественного произведения, относятся следующие: концепты, главная культурфилософская идея, жанр, писательская биография. По результатам исследования автор приходит к выводу, согласно которому одним из условий продуктивности и полноты культурфилософского изучения литературно-художественного произведения являются обзор и анализ имеющихся в гуманитарных науках исследований общего и частного порядка с возможностью последующей их трансформации в плоскость культурфилософии.

Ключевые слова: культурфилософская модель, литературно-художественное произведение, художественная литература, гуманитарные исследования, гуманитарные науки, интерпретация, трансформация, междисциплинарный подход

Для цитирования: Макаrchук И.Ю. Гуманитарные исследования и их трансформация как элемент культурфилософской модели литературно-художественного произведения // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 56–59. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.8>.

Original article

Humanities and Their Transformation as an Element of the Cultural and Philosophical Model of a Literary and Artistic Work

Ivan Yu. Makarchuk

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
faler2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2632-2772>

Abstract. The humanities are in a continuous search for new interpretive methods and strategies. The author of this article develops general theoretical foundations of the cultural and philosophical model of a literary and artistic work as a research method, which can be used in studying the creative heritage of various writers. The structural elements of the model, along with the studies of the corresponding literary and artistic work that are present within the framework of humanitarian knowledge, include the following: concepts, the main cultural and philosophical idea, genre, writer's biography. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that one of the conditions for productivity and completeness of the cultural and philosophical study of a literary and artistic work is the review and analysis of general and particular research in the field of humanities with the possibility of their subsequent transformation into the plane of cultural philosophy.

Keywords: cultural and philosophical model, literary and artistic work, fiction, humanitarian research, humanities, interpretation, transformation, interdisciplinary approach

For citation: Makarchuk, I.Yu. (2022) Humanities and Their Transformation as an Element of the Cultural and Philosophical Model of a Literary and Artistic Work. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 56–59. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.8](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.8) (In Russian).

Введение. Проблема наличия специального методологического и понятийного аппарата для осмысления в литературно-художественных произведениях философской составляющей является перманентно открытой, поскольку не может существовать раз и навсегда окончательно сформированного перечня исследовательских практик и инструментов. Напротив, внедрение новых подходов и обновление имеющихся позволяют расширять знаниевые основы гуманитарных наук.

Художественная литература входит в круг феноменов, изучаемых широким перечнем гуманитарных наук, каждая из которых находит в ней свой аспект. При реализации исследовательских стратегий авторы подходят к предмету с точки зрения своих «отраслевых» задач и имеющегося арсенала способов интерпретации, при этом проблемы методологического толка усложняются, когда исследователь культуры входит в зону междисциплинарности. Тем не менее гуманитарные науки являются «тонким инструментом анализа общества и его истории», посредством которого онтологические проблемы приобретают «человеческое измерение» и обнаруживаются пути их теоретического и практического разрешения (Юсуфов, 2005: 6, 396). В конгломерате гуманитарных наук состоит и культурфилософия, чьи теоретические и прикладные основы формировались в рамках философии, культурологии, истории, филологии, лингвистики, литературоведения, антропологии, социологии и других гуманитарных наук.

Здесь стоит отметить, что литературно-художественные произведения в разрезе герменевтического знания хотя и разрабатываются указанными гуманитарными науками, но преимущественно в рамках исследований филологической и философской направленности. При этом в современном корпусе работ имеется серьезный крен в сторону филологических, литературоведческих интерпретаций художественного текста, а литература, в которой представлены рассуждения герменевтического толка, практически не обзревается. В самом общем виде можно определить, что филологическая интерпретация ориентирована на понимание литературных произведений с точки зрения языка, а философская интерпретация, «вторгаясь» в сферу изучения культурных феноменов, становится культурфилософией и исследует данные феномены с универсальных позиций: смыслы как идеальные и методологические сущности рассматриваются философией, помогая филологии обрести устоявшиеся формы.

Филология – совокупность гуманитарных наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве, соответственно – взаимодействие философии, культуры и филологии неизбежно и априорно, поскольку указанные области научного знания развивались в качестве смежных, параллельно и в генетической связи. При этом у философской и филологической герменевтики единый объект исследования – письменный текст, но различные методы его изучения и объективации. Задача философии состоит в поиске истины и познании предельных оснований бытия, а филологии – в анализе, усмотрении и освоении идеального, представленного в текстовых формах. Философская герменевтика признается универсальным методом в системе общественных наук, так как в понимании нуждаются любые феномены культуры, а значит, отраслевой потенциал герменевтики поистине неисчерпаем. Философия необходима другим гуманитарным наукам как общеметодологический и мировоззренческий базис.

Методология. Методологическую основу работы составили как общенаучные методы (анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, логический подход), так и методы, традиционно используемые в философско-культурологических исследованиях: культурологический и культурфилософский анализ, также применялись междисциплинарный подход и метод интерпретации.

Результаты и обсуждение. Исторически проблематика художественной литературы (как источника философско-культурологического знания) формировалась на базе взаимоотношений литературы, истории и филологии (Манкевич, 2007: 17). Во взаимодействии указанных наук заложено условие развития данных отраслей научного знания. Более того, культурфилософский дискурс основан на принципе целостности, что означает ориентацию культурфилософского исследовательского поля на контексты бытийного единства феноменов культуры, а не на отдельные их части. Это обстоятельство базируется на кумулятивном принципе философии вообще и культурфилософии в частности. Приведенное обстоятельство генетически предопределено, поскольку к этому культурфилософию обязывает стремление к предельным и фундаментальным основаниям, а знания других наук, попадающие в ее предметное поле, «обречены» на переосмысление, адаптацию и трансформацию, именно поэтому философские науки «всегда играли специфическую роль: были средством понимания и трансформирования, изменения культуры и человека» (Лекторский, 2012: 16). В этом смысле трансформация служит обеспечению объединения междисциплинарного исследовательского материала культурологического свойства.

Указанная трансформация, по сути, является интерпретационной процедурой, отражающей динамику взаимодействия гуманитарных наук. Трансформация фиксирует момент «переплавления» знания одной науки в новое знание другой. При этом проблемы межнаучной трансформации идей признаются одними из самых насущных в интеллектуальном дискурсе (Интеллектуальные трансформации..., 2008: 13). Следовательно, представляется справедливым отнесение Л.М. Мосоловой культурологии «к особому типу науки, способной обобщать широкие области научного познания культурного творчества...» (2012: 91–92), т. е. изменять их до соответствующего содержания. При этом справедливо подмечено Р.Ф. Юсуфовым, что значимые открытия в гуманитарном знании базировались на «переработке интеллектуального материала» (2005: 397).

Такого рода дислокация культурфилософии на стыке гуманитарных наук обуславливает, что первая являет собой «лабораторию», перерабатывающую знания, полученные в рамках междисциплинарного подхода. Отметим, что при процедурах трансформации включенные в этот процесс отрасли научного знания играют вспомогательную и содействующую роль, поскольку культурфилософия «оперирует множеством понятий, категорий и концептов, заимствованных из лексикона других областей научного знания» (Дробышева, 2011: 88). Соответственно, использование гуманитарных знаний в качестве платформы философско-культурологического исследования предполагает их трансформацию в культурфилософскую плоскость.

Указанные особенности в полной мере находят отражение при культурфилософском изучении художественных произведений, которые всегда несут в себе конструкт «избыточности», связанный с «постоянным наращиванием авторского начала» и множества смыслов, в этом аспекте каждый интерпретатор произведения становится его «невольным соавтором». В рассматриваемом случае философский дискурс стремится «к использованию территории дисциплин, к нему прямо не относящихся», обеспечивая себе «особый статус внутри общих дискурсивных границ» (Многообразие жанров..., 2001: 131–133). В условиях, когда «каждое из гуманитарных направлений, выделяя в соответствии с присущей ему проблемной областью лишь один из аспектов» при интерпретации художественного произведения, культурфилософия призвана интегрировать соответствующие «фокусы зрения», а затем, трансформировав их, получить новое знание (Синявина, Махович, 2020: 74). Указанный процесс трансформации есть момент взаимоперехода, «переплавки», когда имеющееся гуманитарное знание преобразовывается исследователем в культурфилософскую плоскость, что открывает дополнительные возможности для приращения научных результатов и получения новых культурфилософских смыслов. Возможность такого рода трансформации объяснима внутренней сложностью литературного произведения, что закономерно влечет за собой многообразие интерпретаций в различных исследовательских плоскостях.

Заключение. Изложенное позволяет признать обоснованным использование имеющихся гуманитарных исследований в качестве элемента культурфилософского моделирования литературно-художественного произведения, проводимого в целях наиболее полного и точного установления заложенных в таком произведении смыслов. В связи с этим применение трансформации как интерпретационной процедуры дает возможность синтезировать новое знание. Тем самым трансформация обеспечивает гносеологическую устойчивость гуманитарных наук и служит точкой входа нового знания. Соответственно, благодаря трансформации меняется содержательный облик наук, создаются заделы для дальнейшего поступательного развития различных отраслей гуманитарного знания.

Список источников:

- Дробышева Е.Э. Роль концепта «архитектоника культуры» в социогуманитарной исследовательской парадигме // Концепты культуры и концептосфера культурологии : коллективная монография / под ред. Л.В. Никифоровой, А.В. Коневой. СПб., 2011. С. 88–99.
- Интеллектуальные трансформации: феномены и тренды : коллективная монография / В.В. Целищев, Н.С. Розов, В.О. Лобовиков и др. Новосибирск, 2008. 167 с.
- Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М., 2012. 324 с.
- Манкевич И.А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 17–23.
- Многообразие жанров философского дискурса : коллективная монография / Е.Ю. Базаров, И.С. Бельский, А.А. Еникеев и др. Екатеринбург, 2001. 276 с.
- Мосолова Л.М. О предметном поле культурологии // Культура и текст. 2012. № 1 (13). С. 91–96.
- Синявина Н.В., Махович Е.В. Художественное пространство в контексте культурфилософского дискурса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 74–82. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10208>.
- Юсуфов Р.Ф. История литературы в культурфилософском освещении. М., 2005. 435 с.

References:

- Drobysheva, E.Eh. (2011) Rol'koncepta "arhitektonika kul'tury" v sociogumanitarnoj issledovatel'skoj paradigme [The Role of the Concept "Architectonics of Culture" in the Socio-Humanitarian Research Paradigm]. In: Nikiforova, L.V. & Koneva, A.V. (eds.) *Koncepty kul'tury i konceptosfera kul'turologii [Concepts of culture and the concept sphere of cultural studies]* : Collective monograph. Saint Petersburg, Asterion, 88–99.
- Intellektual'nye transformacii: fenomeny i trendy [Intellectual Transformations: Phenomena and Trends] : Collective monograph (2008) / V.V. Tselishchev, N.S. Rozov, V.O. Lobovikov, et al. Novosibirsk, Parallel. (In Russian)
- Lektorskii, V.A. (2012) *The Philosophy, the Cognition, the Culture*. Moscow, Kanon+. (In Russian)
- Mankevich, I.A. (2007) Literature and Art Heritage as a Source of Culturological Information. *Observatory of Culture*. (5), 17–23. (In Russian)
- Mosolova, L.M. (2012) On the Object Field of Cultural Studies. *Culture and Text*. (1), 91–96. (In Russian)
- Sinyavina, N.V. & Makhovich, E.V. (2020) Art Space in the Context of Cultural and Philosophical Discourse. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. (2), 74–82. Available from: [doi:10.24412/1997-0803-2020-10208](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10208). (In Russian)

The Variety of Genres of Philosophical Discourse : Collective monograph (2001) / E.Yu. Bazarov, I.S. Belsky, A.A. Enikeev, et al. Yekaterinburg, BIK. (In Russian)

Yusufov, R.F. (2005) Istoriya literatury v kul'turfilosofskom osveshcheni [The History of Literature in Cultural and Philosophical Coverage]. Moscow, Nauka. (In Russian)

Информация об авторе

И.Ю. Макаrchук – кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=846820.

Information about the author

I.Yu. Makarchuk – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Philosophy, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=846820.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.07.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.08.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 60–64.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 60–64.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.9>

**Постсекулярная культура
в контексте теории множественной современности Ш. Эйзенштадта
(с учетом влияния трансгуманизма)**

Юлия Викторовна Хвастунова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия,
hvastunovoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6317-7901>

Аннотация. В статье рассматривается постсекулярная культура в контексте наработок теории множественной современности Ш. Эйзенштадта. Последняя способна объяснять ряд несостыковок и одновременно желание монополизировать в рамках западного трендового научного дискурса единственно возможное объективное объяснение постсекулярности. В работе анализируется религиозный аспект современных культурных процессов, в том числе осмысление их в работах Ш. Эйзенштадта. В западном обществе в последние десятилетия XX в. усилился процесс трансформации религии/духовности, появилось множество новых религиозных движений (НРД), среди которых следует выделить быстрорастущие направления New Age. В более широкой плоскости особое место начинает занимать трансгуманизм, в котором помимо научной составляющей, существует религиозная основа, претендующая на монополию в изменяющемся мире и имеющая отношение к процессам постсекуляризации.

Ключевые слова: постсекулярная культура, теория множественной современности, Ш. Эйзенштадт, трансгуманизм

Для цитирования: Хвастунова Ю.В. Постсекулярная культура в контексте теории множественной современности Ш. Эйзенштадта (с учетом влияния трансгуманизма) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 60–64. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.9>.

Original article

**Post-secular Culture
in the Light of Multiple Modernities Theory by S. Eisenstadt
(Taking Account of Transhumanism Influence)**

Yulia V. Khvastunova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia,
hvastunovoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6317-7901>

Abstract. The author deals with post-secular culture in the light of the developments of multiple modernity theory by S. Eisenstadt. This theory is able to explain a number of inconsistencies and, at the same time, the desire to monopolize the only possible objective explanation of post-secularity within the framework of the Western trending scientific discourse. The author analyzes the religious aspect of modern cultural processes, including their comprehension in the works of S. Eisenstadt. In Western society in the last decades of the 20th century the process of transformation of religion/spirituality has intensified, many new religious movements (NRMs) appeared, among which the fast-growing areas of the New Age should be highlighted. On a broader plane, transhumanism begins to occupy a special place, in which, in addition to the scientific component, there is a religious basis that claims a monopoly in a changing world, and hence is related to the processes of post-secularization.

Keywords: post-secular culture, theory of multiple modernities, S. Eisenstadt, transhumanism

For citation: Khvastunova, Yu.V. (2022) Post-secular Culture in the Light of Multiple Modernities Theory by S. Eisenstadt (Taking Account of Transhumanism Influence). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 60–64. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.9](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.9) (In Russian).

При изучении современного противостояния теорий секуляризации и постсекуляризации рано или поздно обнаруживается теория множественной современности «Multiple Modernities» (Eisenstadt, 2000). Несмотря на ее уже почтенный возраст (чем новее современная теория, тем быстрее устаревает), именно сейчас, после 10 лет со дня смерти автора Ш. Эйзенштадта, она становится актуальной. Это очевидно применительно к анализу не только западной, но и российской современной культуры и субкультур, в частности. В западных исследованиях встречаются

работы, критикующие теорию Ш. Эйзенштадта не только за его различные версии современности, но и за акцент на культурной составляющей, а также некоторое пренебрежение к эмпирической методологии (Schmidt, 2006; Fourie, 2012). Среди отечественных ученых данная теория не стала неожиданностью, справедливо будет отметить, что она является своего рода продолжением, имеет ряд пересечений с теорией родоначальника цивилизационного подхода Н.Я. Данилевского¹, который, конечно, цитируется меньше в современных международных публикациях по понятным причинам, но его гениальное предвидение доказало право на существование российской цивилизационной культурологической школы.

Скажем кратко о теории множественной современности. Ш. Эйзенштадт – израильский ученый (умер в 2010 г. в возрасте 86 лет), занимался изучением протестных движений, сравнительными исследованиями разных типов цивилизаций, обществ, культур. В частности, он сопоставлял западный тип цивилизации с восточным с учетом влияния времени, социальных процессов внутри элитных/влиятельных групп, изменениями внутри одного типа цивилизации в контексте передачи культуры от поколения к поколению и роли в этом процессе революций. Ш. Эйзенштадт опирался также на теорию «осевого времени» К. Ясперса, которая имеет принципиальные отличия от позиций цивилизационной школы. Она иначе интерпретирует исторический процесс, описывая ленту времени в линейном формате, однако ее центральный момент – уникальность «осевого времени», ее гениального одновременного всплеска в различных типах культур – позволил использовать данный аргумент в теории множественной современности. Еще один общий момент с К. Ясперсом – это понимание роли духовности, которая в современной западной культуре сильно деформировалась, и многие апологеты, в том числе трансгуманисты, позитивно оценивают технологический прогресс и приписывают ему некие высшие духовные качества. Однако Ясперс, как и Ш. Эйзенштадт, вряд ли бы согласился с подобной оценкой: «Теперь, проводя сравнение, мы можем с уверенностью сказать: настоящее – не второе осевое время. Более того, резко контрастируя с ним, оно являет собой катастрофичное обеднение в области духовной жизни, человечности, любви и творческой энергии; и только одно – успехи науки и техники – действительно составляет его величие в сравнении со всем предшествующим периодом»².

Аналогичным способом Ш. Эйзенштадт подошел и к теории М. Вебера, разделяя представления о харизме и типах власти. В целом же философ придерживался методологии структурного функционализма. Наиболее известна его теория множественной современности, т. е. авторская теория модернизации. Последняя, особенно у европейских авторов мыслится почти всегда как нечто монолитное с четкими европейскими чертами или характеристиками, которые удачно воплотились именно в европейском культурно-историческом типе, и такая «единственная версия или траектория» современности реализуется в настоящем и будет воплощаться в иных типах цивилизации по мере их развития или перехода в современность. Таким образом предполагается, что пока иные цивилизации находятся в плоскости традиционной культуры или не имеют черт современной европейской цивилизации, «не идут по ее пути», они еще не стали современными или модернизированными. Ш. Эйзенштадт справедливо указал на некоторую странность описанной выше ситуации, ведь иные типы цивилизаций с их уникальной культурой «не застряли» в прошлом, они аналогично развиваются, отличаются от себя прошлых и формируют иной вариант современности, другими словами, их проект современности существует параллельно европейскому проекту.

Ранее в европейских науках существовала монополия теории секуляризации, о которой метко написал Д. Узланер: «...теория секуляризации, являвшаяся подразделом более общей теории модернизации, которая постулировала принципиальную несовместимость современности и религии: чем больше одного, тем меньше другого... Причиной подобного европоцентризма (и в целом западоцентризма) было убеждение в том, что возможна только одна единственная версия современности: модернизация, понимаемая, прежде всего, через ряд экономических процессов, всегда оказывает примерно схожее влияние как на общество в целом, так и на религию в частности» (Узланер, 2012: 8–9, 13–17).

Когда-то американские ученые выдвинули свою версию продолжения существования религии при имеющихся признаках прогресса (всего того, что было принято относить к достижениям секуляризации). Американские теории религиозного рынка оказались более объективными в том смысле, что точнее и правдивее описывали религиозную ситуацию в близкой к европейскому Западу стране – США. Тем более, такая работа необходима в отношении России. Здесь требуется альтернатива европейским и американским теориям. Если ученые альтернативы не замечают или критикуют, тем самым лишь вставая на сторону центризма и двойных стандартов, то в

¹ Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М., 1991. 574 с.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 113–114.

отношении «своих цивилизаций/культур» они уже показали/признались, что теории секуляризации в целом годятся лишь для описания ближайшего типа цивилизации в рамках своей культурной матрицы и не более того.

Ш. Эйзенштадт аргументировал тот факт, что модернизация и вестернизация (западоцентризм) – это разные явления, не обязательно определяющие друг друга. Все великие культуры, зародившиеся в период «осевого времени», способны реализовывать свою современность, свой проект модернизации на основе собственной уникальной духовной матрицы, которая «выписывается» в собственной культуре и ее проявлениях, в социуме и его структурных особенностях. Поэтому навязываемая Западом и его элитой якобы единственно возможная современность – это фикция, которая внушается благодаря неким успехам, в основном на политико-экономическом фронте западной цивилизации и с помощью экспансии/присвоения себе и исключительно своей трактовке таких процессов как инновации, глобализация, технизация, демократизация и т. п. Многие из перечисленных процессов возникли впервые не у нее и правильно реализуются не у нее, или не только у нее, но западная «локальная» культура просто удачно «забывает» или монополизировать научное и иное пространство своим информационным шумом.

Русская культура реализует и должна реализовывать свой проект современности, а находясь под гипнозом Запада, на поводу у его единственно возможного сценария будущего, якобы равного понятию «прогресс», лишь тормозит свое развитие (плодит в своих представителях комплекс неполноценности), становится колонией или почвой для реализации амбиций Запада. Концепция Ш. Эйзенштадта, как было показано выше, представляет собой дальнейшее развитие теории локальных цивилизаций (см. теорию Н.Я. Данилевского), отвергающей идею о конвергенции и гомогенизации общества в процессе развития. Итак, простая очевидная мысль – поскольку культурных программ много, то и вариантов модернизации тоже должно быть более, чем один или два. На траекторию модернизации влияет не только уникальность собственной культурной программы, но и характер революционных периодов, которые обычно случаются во всех типах «осевых цивилизаций».

Ш. Эйзенштадт в последние годы занимался анализом секуляризации, упадка религии в западном обществе и появлением новых религиозных движений, он применил к этим явлениям свою теорию множественной реальности (Эйзенштадт, 2012). Его анализ религиозных процессов в последние десятилетия XX в. обозначил завершение классической эпохи современности для Запада, в том числе из-за религии. Если ранее религиозные практики и идентичности из века в век уступали свои позиции, «съеживались» до приватной сферы, то в последние десятилетия активизировались и стали проявляться в различных сферах, в частности, в политических структурах, изменяя последние (Эйзенштадт, 2012: 34). Эйзенштадт писал: «Вместе с этим умножается число религиозных или “духовных” идей или течений в духе “Нью-Эйдж”». Хотя эти движения, группы и течения не были организованы в какие-либо общие национальные или международные структуры, все же между ними установилось множество “транснациональных” связей, ставших новым элементом общей глобальной сцены. Наконец, еще одной важной тенденцией современного глобального мира стал рост виртуальных транснациональных религиозных и этнических объединений и сообществ, в число которых входят и новые диаспоры. ...Масштабные трансформации касаются еще и структуры данных сетей, форм участия в них, равно как и их присутствия в национальных и международных публичных пространствах и формирования современных коллективных идентичностей. Результатом становятся масштабные изменения в самом устройстве транснациональных религиозных организаций, в их отношениях с государством и гражданским обществом, а также в международных делах» (Эйзенштадт, 2012: 36–37). Данное описание почти идеально подходит под характеристики новой религиозности и так называемой «новой духовности», которая все чаще позиционируется в западной науке. Такая «религиозная основа» структурно, организационно и исторически соответствует идеологической составляющей трансгуманистического движения, а также его способам распространения среди элит в различных странах. Трансгуманизм практически идеально вжился в современный постсекулярный формат западного общества, его успех определяется не только политическими и научными достижениями, но и удачной популяризацией его идей в культурной плоскости. Массовая потребительская культура живо откликнулась и стала формировать новые трендовые образцы искусства с трансгуманистическим налетом. Ш. Эйзенштадт еще подчеркивал реконституированность (Эйзенштадт, 2012: 38) как черту новых виртуальных сообществ и движений, трансгуманизм вписывается в такую характеристику идеально. Новые религиозные движения (НРД), духовность трансгуманистических сообществ в своей основе часто фиксируют старые гностические, панпсихические и оккультные идеи. Реконструкция может реализовываться в самых разнообразных формах: от неоязычества, новой магии, виртуальных церквей до гибридов восточных практик с западными

научными достижениями и представлениями (как у разлитов или в движении Терасем (М. Ротблатт)). Еще одно обстоятельство, характерное для постсекулярной эпохи – это постоянное смешение, гибридность, «...процесс кристаллизации множественности, плюралистичности и диверсифицированности семантически-идеологических и институциональных связей между основными сферами жизни – между публичными и частными сферами, между работой и культурой, занятостью и проживанием, а также между примордиальными / сакральными и гражданскими компонентами в конституции коллективных идентичностей. Развивается целый ряд постоянно меняющихся комбинаций множества культурных тем и тропов, собранных из различных культур по всему миру, дают о себе знать новые паттерны синкретизма различных культурных традиций... Нередко подобные изменения приводят к кристаллизации меняющихся “альтернативных” современностей, бросающих вызов существующим господствующим моделям, а также образующих новые формы исключения и включения» (Эйзенштадт, 2012: 40).

В XX в. после периода зачарованности позитивизмом наступили временная стагнация и разочарование, сменившиеся постмодернистскими установками, где стало возможно сочетать несочетаемое ранее: рациональность и иррациональность, сциентизм и оккультизм, общественное и приватное, свободное и тоталитарное, естественное и предельно искусственное, мужское и женское, прекрасное и безобразное. Так, трансгуманисты заявляют об абсолютной свободе личности и одновременно праве науки и прогресса переступить черту и начать глобальный эксперимент, даже если он положит конец человечеству как виду и уступит место иным сущностям. Когда-то «выброшенные на обочину» сообщества со своей культурой, по Ш. Эйзенштадту, теперь снова начали реализовывать свои проекты: «Большинство некогда “подавленных” идентичностей – этнических, локальных, региональных и религиозных – обрели новую значимость» (Эйзенштадт, 2012: 42–43). Ученый не забывает подчеркнуть и роль «глобальной экономической неолиберальной гегемонии», и здесь трансгуманизм хорошо вписывается посредством привлечения наиболее влиятельных и богатых фигур Запада (Эйзенштадт, 2012: 46).

Процесс «возвращения» религии в общественную сферу протекает по-разному, в зависимости от того или иного варианта современности. Тут западная версия современности похожа уже определилась, выбрав трансгуманистический проект и начав его транслировать, клонировать, в том числе, с помощью продуктов и механизмов массовой культуры, а также с помощью экспансии своего мировоззрения на активные прозападные прослойки национальных элит различных стран. Параллельно с международным глобальным проектом трансгуманизма реализуются как бы локальные региональные проекты Нового века, например, в виде возрождения исконных языческих верований, одновременно реализуя себя как протестные движения, способные привнести всю палитру андеграунда в общественное пространство. Ш. Эйзенштадт заключает, в соответствии со своей теорией множественной современности, что религии вернулись на правах активных игроков и постсекулярная эра настала: «На арене современного мира различные грани “религии” конкурируют друг с другом за свое место в этой новой структуре» (Эйзенштадт, 2012: 55).

Трансгуманизм как бы присваивает себе монополию на современность, видение современности или ее траекторию (направляя, корректируя на свою сторону, ограничивая иные альтернативы), через узкие смыслы понятий: «цифровизация, прогресс, инновации», выражаясь терминами Ш. Эйзенштадта. На самом деле у него нет прав и сил это сделать в объективной реальности, поэтому большая часть работы осуществляется в сфере информационной манипулятивной игры, где приз – это сознание потребителей-пользователей. С другой стороны, трансгуманисты являются наследниками или сторонниками видения истории западной культуры как секулярной и отсюда в таком контексте, где традиционная религия как бы потеряла авторитет, утратила большинство позиций, она автоматически исчезает, но ее место не остается пустым, оно занимается понятием «духовность» или «новая духовность» и уже применительно к ней трансгуманисты начинают выстраивать теории религиозности, например, «Церковь Тьюринга» или движение Терасем.

Существует несколько версий современности, сценарии развиваются параллельно, один из них – секулярная современность, а другой – постсекулярная современность и, может быть, религиозная современность вне процессов секуляризации в принципе (ряд восточных культур). Констелляции, напластования как минимум трех составляющих (религии, исторической ситуации и собственно культуры) будут образовывать разные версии современности, и практически нигде религия не исчезала полностью (Узланер, 2012: 21). Она одновременно являет собой сильное интеграционное начало той или иной культуры и поле борьбы сильнейших внутренних противоречий внутри групп и элит одной культуры (Штекль, 2012; Емельянов, 2017). Повсюду параллельно существует несколько пластов реализации культуры, война идет на уровне сознания одного человека, двух людей, семьи, сообщества, народа, государства, элит, кланов, культур, цивилизаций – все пронизано этим «индикатором священного» (Узланер, 2012: 28).

Итак, полезный вывод из анализа теории «множественной современности» применительно к «схватыванию» теорий секуляризации и постсекуляризации может быть следующим: у всех теорий секуляризации и постсекуляризации есть общая проблема или единый метод описания – идеализация и абсолютизация этих процессов, однако ни статистически, ни субъективно нельзя абсолютно заявить о доминировании той или иной, поскольку в одном и том же обществе протекают оба процесса, и разница лишь в том, что официальная идеология или тренд, как на Западе сейчас, в некотором смысле антирелигиозный или антитеистический создает ситуацию доминирования определённых установок. В таком положении группы и страты ведут себя по-разному, часть сообщества плывет по течению, соглашаясь/принимая навязываемые установки, а часть скрывает свои убеждения, однако они остаются и влияют на самих несогласных или временно «пассивных». Так было в СССР, где официальный атеизм и секуляризация заставляли часть общества не только приватно продолжать верить, но и формировать более сильные убежденные группы и системы взглядов (например, в РПЦ за советский период появилось поколение особо уважаемых старцев и духовников). Таким образом, если учесть, что влияют всегда небольшие активные группы, элиты, то секуляризация для русских в советское время обернулась «закалкой стали» и созданием основы для реставрации духовно-религиозных основ культуры в России.

В настоящее время начинается очередной виток трансформации элит и трендовых идеологий, среди которых особенно успешно развивается трансгуманистический проект. Последний претендует, как и западоцентризм, на некую единственную возможную «правильную» реализацию прогрессивной инновационной версии современности, которая, создав нужные основания, далее подготовит транслудей к эре Сингулярности. Но согласно теории Ш. Эйзенштадта, это всего лишь один из возможных сценариев, который по большей части реализуется западными теоретиками и даже при условии успешного внедрения в иные (не западные) общества, он может по-разному реализоваться / не реализоваться с учетом той или иной культурной программы.

Список источников:

- Емельянов, Н.Н. Анализ «секуляризации» в России со стороны предложения // Христианское чтение. 2017. № 1. С. 152–188.
- Узланер, Д.А. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. №1. С. 8–32.
- Штекль, К. Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. №1. С. 57–82.
- Эйзенштадт, Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, Религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. №1. С. 33–56.
- Eisenstadt S. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129 (1). P. 1–29.
- Fourie E. A Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory // *Social Science Information*. 2012. Vol. 51. Issue 1. Pp. 52–69. <https://doi.org/10.1177/0539018411425850>.
- Schmidt V.H. Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // *Current Sociology*. 2006. Vol. 54. Issue 1. Pp. 77–97. <https://doi.org/10.1177/0011392106058835>.

References:

- Eisenstadt, S.N. (2012) The New Religious Constellations in the Frameworks of Contemporary Globalization and Civilizational Transformation. *State, religion and church in Russia and worldwide*. (30: 1). 33–56. (In Russian)
- Eisenstadt, S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. (129:1). 1–29.
- Fourie, E. (2012) A Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory. *Social Science Information*. (51:1). 52–69. Available from: <https://doi.org/10.1177/0539018411425850>.
- Schmidt, H.V. (2006) Multiple Modernities or Varieties of Modernity? *Current Sociology*. (54:1). 77–97. Available from: <https://doi.org/10.1177/0011392106058835>.
- Shtoeckl, K. (2012) European Integration and Russian Orthodoxy: Two Multiple Modernities Perspectives. *State, religion and church in Russia and worldwide*. (30: 1). 57–82. (In Russian)
- Uzlaner, D.A. (2012) From Secular Modernity to 'Multiple Modernities': Social Theory on the Relations Between Religion and Modernity. *State, religion and church in Russia and worldwide*. (30: 1). 8–32. (In Russian)
- Yemel'yanov, N.N. (2017) An Analysis of Secularization in Russia from the Supply Side. *Christian Reading*. (1). 152–188. (In Russian)

Информация об авторе

Ю.В. Хвастунова – кандидат философских наук, доцент, кафедра права, философии и социологии, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Республика Алтай, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=466121.

Information about the author

Yu.V. Khvastunova – PhD, Associate Professor, Law, Philosophy and Sociology Department, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Altai Republic, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=466121.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 65–69.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 65–69.

Научная статья
УДК 130.2(476):81'246.2
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.10>

Перспективы развития билингвизма в современном белорусском обществе

Ольга Генриховна Буденис

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь,
ogbudenis@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5117-9122>

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению актуального состояния в республике Беларусь русско-белорусского билингвизма, который носит несбалансированный характер с исторически сложившимся доминированием русского языка во всех значимых сферах жизнедеятельности белорусов – в бытовой коммуникации, науке, государственном управлении, образовании, делопроизводстве, средствах массовой информации. Согласно результатам переписи населения, проведенной в 2019 году, национальный язык приобрел этноопределяющую функцию и употребляется в повседневном общении крайне ограниченным количеством людей, что нарушает преемственность поколений и содействует упадку национальной культуры. Автор полагает, что увеличение объема использования белорусского языка посредством внедрения мер, успешно практикующихся в двуязычных странах, окажет благоприятное влияние на становление сбалансированного билингвизма в Беларуси и послужит драйвером социокультурной и духовной динамики белорусского общества.

Ключевые слова: билингвизм, двуязычие, русский язык, белорусский язык, перспективы развития, общество

Для цитирования: Буденис О.Г. Перспективы развития билингвизма в современном белорусском обществе // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 65–69. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.10>.

Original article

Development Prospects of Bilingualism in Contemporary Belarusian Society

Olga G. Budenis

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus,
ogbudenis@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5117-9122>

Abstract. The author considers the current state of Russian-Belarusian bilingualism in the Republic of Belarus, which today is unbalanced with the historical dominance of the Russian language in all significant areas of Belarusians' life – in everyday communication, science, public administration, education, office work, and the media. According to the results of the population census conducted in 2019, the national language has acquired an ethno-defining function and is used by a limited number of people, which violates the continuity of generations and contributes to the decline of the national culture. The author states that an increase in the use of the Belarusian language through the implementation of measures that are successfully practiced in bilingual countries will have a beneficial effect on the development of balanced bilingualism in Belarus and serve as a driver for sociocultural and spiritual development of the Belarusian society.

Keywords: bilingualism, Russian language, Belarusian language, development prospects, society

For citation: Budenis, O.G. (2022) Development Prospects of Bilingualism in Contemporary Belarusian Society. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 65–69. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.10](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.10) (In Russian).

Введение. Республика Беларусь имеет уникальную исторически сложившуюся лингвистическую ситуацию близкородственного двуязычия, что является исключительным в пространстве постсоветских государств. Несмотря на то, что русский язык длительное время функционировал как официальный во всех республиках бывшего СССР, его использование в качестве второго государственного характерно только для Беларуси.

Закрепление билингвизма на государственном уровне было осуществлено согласно результатам всенародного референдума 14 мая 1995 года, в ходе которого 88,3 % голосовавших высказались за присвоение русскому языку равного статуса с белорусским. Выбор белорусов был обусловлен не только языковой привычкой граждан, но и тем, что в сравнении с белорусским, русский язык имел значительные преимущества. Прежде всего, он являлся языком разви-

той культуры с богатой историей, непрерывной государственностью и художественной литературой мирового значения, выступал в качестве транслятора общепризнанного на мировом уровне научного знания. Во-вторых, русский язык обеспечивал единство евразийского пространства, являлся средством международного общения в процессе экономического и политического взаимодействия стран, входящих в СНГ, что являлось значимым и перспективным для молодого государства. Вместе с тем, белорусский язык приобрел этноопределяющую функцию, подчеркивающую самобытность белорусского народа и его независимость.

Однако, несмотря на одинаковый законодательный статус двух государственных языков, на территории нашей страны наблюдается стабильное доминирование русского языка во всех сферах коммуникации. Нам представляется, что в современном белорусском обществе назрела необходимость увеличения объема использования национального языка для приведения официально принятого двуязычия в практическую плоскость, что выступит катализатором нравственного и интеллектуального эволюционирования нации, фактором культурного прогресса.

Основная часть. В 2010 году ЮНЕСКО был опубликован обновленный Атлас находящихся под угрозой исчезновения языков (Atlas of the World's Languages in Danger), где позиция белорусского языка не изменилась относительно предыдущей версии. Согласно экспертам, он по-прежнему находится в маргинальной позиции, поэтому маркирован как *vulnerable* (уязвимый) и размещен на первой из пяти ступеней вымирания языка (Moseley, Nicolas, 2010). Столь не радужная перспектива диктует разработку и внедрение мер повышения престижа национального языка среди населения, в частности молодежи. Однако это отнюдь не означает полного отказа от использования русского языка, который играет принципиальную роль в жизни нашего общества. Увеличение объема использования белорусского языка призвано сбалансировать ситуацию двуязычия, что, безусловно, положительно повлияет на молодое поколение белорусов, инспирировав, согласно принципу комплементарности, их духовное и интеллектуальное развитие, приобщение к национальным культурным ценностям.

Отметим, что ключевым условием достижения успешности данного мероприятия является его поступательная реализация, поскольку исторический опыт как нашей страны, так и официально двуязычных государств красноречиво свидетельствует о безрезультативности радикальных изменений в языковой сфере, которые, как правило, имели противоположный эффект, поскольку приводили к разжиганию конфликтных ситуаций на почве языкового вопроса, а также содействовали формированию негативного отношения к билингвизму.

Значимым фактором в становлении симметричного двуязычия является государственная поддержка белорусского языка, проявляющаяся не только в финансовом содействии, но и в правительственной позиции, что отмечалось еще в начале XX века И. А. Бодуэном де Куртенэ, который говорил о необходимости «сознательного вмешательства административных властей и других политических и общественных факторов, прибегающих к разным предохранительным и принудительным мерам»¹.

Низкий процент использования белорусского языка в сфере повседневной коммуникации во многом обусловлен отсутствием требования владения обоими государственными языками на уровне законодательства (Самарын, 2007: 68–69). Так, согласно Конституции нашей страны, обязательное знание обоих государственных языков – русского и белорусского – требуется только от работников органов государственного управления для осуществления необходимого объема служебных обязанностей и является своего рода дополнением к квалификационным требованиям (Василевич, 2016: 103–104; Тушынскі, 2016: 49). Для остальных граждан, не занятых в этой отрасли, свободное владение обоими государственными языками факультативно.

Подтверждение этому находим на популярном интернет-портале [www.praca.by](http://praca.by), где среди 56 463 размещенных вакансий лишь в 3 объявлениях о поиске кандидатур на должности исполнительного продюсера (2 вакансии), редактора (2 вакансии) и корреспондента белтелерадиокомпании указана необходимость владения русским и белорусским языками².

Важным шагом на пути к актуализации билингвизма также является замена в «Законе о языках в Республике Беларусь» альтернативного союза *или* на *и*, что институционально обозначает необходимость сбалансированного применения обоих государственных языков на общегосударственном уровне (Самарын, 2007: 69). Более того, по примеру языковой политики Финляндии³ и стран Магриба (Зуева, 2017) полагаем, что необходимо введение обязательного квалификаци-

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. С. 367.

² Поиск работы [Электронный ресурс] // Работа в Беларуси. URL: <https://praca.by/search/vacancies/> (дата обращения: 02.08.2022).

³ Клинг М. Очерк истории Финляндии. Изд. 2-е. Хельсинки, 1995. С. 156.

онного требования – знания национального языка для чиновников из министерского и правительственного госаппарата, госслужащих, работников сферы торговли и сервиса, а также желающих обрести гражданство Беларуси. Для достижения положительных результатов в данной сфере необходимо организовать бесплатные обучающие курсы, где можно будет усовершенствовать свои знания белорусского языка.

Мы полагаем, что целесообразно также обратить внимание на презентацию государственных символов, которые должны отражать языковую политику нашей республики. Так, представляется возможным по примеру Канады исполнять государственный гимн на двух языках одновременно, чередуя, например, куплет на русском и белорусском языках (Ажаева, 1996: 35).

Законодательно оформленное двуязычие нуждается в практической реализации, прежде всего, на высоком административном уровне. По модели Финляндии следует применять оба государственных языка при организации парламентских дебатов, в работе Совета Республики, Совета Министров, органов местного управления, во время выступлений высших должностных лиц на общественно-значимых мероприятиях (или осуществлять синхронный перевод) что, бесспорно, послужит стимулом для его использования населением. Необходимо также активно реализовывать право гражданина на выбор одного из государственных языков при обращении в государственные учреждения и ведении судебных разбирательств.

Несмотря на то, что в законодательстве нашей страны закреплена возможность вести документацию на обоих государственных языках, в нормотворчестве всех инстанций приоритет отдается русскому. В связи с этим, считаем важным реализовать следующие меры:

- во-первых, обеспечить доступность всей правовой информации на обоих государственных языках, что означает обязательную публикацию государственных законов, постановлений и актов на русском и белорусском языках;
- во-вторых, параллельно вести документооборот на обоих языках, что позволит удовлетворить языковой выбор обратившихся в государственные инстанции.

Для снижения время- и трудозатратности необходимо автоматизировать процессы заполнения документов, прибегая к использованию автоматической программы перевода на второй государственный язык. Следует отметить, что в указанном направлении правительство нашей республики уже ведет активную работу. Так, в 2012 году был принят закон «Об обращениях граждан и юридических лиц», согласно которому ответ обратившемуся должен быть дан на языке обращения.

Немаловажную роль в процессе становления сбалансированного двуязычия также могут сыграть учреждения образования разных уровней, которые способствуют сохранению, поддержке и популяризации традиционной культуры и языка. В современном белорусском обществе очевидна не востребованность белорусского в качестве языка образования, что во многом связано с осознанием его дальнейшей неприменимости. Функция его «необходимости» ограничивается рамками средней школы, однако на следующих ступенях (среднее специальное и высшее образование), а также при дальнейшем трудоустройстве он практически не востребован.

Этот факт диктует необходимость динамично развивать белорусскоязычное обучение на всех ступенях системы образования. Можно предположить, что внедрение скидок на оплату за обучение по примеру Финляндии¹ или гарантии престижного места работы при получении образования на национальном языке повысят на него спрос.

Ответная мера должна быть предпринята среди педагогов – существенная доплата к зарплатным выплатам за чтение курсов на белорусском языке, уже некогда имевшая место в нашей истории, послужит эффективным катализатором повышения заинтересованности среди учителей-предметников преподавать свои дисциплины на белорусском языке и разрабатывать актуальные учебные материалы.

Важно предпринимать меры по расширению сфер применения белорусского языка, что будет благоприятствовать его восприятию как социально успешного. Правительство Беларуси демонстрирует понимание необходимости работы в данном направлении. Так, в 2012 году был утвержден план мероприятий по популяризации и расширению сферы использования национального языка в жизни белорусского общества. В последние годы наблюдается активизация письменных и устных текстов на белорусском языке – объявления в общественном транспорте, вывески и таблички с названиями улиц и зданий, аудио- и печатная реклама. В городах вдоль дорог установлены билборды, пропагандирующие красоту белорусского слова. Для сохранения языкового баланса важно не забывать о двуязычной представленности визуальной рекламы, указателей и дорожных знаков, как это делается в Финляндии².

¹ Двуязычие по-финляндски [Электронный ресурс] // LiveJournal. URL: <https://clck.ru/sTWaR> (дата обращения: 02.08.2022).

² Клинге М. Указ соч. 176 с.

Жизненно важной сферой, в рамках которой проходит активная ежедневная коммуникация, является торговля. В связи с этим следует последовать примеру Канады, где законодательно закреплено требование дублировать на государственных языках наименования товаров, а также информацию о составе продукта и его свойствах на этикетках, гарантийных талонах, сертификатах, инструкциях по эксплуатации.

Те же меры должны предприниматься в сфере общепита и услуг, где предлагаемые посетителям меню, прайс-листы, описания услуг и товаров должны быть составлены на двух языках.

Для развития билингвизма в Беларуси также можно организовать оказание медицинских услуг на двух государственных языках, как это сделано в Канаде, где в одну смену параллельно будут вести прием два одинаковых специалиста на русском и белорусском языках. При этом прием пациентов на национальном языке может иметь определенные бонусы в виде более низкой стоимости, доступности записи или более высокой квалификации доктора.

Серьезным шагом в укреплении двуязычия в сфере экономики и бизнеса считаем государственную поддержку и финансовые льготы взамен на использование обоих государственных языков при ведении частного бизнеса. Данная мера доказала свою результативность в Канаде, где она успешно применяется для популяризации французского языка (Ажаева, 1996: 45).

Важно восстановить билингвальный баланс и в области культуры, что возможно посредством увеличения представленности белорусскоязычного репертуара в театре, кино и литературе. Из опыта стран Магриба отметим, что эффективной мерой популяризации языка является перевод произведений мировых классиков на национальный язык (Зуева, 2017: 271).

Озвученные меры можно дополнить введением пропорционального баланса на использование обоих государственных языков в средствах массовой информации – на телевидении и радио. Отметим необходимость равнозначной языковой представленности программ касательно тематики и времени эфира. Важно наладить трансляцию переведенных на белорусский язык художественных и документальных фильмов, популярных сериалов, мультфильмов, посредством которых происходит не только распространение языка, но и передача национальных культурных ценностей молодым поколениям.

Сегодня основным источником информации для большинства является Интернет, ввиду этого особенно важно наращивать объем белорусскоязычного контента, который на сегодняшний день весьма скуден. Власти Индии выплачивают денежное вознаграждение тем, кто использует в сети национальный язык. Можно последовать этому примеру и также разработать систему бонусов для владельцев и активных пользователей белорусскоязычных сайтов (Шелестюк, 2019: 211).

Выводы. Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что актуализация билингвизма – это крайне сложный и ресурсозатратный процесс, однако осознание данного уникального феномена как национальной ценности и приведение его в практическую плоскость посредством озвученных мер из опыта билингвальных стран окажет благоприятное влияние на наше общество и выступит триггером его социокультурной динамики.

Список источников:

- Ажаева В.С. Мозаика политической культуры Канады. М., 1996. 51 с.
 Василевич Г. А. Государственный статус белорусского и русского языков – гарантия стабильности общественного развития // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 2. С. 103–108.
 Зуева К.П. Франция и страны южного Средиземноморья // Французский ежегодник = Frantsuzskii ezhegodnik-Annuaire d'etudes francaises. 2017. Т. 50, № 50. С. 251–274.
 Самарын В.І. Да пытання аб забеспячэнні роўнасці дзяржаўных моў у Рэспубліцы Беларусь // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі. 2007. № 3. С. 67–74.
 Тушынскі Дз. Суіснаванне дзяржаўных моў паводле фінскага і беларускага заканадаўства // Роднае слова. 2016. № 11. С. 41–43.
 Шелестюк Е. В. Проблемы двуязычия и трехязычия (на примере языковой ситуации в Индии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 205–215. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11029>.
 Moseley Ch., Nicolas A. Atlas of the World's Languages in Danger. Paris, 2010. 218 p.

References:

- Azhaeva, V.S. (1996) *Mozaika politicheskoi kultury Kanady* [Political culture mosaic of Canada]. Moscow: INION RAN. (In Russian)
 Moseley, Ch., Nicolas, A. (2010) *Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris: UNESCO Publishing.
 Samaryn, V.I. (2007) *Da pytannia ab zabespiachennii rovnastsi dziazhaunyh mou u Respublitsy Belarus* [Regarding the Issue of Ensuring the Equality of State Languages in the Republic of Belarus]. *Bulletin of the Constitutional court of the Republic of Belarus*. (3), 67–74. (In Belarusian)
 Shelestyuk, E.V. (2019) Problems of Bilingualism and Trilingualism (as Exemplified by the Language Situation in India). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. (10), 205–215. Available from: [doi:10.24411/1994-2796-2019-11029](https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-11029). (In Russian)
 Tushynski, Dz. (2016) *Suisnavanne dziazhaunyh mou pavadle finskaga i belaruskaga zakanadaustva* [The Coexistence of State Languages According to the Finnish and Belarusian legislation]. *Rodnae slova*. (11), 41–43. (In Belarusian)
 Vasilevich G. A. (2016) State Status of Russian and Belarusian Languages is a Guarantee Stability of Social Development. *Vesnik BDU. Seriya 3. Gistorya. Ekanomika. Prava* [Bulletin of BSU. Series 3. History. Economy. Right]. (2), 103–108. (In Russian)
 Zueva, K.P. (2017) France and South Mediterranean Countries. *Annual of French Studies*. (2017), 251–274. (In Russian)

Информация об авторе

О.Г. Буденис – соискатель кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1024401.

Information about the author

O.G. Budenis – External PhD student, Philosophy Department, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1024401.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 70–76.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 70–76.

Научная статья

УДК 141.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.11>

**Цифровизация и цифровой суверенитет:
к проблеме защиты политической субъектности Российского государства
(оценки, позиции и социально-философская рефлексия)**

Вера Владимировна Демяшина

Министерство образования и науки Мурманской области, Мурманск, Россия,
azedora13@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2856-6762>

Аннотация. Статья посвящена изучению концептуальной экспликации роли цифровизации информационной функции государственной власти, а также особенностям политики в виртуальном пространстве. Актуальность данной темы продиктована, с одной стороны, неоспоримым фактом, что современные цифровые технологии активно используются в управлении и политике, с другой – проблемой, обусловленной эффективностью виртуальной власти в различных сферах деятельности общества. Кроме того, возникают противоречия между эффективностью традиционных форм власти и цифровыми феноменами. Работа представляет собой попытку анализа и систематизации основных аспектов, характеризующих современное виртуальное пространство, где частично или всецело применяется цифровизация. Автор обозначает ключевые аспекты, касающиеся виртуального пространства и информационного общества в его развитии. Конечная цель этого исследования – выстраивание социально-философской рефлексии о роли цифровизации и виртуализации власти, политики, управления. Методология работы построена на принципах и методах социально-философского анализа, ориентирующего на преодоление фрагментации теоретических оснований современного обществознания; системном подходе к вопросам информационного общества и цифрового суверенитета с позиций историзма, структурно-функционального анализа социальных факторов информационно-коммуникационных технологий; логико-историческом и сравнительном анализе, носящем междисциплинарный характер.

Ключевые слова: виртуализация власти, информационная власть, технологизированный мир, виртуальное пространство, информационное общество, информационная революция, аспекты информационного общества

Для цитирования: Демяшина В.В. Цифровизация и цифровой суверенитет: к проблеме защиты политической субъектности Российского государства (оценки, позиции и социально-философская рефлексия) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 70–76. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.11>.

Original article

**Digitalization and Digital Sovereignty: Toward the Problem of Protecting
the Russian State's Political Subjectivity
(Assessments, Positions, and Socio-Philosophical Reflections)**

Vera V. Demyashina

Ministry of Education and Science of the Murmansk Region, Murmansk, Russia,
azedora13@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2856-6762>

Abstract. The paper is focused on the study of the conceptual explication of the digitalization role of the state power information function, as well as the peculiarities of politics in virtual space. The relevance of this topic is dictated, on the one hand, by the undeniable fact that modern digital technologies are actively used in governance and politics, on the other hand, by the problem caused by the effectiveness of virtual power in various spheres of society. In addition, tensions arise between the effectiveness of traditional forms of power and digital phenomena. The paper is an attempt to analyze and systematize the main aspects characterizing the modern virtual space, where digitalization is partially or fully applied. The author identifies key aspects relating to virtual space and the information society in its development. The ultimate goal of this study is to construct a socio-philosophical reflection on the role of digitalization and the virtualization of power, politics, and governance. The research methodology is based on the principles and methods of socio-philosophical analysis, which focuses on overcoming the fragmentation of the theoretical foundations of modern social science; a systematic approach to the issues of information society and digital sovereignty from the perspective of historicism, structural and functional analysis of social factors of information and communication technologies; logical-historical and comparative analysis, which is interdisciplinary in nature.

Keywords: virtualization of power, information power, technologized world, virtual space, information society, information revolution, aspects of information society

For citation: Demyashina, V.V. (2022) Digitalization and Digital Sovereignty: Toward the Problem of Protecting the Russian State's Political Subjectivity (Assessments, Positions, and Socio-Philosophical Reflections). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 70–76. Available from: doi:10.24158/fik.2022.8.11 (In Russian).

Жизнь современного человека нераздельно связана с цифровыми технологиями. Проникнув во все сферы жизни, цифровизация стала неотъемлемой частью социализации, профессионализации, самореализации и коммуникации. Она выстроила новые сетевые механизмы функционирования социальных институтов и привлекла пристальное внимание социальной философии как метасоциального и междисциплинарного подхода к выявлению новых фундаментальных социально-исторических закономерностей, понимание которых имеет огромное значение для сохранения цифрового (информационного) суверенитета Российской Федерации.

Цифровая технологизация социума, выступая двигателем научно-технического и социокультурного развития, уже признана не только ключевым феноменом XXI в., но и очередной, четвертой по счету, промышленной революцией, так называемой индустрией 4.0, декларирующей массовое внедрение киберфизических систем во все сферы жизни человечества и, самое главное, предсказывающей появление Интернета вещей (англ. Internet of things, IoT), который предполагает исключение участия человека из множества экономических и общественных процессов.

Одной из первых социальных областей, где широко стали использовать цифровые технологии, является экономика. Понятие «цифровая экономика» плотно вошло в лексику современного человека, которого часто называют цифровым (*homo digitalis*). При этом основной постулат классической политэкономии о тесной связи политики и экономики не исчез и проникновение цифры через экономику в политику – также свершившийся факт. В связи со сказанным необходимо отметить, что заявленная тема получила освещение в научно-философской литературе. Анализируя классиков, невозможно пройти мимо заметных в мировой научной мысли исследователей, отразивших базовые тенденции эволюции политики в цифровую эпоху, – М. Кастельса (2000), Г. Рейнгольда (2006).

В качестве обобщающего исследования по тематике соотношения информации и власти можно привести монографию Ю.А. Нисневича (2000). Если рассматривать проблему соотношения виртуального мира и политики, то следует отметить работы А.Н. Райкова (1996), В.О. Саяпина (2015). Вопросы интернет-коммуникации в современном политическом управлении рассмотрены С.В. Володенковым (2021). На общем фоне выделяются проблемы цифрового неравенства и политических предпочтений интернет-пользователей (Быков, Халл, 2011). Любое государство, претендующее на роль активного и самостоятельного политического субъекта, вынуждено обладать цифровым (информационным) суверенитетом. Данный вопрос обсуждается в трудах В.Н. Шевченко (2015), А.А. Ефремова (2017), Д.В. Винника (2014). На повестку дня выходит и роль искусственного интеллекта в осуществлении политических функций государства (Антоновский, Бараш, 2019; Быков, 2020; Жуков, 2020). Огромную роль начинают играть и так называемые фейки, наполняющие информационно-политическое пространство (Ильченко, 2015). И, конечно, картина анализа цифровой коммуникации в сфере политического была бы неполной без обращения к роли технологии Big Data и индустрии 4.0 в современном политическом пространстве (Володенков, 2018).

Интерес для изучения возможных, т. е. виртуальных, состояний политических феноменов представляют исследования, посвященные моделированию политического пространства посредством теории игр¹, модели «дилемма заключенного»², а также графической и цифровой визуализации социально-философских построений – практикам инфографической визуализации теоретического знания, т. е. представлению больших данных в компактном виде (Макулин, 2016). Графическое моделирование и визуализация являются «поставщиком» структурированного эмерджентного материала для цифровизации объектов социально-философского познания.

Немаловажной является проблема массовой аватаризации, т. е. цифровых посредников-фирм, гибридной субъектности государства в виде специфических систем – «мегамашин власти». С.Н. Федорченко справедливо отмечает: «Легитимационные практики режимов начинают ориентироваться на выстраивание взаимоотношений власти с гражданами посредством цифровых аватаров – виртуальных расширений, воплощений индивидов. Массовая аватаризация ставит само право на коммуникацию в зависимость от дополнительных цифровых посредников-

¹ Макулин А.В. Философия игры и игрорефлексика фантомного лидерства : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2007. 24 с.

² Там же.

фирм. Также серьезной проблемой остается разрушение классической политической субъектности. О кризисе традиционной политической субъектности говорит и тот факт, что боты на основе технологий искусственного интеллекта начинают формировать так называемую гибридную субъектность в виде специфических систем – «мегамашин власти», состоящих не только из политиков, партий и государственных служащих, но и из интеллектуальных агентов»¹.

Нельзя также не отметить и роль так называемой виртуальной власти массмедиа. Политическое информационное поле и медийное коммуникативное пространство в известном смысле в условиях виртуальной реальности Интернета находятся в состоянии диффузии, причем массмедиа уже практически выполняют «идеологические операции», например «оценочная фильтрация и отбор фактов политической жизни с позиции определенной модели информационно-политических предпочтений; иерархическое структурирование отобранной информации по шкалам актуальности... дизайн политической медиареальности...» (Русакова, 2010) и многое другое.

Учитывая жизненно важную потребность каждого государства в сохранении генетических оснований культуры-цивилизации, которую оно представляет и защищает, сущностное значение приобретают образовательная политика и ценностно-идеологическая функция государства в условиях цифровой трансформации образования (Трудности и перспективы..., 2019). Сейчас вновь становится актуальной старая истина, согласно которой подготовка будущих поколений страны невозможна без выстраивания соответствующей образовательной политики и информационной защиты процесса трансляции уникального положительного цивилизационного опыта. Упущения в данной области в условиях свободного доступа к информации чреваты тем, что будущие поколения будут неспособны обеспечивать и генерировать суверенитет собственной страны, культуры, идентичности. Свобода информационного мира с декларированием свободного доступа свободных пользователей ко всему объему информации является иллюзией хотя бы по той причине, что Интернет в значительной степени контролируется частными мегакорпорациями, преследующими лишь одну цель – увеличение прибыли. Ее получение всегда связано манипуляцией общественным мнением, информационными вбросами, формированием симулякров, ложного сознания, отвлечением и переключением внимания широкой аудитории, размножением так называемых мемов (Докинз, 2010).

А.М. Орехов отмечает: «...особое значение манипуляция приобрела в эпоху постиндустриального общества – общества, одним из признаков которого является наличие “сети” и которое М. Кастельс определял как “сетевое общество”» (2018: 139–140).

Интернет в известной степени начинает конкурировать с государственными структурами и даже подменять его функции. Такая ситуация в истории человеческой цивилизации и государства как социального института возникла впервые.

Как справедливо пишет О.В. Новоженкина, «Интернет быстро превращается в “виртуальное государство”, размывающее национальные границы, создающее свою киберкультуру и представляющее собой мощное средство пропаганды. Активно осваивают пространство Интернет политические партии и религиозные движения, постепенно осознавая его громадный потенциал в сфере трансформации общественного сознания» (2004: 195).

В качестве яркого примера введения в заблуждение можно привести случай с капитализацией компаний. Так, несколько лет назад новостные медиапорталы сообщили, что капитализация ряда крупных интернет-гигантов больше, чем «капитализация всей России» (для Apple она превысила ВВП РФ²). Понятно, что это заявление не имеет ничего общего с реальностью. Более того, информационная «обработка», «промывание мозгов» (англ. brainwashing), преобразование мышления (англ. thought reform) за счет окна Овертона является одним из важнейших средств современных информационных средств как во внутренней политике, так и во внешней.

Учитывая навязываемую западными странами глобалистскую повестку в международной политике, следует отметить, что опоздание в воспитании одного поколения (15–20 лет) автоматически гарантирует широкий спектр проблем государственного суверенитета и конкурентоспособного развития страны. В условиях постоянного повышения объемов информации, связанного с так называемым информационным взрывом (англ. information explosion), беспрецедентного охвата населения информационным действием Интернета, а также процессов глобализации развертывается широкая программа «управляемого хаоса» по переформатированию социальной

¹ Федорченко С.Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2021. С. 34.

² Гнилое яблоко vs ВВП России! Когда лопнет финансовый пузырь Apple? [Электронный ресурс] // Яндекс.Дзен. 2020. 10 авг. URL: https://zen.yandex.ru/media/void_main/gniloe-iabloko-vs-vvp-rossii-kogda-lopnet-finansovyi-puzyr-apple-5f2d633c9d741f0cac7999a3 (дата обращения: 31.07.2022).

памяти, искажению истории, демотивированию, размыванию идентичности (государственной, религиозной, этнической, культурной, половой и др.). Все традиционные нормы, ценности и аксиомы объявляются релятивистскими, а любой западный тренд декларируется в качестве общего ориентира для подражания и беспрекословного выполнения. Это не может не активизировать защитные свойства культуры в форме глокализации, т. е. обращения традиционных культур к собственным источникам роста и развития.

Такая постановка вопроса ставит проблему об интернет-цензуре, ее формах и технологиях использования. Традиционное понятие цензуры как негативного института, блокирующего свободу, больше не работает, поскольку этот институт обличают только в зависимости от того, в чьих руках он находится. Так, в западном дискурсе господствует негласное правило, отчасти подготовленное постмодернистской подменой рациональности многообразием типов рациональности и подспудным рассеиванием прежних форм социальной жизни, – если цензура защищает традиционные ценности, то это признается злом, если беспощадно расправляется с традициями, то она преподносится как истинная свобода и толерантность. Например, цензура, направленная на недопущение размывания духовных ориентиров и традиционных ценностей, объявляется либеральной идеологией вмешательством в свободу, при этом сам «коллективный Запад», позиционирующий себя как источник всевозможных свобод, блокирует все, что считает враждебным в отношении себя, порождая небезызвестную «культуру отмены». Данная ситуация является следствием парадокса толерантности (К. Поппер), или парадокса определения границы толерантности, когда «торжествующая» толерантность расправляется с тем, что она считает нетолерантным, и тем самым превращается в «сверхнетолерантность».

Нельзя также забывать, что СССР в немалой степени проиграл информационную войну и был информационно уничтожен без реального применения военных средств странами-оппонентами. Выдергивание из социальной структуры идеологического и информационного стержня с системой идеологических фильтров и ценностного регулирования привело к обрушению или кризису почти всех социальных институтов и социальных связей. Обещанная так называемой «рукой рынка» свобода конкуренции одновременно открыла государство для товаров широкого потребления иностранного производства, нанесла колоссальный удар по всем социальным системам советского общества и процессам их функционирования и воспроизводства и превратила вторую в мире по объему ВВП страну в сырьевой придаток западных экономик.

А.А. Зиновьев писал: «Хочу, чтобы народ, к которому я принадлежу, выжил в качестве исторически значимой величины в сложившихся беспрецедентно страшных условиях. И необходимое условие для этого – объективно-беспощадное понимание сложившейся реальности. Желаю моим соотечественникам стремиться к этому пониманию, каким бы ужасающим оно ни было. Иначе нас просто исключат из истории»¹.

Итак, изучая подходы к проблемным вопросам цифровизации и виртуализации власти, политики, управления, следует отметить, что цифровизация политики, несомненно, является новым важным трендом и вызывает научно-исследовательский интерес. Цифровизация политики рассматривается исследователями с двух позиций (Коньков, 2020):

- как проникновение цифровых технологий в практику политических отношений;
- как формирование системы политических методов регулирования цифровых технологий.

Первая позиция характеризуется эволюцией технических и цифровых возможностей в различных сферах жизни, а также непосредственным влиянием новых технологий на политику и принятие государственных и политических решений. Вторая позиция – это государственное регулирование использования технологий в самых разных областях: криптовалюты, кибербезопасность, электронная цифровая подпись, электронные правительства (англ. e-government), блокчейн, автоматическая блокировка, электронное голосование и т. д.

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось активным вхождением цифровых технологий в жизнь общества (Авцинова, 2019). Использование различных вариантов передачи информации, ее хранение, копирование, транслирование являются первой ступенью развития новых видов коммуникации – социальных сетей. Совершенствование техники и технологий цифровой передачи данных привело к тому, что виртуальная жизнь стала неотделимой частью реальной жизни, часто реальное неотделимо от виртуального, а в некоторых областях виртуальное совершенно заменило реальное, породив так называемый фиджитал-мир (от англ. phygital, соединение слов physical и digital).

Несмотря на неизбежность технологического прогресса, а также огромные возможности цифровых технологий, влияние социальных сетей на современного человека не осталось без

¹ Академия Зиновьева [Электронный ресурс]. URL: <https://zinoviev.org/az/texts/interview/aleksandr-zinoviev-s-novym-godom-i-rozhdestvom> (дата обращения: 31.07.2022).

внимания государственных структур. Государство как социальная система пытается адаптироваться. Политика вооружилась новыми технология для наиболее эффективного взаимодействия и влияния. Проекты по цифровизации института государства зашли так далеко, что было провозглашено создание «цифрового государства» – Децентуриона. П.Н. Астапенко отмечает: «4 июня 2018 г. официально было объявлено о создании государства (далее – квазигосударство, или Проект) Децентурион на основе технологии блокчейн. Территория Децентуриона – это официальный сайт, суверенитет – контроль над интернет-сервисами, технологиями и ресурсами, единственным из которых является токен децентурион» (2018: 18).

В Российской Федерации использование цифровых возможностей прошло путь реформирования от отдельных эпизодов включения дистанционных технологий взаимодействия до применения биометрических ключей распознавания личности. Наиболее значимыми нормативными документами в области государственного регулирования цифровой политики стали Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях». Если первый ввел определенное число юридических характеристик ключевых понятий: «информационные технологии», «информационная система», «электронный документ», то второй – обязал операторов хранить персональные данные граждан РФ исключительно на серверах, находящихся на территории страны.

Нельзя не отметить и важность принятых нормативных актов в связи с противодействием терроризму. Так, согласно одному из них, все голосовые и текстовые сообщения должны сохраняться операторами в течение некоторого времени с доступом правоохранительных органов к этим данным. В связи этим возник феномен «цифрового следа», который все больше притягивает взгляды социальных философов (Нейротехнологии и технонаука..., 2020). На основе анализа проблемы «цифрового следа» появляются новые углы зрения на Интернет, в частности на такие аспекты, как человеческая идентичность, риски надзорного капитализма, биотехноидентичность, этические решения, принимаемые автоматизированными системами, и др.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. была сформулирована и утверждена Указом Президента от 9 мая 2017 г. № 203. После этого постановлением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

В современных исследованиях официальным запуском политики цифровизации в нашей стране считается Указ Президента от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.». Одна из целей обозначена как «обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу». Обозначенная цель не ограничивается областью экономического развития и направлена на цифровизацию всей социальной сферы. Для достижения национальных целей разработаны 12 национальных программ.

В настоящее время можно констатировать, что цифровизация в России перестала быть хаотичным явлением. Государственный контроль современных технологизированных процессов в виртуальной сфере указывает на цифровую трансформацию и поступательное движение страны к цифровому суверенитету. Государство регулирует цифровую трансформацию во всех жизненных областях, в частности в общественной безопасности, деятельности исполнительной власти, образовательном процессе, цифровых услугах и социальных сервисах. Примечательно наличие таких проектов, как «Цифровая экономика», «Демография», «Здоровье».

Итак, цифровизация является одним из инструментов развития информационного общества, который способствует формированию цифрового суверенитета России, что обусловлено потребностью обеспечения информационной безопасности на государственном уровне. Расширяется научно-техническая база, и закрепляется на законодательном уровне ее использование. Нельзя пройти мимо так называемой электронной демократии, чьи сущностные ориентиры направлены на усиление роли механизмов общественного контроля над органами власти и совершенствование системы межведомственного электронного документооборота (МЭДО). Широкое применение цифровых систем способствует проведению общественных обсуждений важных социальных проблем. Виртуалистика становится той областью знания, которая должна быть обязательно включена в список компетенций современного руководителя (Пронин, 2013). В рамках электронной демократии увеличиваются возможности обратной связи между обществом и властью, повышается степень информационной открытости органов власти, снижаются сроки бюрократических процедур.

Итак, если приписывать процессам цифровизации неизбежное господство во многих сферах социальной жизни, то в таком случае гармоничное вхождение России, российского общества и государства в цифровую эпоху ставит множество вызовов, ответы на которые могут быть даны только при одном условии – развитии и укреплении цифрового суверенитета нашей страны.

Список источников:

- Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-сетевые движения как метафора искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 5–20. <https://doi.org/10.17223/1998863X/50/1>.
- Астапенко П.Н. Демократическое государство и квазигосударственность. Институциональные риски в интернет-эпоху // Закон и право. 2018. № 10. С. 15–22. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10169>.
- Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 23–33. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>.
- Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–157.
- Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95–113.
- Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М., 2021. 416 с.
- Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205–212. <https://doi.org/10.17223/1998863X/44/20>.
- Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / пер. с англ. А. Гопко. М., 2010. 509 с.
- Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.1.201.215>.
- Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 70–79. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79>.
- Ильченко С.Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде // Гуманитарный вектор. 2015. № 3 (43). С. 98–101.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. 608 с.
- Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13, № 1. С. 47–68. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104>.
- Макулин А.В. Моделирование философии: от схем, таблиц и метафор к цифровым философским визуализациям // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1 (65). С. 123–127.
- Нейротехнологии и технонаука: феномен биотехноидентичности : сб. науч. ст. / под ред. Р.Р. Белялетдинова. М., 2020. 182 с.
- Нисневич Ю.А. Информация и власть. М., 2000. 175 с.
- Новожилова О.В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации // Влияние Интернета на сознание и структуру знания / отв. ред. В.М. Розин. М., 2004. С. 195–215.
- Орехов А.М. Манипуляция как феномен сетевой власти в постиндустриальную эпоху // Вопросы социальной теории. 2018. Т. 10. С. 137–145. <https://doi.org/10.30936/2227-7951-2018-10-137-145>.
- Пронин М.А. Виртуалистика: зачем ее знать руководителю? // Что есть истина? : тез. докл. всерос. науч.-практ. конф. / редкол.: М.И. Билалов, А.М. Буттаева, А.Д. Королев, К.М. Магомедов. Махачкала, 2013. С. 187–192.
- Райков А.Н. Системы виртуальной реальности для поддержки принятия государственных решений // Вестник Российского общества информатики и вычислительной техники. 1996. № 1. С. 46–54.
- Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М., 2006. 415 с.
- Русакова О.Ф. Виртуальная власть массмедиа // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2. С. 33–37.
- Саяпин В.О. Технологии виртуализации политической власти в информационную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-1 (58). С. 159–166.
- Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М., 2019. 343 с.
- Шевченко В.Н. Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект // Философские науки. 2015. № 6. С. 7–21.

References:

- Antonovskiy, A.Yu. & Barash, R.E. (2019) Social network movements as a metaphor of the artificial intellect. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. (50), 5–20. Available from: [doi:10.17223/1998863X/50/1](https://doi.org/10.17223/1998863X/50/1). (In Russian)
- Astapenko, P.N. (2018) Democratic state and quasi-statehood: Institutional risks in the Internet age. *Law and Legislation*. (10), 15–22. Available from: [doi:10.24411/2073-3313-2018-10169](https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10169). (In Russian)
- Belyaletdinov, R.R. (ed.) (2020) *Neurotechnologies and technoscience: Phenomenon of biotechnoidentity*. Moscow, MosGU. (In Russian)
- Bykov, I.A. (2020) Artificial intelligence as a source of political thinking. *Journal of Political Research*. 4 (2), 23–33. Available from: [doi:10.12737/2587-6295-2020-23-33](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33). (In Russian)
- Bykov, I.A., & Hall, T.E. (2011) Digital divide and political preferences of internet users in Russia. *Polis. Political Studies*. (5), 151–157. (In Russian)
- Castells, M. (2000) *The information age: Economics, society and culture*. Moscow, HSE. (In Russian)
- Dawkins, R. (2010) *The extended phenotype: The long reach of the gene*. Moscow, Astrel, Corpus. (In Russian)
- Efremov A.A. (2017) Formation of the concept of information sovereignty of the state. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*. (1), 201–215. Available from: [doi:10.17323/2072-8166.2017.1.201.215](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.1.201.215). (In Russian)
- Il'chenko, S.N. (2015) Fake as a political format in modern media environment. *Humanitarian Vector*. (3), 98–101. (In Russian)
- Konkov, A.E. (2020) Digital politics vs political digitalization. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 13 (1), 47–68. Available from: [doi:10.21638/spbu06.2020.104](https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.104). (In Russian)
- Makulin, A.V. (2016) Modeling philosophy: From schemes, charts and metaphors to digital philosophical visualizations. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3-1, 123–127. (In Russian)
- Nisnevich, Yu.A. (2000) *Information and power*. Moscow, Mysl'. (In Russian)

- Novozhenina, O.V. (2004) The Internet as a New Reality and Phenomenon of Modern Civilization. In: Rozin, V.M. (ed.) *The Impact of the Internet on Consciousness and the Structure of Knowledge*. Moscow, IF RAN, 195–215. (In Russian)
- Orekhov, A.M. (2018) Manipulation as a Phenomenon of Network Power in the Postindustrial Era. *Scientific Almanac Questions of the Social Theory*. 10, 137–145. Available from: doi:10.30936/2227-7951-2018-10-137-145. (In Russian)
- Pronin, M.A. (2013) Virtualistics: Why should a manager know it? In: Bilalov, M.I., Buttaeva, A.M., Korolev, A.D. & Magomedov, K.M. (eds.) *What is truth?: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Makhachkala, DGU, 187–192. (In Russian)
- Raikov, A.N. (1996) Virtual Reality Systems to Support Government Decision Making. *Herald of the Russian IT and Computing Association*. (1), 46–54. (In Russian)
- Rheingold, H. (2006) Smart mobs: The next social revolution. Moscow, Grand, Fair Press. (In Russian)
- Rusakova, O.F. (2010) The virtual power of mass media. *Discourse-P*. (1–2), 33–37. (In Russian)
- Sayapin, V.O. (2015) Technologies of political power virtualization in information age. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 8-1, 159–166. (In Russian)
- Shevchenko, V.N. (2015) The information war between the west and the historical memory of the Russians: Logical and historical aspect. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. (6), 7–21. (In Russian)
- Uvarov, A.Yu. & Frumin, I.D. (eds.) (2019) Challenges and Prospects for Digital Transformation of Education. Moscow, HSE. (In Russian)
- Vinnik, D.V. (2014) Digital sovereignty: Political and legal regimes of data filtration. *Philosophy of Sciences*. (2), 95–113. (In Russian)
- Volodenkov, S.V. (2018) Big data technologies in contemporary political processes: Digital challenges and threats. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. (44), 205–212. Available from: doi:10.17223/1998863X/44/20. (In Russian)
- Volodenkov, S.V. (2021) Internet communications in the global space of contemporary political governance: Towards the digital society. Moscow, Prospekt. (In Russian)
- Zhukov, D.S. (2020) Artificial intelligence for society and government: the future has already begun in China. *Journal of Political Research*. 4 (2), 70–79. Available from: doi:10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79. (In Russian)

Информация об авторе

В.В. Демяшина – соискатель, главный специалист отдела профессионального образования и науки Министерства образования и науки Мурманской области, Мурманск, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=666786.

Information about the author

V.V. Demyashina – External PhD student, Chief Specialist of Vocational Education and Science Department, Ministry of Education and Science of the Murmansk Region, Murmansk, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=666786.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.07.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.07.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 77–82.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 77–82.

Научная статья

УДК 141.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.12>

**Тематический анализ проблематики социальной памяти
в современной социальной философии: хранение и транслирование смыслов
и значений культуры в информационном обществе, «умная социальная память»**

Евгения Юрьевна Макулина

Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия, enuwka@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается социально-философская рефлексия феномена социальной памяти, выявлены устойчивые тематические области и структуры, имеющие непосредственное отношение к фундаментальным социально-философским обобщениям в отношении проблемы памяти. Несоизмеримые и отчасти полемизирующие друг с другом теории социальной памяти исследуются применительно к актуальной повестке сегодняшнего дня, связанной с распространением цифровых технологий и декларациями перехода к новым системам в рамках нового технологического уклада индустрии 4.0. Показано, что, несмотря на значимые преимущества современных технологий над традицией сохранения социальной памяти, пересмотр традиционных механизмов ее воспроизводства несет в себе немало вызовов для полноценного сохранения генетического кода культуры. Цель исследования состоит прежде всего в том, чтобы попытаться выстроить условно полную картину современной социально-философской рефлексии в отношении как феномена социальной памяти, так и современного понятийного и концептуального арсенала, сопровождающего данную тематику в социально-философском дискурсе. Осуществлена попытка введения и интерпретации понятия «умная социальная память».

Ключевые слова: социальная память, «умная память», тематический анализ, культурный код, культурное воспроизводство

Для цитирования: Макулина Е.Ю. Тематический анализ проблематики социальной памяти в современной социальной философии: хранение и транслирование смыслов и значений культуры в информационном обществе, «умная социальная память» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 77–82. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.12>.

Original article

**Thematic Analysis of the Problems of Social Memory in Modern Social Philosophy:
Storage and Transmission of the Meanings
and Significance of Culture in the Information Society, “Smart Social Memory”**

Evgenia Yu. Makulina

Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia, enuwka@mail.ru

Abstract. The article discusses the socio-philosophical reflection of the phenomenon of social memory, identifies stable thematic areas and structures that are directly related to the fundamental socio-philosophical generalizations regarding the problem of memory. Incommensurable and partly polemic with each other theories of social memory are studied in relation to the current agenda associated with the growth of digital technologies and declarations of the transition to new systems within the new technological order of Industry 4.0. It is shown that, despite the significant advantages of modern technologies over the tradition of preserving social memory, the revision of traditional mechanisms for its reproduction presents many challenges for the full preservation of the genetic code of culture. First of all, the article aims to try building a relatively complete image of modern socio-philosophical reflection both in relation to the phenomenon of social memory and the modern conceptual tools that accompany this topic in modern socio-philosophical discourse. An attempt was made to introduce and interpret the concept of “smart social memory”.

Keywords: social memory, “smart memory”, thematic analysis, cultural code, cultural reproduction

For citation: Makulina, E.Yu. (2022) Thematic Analysis of the Problems of Social Memory in Modern Social Philosophy: Storage and Transmission of the Meanings and Significance of Culture in the Information Society, “Smart Social Memory”. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 77–82. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.12](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.12) (In Russian).

Исследование проблемы памяти в философской традиции всегда приводит ко многим трудностям, первая из которых заключается в том, что сама память ни в одной из философских

систем так и не была эксплицирована во всей целостности; в каждой философской системе, школе, традиции за длительную историю формирования мировой философской рефлексии мы сталкиваемся с тем, что конкретные мыслители зачастую сосредотачивались лишь на какой-либо одной стороне феномена памяти. Это обстоятельство не могло не привести к тому, что философское понимание социальной памяти, учитывая длительную историко-философскую традицию, стало напоминать конгломерат идей, состоящий из рассыпанных по разным школам и подходам взглядов на память, ее природу и роль в теории познания и бытия, социальной философии, этике, когнитивных науках.

Тем не менее разнородность взглядов при всей ее пестроте намечает некоторые основные тенденции в понимании социальной памяти. Во-первых, социальная память не всегда совпадает с процессом хранения, защиты и транслирования культурной информации вообще; социальная память – это элемент социальной природы, правда, очень важный элемент – самопознания, распознавания и идентификации не только социальных сообществ, но и человечества вообще. Во-вторых, память – это одновременно продукт интеллектуальной деятельности человечества и процесс, обеспечивающий функционирование генетической связи между прошлым, будущим и настоящим. В-третьих, некая «идеальная память» как «идея всех идей» в философии всегда онтологизировалась (идея Блага и анамнезис), а на ранних этапах персонифицировалась (Мнемозина), и теперь в информационном обществе она, безусловно, технизируется и цифровизируется как кибернетическая система в форме универсального хранилища (Всемирная паутина) информации и знаний о жизни социума, культуры, цивилизации, к которому человек обращается на новом уровне доступа к информации, выстраивая сложные отношения с прошлым и планируя свое будущее в данной культуре или цивилизации.

Условно можно представить память в субстанциональном, инструментальном, интенциональном планах. Понятно, что социально-философской рефлексии в большей степени имманентны субстанциональный и интенциональный подходы, ориентирующиеся на выяснение онтологических оснований памяти (субстанции памяти) и ее феноменологической природы (феномена памяти), т. е. ее данности человеку. Однако в условиях современного информационного общества, технологий индустрии 4.0, новых способов коммуникации, транслирования и сохранения информации, новых технологий обработки данных инструментальный подход к памяти занимает все большее место, так как он напрямую ассоциирует память с технологиями ее цифрового хранения, обработки и трансляции (субстрат, механизм, алгоритм памяти).

Следует также отметить сложность феномена памяти и невозможность ее однозначной интерпретации, особенно если речь идет о социально-философской методологии. Как справедливо замечает И.А. Корсаков, «разнобой в определении памяти приводит нас к предположению, что ученые исследуют различные типы памяти. Это происходит уже в пределах одной научной дисциплины. И уж вовсе невозможно перечислить разделы науки, подключенные к изучению памяти» (Корсаков, Корсакова, 1984).

Загадка памяти, видимо, заключается в том, что она является неперенным спутником бытия, т. е. реальности в ее объективном и целостном существовании, таким же спутником, каким являются для бытия пространство и время. Примечательно, что социальное бытие имеет собственное мнемоническое время и свое пространство. Особые отношения существуют у памяти и с небытием, последнее представлено в форме забвения или некой социальной амнезии. В известном смысле еще со времен платоновского анамнезиса память «вшита» в социальную природу человека и общества как процедура восстановления их разорванной связи с неким универсальным хранителем и источником всей информации – идеей Блага. Сегодня мы знаем, что социальная память – это ключевое свойство процесса передачи информации, кибернетическое отражение прошлого опыта; процессы памяти в цифровую эпоху протекают одновременно, соединяя физическое и цифровое (фиджитал-мир), ментальное пространство и время в их мозаичных трансформациях, где есть как последовательности и переходы из одного состояния в другое, так и скачки и незапланированные «сюрпризы» в социальном развитии.

Что касается человека и социума, то во множестве областей индивидуальной и социальной деятельности память латентно присутствует на физическом (естественном), физиологическом, психическом, ментальном и социальном и, конечно, техническом (искусственном), информационном уровнях, она одновременно действует как в частной сфере, так и в публичной, также функционирует относительно автономно, если речь идет о цифровой составляющей. Парадокс памяти заключается в том, что она одновременно является данностью и задана самими условиями бытия, однако она также эволюционирует. По мере развития технических средств и цифровых технологий возникло огромное количество ранее неизвестных форм и типов памяти, которые лишь условно напоминают классическую память в изначальном значении.

Роль философии, по нашему мнению, заключается в том, чтобы сообщить этому многообразию смыслов, механизмов и проявлений памяти некое единство, удобное для нужд социально-философского анализа. Первым таким импульсом будет идея о том, что без мнемосферы, видимо, не были бы возможны и другие сферы, т. е. антропо-, техно-, ноосфера и др.

Несомненным в данном случае представляется предположение, что память предназначена и предопределена для социальной природы, а если говорить шире, то бытие и память тяготеют к совпадению в условно парменидовском плане, бытие, чтобы оставаться самим собой, помнит все свои состояния и трансформации, иногда возвращаясь к ним, благодаря чему уже в древности умы мыслителей захватила идея цикличности, возвращения всего на круги своя. Именно память превращает «бессмысленный набор бессвязных фрагментов» в осмысленную целостность, хотя нельзя здесь не отметить и эффект, который можно назвать мнемонической апофенией, когда в хаосе припоминаемого видится некая структура, которой там может и не быть. Попытка выстроить прошлое, а именно – изменить его, заставляет человека попадать в ментальную ловушку, которую канадский исследователь А. Кукла определил как «реверсию», т. е. ситуацию, когда человек «яростно трудится над решением уже не существующей задачи» (2007).

Следовательно, человек часто конструирует прошлое, глядя на него из настоящего. Так, например, выстраивание ранних этапов истории науки всегда наталкивается на презентизм (Платон кажется нам профессором, а идея Блага – универсальным сервером, к которому можно подключиться, чтобы «скачать» необходимые «истинные данные»), т. е. попытку взглянуть на прошлое через призму сегодняшних знаний, это автоматически не дает понять точку зрения того, кто жил тогда и видел мир иначе. Однако было бы неправильно полагать, что существует только настоящее, скорее всего, лучше говорить об относительной цикличности (спиралевидности) времени и памяти (все новое – это хорошо забытое старое). В XX в. постмодерн, разорвавший все связи с линейностью, бинарностью, рациональностью, традициями, также актуализировал проблему памяти на новом уровне¹.

Анализируя современное состояние проблемы памяти в социальной философии, следует отметить, что данная тема часто становится предметом изучения, о чем свидетельствует несколько десятков защищенных диссертационных исследований. Ключевая проблематика заключается в следующих направлениях анализа: пространство социальной памяти (Д.А. Аникин²), соотношение социальной памяти и времени (Т.И. Барсукова³), социальная память как основа нравственности человека (Д.Г. Давлетшина⁴), реминисценции и ценностно-смысловое содержание социальной памяти (С.В. Дементьева⁵), социальная память и современная российская идентичность (А.С. Живой⁶), память и забвение (Е.Н. Костина⁷, К.Я. Коткин⁸), семейно-родовая память как программа социального наследования (Л.Ю. Логунова⁹), онтология социальной памяти (О.Т. Лойко¹⁰, О.С. Федоров¹¹), научное знание и механизмы социальной памяти (М.А. Розов¹²), традиция как форма социальной памяти (Е.В. Романовская¹³), роль ритуала в трансляции содержания социальной памяти (А.Н. Уткина¹⁴), социальная память и картина мира (И.А. Ромащенко¹⁵),

¹ Васильева Е.О. Коммеморация в практиках современной живописи: память о модерне в постмодерне : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2011. 20 с.

² Аникин Д.А. Пространство социальной памяти : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2008. 151 с.

³ Барсукова Т.И. Социальная память и время : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1991. 24 с.

⁴ Давлетшина Д.Г. Социальная память как основа нравственности человека : дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2007. 146 с.

⁵ Дементьева С.В. Роль и значение реминисценций в постижении ценностно-смыслового содержания социальной памяти : дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2000. 102 с.

⁶ Живой А.С. Социальная память в контексте становления современной российской идентичности : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2017. 169 с.

⁷ Костина Е.Н. Память и забвение: диалектика феноменов: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2013. 129 с.

⁸ Коткин К.Я. Память и забвение в формировании пространственно-временных и личностно-социальных отношений : дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2011. 179 с.

⁹ Логунова Л.Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования : дис. ... д-ра филос. наук. Кемерово, 2011. 267 с.

¹⁰ Лойко О.Т. Онтология социальной памяти : дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2004. 299 с.

¹¹ Федоров О.С. Онтологическая составляющая проблемы исследования человеческой памяти: исторический и социальный аспекты : дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2005. 178 с.

¹² Розов М.А. Научное знание и механизмы социальной памяти : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1990. 45 с.

¹³ Романовская Е.В. Традиция как форма социальной памяти: герменевтический и институциональный горизонты : дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2013. 306 с.

¹⁴ Уткина А.Н. Роль ритуала в трансляции содержания социальной памяти: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2012. 118 с.

¹⁵ Ромащенко И.А. Социальная память и картина мира : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2000. 200 с.

структура и феномены социальной памяти (И.Ю. Соломина¹), социальная память как продукт и фактор исторического развития (Н.А. Терещенко²), историческое время и историческая память (П.А. Заклинский³), методологический анализ категории «социальная память» (С.Ю. Чехлов⁴), социальная память в закрытых и открытых обществах (Н.С. Шаповалова⁵), конструирование воображаемых сообществ в структурах социальной памяти (И.С. Яндараева⁶).

Помимо диссертационных исследований, закрывающих широкий пласт методологических и социально-философских аспектов феномена социальной памяти, следует отметить новейшие темы, имеющие вес и актуальность в дискурсе о памяти. На общем фоне заслуживает внимания тематика так называемых разразившихся «войн памяти» (Шарова, 2020) и «войн с памятью», «мобилизованной памяти», т. е. истории как информационного оружия⁷, «множественности па-мятей» (Нора, 2010), роли «мемориальных групп», жаждущих переписать историю и память.

Проводя тематический анализ проблемы памяти в современной социально-философской литературе, сложно осуществить обобщение и сравнение всего ряда исследований в рамках линейного текстуального описания. Наиболее удобным способом, решающим проблему экономии времени при построении тематического многообразия, по нашему мнению, представляется метод визуального табличного моделирования (Макулин, 2016а) и комбинаторики (Макулин, 2016б). Визуальное представление данных является удобным приемом компактирования информации и позволяет извлекать новую информацию (Макулин, 2019).

Понятно, что аспекты памяти, затронутые в указанных исследованиях, посвященных проблеме памяти, образуют сложную систему отношений с уже закрытыми пробелами в исследовании феномена памяти, тематическими вариациями (комбинациями) тематик и вероятностным полем исследования.

Наиболее интересной, по нашему мнению, представляется идея визуального тематического анализа проблемы социальной памяти за счет построения графических моделей, которые позволили бы, минуя длинный процесс описания подходов, сразу получить многообразие исследовательского поля. Гипотетические виды памяти без определения их названий можно дать с помощью табличного выражения (таблица 1).

Таблица 1 – Классификация видов памяти

Вид		Носитель памяти		
		Один	Много	Иной источник (универсум Интернет, искусственный интеллект)
Накопление	Сознательное	–	–	–
	Бессознательное (имплицитная память (лат. <i>implicitus</i> – свернутый, закрытый))	–	–	–
Использование	Актуальная – используемая информация	–	–	–
	Потенциальная – информация, закрепленная в материальном носителе, но актуально не используемая	–	–	–

Для построения модели необходимы основные понятия, фигурирующие в исследованиях социальной памяти. Анализ показывает, что категориальный ряд выглядит следующим образом. Во-первых, родовым понятием является память. В зависимости от оснований классификации в памяти можно вычленить многочисленные ее виды. В социальной философии, направленной на

¹ Соломина И.Ю. Социальная память: структура и феномены : дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2005. 216 с.

² Терещенко Н.А. Социальная память как продукт и фактор исторического развития : дис. ... канд. филос. наук. Казань, 1992. 201 с.

³ Заклинский П.А. Историческое время и историческая память : дис. ... канд. филос. наук. М., 1999. 142 с.

⁴ Чехлов С.Ю. Методологический анализ категории «социальная память» : дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2002. 185 с.

⁵ Шаповалова Н.С. Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2012. 18 с.

⁶ Яндараева И.С. Конструирование воображаемых сообществ в структурах социальной памяти : дис. ... канд. филос. наук. Ижевск, 2012. 160 с.

⁷ Мобилизованная память: история как оружие. Дискуссия с Андреем Колесниковым [Электронный ресурс] // Youtube. 2020. 22 апр. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JUri8gLgA20> (дата обращения: 04.08.2022).

изучение предельных категориальных оснований социальной природы, речь в большинстве случаев идет о таких широких областях, как индивидуальная и коллективная память, что подразумевает количество носителей информации. Память всегда связана с двумя функциями: накопление и использование. Они могут реализовываться как пассивно, инертно, так и активно, сознательно. Также важно понимать, что память всегда опредмечена в объектах материального наследия или текстах (внешняя память) и сопровождается идеальными характеристиками-смыслами (внутренняя память). Ситуация, когда присутствует культурный материальный объект без смыслового содержания, также может встречаться. Яркий пример – история и культура древних цивилизаций, язык которых стал мертвым, а ключ к нему в переводоведческой традиции был утрачен (см. розеттский камень, дешифровка письменности майя и др.).

Также саму память можно рассматривать лишь как информацию или ценность. Социальную природу памяти в целом можно понимать двояко: как некий атрибут социального либо фундаментальную сущность или «каркас» социального. Анализируя социальную статистику и динамику, необходимо признать, что ни то ни другое невозможно без памяти, т. е. генетического сохранения наследования витальных основ культуры без критических разрывов или дизрупций ее информационной структуры. Именно отсутствие критических разрывов обеспечивает относительную самоидентичность и самораспознавание трансформирующегося объекта, коллективного или индивидуального субъекта в пространстве и времени, будь то человек или человечество, научная школа или ее представитель, город или страна, географический регион или его часть. В условиях индустрии 4.0 проблема существования традиционной памяти актуализируется именно так называемыми дизруптивными технологиями, которые подрывают традиционные механизмы передачи памяти, отдавая их на откуп цифровым технологиям. В связи с этим намечающиеся разрывы в памяти могут приводить к социальной (исторической) амнезии представителей так называемых «умных толп», т. е. членов социальных сетей, жителей виртуальной реальности, пользователей всевозможных умных устройств, проживающих в «умных городах», обучающихся в «умных университетах» и работающих на «умных производствах». Социальная амнезия, как известно, сопровождается почти тотальной утратой памяти об исторических событиях, вырабатывает индифферентность к социальным суждениям о важности этих событий и явлений (Иван, не помнящий родства). В такой ситуации происходит переписывание истории. Так, П. Нора отмечает: «Всеобщая тенденция переписывать прошлое в свете памяти и судить его от ее имени прямо ведет к упразднению любых форм исторического мышления» (2010: 186).

В условиях вызовов, диктуемых индустрией 4.0, общей латентной основой указанных трансформаций являются процессы цифровой глобализации и унификации. Классические механизмы культурного наследования содержания памяти сталкиваются с новыми технологиями. С одной стороны, они позволяют эффективно защитить материальные носители памяти: оцифровка текстов и материальных объектов культуры, технологии по их обработке в рамках Big Data, создание виртуальных музеев и выставок, 3D-моделирование. С другой стороны, декларируемое в рамках индустрии 4.0 массовое внедрение киберфизических систем во все сферы жизнедеятельности человека, а также Интернет вещей (англ. Internet of things, IoT) предполагают построение сетей передачи информации без участия человека. В подобной ситуации можно говорить о необходимости внедрения понятия «умная память».

Подключение понятия «умная память» к традиционному тематическому категориальному ряду в социально-философских исследованиях формирует совершенно новый пласт тем и проблем, изучение которых позволит понимать судьбу социальной памяти в цифровую эпоху. Среди основных новых тематик можно выделить следующие. Загрузка сознания (также называемая переносом сознания, англ. Mind uploading) – гипотеза, имеющая статус научной фантастики, предполагает сканирование и картирование головного мозга в целях переноса сознания и, соответственно, памяти человека в вычислительное устройство (например, компьютер). Машина будет копировать биологический оригинал. В случае с человеческим обществом таким носителем социальной информации и, следовательно, памяти уже являются Всемирная паутина (англ. World Wide Web), искусственная нейронная сеть и проект искусственного интеллекта.

Также социальная память в рамках информационного общества сталкивается с феноменом мема и меметики. «Опорные места» памяти (Матусевич, 2012), ранее привязанные к географическим объектам, переносятся за счет оцифровки в виртуальную реальность. Опорным пунктом коллективной памяти все больше становится Интернет.

Особенное значение приобретает цифровой (электронный) след. Любые действия человека в Интернете – сознательные и бессознательные – активно или пассивно создают собственный цифровой след, который можно отследить и восстановить вплоть до мельчайших подробностей, что говорит о становлении так называемого «цифрового паноптикума».

Итак, глубокая имманентность социальной памяти процессу воспроизводства культуры может служить в качестве одного из главных источников витально-социальной энергии общества, направляющей его усилия, ведущие к сохранению непреложного и созданию нового социального содержания. Эта имманентность все больше дополняется цифровыми стимулами, вызовами и ловушками, которые могут быть освоены и успешно преодолены в рамках нового типа социальной памяти – «умной социальной памяти», интегрирующей ценности традиционного воспроизводства и цифровых инноваций.

Список источников:

- Корсаков И.А., Корсакова Н.К. Наедине с памятью. М., 1984. 80 с.
 Кукла А. Ментальные ловушки: глупости, которые делают разумные люди, чтобы испортить себе жизнь. М., 2007. 146 с.
 Макулин А.В. Моделирование философии: от схем, таблиц и метафор к цифровым философским визуализациям // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016а. № 3-1 (65). С. 123–127.
 Макулин А.В. Наука и философия модерна в плену «клеточной власти» таблиц: модели, метафоры, аналогии // Общество: философия, история, культура. 2016б. № 1. С. 30–34.
 Макулин А.В. Философия визуальной грамотности: роль инфографики и визуального мышления в социальном планировании // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1 (57). С. 27–34. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.1.4>.
 Матусевич О.А. Теория социальной памяти в западноевропейской гуманитарной науке // Труды БГТУ. Сер. 5: История, философия, филология. 2012. № 5. С. 107–109.
 Нора П. Расстройство исторической идентичности // Вестник Российской нации. 2010. № 1–2 (9–10). С. 181–188.
 Шарова В.Л. Непостоянное прошлое: историческая память как политический инструмент в электронных медиа современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, № 9 (95). С. 22. <https://doi.org/10.18254/S207987840012292-0>.

Referernces:

- Korsakov, I.A. & Korsakova, N.K. (1984) *Alone with Memory*. Moscow, Znanie. (In Russian)
 Kukla, A. (2007) *Mental Traps: Stupid Things That Sane People Do to Mess Up Their Minds*. Moscow, Alpina Business Books. (In Russian)
 Makulin, A.V. (2016a) Modeling Philosophy: From Schemes, Charts and Metaphors to Digital Philosophical Visualizations. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3-1, 123–127. (In Russian)
 Makulin, A.V. (2016b) Science and Philosophy of the Modern Times in the Grip of "Cellular Power" of Tables: Models, Metaphors, Analogies. *Society: Philosophy, History, Culture*. (1), 30–34. (In Russian)
 Makulin, A.V. (2019) Philosophy of Visual Literacy: The Role of Infographics and Visual Thinking in Social Planning. *Society: Philosophy, History, Culture*. (1), 27–34. Available from: [doi:10.24158/fik.2019.1.4](https://doi.org/10.24158/fik.2019.1.4). (In Russian)
 Matusevich, O.A. (2012) Teoriya social'noj pamyati v zapadnoevropejskoj gumanitarnoj nauke [The Theory of Social Memory in the Western European Humanities]. *Proceedings of BSTU. Issue 5, History, Philosophy, Philology*. (5), 107–109. (In Russian)
 Nora, P. (2010) Historical Identity Disorder. *Bulletin of Russian nation*. (1–2), 181–188. (In Russian)
 Sharova, V.L. (2020) The Unstable Past: Historical Memory as a Political Tool in the Electronic Media of Contemporary Russia. *Istoriya*. 11 (9), 22. Available from: [doi:10.18254/S207987840012292-0](https://doi.org/10.18254/S207987840012292-0). (In Russian)

Информация об авторе

Е.Ю. Макулина – преподаватель кафедры гуманитарных наук, Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=740331.

Information about the author

E.Yu. Makulina – Lecturer, Department of Humanities, Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=740331.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.08.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 83–87.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 83–87.

Научная статья

УДК 369.032

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.13>

Общественный договор как способ реализации биополитики и социального управления

Антон Александрович Боровихин¹, Виктор Васильевич Павлович²

^{1,2}Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

¹aborovikhin@gmail.com

²pavlovich@mail.ru

Аннотация. В первой части нашей работы решено исследовать две различные трактовки теории общественного договора, выдвинутые Томасом Гоббсом и Жан-Жаком Руссо. Их видение социально-философских и политико-юридических аспектов порядка формирования и развития общественного договора является бесценным для понимания формирования теории общественного договора в XVII–XVIII вв. Соотношение обозначенных теоретических подходов с социально-политической ситуацией, протекающей на территории вновь образованной России, выступает важным условием для оценки и прогнозирования дальнейшего развития государства как основного исполнителя воли своего народа. Процветание страны и качество жизни её жителей напрямую связано с легитимностью правителя, способностью этого правителя сохранять привлекательность условий общественного договора для всех заинтересованных сторон, а также оправлять свою власть как на макро-, так и на микроуровне.

Ключевые слова: общественный договор, биополитика, социальное управление, общество, народ

Для цитирования: Боровихин А.А., Павлович В.В. Общественный договор как способ реализации биополитики и социального управления // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 83–87. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.13>.

Original article

Social Pact as a Way to Implement Biopolitics and Social Management

Anton A. Borovikhin¹, Viktor V. Pavlovich²

^{1,2}Surgut State University, Surgut, Russia

¹aborovikhin@gmail.com

²Pavlovich@mail.ru

Abstract. In the first part of the study the authors explore two different interpretations of the social pact theory put forward by Thomas Hobbes and Jean-Jacques Rousseau. Their vision of the socio-philosophical and political-legal aspects of the order of formation and development of the social pact are invaluable for understanding the formation of the theory of the social pact in the XVII–XVIII centuries. The correlation of the indicated theoretical approaches with the socio-political situation taking place on the territory of the newly formed Russia is an important condition for assessing and predicting the further development of the state as the main executor of the will of its people. The prosperity of the country and the quality of life of its inhabitants is directly related to the legitimacy of the ruler, the ability of this ruler to maintain the attractiveness of the terms of the social pact for all interested parties, as well as to exercise his power both at the macro and micro levels.

Keywords: social pact, biopolitics, social management, society, nation

For citation: Borovikhin, A.A. & Pavlovich, V.V. (2022) Social Pact as a Way to Implement Biopolitics and Social Management. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 83–87. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.13](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.13) (In Russian).

Введение. Вопрос о происхождении государства на протяжении всей человеческой истории остается без ответа. Понимание структуры формирования государства позволяет осознать цели его создания, задачи, которые оно должно реализовывать, и определить основных акторов этих процессов.

Свое освещение «теория общественного договора» получила в естественно-правовых учениях XVII–XVIII вв. в трудах Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо. Но необходимо отметить, что еще в IV веке до н.э., задолго до Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо, Аристотель описывал цели объединения человеческих сообществ: «Всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же об-

щение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся (stokhadzontai) к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим»¹. Его позиция вписывается в систему онтологического подхода в формировании общества, целью которого являлась редукция личности и потребностей всех его участников к единому основанию. У Аристотеля таким основанием выступает высшее благо. У Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо представления о причинах создания государства и его целях отличались от представлений Аристотеля.

Понимание общественного договора Т. Гоббсом и Ж.-Ж. Руссо. Т. Гоббс полагал, что до того, как возникли государства, каждому индивиду было присуще «естественное право», при реализации которого появлялась возможность защитить свою жизнь или свободу, используя при этом любой из доступных способов. Можно сделать вывод, что для сохранения своей жизни допустимо убить другого, в случае отсутствия еды ее можно забрать у другого, более слабого. В такой реализации естественного права «каждый человек имеет право на все»². Имея равные при рождении права, каждый субъект рассчитывает если не на более выигрышное положение в социальной иерархии, то хотя бы не на худшее. Отсутствие законов, регулирующих взаимоотношения индивидов, доверия и риск потери жизненно важных ресурсов приводят к озлобленности, а также вынужденному противостоянию, неизбежной войне «всех против всех»³. Такая форма взаимодействия становится невыгодной для человека, способного накапливать и умножать ресурсы, обрабатывать землю, возводить качественные строения, поскольку ему «не гарантированы плоды его труда»⁴.

Подобная ситуация может представляться несправедливой, однако, «там, где нет закона, нет несправедливости»⁵. Война «всех против всех» может устраивать ту часть общества, которая, обладая ресурсами и силой, способна репрессировать потребности тех, кто «слабее», и за их счет реализовывать свои естественные потребности и права. Однако большую часть общества такое положение дел не устраивало.

Свою значимость обретает потребность преодоления условий естественного права и установления правил взаимодействия. Исходя из данных потребностей формируется правило, согласно которому «в случае согласия на то других человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты»⁶. В противном случае война «всех против всех» будет продолжаться. Людям необходимо договориться друг с другом о правилах взаимодействия и запретах в этом взаимодействии. Любая договоренность должна быть не только достигнута, но и реализована в форме гаранта исполнения достигнутых соглашений. В качестве такого гаранта и структуры, по мнению Т. Гоббса, выступает государство в лице суверена, являющегося гарантом исполнения обязательств по соблюдению мира, принятых обществом. Права суверена безграничны, он может делать «все, что он считает необходимым в интересах государства»⁷, а основной задачей является «обеспечение безопасности народа»⁸. Таким образом формируются государство и законы, обязательные к исполнению всеми гражданами. Справедливость обеспечивается за счет подчинения всех субъектов правилам вместе с полным отказом от естественных прав в пользу суверена (государя, монарха, правителя), способного нести возмездие нарушителям правил.

Еще одним идеологом теории «общественного договора» является Ж.-Ж. Руссо. Несмотря на то, что его позиция относительно общественного договора возникла на благодатной основе, подготовленной Т. Гоббсом, их взгляды далеко не тождественны. Руссо поднимает вопрос о разумности передачи абсолютной власти суверену, если последний не гарантирует народу новые блага, а ограничивается лишением его естественных прав. Таким образом, отрицается рациональность предположения о добровольном отчуждении прав, а предполагать это – «значит предполагать, что народ состоит из сумасшедших»⁹. В таком случае необходимо понять, каким образом народ выбирает своего владыку, формируя с ним ассоциацию под названием «Государство». Людям необходимо «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общицу

¹ Аристотель. Политика. М., 2018. С. 7.

² Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 90.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Там же. С. 198.

⁸ Там же. С. 229.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Принципы политического права. М., 1938. С. 8.

силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»¹. Именно такая ассоциация сможет легитимизировать правителя, формируя в этом союзе государство, делегируя свои права «в пользу всей общины»². А народ тем самым предстает в форме не обособленных групп или атомизированных индивидов, а единого, монолитного образования, стремящегося к реализации «общей воли»³. При этом, если у суверена, согласно Гоббсу, оставалось естественное право, позволяющее карать за неповиновение и нарушение закона, то у правителя, согласно Руссо, неповиновению противопоставляется «принуждение к повиновению всем политическим организмом»⁴. Это указывает непосредственно на то, что человек утрачивает «свою естественную свободу и право на всё»⁵. Правитель же выступает в позиции руководителя, реализующего интересы народа. Суверен фактически и есть народ, а общественный договор как таковой «устанавливает между всеми гражданами такое равенство, что они вступают в соглашение на одних и тех же условиях и должны все пользоваться одними и теми же правилами»⁶. Общественный договор – это «договор ассоциации»⁷. Правитель своей волей создает орган правления, на который будут возложены соответствующие обязательства, но функцию назначения начальников этого органа исполнит «народ»⁸. Важно подчеркнуть, что ни законы, принятые этим правительством, ни сам правитель, по мнению Ж.-Ж. Руссо, не вечны. Нет ни одного законодательного акта, учитывая и общественный договор, который невозможно было бы отменить.

Сегодня сложно представить общественный договор неким актом массового волеизъявления жителями некой территории, в дальнейшем объединенной в государство. Однако принципы, описанные в этой статье, можно рассмотреть и в современных государствах.

Формирование общественного договора в России. Общественный договор современной России формировался в уникальной исторической повестке. Государство оказалось сформированным в противовес «свободному голосованию»⁹ советского народа. В марте 1991 г. на территории СССР прошел первый референдум, единственной целью которого было понять желание народа продолжить свою жизнь в сформированном ранее государстве СССР или избрать новую форму общественного договора. Несмотря на то, что «большинство советских граждан высказалось за сохранение и обновление его» (Бабилунга, 2010: 112), 26 декабря 1991 г. СССР официально прекратил свое существование, уступив место 15 независимым государствам. Сформировалось новое государство – Россия. Появилась необходимость легитимации власти и четкого наделения правами и обязанностями суверена и народа. Проживание новой реальности в рамках «неформальных правил» (Аузан, 2005), социальной «безответственности государства» (Макинтайр, 2002) и не сформулированных договоренностей протянулось до 12 декабря 1993 г., когда прошло «всенародное голосование по проекту Конституции Российской Федерации»¹⁰, тем самым юридически закрепив обязанности нового государства реализовывать биополитические процессы и обеспечить каждому гражданину доступность «основных форм социальной защиты» (Макинтайр, 2002). Однако рождение основного закона страны, или общественного договора, обусловлено не единением народа в единый монолит, как у Ж.-Ж. Руссо, и не делегированием власти суверену, как у Т. Гоббса. В нашем случае монолитной группой выступал не народ, а так называемые группы влияния, ввиду незначительного количества которых они могли фокусировать в своих руках «долю верховной власти»¹¹ и влиять на ход событий в государстве.

Дальнейшее развитие рыночной экономики России и ее секторов, начавшееся в 2000-х гг., начало множить иные группы влияния: различные отраслевые ассоциации, профсоюзы, некоммерческие организации, малый и средний бизнес. Тем самым доля власти у каждого из участников процесса уменьшается настолько, что каждый отдельный голос перестает фатально влиять на принятие политических решений, оставаясь при этом открытым для диалога. Общественный договор России разрастается, и в него продолжают вливаться «новые группы для формирования

¹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 50.

правил» (Аузан, 2005), но договор продолжает оставаться корпоративным и вертикальным, так как каждый конкретный индивид и общество в целом не являются его сторонами. С другой стороны, «общее молчание должно быть понимаемо как согласие народа»¹.

Важным аспектом существования государства и его качественного развития является стабильность принятых правил. Именно на суверена возложена функция по обеспечению их стабильности и исполнения. Однако в ситуациях, когда государство связано международными соглашениями, обязывающими суверена отказываться от исполнения правил своей страны в угоду внешним интересам и правилам, его функция становится заведомо непродуктивной, ибо суверен «не имеет и не может иметь интересов»², противоположенных интересам своего народа, а внешние «управления», имеющие правовую власть над государством и сувереном, с легкостью это правило могут нарушить. Мы можем видеть, что элементы, включающиеся в правовую систему России и регулирующие верховенство национального права, тождественны правилам, принятым в таких западных странах как США, Франция, Германия и Великобритания.

Формируется понимание, что реализация общественного договора возможна только через обеспечение такого уровня благосостояния общества, при котором каждый индивид (а точнее большинство от населения страны) будет готов на исполнение законов государства (послушание). Так, в 2020 г. пересматривается и вносится на согласование «монолитному» народу предложение о внесении изменений в Конституцию страны, тем самым формулируя новый общественный контракт, новое общественное мировосприятие и понимание субъектности каждого гражданина в социальном контракте с государством. Этот контракт можно рассматривать как горизонтальный и принятый с каждой персоналией.

Заключение. Теория общественного договора Т. Гоббса оказалась чуждой для России конца XX в., а то, что было нормой в период крепостного права, в новой реальности оказалось неприемлемым. Позиция Ж.-Ж. Руссо соотносится с нашей страной более лаконично, однако на начальном этапе становления государственности страны единым монолитом народа выступили частные представители социальных групп и олигархи. Дальнейшее развитие контракта через общенародную корректировку действующей Конституции продемонстрировало, что государство (Россия) готово обеспечить реализацию различных форм биополитики, тем самым гарантировав для своего населения, являющегося источником власти главы государства³, приемлемое социально-экономическое состояние, социальные блага, минимальный доход, медицинское сопровождение, безопасность, имущественное право, образование, а также свободу и равенство (в рамках утвержденного права). Верификация условий нового социального контракта и удовлетворенности населения его условиями прошла в 2021 г. в период выборов в представительные органы власти страны. Прошедшие выборы показали, что общество готово продолжать реализуемую стратегию страны и соблюдать принятые правила. Мы можем судить о том, что увеличение сторон социального контракта и денонсация ряда международных договоров привели к формированию субъектности действующего суверена и направленности его деятельности на реализацию целей его избрания. Неизменность правил и суверенность в их принятии позволит обеспечить стабильность в экономической, социальной и политической сферах страны.

Список источников:

- Аузан А.А. Россия как реальность: Общественный договор и гражданское общество // Мир России. Социология. Этнология. 2005. №3. С. 3–18.
 Бабилунга В.Г. Распад СССР и кризис Молдавской государственности // Русин. 2010. № 4 (22). С. 112–135.
 Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2. С. 142–150.

References:

- Auzan, A.A. (2005) Rossiya kak real'nost': Obshchestvennyy dogovor i grazhdanskoye obshchestvo [Russia as Reality: Social Contract and Civil Society]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. (3). 3–18. (In Russian)
 Babilunga, V.G. (2010) Raspad SSSR i krizis moldavskoy gosudarstvennosti [The Collapse of the USSR and the Crisis of the Moldavian State]. *Rusin*. (4). 112–135. (In Russian)
 McIntyre, R. (2002) Sotsial'naya politika v stranakh s perekhodnoy ekonomikoy v aspekte razvitiya chelovecheskikh resursov [Social Policy in Countries with Economies in Transition in the Aspect of Human Resource Development]. *Problemy prognozirovaniya*. (2). 142–150. (In Russian)

¹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 22.

² Там же. С. 15.

³ О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 1633 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/388538> (дата обращения: 16.07.2022).

Информация об авторах

А.А. Боровихин – аспирант, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

В.В. Павлович – аспирант, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

Information about the authors

A.A. Borovikhin – PhD student, Surgut State University, Surgut, Russia.

V.V. Pavlovich – PhD student, Surgut State University, Surgut, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 88–93.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 88–93.

Научная статья

УДК 18

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.14>

***Genius loci* в эстетике повседневности**

Владислава Сергеевна Кайгородова

Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, Россия,
vla48811781@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4411-5101>

Аннотация. В статье рассматривается идея пространства в эстетике повседневности. Автор ставит цель сблизить понятие *genius loci* и эстетику повседневности и показать возможность *genius loci* быть описательной конструкцией любого значимого пространства. Пространство и субъект взаимосвязаны и постоянно влияют друг на друга. Это позволяет предположить в пространстве существование нескольких уровней – субъекта и смыслов. Субъект порождается смыслами пространства, представленными в статье понятиями идентификации и ориентации, и, в свою очередь, влияет на них. Наличие различных пространств позволяет предположить множественность форм опыта идентификации и ориентации и порождает вопрос о потенциальной значимости их столкновения. Раскрываясь в понятиях атмосферы и эффектов присутствия, *genius loci* получает способность проникать в границы любого пространства и придавать эстетическое значение каждому из них.

Ключевые слова: гений места, эстетика повседневности, пространство, философия жизни, философия сознания, Кристиан Норберг-Шульц, присутствие, эстетический опыт, эстетическое переживание, конструирование смысла

Для цитирования: Кайгородова В. С. *Genius loci* в эстетике повседневности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 88–93. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.14>.

Original article

***Genius Loci* in the Everyday Aesthetics**

Vladislava S. Kaigorodova

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia,
vla48811781@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4411-5101>

Abstract. In this article considers the idea of space in the everyday aesthetics. The author aims to draw the concept of *genius loci* and principles of the everyday aesthetics to show *genius loci* as a descriptive construction of any space. Space and the subject are interconnected and constantly influence each other. Space embodied in two levels: the one of the subjects and the one of meanings. The subject is generated by the meanings of space, presented in the article by the notions of identification and orientation, and, in turn, influences them. The presence of different spaces suggests a multiplicity of forms of identification and orientation and begs the question of the potential significance of their collision. Disclosed in the notions of atmosphere and the effects of presence, *genius loci* gain the ability to penetrate the boundaries of any space and give aesthetic significance to each of them.

Keywords: *genius loci*, everyday aesthetics, space, philosophy of life, philosophy of mind, Christian Norberg-Schultz, presence, aesthetic experience, aesthetic sensation, the construction of meaning

For citation: Kaigorodova, V.S. (2022) *Genius Loci* in the Everyday Aesthetics. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 88–93. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.14](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.14) (In Russian).

Британская писательница и теоретик искусства Вернон Ли считала, что *genius loci* (гении места) – эти загадочные духи – находятся повсюду, но особенно заметны в старинных и заброшенных местах, в пределах рек, морей, озер и гор, в свете заката или в лучах рассветного солнца. Другими словами, в местах, чем-то отличных от мест повседневного пребывания. Близость гениев мест она сравнивала с внезапным осознанием присутствия рядом неведомой силы через ощущение словно бы проявившейся плотности места, описать и представить которую сложно, если не испытал подобного сам¹.

Будучи красивым в самой сущности своего описания, такое понимание *genius loci* быстро нашло свое место в границах поэзии и литературы и надолго закрепилось в них. Долгое время,

¹ Lee V. *Genius loci; notes on places*. London, 1899. 211 p.

пребывая лишь в форме яркой метафоры, используемой для описания тех мест, которые произвели незабываемое впечатление, потенциал *genius loci* не был философски раскрыт.

В последнее время наблюдается все более возрастающий к нему интерес. С одной стороны, «в наше время гений места – уже, как правило, часть массовой культуры, широко эксплуатируемая индустрией туризма и городского маркетинга» (Учитель, 2020, с. 142). С другой – он приобретает важное значение в архитектуре (Молодкина, 2018) и устанавливается в культуре как понимание совокупности «*сильных мест*» (курсив наш. – В. К.), максимальной степенью реализации которых является искусство в особом измерении целостности и интенсивности проживания смыслов, длящегося очарования присутствия» (Костина, 2018). И в том и в другом случае *genius loci*, хотя и связывается с пространством (Norberg-Schulz, 1974), приобретая в его философско-эстетическом осмыслении вспомогательную роль, в основном употребляется лишь для описания особых художественно-исторических пространств и явлений.

Признавая неразрывную связь *genius loci* и пространств, отмеченных духом (т. е. уникальным отпечатком времени, эпохального события или личности автора), одно из которых в свое время было также рассмотрено нами (Кайгородова, 2022), мы, однако, хотели бы обратить внимание на способность *genius loci*, если не быть самостоятельным явлением, то выходить далеко за границы общепринятого понимания его лишь как части ауры произведения искусства¹. Помещая его в наиболее отличный от изначального контекст, мы можем заново рассмотреть формирующие его механизмы места и сознания и таким образом лучше очертить философско-эстетическое значение и содержание, а также выявить потенциальный интерес для современных исследований. Значимым также может оказаться междисциплинарный характер явления гения места, смысл которого раскрывается на уровнях культуры, философии, эстетики, архитектуры и «жительства» (Heidegger, Kolesnikova, 2020) одновременно. Развитие этой идеи имеет теоретический характер, но в силу своей многоуровневости способно послужить источником в образовательной или просветительской деятельности, а благодаря близости современным тенденциям архитектуры и градостроения – иметь практический смысл.

Если представить жизнь человека как поезд, в котором он на скорости несется к конечной точке путешествия, то пейзажи за окном могут быть восприняты как возможные впечатления. Человек может забыть о том, что сидит в купе, и предаться воспоминаниям, бессмысленно глядя в окно. Но представим, что одна из смазанных картинок вдруг привлекла его внимание. Нарушив его размеренное внутреннее состояние, она заставляет человека сфокусироваться на том, что позвало за окном. Но этого оказывается недостаточно – и вот человек срывается с места и выходит на первой же станции.

Представим также человека, который большую часть жизни провел, работая в полях у железной дороги, и, наблюдая за проходящими мимо поездами, много воображал, как окажется в одном из таких поездов и пронесется мимо знакомых ему полей. Поезда здесь не останавливались, и человек стал относиться к ним как к части занимаемого им пространства. Но, предположим, однажды поезд останавливается – и вот пораженный нарушенным порядком вещей, человек, работавший у железной дороги, срывается с места и запрыгивает в первый вагон этого поезда.

А теперь представим, что это был один и тот же человек.

Такое простое, но наглядное в своей сущности описание хорошо отражает основные особенности переживания человеком пространства, которое он устанавливает для себя в форме значимых для него фактов, часто исключая лишние чувства и мысли, и задает условия для возможного проникновения в повседневную реальность *genius loci*. Если значимость фактов определяется условиями и направлением жизни, в пределах которых множественность чувств и мыслей кажется излишней, – это, в свою очередь, сужает пространство до эпизодов, наложенных на ту или иную его конкретную часть, формируя собственную, очень замкнутую в самой себе карту мира, то для проявления сущности гения места требуется что-то необыкновенное. И целью данной работы мы ставим выявление сущности этого необыкновенного, а также описание форм его проявления в повседневной жизни.

Для достижения поставленной цели обратимся прежде всего к работам норвежского архитектора К. Норберг-Шульца как наиболее яркого представителя в области *genius loci*, идеи которого повлияли на множество исследователей и воспитали выдающихся архитекторов (Молодкина, 2018). Затем, опираясь на разработанное им понятие характера места, сблизим его находки с идеями философа Х.У. Гумбрехта об эффектах присутствия (Гумбрехт, 2006), так как именно на границе их нагляднее всего раскрывается пространственное воплощение *genius loci*, что, в свою очередь, позволит нам сблизить это понятие и часть эстетики повседневности и показать на их примере, как *genius loci* может быть описательной конструкцией любого значимого пространства.

¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996. 240 с.

Возникнув как красивая метафора, *genius loci* дошел до нас в основном в художественных произведениях (Кайгородова, 2022) и описаниях. Основной интерес к нему как к философскому понятию начинается с работ М. Хайдеггера, А. Бергсона и других авторов, выводы которых оказали значимое влияние на норвежского архитектора К. Норберг-Шульца (Norberg-Schulz, 1980), исследования которого окончательно сместили акцент с представления о гении места как о прикладной части художественного впечатления на его независимое существование и дали ему новую жизнь в пределах философского знания с помощью введения его в пределы *пространств*.

Внедрение идеи *genius loci* в философское понятие пространства как одной из определяющих его восприятие частей: чувственно воспринимаемых, культурных, архетипических, художественных – преобразовало сущность обоих понятий одновременно. Пространство стало осознаваться не только как декорация человеческой жизни, но как самостоятельный постоянно бурлящий организм; *genius loci* же стал не только обрамлять различные художественные явления природы и искусства, но и сам получил возможность обрамления пространством снаружи и изнутри. Другими словами, между содержанием и формой всякого места проявилась неразрывная взаимосвязь, особенности которой архитектор выразил в понятии «характер места».

Смысл понятия нагляднее всего раскрывается следующим примером. Если взять пространства делового центра и парка, легко обнаружить, что их восприятие человеком будет разным – сам ритм их существования будет отличаться друг от друга. Нацеленный на эффективность, деловой центр будет наполнен практически значимыми объектами повседневности (банк, магазины, офисы), возвышаясь над человеком как авторитет, в то время как нацеленный на отдых и развлечения парк будет максимально приветлив в сочетании открытых частей своего пространства. Если в деловом центре человек будет наиболее сосредоточен и даже закрыт от всего, что может отвлечь его от поставленной цели, то в парке он скорее почувствует себя свободным в движениях и мыслях. Другими словами, он будет по-разному присутствовать в пределах разных мест, поскольку каждое из них будет производить свой эффект. Так, основываясь на идее характера, мы получаем возможность осмысливать всякое пространство с точки зрения его формы и содержания – в том числе и пространство повседневности.

Предложенное немецко-американским философом Х. У. Гумбрехтом, понятие *эффектов присутствия* (Гумбрехт, 2006), лучше всего отражает ту особенную связь характера и облика места, поскольку включает как сущность, так и следствие эффекта чувственного и телесного ощущения себя и мира вокруг. У этого ощущения есть несколько уровней, которые лучше всего определить как уровни *чужого* и *своего*.

На уровне «своего» жизнь строится на монотонности и рутинности изо дня в день повторяемых действий; приуроченностью различных событий к той или иной части суток, месяца, года – пространство, особенно городское, представленное длинными и узкими улицами, площадями, особым расположением зданий и дорог, задающих ритм и настроение человеческой жизни. Человек на этом уровне строит свою повседневность, неразрывно сплетаясь с определяющим его пространством, но любое изменение его делает ощущение пространства «чужим».

Важную роль в этом процессе играет *производство присутствия* (Norberg-Schulz, 1980) – сила, производящая присутствие, проявляемое в виде события, мысли или действия, которое влияет на человека, усиливая в нем ощущение реальности и погружая в нее. В процессе производства присутствия пространство, ранее существовавшее лишь в самом себе, выходит за свои пределы и становится чем-то большим, в то время как присутствующий в нем теряет власть над собственным мироощущением и оказывается беззащитным перед овладевшей им реальностью, другими словами, вместо привычного контроля над миром вокруг вынужденно подчиняет свои мысли и действия тому, что ему диктует новая реальность.

Эффект присутствия, или, следуя заветам Х.У. Гумбрехта, эффекты присутствия есть важная часть эстетического переживания, поскольку в процессе его наиболее полно находят свое отражение основополагающие условия ощущения присутствия: заряженность энергией и внезапность появления. Заметим, что присутствие возможно лишь в эстетическом переживании, поскольку, в отличие от эстетического опыта, оно наиболее интенсивно ощущается и этим выделяется среди прочих явлений повседневного, т. е. привычного для восприятия мира.

Сущность эффектов присутствия близка сущности *genius loci* и в контексте ощущения реальности помогает понять формирующую *genius loci* взаимосвязь уровней *genius* и *loci* как разворачивающийся здесь и сейчас процесс присутствия. В то время как *loci* предлагает начальный опыт идентификации вещи и субъекта (Norberg-Schulz, 1993), уровень *genius* задает пространственные ориентиры, устанавливающие уникальность конкретного места. Однако при необходимости их опыт может быть использован повторно, при понимании какого-либо другого места.

Используя понятия «идентификация» и «ориентация», К. Норберг-Шульц так описывает процесс познания мира: идентификация наполняющих пространство вещей с помощью чувственного

их осознания в мире задает начальное ощущение пространства и закладывает основы будущего взаимодействия с ним (Norberg-Schulz, 1993). Когда ребенок начинает отграничивать себя от предметов и людей окружающего мира, он получает первые навыки ориентации с точки зрения «я / они» (в сущности, то же, что «свой», «чужой»). Ориентация и идентификация необходимы одновременно: без ощущения себя невозможна начальная ориентация как без навыков ориентации невозможно ощущение себя – отсутствие какой-либо части затрудняет дальнейшее становление действительности мира или даже делает невозможным переживание реальности в нем.

Идентификация и ориентация, как мы видим, напрямую связаны с частями *genius* и *loci*, т. е. с субъектом и местом, и всякое присутствие строится на взаимодействии их. Ориентация позволяет субъекту понять, где он находится, идентификация – осмыслить, для чего и в какой роли он присутствует здесь. Однако если для ориентации достаточно просто представить место без необходимости переживать его (и следствием этого становится повседневное пространство, вобранное в разум субъекта и во многом определенное его условиями и направлением жизни), то идентификация без переживания места невозможна (и, как следствие, порождается лишь им), поскольку быстро сменяется чувством отчужденности или потерянности. (В настоящее время проблема отчужденности и потерянности вышла и за пределы больших городов и стала особенно актуальной: люди все чаще задаются не вопросами «как?» или «что?», близкими сфере ориентации, но «почему?» и «зачем?», затрагивающими роль и личность субъекта, задающего их.) Таким образом, *genius loci* создает на уровне своих частей особую область смыслов – она составляет значительную часть повседневного мира и во многом определяет его.

Говоря о пространстве повседневности, мы имеем в виду одновременно весь окружающий мир (поскольку при необходимости он также может быть каким-либо образом замкнут) и замкнутое каким-либо образом место – с той оговоркой, что пространство это обязательно воспринимает человек, который живет или работает в нем. Особенность такого понимания пространства обусловлена тем, что при восприятии его заинтересованным субъектом можно наблюдать одновременное его становление и наполнение смыслом. Так, оглядывая комнату, которую, несомненно, можно приравнять к одной из форм воплощения пространства повседневности, производящий это действие субъект занимает некоторую часть данного пространства и осматривает его с точки зрения своего присутствия в нем, находясь под его влиянием (так, если субъект решит сменить занимаемое в данной комнате место на другое, с новой позиции он может воспринять пространство по-новому) и влияя на реальность его существования своим бытием (так, он может видоизменить или преобразовать занимаемое им пространство и передать это знание другому, что затронет его изначальную суть).

Протекающий в подобном виде процесс приводит к взаимосвязи внешнего мира и внутренних установок и порождает возможность появления разного рода раздражителей, которые, в свою очередь, приближают на низшем уровне вероятность возникновения эффекта присутствия. Более того, такой подход позволяет сделать вывод о наличии других, вероятно, иначе сконструированных реальностей, часть пространства в которых занимают другие существа, но которые также доступны для восприятия посредством личного – пусть и не без оговорок (основная будет заключаться в том, что в связи с различным опытом ориентации и идентификации одно пространство не может быть понято всеми одинаково и будет определяться набором субъективных переживаний) – переживания и наблюдения, а значит, и о возможности множественных эффектов присутствия.

Допуская существование множества эффектов присутствия, мы допускаем также необходимость их уникальности, которая может быть представлена с позиций существующей в пространстве особой атмосферы, при описании которой чаще всего и используется одно из значений *genius loci*. Философский концепт «гений места» (*genius loci*), таким образом, проявляется в смещении с уровня субъекта, на котором освоенное пространство, каким бывает обычно пространство повседневности, воспринимается как список обжитых мест, с помощью которых человек машинально идентифицирует себя и этим обеспечивает себе постоянную роль в знакомом мире (например, он идентифицирует себя по полу, нации, профессии, области интересов и т. п.), на уровень смыслов, где к понятиям идентификации и ориентации присоединяется необходимость постоянного приращения смыслов, связь которых и формирует понятие атмосферы. Если на первом уровне в сознании субъекта складывается особое представление о занимаемом им пространстве, которое он как бы подчинил себе, то второй уровень оказывается доступным для осмысления лишь особому взгляду, нередко незнакомому ранее с данным пространством, поскольку позволяет прикоснуться к пространству, лишь оставаясь на его границе – не становясь его условием и не будучи его порождением.

В осмыслении пространств повседневности атмосфера имеет наиболее интересное для нас значение, поскольку если, как мы предположили и показали, каждое пространство обладает собственным *характером*, то оно уже уникально в том смысле, что содержит отличные друг от

друга начальные основы ориентации и идентификации, воплощающие собой те или иные черты образующего это место характера. Следовательно, первое столкновение порожденного другим пространством субъекта, если оно случайно (ведь субъект может также быть подготовлен ко встрече с ним), будет сопровождаться ранее не знакомым ему всплеском переживания, в процессе которого вызовет эмоциональное пробуждение, т. е. вырвет из замкнутого и машинального восприятия реальности, и сделает его участником разворачивающегося присутствия. Или, другими словами, максимально обеспечит возникновение эффекта присутствия.

Genius loci, таким образом, становится высшим проявлением эффектов присутствия, возможным лишь при насыщенности ими пространства, в котором они разворачиваются – той особой наполненности пространства, сила которого так велика, что каждый раз нарушает повседневность посредством яркого чувственно-эмоционального переживания заключенных в нем событий и вещей. Однажды испытав его, человек может стремиться к нему снова и снова, а не имея возможности повторить, даже попытаться искусственно его создать.

В контексте сказанного оправданно заметить, что в пределах особых художественно-исторических пространств и явлений, произведений искусства *genius loci* как раз и проявляет наибольший смысл, будучи частью их ауры или атмосферы. Однако заметим, что мы живем в мире, где личное знание, как и личный опыт переживания, играет наиболее важную роль, часто позволяя субъективному возвышаться над объективным пониманием. И то, что для кого-то имеет смысл, другому может быть безразлично, а значит, не в силах произвести эффект на него.

Например, при походе в театр, особенно имеющий статус и мифологию, мы нередко обращаемся к традиции, предписывающей определенную культуру речи, внешности и поведения и позволяющей нам при следовании ей ощутить себя частью этого пространства и сопresentствовать в нем (т. е. ощущать соприкосновение и сопresentствие с теми, кто, как правило, лично значимый для нас, был здесь раньше и находится с нами сейчас). Показательно, что многие театры стараются поддерживать уникальность пространственной атмосферы с помощью декораций, украшений и даже таких предметов обихода, как сделанные под старину чашки, салфетки или тарелки в буфете. И в то же время мы можем ничего не ощущать: «Вот, например, мемориальная доска. Я подошел. На ней написано: здесь жил какой-то великий генерал. И что? Я должен, видимо, посмотреть в энциклопедии, где он воевал и за кого» (Учитель, 2020, с. 142). «Это просто имена, за ними должно ведь что-то стоять» (Учитель, 2020, с. 143).

Основное значение *genius loci* в пространстве повседневности для «своих», таким образом, сводится к его способности посредством встряски и выхода из пределов машинально воспринимаемого пространства (т. е. лично установленного и без изменений воспринимаемого изо дня в день) придавать восприятию человеком повседневной жизни новый смысл, который, оставляя отпечаток в пространстве в виде новых мыслей, историй, ассоциаций, явлений, вещей, может в свою очередь преобразить повседневность других. Недаром в настоящее время играют важную роль практики лэндарта, инсталляции, энвайронмента и музейной деятельности – это и многое другое позволяет возвысить отдельную вещь или сформировать к ней особое отношение, т. е. поменять местами роль присутствующего и присутствуемого, что и является одним из условий возникновения эффектов присутствия, а с ними и *genius loci*.

Одновременно с этим пространство повседневности, знакомое и нередко малоинтересное для «своих», поскольку обусловлено лишь повседневной жизнью и представляет собой «ментальные карты, на которых представлены только те элементы, которые задействованы в обычных практиках» (Бурлина, Иливицкая, Барабошина, 2017) для «чужих» может быть наполнено явлениями *genius loci* и производить множество эффектов присутствия. Так, чем более повседневным окажется пространство, тем более отражающим присущую лишь этому месту атмосферу и ритм оно может быть – «чужими» оно будет восприниматься особенно интересным и уникальным: «...в определенный момент в определенном месте появляются монахи в серых одеяниях, где-то до какого-то часа сидит бездомный, в определенный момент он уходит и т. д.» (Учитель, 2020, с. 148) Таким образом, можно сделать вывод, что гений места, проявляемый в повседневной жизни, может производить присутствие столь же, а то и более ярко, чем какое-либо общепризнанное художественно-историческое пространство.

Список источников:

- Бурлина Е. Я., Иливицкая Л. Г., Барабошина Н. В. Ключи от города: хронотопия и хронотипия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 4. С. 67.
 Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение / Пер. с англ. С. Зенкина. М., 2006. 184 с.
 Кайгородова В. С. Эстетическое воплощение *genius loci* в образе усадьбы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 7. С. 54–59. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.7.8>.
 Костина О. В. Онтологические аспекты атмосферы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 2. С. 140 <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-140-144>.

- Молодкина Л. В. Философский смысл архитектурного произведения как места // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 3. С. 27–30. <https://doi.org/10.24411/2346-8408-2018-10004>.
- Учитель К. А. Гений места: Опыты взаимодействия // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 2. С. 141–155. <https://doi.org/10.35852/2588-0144-2020-2-141-155>.
- Heidegger M., Kolesnikova D. Building, Dwelling, Thinking // Journal of Frontier Studies. 2020. Т. 5. № 1 (5). С. 157–173. <https://doi.org/10.46539/jfs.2020.1.157173>.
- Norberg-Schulz C. Architecture: Presence, Language, Place. Milan, 2000. 372 p.
- Norberg-Schulz C. Concept of Dwelling. New York, 1993. 140 p.
- Norberg-Schulz C. Existence, Space and Architecture. London, 1974. 120 p.
- Norberg-Schulz C. Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture. New York, 1980. 216 p.

References:

- Burlina, E.Ya., Ilivitskaya, L.G. & Baraboshina, N.V. (2017) Key to the City: Chronotop and Chronotyp. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, vol. 19, 4, 67. (In Russian)
- Gumbrecht, H.U. (2006) *Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhet peredat' znachenije* [Production of Presence: What Meaning Cannot Convey]. Translated from English by Zenkin, S. Moscow, *Novoye literaturnoye obozreniye*, 184. (In Russian)
- Heidegger, M., Kolesnikova, D. (2020) Building, Dwelling, Thinking. *Journal of Frontier Studies*, 1, 157–173. Available from: doi.org/10.46539/jfs.2020.1.157173.
- Kaigorodova, V.S. (2022) Aesthetic Implementation of Genius Loci in the Image of a Manor. *Society: Philosophy, History, Culture*, 7, 54–59. Available from: doi.org/10.24158/fik.2022.7.8. (In Russian)
- Kostina, O.B. (2019) Ontological Aspects of Atmosphere. *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 19, 2, 140–144. Available from: [doi:10.18500/1819-7671-2019-19-2-140-144](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-140-144). (In Russian)
- Molodkina, L.V. (2018) The Philosophical Meaning of the Architectural Work as Place. *Social-humanitarian review*, 3, 27–30. Available from: [doi:10.24411/2346-8408-2018-10004](https://doi.org/10.24411/2346-8408-2018-10004). (In Russian)
- Norberg-Schulz, C. (1974) *Existence, Space and Architecture*. London, 120.
- Norberg-Schulz, C. (1980) *Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture*. New York, 216
- Norberg-Schulz, C. (1993) *Concept of Dwelling*. New York, 140.
- Norberg-Schulz, C. (2000) *Architecture: Presence, Language, Place*. Milan, 372.
- Uchitel, K.A. (2020) Genius Loci: Interaction Experiences. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*, 2, 141–155. Available from: [doi:10.35852/2588-0144-2020-2-141-155](https://doi.org/10.35852/2588-0144-2020-2-141-155). (In Russian)

Информация об авторе

В.С. Кайгородова – аспирант кафедры общественных наук Литературного института имени А.М. Горького, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1130945.

Information about the author

V.S. Kaigorodova – PhD student, Department of Social Sciences, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1130945.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 94–98.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 94–98.

Научная статья

УДК 316.752

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.15>

Ценностные ориентации и мотивации российского предпринимательства

Елена Владиславна Помазкова

Донской государственный аграрный университет, пос. Персиановский, Россия,
pomazkovael@rambler.ru

Аннотация. В статье представлена теория зависимости предпринимательской деятельности как вида экономической активности, основной задачей которого является создание социальной ценности от мотивов и ценностей предпринимателя. В ходе анализа ценностей современного бизнеса определены зависимости и взаимосвязи ценностей, их влияние на поступки и восприятие ситуации предпринимателями, а также их трансформация под воздействием внешних социокультурных факторов. Мировоззрение и мироощущение российских бизнесменов формировалось столетиями. За это время российское предпринимательство выработало индивидуальный менталитет, собственную психологию и субкультуру, а также единые социальные технологии. Сообщество российских предпринимателей является уникальным и сложным социокультурным феноменом и обладает общей целостностью и креативностью при наличии частных различий внутри себя самого. Изучение закономерностей развития предпринимательской деятельности представляет интерес как для науки, так и для всего современного российского общества. Определение и изучение базовых ценностей и базовых мотивов развития делового мира позволит применять накопленный исторический опыт в области образования будущих бизнесменов и других специалистов современной экономической сферы. Исследование осуществлялось методом логического анализа посредством оценки влияния факторов на определенное явление.

Ключевые слова: ценности, бизнес, предприниматели, ценностные ориентации, религия, мотивы

Для цитирования: Помазкова Е.В. Ценностные ориентации и мотивации российского предпринимательства // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 94–98. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.15>.

Original article

Value Orientations and Motivations of Russian Entrepreneurship

Elena V. Pomazkova

Don State Agrarian University, Persianovsky village, Russia,
pomazkovael@rambler.ru

Abstract. The article presents the dependency theory of entrepreneurship as a type of economic activity with its main task of creating social value on the motivations and values of entrepreneurs. The analysis of modern business values defines the dependencies and interrelationships of values, their influence on the actions and perceptions of entrepreneurs, as well as their transformation under the influence of external socio-cultural factors. The worldview and outlook of Russian businesspeople has been shaped over the centuries. Over this time, Russian entrepreneurship has developed an individual mentality, its own psychology and subculture, as well as uniform social technologies. The Russian entrepreneurial community is a unique and complex socio-cultural phenomenon that possesses an overall integrity and creativity with particular differences within itself. The study of the entrepreneurship development of is of interest both to science and to modern Russian society as a whole. Defining and studying the basic values and motivations for the development of the entrepreneurial world will enable the application of the accumulated historical experience in the education of future business people and other specialists of the modern economy. The study was conducted by means of logical analysis by assessing the influence of factors on a particular phenomenon.

Keywords: values, business, entrepreneurs, value orientations, religion, motives

For citation: Pomazkova, E.V. (2022) Value Orientations and Motivations of Russian Entrepreneurship. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 94–98. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.15](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.15) (In Russian).

Предпринимательство – это социально-профессиональная общность со своими нормами поведения, установками, социокультурными ценностями, моделями взаимодействия с властью и обществом в целом и мотивацией. В основе мотивации бизнесменов лежат ценности, которые определяют деловую культуру предпринимателей. Именно деловая культура приобретает негативный

окрас и вызывает вопросы в обществе. Многие социальные и экономические процессы, обусловленные общим уровнем ценностей, формируют общественное мнение в отношении того или иного явления. Именно с ними тесно и неразрывно связана деловая культура современного мира. Ценности и мотивы под воздействием всевозможных факторов принимают различный характер и образуют свой индивидуальный образ, который по-разному воспринимается обществом. Общность деловых явлений и процессов, ограниченных мотивацией, и отношение к ним социокультурного слоя общества обеспечивают реальные условия ведения предпринимательской деятельности.

Ценности, будучи определяющим фактором в экономическом поведении предпринимателей, формируют базу ролевой идентификации и определяют мотив предпринимательской деятельности. Ценности – это центральное и высшее звено в культурной цепи; они являются результатом развития социокультурной практики и критерием формирования индивидуального бытия личности¹. Совокупность ценностей выстраивает систему личности бизнесмена на основании собственной иерархии. Групповые признаки такой системы называют ценностными ориентациями.

В современной науке существуют несколько классификаций ценностей. В работах М. Вебера основные показатели успеха предпринимателя связаны с протестантской верой. Она трактует ценность наращивания прибыли как основную, необходимую для самореализации себя. Православная вера, в отличие от протестантской, восхваляет жертвенников, которые готовы все отдать ради блага ближнего. Бизнесмены, которые выросли в окружении российской культуры, отличаются на ментальном уровне и позиционируют свои задачи по-другому. О.В. Корнейко описывает ценности в экономическом поведении предпринимателя как общие суждения человека, которые отражают сравнительную важность разных аспектов собственной деятельности, включая результат, смысл и содержание (Корнейко, 2017: 171). В своих книгах Д.О. Стребков и А.В. Шевчук изучают ценности в разрезе отдельных секторов бизнеса и их влияние на определение благоприятных условий для самореализации. М. Халина исследует проблемы формирования деловой сферы и отношение предпринимателя к созданию как экономических, так и социальных ценностей. Н.А. Журавлева анализирует процесс ценностного сознания российского бизнеса и его трансформацию под воздействием изменения социально-экономических условий.

М. Рокич разделил человеческие ценности на две группы: 1) терминальные – ценности, которые свойственны всем людям (например, активная деятельная жизнь, материальное благополучие, наличие друзей и т. д.); 2) инструментальные – ценности, которые являются специфическими и определяются принадлежностью к конкретной социальной прослойке, виду профессиональной деятельности, личностным характеристикам человека и т. д.

Подобная классификация подходит и ценностям бизнесменов. Предприниматели имеют те же основные виды ценностей, которые воплощены в конкретную предпринимательскую активность. Ценности в экономической деятельности бизнесмена – это совокупность его убеждений, классифицирующих важность всех граней его деятельности: ее цель, способы ведения, содержание и итоги. Ценности находятся в абсолютной зависимости от социокультурных, политических, национальных и многих других факторов и формируют пирамиду личных предпочтений предпринимателя.

Ценности бизнесмена можно условно разделить три группы. *Ценности материальные* представляют из себя объекты и средства труда и производства, а также денежные средства. К *ценностям социальным* можно отнести личную независимость и свободу, связи и репутацию в деловых кругах, а также привилегированный статус предпринимателя в обществе. *Ценности духовные* проявляются в эстетических и нравственных принципах, идеалах, знаниях.

Учитывая специфику деятельности бизнесмена, основными для него должны быть ценности материальные. В состав этого понятия можно отнести объект бизнеса, средства производства и финансовые средства. Средства производства и объект деятельности зависят от специфики предпринимательства. Производимый продукт, услуга или информация являются объектом предпринимательской деятельности. К средствам производства следует отнести средства и предметы труда, используемые в процессе производства любого вида благ. Еще одной важной материальной ценностью предпринимательской деятельности являются денежные средства (наличность, банковские счета, прочие банковские продукты). Все риски в бизнесе напрямую связаны с материальными ценностями, потому что присутствует большой риск потери части перечисленных ценностей, которая негативно отразится на результатах всей деятельности вплоть до утраты цели предпринимательства – дохода и его источников.

С течением времени преобладающие ценности трансформируются. Так, при изучении мотивации к началу ведения предпринимательской деятельности выявлены следующие изменения

¹ Петровская О.В. Ценности «креативного класса» в культуре постиндустриального общества : дис. канд. культ. Наук : специальность 24.00.01. Ростов н/Д., 2013. 198 с.

ее структуры: в конце 1990-х и начале 2000-х гг. наиболее привлекательным мотивом для начала предпринимательской деятельности была материальная обеспеченность¹, а сейчас же структура мотивации изменилась (рис. 1).

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Открытие собственного бизнеса – это ...?», % (Волкова, Кудашева, 2021: 1336)

Социальные ценности также оказывают существенное влияние на предпринимателя. Деловые связи являются одной из ключевых социальных ценностей бизнесмена, так как предприниматели в силу активности своей социальной группы тесно взаимодействуют со многими слоями окружающего общества: клиентами, партнерами, наемными работниками, представителями госструктур и т. д. (Вандышева, 2014: 227).

Клиенты обеспечивают возврат финансовых средств при оплате товаров или услуг в процессе потребления продукции. Успеху предпринимательской деятельности способствуют партнеры и партнерские связи. Потеря добросовестного партнера может привести к убыткам, а наличие партнерской связи может свести к минимуму риски по сделке. На определенном этапе развития появляются наемные работники. Они присоединяются к бизнесу тогда, когда предприниматель сам уже не может выполнять все функции на своем предприятии. Государство осуществляет контроль и регламентацию бизнеса, получая взамен финансовые ресурсы в виде налогов (Вандышева, 2014: 227).

Предприниматель имеет особый статус, который определяет его положение в обществе. В 2000-х гг. наблюдается тенденция повышения статуса «профессии» индивидуального предпринимателя в российском обществе. Следовательно, бизнесмены ощущают себя звеном общества, которое в собственном сознании занимает более высокое положение, чем все остальные члены этого же общества. Осознание собственной значимости и последствий собственной деятельности, а также своего социального статуса гарантирует бизнесмену возможность понимания своего личного и общественного места в жизни общества и свой авторитет в семье (Вандышева, 2014: 228). Большинство предпринимателей связывают свое направление в бизнесе с той сферой, в которой будущий предприниматель специализируется или которая является наиболее привлекательной лично для бизнесмена. Например, тот, кто любит цветы, открывает цветочный магазин, врач – медицинский центр, а слесарь – автомастерскую. Таким образом, предприниматель, занимаясь любимым и интересным для него делом, удовлетворяет и свой личный интерес.

В бизнесе можно отследить тесную взаимосвязь между материальными и социальными ценностями. Успех предпринимателя находится в прямой зависимости от созданных им деловых связей, их прочности и количества. Связи и деловая репутация определяют социальный статус бизнесмена и влияют на изменение его материального благосостояния, а также регулируют риски.

Духовные ценности служат основой для производства качественного конечного продукта и совершения чистых сделок. При разработке нового и эксклюзивного продукта, в процессе самосовершенствования своего творческого потенциала предпринимателем движет желание обеспе-

¹ Психология : учеб. для эконом. вузов / под ред. В.Н. Дружинина. СПб., 2000.

чить духовное удовлетворение. Есть мнение, что риску в бизнесе подвергаются только материальные и социальные ценности. На духовные ценности риск не распространяется, так как они влияют только на расстановку приоритетов. На наш взгляд, духовные ценности тесно связаны как с материальными, так и с социальными ценностями, и в первую очередь с социальной ответственностью предпринимательского сообщества.

Купечество до революции было тесно взаимосвязано с православием и той религиозной культурой, которая была им сформирована. Промышленники, купцы и прочие торговцы открывали больницы и школы, устраивали бесплатные обеды для голодных, вкладывали деньги в строительство храмов, способствовали развитию науки и искусства. То есть несли финансовые расходы на цели, явно противоречащие «интересам бизнеса». В основе деятельности дореволюционного предпринимателя лежало понимание того, что Царство Божие можно заслужить только своими поступками. Современная социальная ответственность сводится к добровольно принятым для себя организацией и сотрудниками правилами. Основной ее целью является формирование деловой репутации фирмы и улучшение ее имиджа, а также управление брендами и лояльностью клиента, что приведет в итоге к росту прибыли и капитализации. Таким образом, мы наблюдаем фактическую подмену социальных и духовных ценностей материальными.

Изучением влияния православно-этических ценностей на развитие хозяйственной деятельности России занимался С.Н. Булгаков. В своих трудах он оценил зависимость успехов в коммерции и промышленной деятельности от этических норм и правил религии. В старообрядческой религиозной среде обязательность, рачительность и доверие являлись основными постулатами, а большинство купцов были именно из этой среды, поэтому в своей деятельности руководствовались духовными нормами наравне с материальными соображениями. Например, девизом деятельности промышленника А. Смирнова была фраза «Честь превыше дохода» (Булгаков, 2008).

Характер закономерностей общественной жизни в целом изучал С.Л. Франк. Его труд «Духовные основы общества» посвящен исследованию вечных и неизменных закономерностей, которые существуют и оказывают влияние на все области бытия. С.Л. Франк делит все на две области: материальную и душевную, и доказывает, что между ними существует неразрывная связь (Франк, 2014).

Сиюминутное поведение предпринимателя обусловлено потребностью, которая является первостепенной в текущий момент времени. Не существует немотивированной предпринимательской деятельности. Уровень силы мотива зависит от насущности текущей потребности: чем выше потребность, тем активнее действия предпринимателя и сильнее стремление ее получить.

Мотив – это именно то, что направляет бизнесмена на совершение какого-либо действия. По своей специфике все мотивы можно разделить на две группы. Мотивы *альтруистические* направлены на реализацию потребности быть полезным обществу и связаны в основном с интересами друзей, коллег и семьи. Поведение бизнесмена определяется соотношением этих мотивов, и многое говорит о личности самого предпринимателя. В основе мотивов *эгоистических* лежит личный интерес бизнесмена и потребность в увеличении своего материального благополучия.

Как и материальные ценности, материальные мотивы являются основными для предпринимателей только на первый взгляд. Все мотивы тесно взаимосвязаны между собой. Если предприниматель будет пытаться получить максимальную прибыль любым доступным способом, не обращая внимания на устои окружающей социальной среды, появится риск социальных и экологических последствий, которые отрицательно повлияют на развитие общества. Мотивы альтруистические проявляются в финансировании благотворительности, спорта, медицины и прочих социальных направлений. Однако часто и при совершении альтруистических поступков, которые направлены на благополучие общества, в поведении бизнесменов сохраняется эгоистичный мотив. С помощью таких поступков предприниматель также удовлетворяет и свои личные потребности в общественном признании и самоутверждении. Современный предприниматель – творец и новатор, а не мошенник и потребитель, увлеченный лишь собственным обогащением. Большинство авторов сходятся во мнении, что будущая экономика будет нацелена не только на максимизацию прибыли, но и на социальную справедливость и экологичность. Этические нормы постинформационного сообщества будут способствовать ограничению потребления, которое в современном мире приняло сверхвлиятельный характер, угрожающий не просто нравственности человека, а его физическому выживанию.

Список источников:

- Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2008. 352 с.
Вандышева Е.Ю. Ценностные ориентации предпринимателя и критерии разумности риска в предпринимательской деятельности // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 3 (61). С. 223–228.

Волкова А.С., Кудяева М.М. Мотивация молодежного предпринимательства и стимулирование ее формирования // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 11. С. 1331–1342. <https://doi.org/10.18334/et.8.11.113816>

Корнейко О.В. Ценностные ориентации современного предпринимательства в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 5. С. 169–183. <https://doi.org/10.15838/esc/2017.5.53.12>

Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 2014. 207 с.

References:

Bulgakov, S.N. (2008) *Filosofiya khozyajstva* [Philosophy of economy]. Moscow, Terra. (In Russian)

Frank, S.L. (2014) *Duhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual Foundations Of Society]. Moscow, Direct-Media.

Korneiko, O.V. (2017) Value orientations of modern entrepreneurship in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 10, (5), 169-183. Available from: [doi:10.15838/esc/2017.5.53.12](https://doi.org/10.15838/esc/2017.5.53.12). (In Russian)

Vandyшева, Ye.Yu. (2014) Valuable orientations of the businessman and criteria of the rationality of risk in business activity. *Social-economic phenomena and processes*. (3), 223-228. (In Russian)

Volkova, A.S. & Kudyaeva, M.M. (2012) Youth entrepreneurship motivation and stimulation. *Russian Journal of Labor Economics*. 8, (11), 1331-1342. Available from: [doi:10.18334/et.8.11.113816](https://doi.org/10.18334/et.8.11.113816). (In Russian)

Информация об авторе

Е.В. Помазкова – аспирант кафедры экономики, философии и социальных дисциплин Донского государственного аграрного университета, пос. Персиановский, Россия.

Information about the authors

E.V. Pomazkova – Postgraduate student of the Department of Economics, Philosophy and Social Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky village, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.07.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.08.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 99–103.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 99–103.

Научная статья

УДК 94(470)“17”

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.16>

«Китайский» вектор политики Петра I (посольство Л.В. Измайлова)

Юлия Гариевна Благодер¹, Сергей Алексеевич Чупрынников²

^{1,2}Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

¹blagoder_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

²chuprynnikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4925-3178>

Аннотация. Научная статья посвящена характеристике российско-китайских отношений в эпоху Петра I. Цель исследования – провести анализ документальных свидетельств членов российского посольства, посланного в Китай в 1719–1721 гг. для выявления факторов, оказавших позитивное и негативное влияние на развитие дипломатических отношений двух стран. Актуальность темы определяется тем, что позволяет выявить степень заинтересованности правителей России и Китая в развитии межгосударственных отношений. В статье обозначены темы, которые получили наиболее полное освещение в отчетах членов посольства Л.В. Измайлова (Джона Белла Антермони, Лоренца Ланга, Георга Иоганна Унферцагта) в опубликованных дневниках («Записках»). Особое внимание уделено описанию протоколов приема российских дипломатов императором Китая. Наряду с правилами придворного этикета отмечены особенности национального характера и быта населения Поднебесной. Информационная насыщенность позволяет считать документальные свидетельства участников российского посольства 1719–1721 гг. в Китай важным историческим источником.

Ключевые слова: Россия, империя Цин, Петр Великий, император Канси, Л.В. Измайлов, российско-китайские отношения, российская дипломатия, дипломатический этикет.

Для цитирования: Благодер Ю.Г., Чупрынников С.А. «Китайский» вектор политики Петра I (посольство Л.В. Измайлова) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 99–103. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.16>.

Original article

Chinese Vector of Peter the Great's Policy (Embassy of L.V. Izmailov)

Yulia G. Blagoder¹, Sergey A. Chuprynnikov²

^{1,2}Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

¹blagoder_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

²chuprynnikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4925-3178>

Abstract. The article discusses the characteristics of Russian-Chinese relations in the era of Peter I. The study aims to analyze the documentary evidence of the Russian embassy members sent to China in 1719–1721 to identify the factors that had a positive and negative impact on the development of diplomatic relations between the two countries. The relevance of the topic is determined by the fact that it reveals the degree of interest of the rulers of Russia and China in the development of interstate relations. The article outlines the topics that received the fullest coverage in the reports of the head of the embassy L.V. Izmailov and its members (John d'Antermoni Bell, Lorenz Lange, Georg Johann Unverzagt) in published diaries («Notes»). Particular attention is paid to the embassy members' description of the protocols for the reception of Russian diplomats by the Emperor of China. Along with the rules of court etiquette, the features of the national character and life of the Chinese population are noted. Information richness makes it possible to consider the documentary evidence of the participants of the Russian embassy to China in 1719–1721 an important historical source.

Keywords: Russia, Qing Empire, Peter the Great, Kangxi Emperor, L.V. Izmailov, Russian-Chinese relations, Russian diplomacy, diplomatic etiquette

For citation: Blagoder, Yu.G. & Chuprynnikov, S.A. Chinese Vector of Peter the Great's Policy (Embassy of L.V. Izmailov). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 99–103. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.16](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.16) (In Russian).

Начало XVIII в. для России – это время глубоких трансформаций всех сфер общественной жизни. Талант и неисчерпаемая энергия Петра Великого пробудили и привели в движение все силы государства. Формирование «новой России» было невозможно без развития науки, технического оснащения мануфактурного производства, создания системы светского образования. Безусловно, западный вектор доминировал. Между тем государственный и, что немаловажно,

целенаправленный характер был придан изучению собственно российских, особенно отдаленных, территорий для определения направления развития. Первым делом требовалось получить точные географические знания. Несмотря на грандиозные планы, связанные с политической, экономической и военной модернизацией страны, экспедиции по указу Петра I были отправлены в Сибирь и на Дальний Восток.

История великих достижений Петровской эпохи достаточно хорошо освещена в научной литературе. Менее известен широкой общественности вклад российских путешественников и православных миссионеров в изучение приграничных территорий в Азии: Китая, Тибета, Монголии. К началу XVIII в. Русское государство не имело адекватных представлений о жизни Китая несмотря на то, что двусторонние контакты имели место уже несколько десятилетий. Сведения поступали и от купцов, и от членов посольств (например, от И. Петлина, Ф. Байкова, С. Аблина).

Цель нашего исследования – на основе анализа свидетельств членов российского посольства в Китай в 1719–1721 гг. установить факторы, оказавшие как позитивное, так и негативное влияние на развитие российско-китайских дипломатических отношений. Выявление и систематизация документов о двусторонних контактах XVIII в. были проведены академиком В.С. Мясниковым (Мясников, 1980). Его фундаментальный, систематизированный труд и методология позволяют анализировать определенные виды источников (в частности, свидетельства очевидцев) при изучении конкретных научных вопросов, поставленных в данной статье. Отдельные аспекты заявленной темы рассматриваются в публикациях Н.А. Самойлова, содержащих характеристики русско-китайского социокультурного взаимодействия на различных исторических этапах, в том числе и в период правления Петра Великого (Самойлов, 2006, 2021, 2022).

Петр I стремился к установлению крепких торговых связей с Китаем через поставленный на регулярную основу обмен посольствами, без участия посредников (иезуитов). Кроме того, назрела необходимость получать информацию о приграничных державах не из документов, переведенных с европейских языков, а непосредственно от очевидцев-соотечественников.

Европеизация страны являлась составной частью политики Петра I. Влияние западной культуры на русское общество было велико. Из Франции в Россию пришла мода на коллекционирование китайских диковинных вещей и китайскую архитектуру. Это стало дополнительным стимулом для интенсификации межгосударственного торгового и межкультурного обмена с Поднебесной.

Наиболее значимыми историческими источниками о российско-китайских отношениях Петровской эпохи являются документальные свидетельства членов посольства, отправленного в 1719–1721 гг. из России в Китай. Петр I ставил перед миссией амбициозные цели по изучению приграничного государства, а также по раскрытию местному обществу достижений русской культуры. Дневники путешественников наполнены увлекательными рассказами, дающими представление о Китае. Глава посольства – гвардии капитан Преображенского полка Лев Васильевич Измайлов, члены посольства: врач, шотландец на русской службе Джон Белл Антермони, торговый консул Лоренц Ланг, художник и гравер Георг Иоганн Унферцагт – это очевидцы всех происходивших событий, они фиксировали как ординарные, так и необычные стороны китайской жизни. Российская элита получила возможность ознакомиться с подробностями деятельности посольства, спецификой восточного этикета, занимательными элементами бытового уклада и местных традиций. Среди персонажей повествований членов дипломатической миссии были не только император, аристократы, высокопоставленные маньчжурские чиновники, но и простой люд: ремесленники, торговцы. Описания авторов индивидуальны, но, дополняя друг друга, они помогают сформировать достаточно полное представление о том, что происходило в Пекине. Следует учитывать тот факт, что посланники фиксировали только те сюжеты, которые им казались достойными внимания.

Свидетельства русских первопроходцев XVII в. хранились в Посольском приказе, дневники же членов посольства Л.В. Измайлова были изданы во второй половине XVIII в. и стали доступными читающей, образованной публике.

Анализ документальных свидетельств позволил систематизировать полученную информацию по тематическому принципу.

В первую очередь следует выделить характеристики китайской дипломатической практики. Л.В. Измайлов и его свита, в том числе и врач Джон Белл, присутствовали на приемах у императора и цинских сановников, поэтому их отчеты и заметки отражают личные впечатления и представляют собой уникальные исторические документы. Благодаря им мы узнаем о требованиях китайского церемониала, в частности, о ритуале «коутоу», который многократно становился препятствием в установлении межгосударственных отношений в период знакомства европейцев и русских с Китаем. Дж. Белл в своих «Записках» отмечает попытку представителей России избежать «сего рода раболепия», которая не увенчалась успехом¹. Как впоследствии писал В.П. Васильев, «когда Китай

¹ Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы : в 2 т. М., 1978. Т. 1: 1700–1725 гг. С. 524.

не знал страха, и другие боялись помериться с ним силами, все державы искали благосклонности пекинского двора, переносили не только унижения, но даже оскорбления» (Васильев, 1900: 157).

Секретарь посольства Лоренц Ланг как прекрасный знаток европейского этикета и дипломатических принципов был крайне внимателен в общении с местными чиновниками. От его взора не укрылись тонкости восточной традиции, отличной от привычного западного церемониала. Л. Ланг неоднократно подчеркивал весьма учтивое обращение с зарубежными гостями в Пекине. Приветливый прием цинского императора произвел на него большое впечатление. В беседе императора с русским послом были затронуты вопросы о здоровье русского правителя, длительном и трудном пути из Петербурга в Пекин, европейских традициях. К слову, по словам очевидцев, общение с императором практически всегда осуществлялось через приближенных лиц: мандаринов или евнухов. Благоприятное впечатление произвело и корректно-учтивое поведение местных чиновников, и подарки – знак внимания. Изысканные кушанья, которые посылал послам со своего стола император во время обеда, сопровождалось вопросами о том, понравилась ли еда¹.

Небезынтересными также являются описания чиновников Срединной империи, которые присутствовали на дипломатических приемах. Л. Ланг отмечал, что представители всех чинов носили одежду «из лучшей камки с золотыми узорами и изображениями драконов, змей, львов, долин, гор, деревьев»². Обязательный квадратный нагрудный знак на верхней одежде позволял определить их служебное положение. Скульптуры дракона, его изображение на одежде чиновников, фарфоре, лаковых изделиях производили на иностранцев особенно яркое впечатление. Со временем европейцы стали его воспринимать как особую черту китайской ментальности и превратили в символ Поднебесной. Упоминания об этом мы встречаем в описаниях приемов у цинских чиновников, сделанных российскими дипломатами в последующее столетие (Благодер, 2011).

Китайцы воспринимали свое государство как центр мира, окруженный варварскими народами, самодостаточный в удовлетворении духовных и материальных интересов и потребностей. При пекинском дворе церемония принятия послов всегда проходила на должном уровне. Милости, которыми осыпали иностранцев, рассматривались как выражение благой силы «дэ» китайского императора, который должен проявлять щедрость по отношению к подданным, коими считали представителей всех иных народов и государств.

Опыт первых контактов купцов и послов Московии с Китаем показал, что преодоление трудностей многомесячного пути не гарантировало успех миссии. Знаком уважения к Сыну Неба служили подношения, которые привозили иностранцы от имени своего правителя. Л.В. Измайлов упоминал, что от имени царя Петра I были привезены в дар хрустальные часы с боем, обрамленные резными вызолоченными рамами зеркала, мех соболя, лисиц, горностаев, песцов и прочей «мягкой рухляди»³. Д. Белл отмечал, что среди подарков также было изображение Полтавской битвы, вырезанное из слоновой кости самим русским царем⁴, а также компас, микроскоп, математические инструменты, барометр, подзорные трубы.

Члены русского посольства пользовались уникальной возможностью удовлетворить и собственные интересы. Так, Л. Ланг изучал местную торговлю, а врач Дж. Белл – медицину: его увлек опыт китайских медиков, использующих силу растений, а не химических лекарств⁵. В воспоминаниях он описывает целительные свойства ранее не известного русским женьшеня, в Китае «применяемого ко всем болезням»⁶.

Петровская эпоха славилась особым интересом к наукам, но китайских книг, как, впрочем, и бытовых предметов в тот период в новой столице России не было. В связи с этим среди даров российскому правителю достойное место заняли китайские и маньчжурские книги. Так было основано собрание дальневосточных изданий Библиотеки Петербургской Академии наук.

Благодаря дипломатической миссии уникальные образцы декоративно-прикладного искусства, секрет изготовления которых был не познан, дополнили экспозицию Кунсткамеры. Европа формировала в этот период моду на коллекционирование фарфоровых, лаковых изделий, статуэток из дерева, причудливых образцов искусства, выполненных из кости с рельефной и ажурной резьбой. Дворцы российских правителей и аристократов также были украшены «китайскими кабинетами» и павильонами в «китайском» стиле. Как свидетельствуют документы, Л. Ланг для Петергофского

¹ Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы : в 2 т. М., 1978. Т. 1: 1700–1725 гг. С. 496.

² Там же.

³ Статейный список посланника Л.В. Измайлова о посольстве в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы : в 2 т. М., 1978. Т. 1: 1700–1725 гг. С. 186–229.

⁴ Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. ... С. 526.

⁵ Там же. С. 545.

⁶ Там же. С. 546.

дворца приобрел в Поднебесной фейерверки и шелковые обои¹ и привез в Россию несколько предметов личного собрания редкостей, которые подарил Петру I правитель Срединной империи.

Весьма любопытны замечания русских путешественников о быте и характере китайцев. Д. Белл подчеркивал их почтение к родителям, гостеприимность, учтивость к тем, кто занимал более высокое положение. «Сии добрые качества, – как он справедливо замечает, – естественное следствие трезвоя и одинакия жизни, к каковой приобвыкли они с давнего времени»². Записи Г. Унферцагта содержат информацию о трудолюбии и миролюбии китайцев³.

Воспоминания всех путешественников включают описания (с собственными комментариями) китайской кухни. Члены посольства Л.В. Измайлова перечисляют блюда, которые им удалось отведать в императорском дворце и доме китайского мандарина, поясняют из чего и как они приготовлены. Отмечая неудобство употребления еды с помощью палочек, они положительно отзываются о местном кулинарном искусстве, хвалят приятные вкусовые качества пищи.

Г. Унферцагт подробно описал и такое особенное время в государстве, когда «никто ничего не делает», а все административные учреждения «опечатаны императорской и государственной печатью»⁴. Речь идет о праздновании Нового года, очевидцами которого стали участники российского посольства. Дж. Белл отмечал особую значимость торжеств 1721 г., так они начинали новый 60-летний цикл китайского календаря. В течение многих дней небо озарялось фейерверками, площади украшались тысячами разноцветных фонарей, а китайцы развлекались посещением театра, представлениями уличных артистов и фокусников, а также историческими рассказами о мудрецах, великих деяниях императоров и героев. На улицах для горожан расставлялись скамьи и столы с готовыми блюдами и чаем. Семьи собирались вместе, отдавая дань особого уважения старикам. В городе постоянно звучали литавры, трубы, колокольный звон, удары в бубен. Музыканты следовали в составе многочисленных процессий: члены семей несли деревянные или каменные статуи божеств в священные места, где совершали необходимые ритуалы⁵. Л.В. Измайлову и его свите удалось посетить императорские «потехи». Состязания в борьбе и сабельном бое глава российского посольства наблюдал, сидя справа от трона правителя. В «Статейном списке» указано, что россияне были приглашены на обед, где они, пробуя экзотические блюда, развлекались «музыкой великой»⁶ и цирковым представлением. Император Канси обратился к Л.В. Измайлову с вопросами о том, понравились ли «увеселительные огни» и можно ли в Петербурге увидеть подобные зрелища. Российский посол отметил, что его правитель тоже любит «разные забавы огненные»⁷. Действительно, Петр Великий устраивал фейерверки и праздничные шествия по случаю военных побед, во время ассамблей и приемов иностранных послов.

Анализ текстов отдельных отчетных документов главы посольства Л.В. Измайлова, а также заметки его спутников Л. Ланга, Г. Унферцагта, Дж. Белла в совокупности дают относительно полную картину жизни империи Цин. Речь идет о деятельности представителей различных социальных кругов, нравах, царящих в их среде, роли ритуалов и традиций в бытовом укладе (Благодер, 2013). Особый интерес как для ученых (историков, этнографов, культурологов), так и для обывателей представляют сведения о цинском императоре, его приближенных – аристократах и чиновниках.

Как в свое время писал академик В.Л. Алексеев, «каждый туземец интереснее земляка» (Алексеев, 1982: 123). Секрет популярности «Записок» Дж. Белла, Г. Унферцагта, Л. Ланга, как и иных путешественников и искателей приключений, заключается в успешном подборе уникальных сведений, в том числе и вымышленных, и их неповторимой яркой эмоциональной окраске.

Л.В. Измайлову и его спутникам удалось завоевать расположение цинской знати, но для достижения положительного результата в переговорах этого оказалось недостаточно. Тем не менее деятельность посланников Петра Великого принесла ощутимые плоды. Во-первых, был получен бесценный опыт дипломатического общения с китайскими высокопоставленными чиновниками и рядовыми гражданами; во-вторых, открылись новые возможности для политического, торгового и социокультурного взаимодействия с Пекином; в-третьих, был осуществлен тщательный сбор информации о Китае с последующей её публикацией в изданиях, предназначенных для широкого круга читателей; в-четвертых, приобретены уникальные предметы китайского искусства,

¹ Мемория императора Петра I агенту Л. Лангу относительно выяснения в Пекине состава китайского фейерверка и изготовления заказанных обоев // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы : в 2 т. М., 1978. Т. 1: 1700–1725 гг. С. 322.

² Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. ... С. 544.

³ Записки Г.И. Унферцагта о путешествии в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы : в 2 т. М., 1978. Т. 1: 1700–1725 гг. С. 580.

⁴ Там же. С. 574.

⁵ Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. ... С. 544.

⁶ Статейный список посланника Л.В. Измайлова о посольстве в Цинскую империю ... С. 201.

⁷ Там же. С. 205.

которые, по примеру Европы, имели для российских коллекционеров огромную ценность. Деятельность русской миссии заложила основы для конструктивного развития двусторонних отношений между Россией и Китаем. Дипломатам последующего поколения предстояло закрепить в трактатах результаты успешных переговоров по поводу спорных вопросов.

Список источников:

- Алексеев В.М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 123. 535 с.
- Благодер Ю.Г. Образы китайских чиновников в российской публицистике XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7-2 (13). С. 24–28.
- Благодер Ю.Г. Предпосылки расширения российско-китайского социокультурного взаимодействия в 1850–1881 годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1 (30). С. 34–36.
- Васильев В.П. Открытие Китая. СПб., 1900. 164 с.
- Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. 312 с.
- Самойлов Н.А. Изучение истории социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные подходы и новые парадигмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2006. № 4. С. 114–121.
- Самойлов Н.А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.769>
- Самойлов Н.А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. 2021. № 12 (180). С. 35–42. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2021_12_35

References:

- Alekseev, V. M. (1982) *Nauka o Vostoke [Oriental Study]*. Moscow. 535 p. (in Russian).
- Blagoder, Yu. G. (2011) Chinese Officials Images in Russian Opinion Journalism in the XIXth – the Beginning of the XXth Century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. (7-2 (13)), 24–28 (in Russian).
- Blagoder, Yu. G. (2013) Preconditions for the Russian-Chinese Social-Cultural Interaction Expansion in 1850–1881. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. (4-1 (30)), 34–36 (in Russian).
- Myasnikov, V. S. (1980) *Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII veke [The Qing Empire and Russia in the XVII Century]*. Moscow. 312 p. (in Russian).
- Samoylov, N. A. (2006) Studying the History of Russian-Chinese Sociocultural Interaction: Traditional Approaches and New Paradigms. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika*. (4), 114–121 (in Russian).
- Samoylov, N. A. (2021) Lev Izmailov's Mission to the Qing Empire (Specific Features of Russian-Chinese Relations at the Time of Peter the Great). *Klio*. (12 (180)), 35–42. Available from: [doi:10.51676/2070-9773_2021_12_35](https://doi.org/10.51676/2070-9773_2021_12_35) (in Russian).
- Samoylov, N. A. (2022) Chinese Vector of Peter the Great's Foreign Policy. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. 44 (4), 69–79. Available from: [doi:10.15393/uchz.art.2022.769](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.769) (in Russian).
- Vasiliev, V. P. (1900) *Otkrytie Kitaya [Discovering China]*. Saint-Petersburg. 164 p. (in Russian).

Информация об авторах

Ю.Г. Благодер – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=275493.

С.А. Чупрынников – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=475641.

Information about the authors

Yu.G. Blagoder – Associate Professor, PhD in Historical Sciences, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology of the Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=275493.

S.A. Chuprynnikov – Associate Professor, PhD in Historical Sciences, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology of the Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=475641.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 104–110.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 104–110.

Научная статья

УДК 930.23

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.17>

Проблема преемственности духовного опыта поколений в зарубежной историографии

Нина Олеговна Воскресенская¹, Елена Алексеевна Ялозина²

^{1,2}Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹novoskresenskaya@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2014-6790>

²EAYalozina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3459-0008>

Аннотация. Исследование посвящено анализу основных направлений и практик в изучении проблемы преемственности духовного опыта поколений в рамках зарубежной историографии. Особое внимание уделено моделям исследовательского мышления XIX – начала XXI вв. Показаны характерные комплексы когнитивных принципов, которые формировались в рамках национальных научных школ и направлений изучения проблемы преемственности духовного опыта поколений. Установлено, что социокультурные и эпистемологические контексты обуславливали генезис и эволюцию историографических направлений в этой области. Выявлена специфика методологической ситуации в зарубежной историографии, представленная плюрализмом исследовательских практик в отношении проблемы преемственности духовного опыта поколений. Сравнительный анализ изучения трудов зарубежных ученых позволил сформировать комплексное представление об изучаемом вопросе. Сделан вывод о том, что развитие зарубежной историографии преемственности духовного опыта поколений представляет собой триединый процесс накопления и реконструкции знаний, обновления парадигм, становления новых моделей историографического исследования, детерминированных предыдущим опытом.

Ключевые слова: духовный опыт поколений, зарубежная историография, методология, системный подход, неоклассическая модель исследования, энтелехия, конфликт и кризис преемственности поколений

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Воскресенская Н.О., Ялозина Е.А. Проблема преемственности духовного опыта поколений в зарубежной историографии // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 104–110. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.17>.

Originalarticle

The Problem of Intergenerational Continuity of Spiritual Experience in Foreign Historiography

Nina O. Voskresenskaya¹, Elena A. Yalozina²

^{1,2}Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹novoskresenskaya@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2014-6790>

²EAYalozina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3459-0008>

Abstract. The survey aims to examine the main trends and practices in the study of intergenerational spiritual continuity in the context of foreign historiography. Particular attention is drawn to the research thinking models of the XIXth – early XXth centuries. Characteristic complexes of cognitive principles are shown, which were formed within the framework of national scientific schools and directions for studying the problem of intergenerational continuity of spiritual experience in foreign historiography. The socio-cultural and epistemological contexts have determined the genesis and evolution of historiographical trends in this field. The specificity of the methodological situation in foreign historiography, represented by pluralism of research practices in relation to the problem of intergenerational continuity of spiritual experience, has been disclosed. A comparative analysis of foreign scholars' writings helped to form a comprehensive view of the issue under study. Conclusion is drawn that the intergenerational continuity of spiritual experience in foreign historiography is a triune process of knowledge accumulation and reconstruction, updating paradigms, formation of new models of historiographical research, determined by previous experience.

Keywords: intergenerational spiritual experience, foreign historiography, methodology, systems approach, neoclassical research model, entelechy, conflict and intergenerational continuity crisis

Funding: the reported study is funded from the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Voskresenskaya, N.O. & Yalozina, E.A. (2022) The Problem of Intergenerational Continuity of Spiritual Experience in Foreign Historiography. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 104–110. Available from: doi:10.24158/fik.2022.8.17 (In Russian).

Проблема преемственности духовного опыта поколений, взаимоотношений старших, средних и младших когорт имеет глубокие социокультурные основы, восходящие к традициям и научному знанию античности и средневековья. В патриархальных доиндустриальных обществах место человека было предопределено родовыми, клановыми нормами, церковными догмами, цеховыми или гильдейскими правилами. Как результат, модели взаимосвязи поколений были мало изменяемы, а трансляция практического жизненного и духовного опыта осуществлялась медленными темпами.

В эпохи Возрождения и Нового времени, характеризовавшиеся генезисом либерально-капиталистических традиций, вопросы аксиологических ценностей, роли личности во взаимоотношениях с окружающим и внутренним миром привлекали внимание плеяды западных мыслителей. Важное место в системе знания о духовности, нравственности деяний человека занимают воззрения великих немецких философов И. Канта и Г. Гегеля.

Предметом исследовательского пространства и апологетики И. Канта была мораль как высший принцип нравственности и основа свободы человека. По мнению философа, моральная автономия определяла смысл и целеполагание духовной жизни, поэтому, согласно этой логике, лежала в основе исторического развития общества и его поколенной связи (Кант, 1995).

Г. Гегель, определяя философию как науку о всеобщих связях и отношениях, существующих в мышлении в виде «чистой» мысли, вместе с тем в рамках дуалистического подхода к проблеме роли личности в истории рассматривал в качестве фактора ее формирования духовность, нравственность, интеллектуальность (Гегель, 1975; 1977).

Заметный вклад в изучение проблемы общественно-исторического развития с точки зрения идеалистического и материалистического подходов, исследовательских методов позитивистской траектории познания внесли британские, немецкие, французские ученые XIX века (Дильтей, 2001; Конт, 2003; Маркс, Энгельс, 1988 и др.¹). Исследователей объединял интерес к аксиологической проблематике общественного развития с точки зрения социально-экономического и духовного опыта преемственности поколений.

Экономические и политические процессы конца XX века на Западе определялись ускоренной индустриализацией и модернизацией. Молодое поколение активно вовлекалось в производственную сферу, обретая самостоятельность, интегрируясь в обновляющуюся систему социально-экономических отношений общества. Между тем традиционалистская модель передачи жизненного опыта не поспевала за динамикой происходящих изменений. Она не могла своевременно и адекватно реагировать на вызовы времени, ограждая молодежь от негатива новых влияний, радикализации настроений и поступков. В рассматриваемый период формируются предпосылки индустриальной модели конфликта поколений с их социокультурными и демографическими характеристиками.

На этом этапе в западноевропейской системе научного знания идет процесс институционализации социально-гуманитарных дисциплин, оформляются их исследовательские школы с методологией и научным интересом к анализу проблем роли личности, поколенных отношений, их связи с процессами духовного и материального характера. Ярko заявляет о себе французская национальная социологическая научная школа. Смысловыми конструктами ее приоритетных исследований и производными историографических традиций были социокультурные связи общества, обеспечивающие его устойчивость; патерналистский характер нравственных отношений между людьми; методологические принципы позитивизма и антропологизма. Французская историография вдохновляла появление работ, ставших в дальнейшем классическими образцами (Трубникова, 2019). Ее представители находились в авангарде историографического знания в мировом масштабе, определяя методологические и исследовательские траектории (Гофман, 2003; Дюркгейм, 2021; Мосс, 2011; Хальбвакс, 2007 и др.).

Отличительными признаками исследований зарубежных авторов была, в частности, разработка категориального аппарата и анализ сущности понятий «поколение» и «межпоколенные отношения», «духовный опыт» (Вагин, 2016). Сторонники позитивистско-натуралистического

¹ Курно [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/70542-Курно> (дата обращения: 05.07.2022) ; Милль [Электронный ресурс] // Gufo.me. Новая философская энциклопедия. https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/МИЛЛЬ (дата обращения: 05.07.2022) ; Рюмелин [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/108712-Рюмелин> (дата обращения: 05.07.2022).

направления рассматривали поколение как пространственно-хронологическую общность, выявляли взаимосвязь межпоколенной динамики, продолжительности жизни, темпов социально-исторического и политического развития. Представители романтико-исторического направления в свою очередь критиковали упрощенное понимание поколения, доказывали важность обусловленности преемственности рядом факторов: проживания в тождественно-исторических условиях, идентификации личности со своим поколением, реализованной через детский и юношеский духовный, социальный, а затем и политический опыт¹.

Западная социокультурная историография преемственности духовного опыта поколений на этапе новейшей истории XX века отражает методологию системного подхода и интегративные техники анализа материала. Наиболее наглядно такая траектория научного познания проявила себя в конце 1920-х – в 1930-е гг. в исследованиях К. Мангейма (Мангейм, 2000). Критический анализ и отказ от абсолютизации позитивистско-натуралистического и романтико-исторического подходов дал импульс новому историографическому витку и позволил К. Мангейму сконструировать авторский многофакторный подход к исследованию. Его сущность состояла в объективной социально-экономической детерминированности духовных ценностей и историко-культурного пространства поколений, которое имеет временное измерение. Автор рассматривает поколение как организм, состоящий из разновозрастных групп, для которых свойственны процессы взаимодействия и противостояния, разные типы исторической и социокультурной памяти. По мнению К. Мангейма, выработка принципиально новых коллективных идей – «энтелехий» – должна осуществляться в межпоколенном сотрудничестве, она зависит от динамики и целеполагания преобразований в обществе (Мангейм, 2000). Лейтмотив данной концепции имеет гуманистическое звучание, суть которого состоит в том, что системообразующим принципом самосохранения и развития общества является преемственность духовного опыта поколений (Артамошкина, 2016).

В первой половине XX века европейская историография находит свое развитие в духовно-исторической теории поколений испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета. В центре его внимания – политические, моральные, нравственные проблемы современных ему интеллектуалов, представителей аристократической элиты. Мыслитель признавал важность передачи поколенного опыта в интересах будущего любого государства и предлагает альтернативный подход к рассмотрению этой проблемы. Нормой преемственности поколений он считал полемику, включающую такие социокультурные приемы, как обучение, сотрудничество и дальнейшее развитие достигнутых результатов. Философ выделял два важных этапа в поколенческих отношениях: 30–45 лет (начало – творчество – полемика) и 45–60 лет (господство – правление). Оба поколения находятся в одной исторической реальности и объективно связаны функциями сосуществования и борьбы. Те, кому более 60 лет, участвуют в истории, но играют почти незаметную роль. Молодое историческое поколение обращается к ним лишь за поддержкой и помощью (Ортега-и-Гассет, 1988; 2001).

Английский историк, социолог А. Тойнби, размышляя о судьбе поколений в контексте цивилизационной реальности, показывал, как трансформация социокультурной, политико-экономической сфер жизни общества актуализует вопросы духовно-нравственной преемственности. Каждый новый виток развития в рамках цивилизационного историко-культурного пространства содержит в себе инерцию и опыт предыдущей фазы. Следовательно, в новое поколение заложены механизмы адаптации к обновляющейся конъюнктуре. Ученый образно сравнивал эту данность, «содеянную предшественниками», с подобием кармы, которую несет и передает каждое поколение. Он пришел к выводу, что люди не свободны от определенной заданности жизненного вектора, являясь в этом смысле «узниками» своего прошлого (Тойнби, 1996).

Процессы экономической и социально-культурной интеграции западного послевоенного мира второй половины XX века обостряют социально-психологические проблемы общества. В их ряду – радикализация взглядов молодежи в странах Запада: массовые студенческие общественно-политические и антивоенные движения, культурное инакомыслие и субкультурные течения. Конъюнктура этого времени определяет очередной виток актуализации социокультурной проблематики поколенческой коммуникации в контексте междисциплинарных исследований. Зарубежная историография стремилась обрести теоретический баланс, предлагая научному сообществу комплексный подход к организации категориального аппарата. С одной стороны, «поколение» трактовалось как объект социализации (Мертон, 2006; Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы ..., 1972; Эйзенштадт, 1993 и др.), а с другой стороны, – как субъект социально-политического конфликта (Дарендорф, 1994; Маркузе, 2011 и др.). Представители указанных направлений были солидарны в том, что жизнь поколенческой социокультурной общности обусловлена формальными и смысловыми факторами – проживанием примерно в одно и

¹ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы : учебное пособие. М., 2001. 286 с.

то же время, в схожих социально-экономических и исторических условиях, что формировало тождественность их житейского, социально-политического, нравственного опыта.

Данный подход получил дальнейшее развитие в теории корреляции исторического развития и увеличения объема информации в процессе преемственности поколений, предложенной американским социологом Э. Тоффлером (Тоффлер, Тоффлер, 2008). Исследователь акцентировал внимание на том, что прошлый исторический опыт сохраняется и передается как память через различные типы связей, выстраиваемые в обществе: информационные, вертикальные и горизонтальные. Перманентно обновляющиеся информационные потоки связей между сменяющимися друг друга поколениями обуславливают их преемственность и стабильность во времени. Если вертикальные связи транслируют информацию в пределах социальных общностей поколений, их культурных традиций, материально-духовного творческого наследия, то горизонтальные – рассматриваются связующими применительно к преемственности трех – четырех поколений, живущих одновременно, и способствуют сохранению относительного единства общества, передаче и наследованию культурных духовных традиций.

В современной зарубежной историографии активно разрабатывается концепция «конфликта поколений». Процессы рассматриваются такими исследователями, как Г. Маркузе (Маркузе, 1970), Л. Фейер (Favreau, 1996) и др. с точки зрения междисциплинарного подхода – как естественный закон антропологической сущности человека, двуединый процесс разрушения и укрепления общественных и социально-психологических связей. Такая многомерная исследовательская траектория изучения проблемы исторической преемственности опыта поколений, безусловно, расширяет и обогащает научное знание.

В трактовке феномена социокультурных и межпоколенных отношений современной западной историографии можно условно выделить два направления: консервативное и авангардистское. Представители первого из них проводят разграничение в понимании конфликта и кризиса поколений, подчеркивают опасность последствий разрушения традиционных способов социализации и культурной трансмиссии. Кризис современного поколения они связывают с тем, что власть уже не воспринимается им бессознательно и патерналистски как образ покровителя. Протестные выступления молодежи это наглядно демонстрируют своим стихийно-радикальным характером и направленностью против господства технократии. К ярким представителям этого направления следует отнести Р. Дарендорфа (1994), Л.А. Козера (2000), С.М. Липсета (1994, 2016), Г. Маркузе (1970, 2011) и др. А. Белоусов фиксирует аналогичные мысли у Жака Эллюля (Белоусов, 2010), а В.Ф. Коровин отмечает сходные тенденции в «новой социологии» Райта Миллса (Коровин, 1977). Сторонники второго исследовательского направления видят в росте антиправительственных настроений и движений молодого поколения, в его контр- и субкультуре радикальную оппозицию традиционалистскому обществу в целом и правоконсервативной власти в частности¹ (Рошак, 2014; Reich, 1972; Yankelovich, 1981 и др.). Рассматривая через призму конфликтологии данные процессы, исследователи говорят о глобальном риске разрыва поколений.

В фокусе внимания зарубежной историографии конца XX – начала XXI в. находится методология неоклассической модели исследования. Она позволяет перейти от уже апробированных интерпретаций проблемы модернизации и преемственности духовного опыта поколений к синтезирующим схемам ее рассмотрения в связи с мировыми процессами интеграции и глобализации. В этом направлении выстроена концепция «возрастных групп» Ш. Эйзенштадта (Эйзенштадт, 1993). Исследователь дифференцировал поколенческие отношения по гомо- и гетерогенным критериям, обосновывая такой подход спецификой современного общества. Гомогенные возрастные группы (объединения сверстников в молодежных организациях) в современном постиндустриальном обществе являются субъектами информационных вертикальных и горизонтальных связей. Они способны «многовекторно» транслировать опыт как в своей возрастной системе, так и в старших или младших когортах. В обществах, где сохраняются определяющие признаки традиционализма на всех уровнях социальных отношений (автор трактует их как гетерогенные), старшее поколение играет ведущую роль в процессе трансляции духовно-нравственного опыта. Однако институционально ни одна из этих социогенных моделей передачи духовного опыта не может быть названа доминирующей. В условиях трансформирующегося мира, как правило, гомогенная группа еще не эффективна (в силу незрелости), а гетерогенная – уже не эффективна (в силу консерватизма). В процессе поколенной передачи опыта они сталкиваются со сложной задачей противостояния девиантному поведению в обществе (Шубрт, 2014). В связи с этим Ш. Эйзенштадт подчеркивал важность сохранения «комбинированных» социокультурных традиционных ценностей, выработанных человечеством и адаптированных к динамично меняющемуся современному миру (Эйзенштадт, 1993).

¹ Социология : энциклопедия. Мн., 2003. 1312 с.

Интерес представляет концепция поколенной проблемы австрийского социолога, специалиста в области социологии молодежного движения Л. Розенмайера (Rosenmayer, 1976). Его исследования посвящены студенческим протестам на Западе в 1960-х гг. и рассмотрению прогностической функции социологии применительно к будущим молодежным движениям в Европе. Проблема, по мнению исследователя, состоит в том, что каждое молодое поколение олицетворяет некую совокупную биографическую модель, является социальной общностью, представляет значимую стадию жизненного цикла. В этом триединстве сочетаются, с одной стороны, возрастающие желания и потребности свободы и независимости действий молодого поколения, а с другой стороны, – ограниченные возможности и длительные сроки их осуществления (Rosenmayer, 1976). Категорию «поколение» автор рассматривает с точки зрения социокультурного исторического взаимодействия разновозрастных групп общества, а также «значимых» групп. Заслуживает особого внимания позиция исследователя, согласно которой в условиях индивидуализации жизни каждого члена общества ярко выраженным становится разрыв внутриспоколенческого единства в молодёжной среде. Отчётливо проявляет себя индивидуализация и многообразие методов вхождения молодых людей во взрослую жизнь. Этим объясняется тот факт, что преемственность ценностей и норм от старшего поколения молодым становится выборочной. Индивидуализацию в таком контексте современности автор оценивает как негативную тенденцию, так как она способна провоцировать девиантное, отклоняющееся от нормы поведение в молодёжной среде и приводить к утрате связи со старшим поколением. Большую роль в становлении молодого человека и культивировании духовного наследия в качестве жизненной опоры Л. Розенмайер отводит семье, утверждая, что выстраивание индивидуальной жизненной карьеры зависит от жизненной позиции семьи, объёма и качества ее материальных и интеллектуальных ресурсов (Rosenmayer, 1976).

Историографический интерес представляют работы польского социолога П. Штомпки (Штомпка, 1996), в которых дан анализ так называемой культурно-политической «травмы» общества. Данный аспект проблемы в современной западной историографии связан с процессом распада левых политических режимов в странах Восточной Европы во второй половине 1980-х гг. Предметом научного интереса ученого было воздействие «травмирующего эффекта» политических изменений на социокультурную среду, ее способность выполнять функцию трансляции духовно-нравственного опыта, сохранять единство общества. Исследовательский фокус был направлен на изучение продолжительности и глубины воздействия вредных факторов, способности общественной традиционной системы ценностей к созиданию и самосохранению. Автор приходит к заключению, что травмирующее событие – «социальная травма» – вызывает спектр ответных негативных реакций, сопровождается расколом в культуре, в ее ключевых компонентах, в том числе в духовных ценностях, что консервирует способность общества к дальнейшему развитию, позитивному социальному изменению. П. Штомпка отмечает, что опыт, накопленный предыдущими поколениями, становится неактуальным в условиях социокультурной «травмы» (Штомпка, 1996). Старшее поколение, оказавшись на жизненных изломах, становится неспособным передать молодым духовный опыт, адекватный сложившейся ситуации, оказать поддержку в укреплении социального статуса при вхождении во взрослый мир.

Таким образом, анализ зарубежной историографии проблемы преемственности духовного опыта поколений (представленной французской, немецкой, австрийской, английской, американской, израильской, польской научными школами) показывает, что в XIX – начале XXI вв. она является динамично развивающейся предметной областью. Эволюция научного знания на этом этапе методологически и содержательно определяется рядом влиятельных исследовательских линейных и нелинейных познавательных траекторий. На современном этапе зарубежной историографией накоплен значительный массив исследований, посвященных динамике и преемственности социокультурного опыта поколений (Вагин, 2016). Авторы развивают и углубляют традиции неоклассической науки, «человеческое измерение» истории, рассматривая поколенческие отношения через антропологизацию и индивидуализацию процессов и моделей отношений. Вместе с тем зарубежная историография в начале XXI в. актуализирует проблему дальнейшего изучения исторической преемственности духовного опыта в ее методологическом многообразии. Перспективными познавательными траекториями выступают системный анализ проблемы в условиях глобализации процессов, типизация и наследование наиболее ценных поколенных духовно-практических качеств локальных универсальных и уникальных антропоцентристских моделей, поиск поколенческих законов развития цивилизации и человечества.

Список источников:

- Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / под ред. Т. Парсонса. М., 1972. 392 с.
 Артамошкина Л.Е. Понятие «энтелехия» в герменевтике культуры: Г. Шпет и В. Пиндер (к истории немецко-русских идейных связей 1920-х годов) // Соловьевские исследования. 2016. № 3 (51). С. 155–163.

- Белоусов А. «Пропаганда» Жака Эллюля // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611). С. 167–182.
- Вагин Д.Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе // Дискус-сия. 2016. № 7 (70). С. 52–57.
- Гегель Г.В.Ф. Философия религии : в 2 т. М., 1975. Т. 2. 531 с.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1977. Т. 2. 694 с.
- Гофман А.Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. М., 2003. 783 с.
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
- Дильтей В. Основная мысль моей философии // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 122–123.
- Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М., 2021. 456 с.
- Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 1995. 528 с.
- Козер Л.А. Функции социального конфликта. М., 2000. 295 с.
- Конт О. Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении). Ростов-н/Д., 2003. 256 с.
- Коровин В.Ф. Основные проблемы «новой социологии» Райта Миллса. М., 1977. 95 с.
- Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики. М., 2016. 612 с.
- Липсет С.М. Роль политической культуры // Пределы власти. 1994. № 2–3. С. 231–237.
- Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М., 2000. 164 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. 574 с.
- Маркузе Г. Критическая теория общества. М., 2011. 382 с.
- Маркузе Г. Очерки об освобождении. М., 1970. 80 с.
- Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
- Мосс М. Общества, обмен, личность: труды по социальной антропологии. М., 2011. 413 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001. 509 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 202–206.
- Рошак Т. Истоки контркультуры. М., 2014. 384 с.
- Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. 477 с.
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство : как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М., 2008. 569 с.
- Трубникова Н.В. Основные исследовательские парадигмы французского россиеведения // Изучение России современными историками Запада и Востока. М., 2019. С. 9–64.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 346 с.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 414 с.
- Шубрт И. Историческая социология Ш. Эйзенштадта – заверченный труд, открытый для вдохновения // Социологические исследования. 2014. № 6 (362). С. 13–20.
- Эйзенштадт Ш. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1, № 2. С. 190–212.
- Favreau B. Georges Mandel, ou La passion de la République. P., 1996. 568 p. (на фр. яз.)
- Reich Ch. The Greening of America. N. Y., 1972. 399 p.
- Rosenmayer L. Schwerpunkte der Jugendsoziologie. Stuttgart, 1976. 216 s. (на нем. яз.)
- Yankelovich D. New Rules: Searching of Selffulfiment in the Twined Unsidedown World. N. Y., 1981. 278 p.

References:

- Artamoshkina, L. E. (2016) Ponyatie «entelekhiya» v germenevtike kul'tury: G. Shpet i V. Pinder (k istorii nemetsko-russkikh ideinykh svyazei 1920-kh godov) [The Notion of "Entelechy" in the Hermeneutics of Culture: H. Speth and W. Pinder (History of German-Russian Ideological Ties in the 1920s)]. *Solov'evskie issledovaniya*. (3 (51)), 155–163 (in Russian)
- Belousov, A. (2010) «Propaganda» Zhaka Ell'yulya "Propaganda" by Jacques Ellul]. *Svobodnaya mys'*. (4 (1611)), 167–182 (in Russian).
- Darendorf, R. (1994) Elementy teorii sotsial'nogo konflikta [Elements of Social Conflict Theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. (5), 142–147 (in Russian)
- Dil'tei, V. (2001) Osnovnaya mys' moei filosofii [The Main Idea of My Philosophy]. *Voprosy filosofii*. (9), 122–123 (in Russian)
- Dyurkgeim, E. (2021) *Moral'noe vospitanie [Moral Education]*. Moscow. 456 p. (in Russian)
- Eizenshtadt, Sh. (1993) Konstruktivnye elementy velikikh revolyutsii: kul'tura, sotsial'naya struktura, istoriya i chelovecheskaya deyatel'nost' [Constructive Elements of Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Activity]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*. 1 (2), 190–212 (in Russian)
- Favreau, B. (1996) *Georges Mandel, ou La passion de la République*. Paris. 568 p. (in French)
- Gegel' G.V.F. (1975) *Filosofiya religii [Philosophy of Religion]*. Vol. 2. Moscow. 531 p. (in Russian)
- Gegel', G. V. F. (1977) *Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]*. Vol. 2. Moscow. 694 p. (in Russian)
- Gofman, A. B. (2003) *Klassicheskoe i sovremennoe. Etyudy po istorii i teorii sotsiologii [The Classical and the Modern. Essays on the History and Theory of Sociology]*. Moscow. 783 p. (in Russian)
- Kant, I. (1995) *Osnovy metafiziki nraivstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika nraivov [Fundamentals of the Metaphysics of Morality. Criticism of Practical Reason. Metaphysics of Morals]*. Saint-Petersburg. 528 p. (in Russian)
- Khal'bvaks, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati [Social Framework of Memory]*. Moscow. 346 p. (in Russian)
- Kont, O. (2003) *Dukh pozitivnoi filosofii (slovo o polozhitel'nom myshlenii) [The Spirit of Positive Philosophy (a Word about Positive Thinking)]*. Rostov-on-Don. 256 p. (in Russian)
- Korovin, V. F. (1977) *Osnovnye problemy «novoii sotsiologii» Raita Millsa [The Main Problems of the «New Sociology» by Wright Mills]*. Moscow. 95 p. (in Russian)
- Kozier, L. A. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta [Functions of Social Conflict]*. Moscow. 295 p. (in Russian)
- Lipset, S. M. (1994) Rol' politicheskoi kul'tury [The Role of Political Culture]. *Preделы vlasti*. (2–3), 231–237 (in Russian).
- Lipset, S. M. (2016) *Politicheskii chelovek: sotsial'nye osnovaniya politiki [The Political Man: The Social Foundations of Politics]*. Moscow. 612 p. (in Russian)
- Mangeim, K. (2000) *Ocherki sotsiologii znaniya. Problema pokolenii. Sostyazatel'nost'. Ekonomicheskie ambitsii [Essays on the Sociology of Knowledge. The Problem of Generations. Competitiveness. Economic Ambitions]*. Moscow. 164 p. (in Russian)
- Marks, K. & Engel's, F. (1988) *Nemetskaya ideologiya [German Ideology]*. Moscow. 574 p. (in Russian)
- Markuze, G. (1970) *Ocherki ob osvobozhdenii [Essays on Liberation]*. Moscow. 80 p. (in Russian)
- Markuze, G. (2011) *Kriticheskaya teoriya obshchestva [Critical Theory of Society]*. Moscow. 382 p. (in Russian)
- Merton, R. K. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social Theory and Social Structure]*. Moscow. 873 p. (in Russian)

- Moss, M. (2011) *Obshchestva, obmen, lichnost': trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies, Exchange, Personality: Works on Social Anthropology]. Moscow. 413 p. (in Russian)
- Ortega-i-Gasset, Kh. (1988) Novye simptomy [New Symptoms]. In: *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii*. Moscow, pp. 202–206 (in Russian)
- Ortega-i-Gasset, Kh. (2001) *Vosstanie mass* [The Uprising of the Masses]. Moscow. 509 p. (in Russian)
- Parsons, T. (ed.) (1972) *Amerikanskaya sotsiologiya. Perspektivy. Problemy. Metody* [American Sociology. The Prospects. Problems. Methods]. Moscow. 392 p. (in Russian)
- Reich, Ch. (1972) *The Greening of America*. New York. 399 p.
- Rosenmayer, L. (1976) *Schwerpunkte der Jugendsoziologie*. Stuttgart. 216 s. (in German).
- Roszak, T. (2014) *The Making of a Counter Culture*. Moscow. 384 p. (in Russian).
- Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of Social Change]. Moscow. 414 p. (in Russian).
- Shubrt, I. (2014) Istoricheskaya sotsiologiya Sh. Eizenshtadta – zavershennyi trud, otkrytyi dlya vdokhnoveniya [Historical Sociology of Sh. Eisenstadt – a Completed Work, Open to Inspiration]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. (6 (362)). 13–20 (in Russian).
- Toffler, E. & Toffler, Kh. (2008) *Revolutsionnoe bogatstvo : kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn'* [Revolutionary Wealth: How It will Be Created and How It will Change Our Lives]. Moscow. 569 p. (in Russian)
- Toinbi, A. (1996) *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization before the Court of History]. Moscow. 477 p. (in Russian)
- Trubnikova, N. V. (2019) Osnovnye issledovatel'skie paradigmy frantsuzskogo rossievedeniya [Fundamental Research Paradigms of the Franco-Russian Relations]. In: *Izuchenie Rossii sovremennymi istorikami Zapada i Vostoka*. Moscow, pp. 9–64 (in Russian)
- Vagin, D. Y. (2016) Intergenerational Succession of Spiritual and Moral Values in Russian Society. *Discussion*. (7 (70)), 52–57 (in Russian).
- Yankelovich, D. (1981) *New Rules: Searching of Selffulfument in the Twined Unsidedown World*. New York. 278 p.

Информация об авторах

Н.О. Воскресенская – кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=637943.

Е.А. Ялозина – кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=691579.

Information about the authors

N.O. Voskresenskaya – PhD in Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=637943.

E.A. Yalozina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=691579.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 111–115.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 111–115.

Научная статья
УДК 94(47).084.9
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.18>

Структурные изменения в деятельности студенческих строительных отрядов в период перестройки в СССР (1985–1990 гг.)

Андрей Алексеевич Зайцев¹, Антон Юрьевич Капшук²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹aazaitsev61@gmail.com

²redrebel-5@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6173-4436>

Аннотация. В исследовании рассматриваются тенденции развития движения студенческих строительных отрядов в период перестройки в СССР. Особое внимание уделяется взаимосвязи структурных изменений в подобных объединениях с реформами в комсомоле. Выявлены особенности деятельности студенческих строительных отрядов на разных этапах перестройки. Рассматривается вопрос о предпосылках перемен в комсомоле и в системе молодежных движений. Важным аспектом исследования является анализ причин прекращения деятельности стройотрядов. В выводах отмечается, что изменения, произошедшие в студенческих объединениях такого типа в период перестройки, позитивно повлияли на эффективность движения. Установлено, что причины прекращения деятельности студенческих строительных отрядов были связаны не с внутренними проблемами движения, а с системными политическими и экономическими преобразованиями, происходившими в Советском Союзе. Основой источниковой базы работы являются впервые введенные в научный оборот документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива новейшей истории Ставропольского края и материалы периодической печати исследуемого периода.

Ключевые слова: студенческие строительные отряды, Советский Союз, СССР, студенты, молодежь, перестройка

Для цитирования: Зайцев А.А., Капшук А.Ю. Структурные изменения в деятельности студенческих строительных отрядов в период перестройки в СССР (1985–1990 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 111–115. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.18>.

Original article

Structural Changes in the Activities of Student Construction Teams of the Soviet Union during the Period of Perestroika (1985–1990)

Andrey A. Zaitsev¹, Anton Yu. Kapshuk²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹aazaitsev61@gmail.com

²redrebel-5@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6173-4436>

Abstract. The study examines the trends in the development of the movement of student construction teams during the period of perestroika in the USSR. Particular attention is paid to the relationship of structural changes in such associations with reforms in the Komsomol. The features of the activity of student construction teams at different stages of perestroika are revealed. The question of the prerequisites for changes in the Komsomol and in the system of youth movements is considered. An important aspect of the study is the analysis of the reasons for the termination of the activity of construction teams. The conclusions note that the changes that occurred in student associations of this type during the period of perestroika had a positive impact on the effectiveness of the movement. It is established that the reasons for the termination of the student construction teams were not related to internal problems of the movement, but to the systemic political and economic transformations that took place in the Soviet Union. The basis of the source base of the work is documents from the collections of the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archive of the Modern History of Stavropol Territory and materials of the periodical press of the period under study, which were first introduced into scientific circulation.

Keywords: student construction brigades, Soviet Union, USSR, students, youth, perestroika

For citation: Zaitsev, A.A. & Kapshuk, A.Yu. Structural Changes in the Activities of Student Construction Teams of the Soviet Union during the Period of Perestroika (1985–1990). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 111–115. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.18](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.18) (In Russian).

Сегодня в России наблюдается востребованность некоторых форм трудового воспитания молодёжи, практиковавшихся в Советском Союзе. Среди них можно выделить успешный опыт стройотрядовского движения. Для дальнейшего грамотного его развития в современных условиях важно разобраться в причинах прекращения деятельности молодежных объединений такого типа в конце 1980-х гг. В этой связи представляется актуальным изучить опыт преобразований, которые происходили в студенческих строительных отрядах (ССО) в годы перестройки.

Интерес исследователей к истории данных молодежных объединений в период перестройки возник с начала 2000-х гг. В основном в поле зрения историков попадала деятельность ССО в отдельных регионах страны. Однако хронологические рамки этих исследований не ограничиваются периодом перестройки. Он рассматривается учеными как один из этапов общей истории движения. Можно выделить работы по истории студенческих строительных отрядов Красноярского края (Шлыкова, 2011), Санкт-Петербурга (Климов, 2002) и других регионов (Бурахина, Слезин, 2007; Хорошилова, 2011). Есть лишь отдельные работы, исследующие деятельность объединений непосредственно в период перестройки (Сидоренко, Шувалов, 2017).

Целью данной работы является изучение структурных изменений, происходивших в студенческих строительных отрядах в 1985–1990 гг., в том числе на основе привлечения архивных документов о развитии стройотрядовского движения Ставропольского края, впервые вводимых в научный оборот.

В первой половине 1980-х гг. студенческие строительные отряды находились на пике своего развития. В 1982 г. их численность достигла максимума за всю историю движения. В стройотрядах работало 449,9 тыс. чел. Несмотря на снижение численности студенческих строительных отрядов до 381,1 тыс. чел. к 1985 г., производительность их труда продолжала расти. Если в 1982 г. средняя выработка на одного бойца за весь период работы составляла 2 476 рублей, то в 1985 г. она увеличилась до 2 983,9 рублей. Вместе с тем в эти годы вдвое сократилось активированное время простоя – с 26 392 до 13 128 часов. Средняя зарплата за рабочий период выросла более чем на 15 % – с 339,2 до 390,4 рублей¹.

Важно отметить, что процесс развития студенческих строительных отрядов был неразрывно связан с событиями, происходившими в комсомоле, потому что именно он был главным организатором ССО. Как и стройотряды, ВЛКСМ к середине 1980-х гг. находился на подъёме. В 1985 г. на учете состояло 41 944 490 чел., что составляло 65,7 % от общего количества советской молодёжи в возрасте от 14 до 28 лет. Это была максимальная численность членов за всю историю существования организации. Тем не менее к началу перестройки в ВЛКСМ накопилось большое количество противоречий. Молодые люди ощущали разрыв между провозглашаемыми в стране принципами и повседневной жизнью. Комсомольцы осознавали, что итоги и решения собраний, пленумов, конференций и даже съездов ВЛКСМ были заранее predeterminedены руководством². Фактически сформировался серьезный запрос на перемены. В условиях начавшейся в стране перестройки преобразования начались и в ВЛКСМ.

Схожие процессы происходили и в студенческих строительных отрядах. В движении рос уровень зарегламентированности и «показухи». Всё чаще при формировании отрядов нарушался принцип добровольности и игнорировались интересы молодёжи. Важной проблемой оставалась недостаточная готовность хозяйств к приёму студентов³. Шла погоня за ростом численности движения, и это не всегда было обусловлено производственной необходимостью. Например, в 1986 г. 30 тысяч бойцов ССО пришлось передислоцировать из-за отсутствия фронта работ и недостаточного снабжения материалами в организациях, с которыми были заключены договоры (Бурахина, Слезин, 2007). Становилась очевидной необходимость в проведении реформ.

Стартовой точкой для перемен в жизни советской молодёжи стал XX съезд комсомола, состоявшийся в 1987 г. В своём выступлении первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.М. Мироненко потребовал изменений в деятельности организации. Он подверг критике бюрократизацию в комсомоле, признал то, что конференции, пленумы, собрания, превратились в «отрепетированные спектакли» и пришёл к выводу, что организации необходимо меняться⁴.

Вслед за признанием ошибок в деятельности комсомола были обозначены недостатки и в работе студенческих строительных отрядов. В 1987 г. ставилась задача решить сложившиеся в движении проблемы и повысить эффективность труда студентов. Для борьбы с нарушениями и

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М17. Оп. 8. Д. 660. Л. 65.

² Мироненко В.И. Комсомол в период реформации советского общества (1985–1991 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 32–66.

³ Гайдукевич Л.М. Профессиональная подготовка и воспитание будущих специалистов в студенческих отрядах (на материалах общественно-политической организации Белоруссии. 80-е годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1990. С. 16–18.

⁴ Доклад первого секретаря ЦК ВЛКСМ В.И. Мироненко // Комсомольская правда. 1987. № 89–91. С. 2–7.

потребительским отношением принимающих организаций к молодежным отрядам численность ССО по сравнению с 1986 г. сократили на 106 тыс. чел.¹

В период перестройки повысились требования к эффективности использования стройотрядов хозяйственными организациями. В ходе проверки, проведенной в мае 1987 г., было аннулировано более 500 договоров с принимающими структурами, не выполнившими требований по созданию нормальных условий быта, труда и отдыха бойцов студенческих отрядов². Кроме того, ССО должны были комплектоваться до 1 марта текущего года, а их численность – определяться не на основе потребностей министерств и ведомств, а в соответствии с количеством поступивших от молодёжи заявлений. Штабам перед отправкой отрядов необходимо было убедиться, что в местах дислокации для них созданы нормальные бытовые и производственные условия. Линейные отряды расформировывали, если они были не готовы к началу «трудового семестра» или хозяйство не могло обеспечить студентов всем необходимым (Бурахина, Слезин, 2007). Начали предприниматься шаги к децентрализации движения и усилению самостоятельности краевых, областных и республиканских ССО³.

Начиная с 1987 г., численность студенческих строительных отрядов стала резко снижаться. В 1986 г. во Всесоюзном ССО работало 358,6 тыс. бойцов, в 1987 г. – 269,6 тыс., а в 1989 г. – всего 167,1 тыс. Вместе с тем заметно возросла производительность труда. Если в период с 1980 г. по 1987 г. выработка на одного бойца за весь период работы колебалась от 2 476 рублей в 1982 г. до 2 923,6 рублей в 1985 г., то в 1988 г. она составила 3 347 рублей, а в 1989 г. – 3 460 рублей, увеличившись за 4 года более чем на 15 %. Это был самый высокий средний показатель производительности труда за все годы существования стройотрядовского движения⁴.

Росла и средняя заработная плата бойцов Всесоюзного студенческого строительного отряда за рабочий период. До 1986 г. она не превышала 400 рублей. Максимальный показатель 395,3 рубля был достигнут в 1983 г. Начиная с 1987 г. зарплата бойцов демонстрировала рост и составила 411,5 рубля, в 1988 г. – 505,9 рубля, а в 1989 г. достигла своего максимального значения – 630 рублей, увеличившись с 1983 года в полтора раза. Сократилось количество часов простоев. Если в 1987 г. их было заактировано 21 317, то в 1989 г. – уже 9 919 часов⁵.

Вместе с тем в деятельности стройотрядов в период перестройки не всё складывалось благополучно. Перемены, происходившие в стране, повлекли за собой и негативные тенденции в развитии движения. Сокращение численности студенческих строительных отрядов происходило не только из-за стремления Центрального штаба сделать работу ССО более эффективной, но и в результате изменений, которые перестройка привнесла в хозяйственную жизнь страны. Вследствие перехода предприятий на хозрасчёт сократилась потребность в количестве рабочих рук. В 1988 г. хозяйственные организации отказались принять 747 линейных отрядов, общая численность которых составляла более 22 тыс. человек. Вследствие этого в 1989 г. многие учебные заведения стали отказываться от формирования студенческих строительных отрядов (Бурахина, Слезин, 2007).

Ещё одной причиной негативных процессов в жизни ССО стали ошибки в деятельности местных комитетов комсомола. Например, Ставропольский, Георгиевский, Минераловодский, Карачаевский и некоторые другие райкомы комсомола слабо контролировали принимающие организации. Из-за этого некоторые хозяйства плохо подготовили студенческие лагеря в местах дислокации отрядов⁶. Недостаточно контролировали хозяйства и в других регионах страны. Например, в Челябинской области принимающие организации не обеспечивали необходимого фронта работ, не соблюдали санитарно-гигиенические нормы в лагерях студенческих строительных отрядов и допускали другие нарушения (Сидоренко, Шувалов, 2017: 92).

Изменения в работе ССО в период перестройки затронули не только организационно-производственную, но и интернационально-воспитательную сторону их деятельности. Например, с 1988 г. обмен студентами начал происходить и с капиталистическими странами. Советская молодёжь отправлялась на работу в ФРГ, Великобританию и Финляндию. Увеличилось и число студентов, вовлекаемых в деятельность обменных групп. Если в 1984 г. в «трудовой семестр» за границу из СССР выезжало чуть более 5 тыс. человек, то к 1989 г. их численность возросла до 7 тыс. человек (Капшук, 2020: 85–86).

Вместе с тем на заключительном этапе перестройки авторитет ВЛКСМ в среде молодёжи сильно ослаб. По результатам социологического исследования, проведённого в 1990 г., 53 %

¹ РГАСПИ. Ф. М17. Оп. 8. Д. 438. Л. 28–29.

² Там же.

³ Там же. Д. 636. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 660. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 65.

⁶ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 63. Оп. 27. Д. 96. Л. 9–11.

опрошенных не хотели вступать в ВЛКСМ, 20 % не определились, и лишь 3 % респондентов однозначно изъявили желание стать комсомольцами (Ткаченко, 2011: 99).

В это время в организации особенно сильно проявили себя процессы децентрализации. В 1990 г. состоялся XXI съезд ВЛКСМ, на котором разгорелась дискуссия о будущем комсомольской организации. По итогам обсуждения были приняты новые основные документы: программа и устав. ВЛКСМ была объявлена федерацией молодежных союзов, состоящей из самостоятельных субъектов со своими программами и уставами¹.

Путем комсомола последовали и студенческие строительные отряды. 18 сентября 1989 г. было принято постановление бюро ЦК ВЛКСМ № 35 «О реорганизации штабов студенческих отрядов»². Оно предоставило право комитетам комсомола республик, краев и областей определять статус и функции штабов студенческих отрядов с учетом местной специфики. Постановление отменяло действовавшее с 1969 г. «Положение об областном краевом, республиканском штабе ССО»³ и принималось «с целью более полного использования потенциала студенческих отрядов и оказания им всесторонней помощи ЦК ВЛКСМ»⁴. В соответствии с ним местные комитеты комсомола начали реорганизовывать свои штабы студенческих отрядов. Например, в Ставропольском крае было создано «Краевое управление трудовых объединений молодежи и студенческих отрядов»⁵, в Красноярском крае – молодежное объединение «Краевой студенческий отряд» (Шлыкова, 2011), в Ленинграде – «Молодёжная трудовая фирма» (Климов, 2002). Некоторые штабы студенческих отрядов преобразовывались в молодежные центры⁶. Возникшие новые объединения строили свою деятельность на принципах самокупаемости и хозяйственного расчёта (Климов, 2002).

Распространение элементов рыночной экономики в стране не обошло стороной и студенческие отряды. Помимо того, что многие трудовые объединения молодёжи теперь действовали на принципах хозрасчёта, у бойцов студенческих строительных отрядов возникло стремление найти спонсоров, которые финансировали бы деятельность ССО и обеспечивали их всем необходимым. Студенты готовы были в рамках такого сотрудничества рекламировать благотворителей на различных встречах и носить одежду с их эмблемами (Климов, 2002).

24 декабря 1990 г., уже после XXI съезда комсомола, объявившего ВЛКСМ федерацией молодежных союзов, состоялась учредительная конференция Всесоюзной службы добровольного труда. В уставе вновь созданной организации отмечалось, что она является «общественной организацией, созданной на ассоциативной основе и учрежденной в целях координации деятельности общественных и хозяйственных организаций, занимающихся добровольным трудом и другими формами инициативного труда молодежи»⁷. В пункте 1.2 устава также указывалось, что организация «действует на принципах полного хозяйственного расчета, самофинансирования и валютной самокупаемости»⁸. Фактически после этого студенческие отряды прекратили существование в том виде, в котором действовали с 1959 г.

Подводя итоги, можно отметить, что в первой половине 1980-ых гг. студенческие строительные отряды находились на пике своего развития. При этом в движении накопилось большое количество проблем: излишняя бюрократизация, «показуха», нарушение принципа добровольности при формировании отрядов и т.д. Период перестройки дал возможность начать изменения в деятельности стройотрядов для повышения эффективности работы ССО.

Первые два года перестройки не внесли значительных корректив в работу ССО. Изменения начались с 1987 г., после проведения XX съезда ВЛКСМ. Реформы, проводимые в студенческих строительных отрядах, давали положительные результаты: значительно выросла производительность труда, сократилось количество простоев, увеличились средние зарплаты бойцов ССО. Однако перемены коснулись не только организационно-производственной, но и интернационально-воспитательной сторон движения. При этом ослабление контроля местных комитетов комсомола за деятельностью штабов студенческих строительных отрядов негативно сказалось на развитии движения.

Следующий этап изменений в ССО начался в 1989 г. С этого времени усилилась децентрализация в комсомоле и в студенческих строительных отрядах. В результате ССО фактически перестали существовать как единая структура. В разных республиках, краях и областях страны стали

¹ Данилевская О. Те восемь дней ... // Комсомолец Кубани. 1990. № 76. С. 1.

² ГАНИСК. Ф. 6264. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ГАНИСК. Ф. 6264. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 22.

⁷ РГАСПИ. Ф. М17. Оп. 8. Д. 669. Л. 54.

⁸ Там же. Л. 1А–54.

в индивидуальном порядке реорганизовываться штабы студенческих строительных отрядов. В 1990 г. вместо центрального штаба ССО была создана Всесоюзная служба добровольного труда.

Можно сделать вывод, что студенческие строительные отряды вплоть до конца перестройки активно развивались и демонстрировали свою эффективность, а причина их ликвидации не была связана с внутренними процессами в данном молодежном движении. ССО перестали существовать из-за глобальных изменений, происходивших в советском обществе в целом и в комсомоле в частности.

Список источников:

- Бурахина О.А., Слезин А.А. Экономические итоги деятельности студенческих строительных отрядов Тамбовской области // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2007. Т. 13, № 1. С. 336–346.
- Капшук А.Ю. Интернационализм в студенческих отрядах Советского Союза в 1970-е – 1980-е гг. (на материалах Краснодарского края) // Общество: философия, история, культура. 2020. № 5 (73). С. 83–87. <https://doi.org/10.24158/fik.2020.5.17>.
- Климов В.Ю. Некоторые аспекты истории студенческих строительных отрядов Ленинграда // Клио. 2002. № 1 (16). С. 158–161.
- Сидоренко Н.С., Шувалов Н.В. К истории движения Всесоюзного студенческого строительного отряда: студенческих строительных отряд Челябинской области в годы перестройки // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 6 (97). С. 89–93.
- Ткаченко В.В. Комсомол в период перестройки // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 3 (57). С. 97–100.
- Хорошилова Т.В. Студенческие городские отряды вузов Дальнего Востока (вторая половина 1950–1990-х гг. // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1 (54). С. 123–128.
- Шлыкова С.А. Студенческие строительные отряды Красноярского края: исторический опыт становления // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : в 4 т. Иркутск, 2011. Т. 3. С. 36–40.

References:

- Burakhina, O. A., Slezin, A. A. (2007) Economic Results of Students' Construction Units Work in Tambov Region. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 13 (1), 336–346 (in Russian).
- Kapshuk A.Yu. (2020) Internationalism in Student Detachments of the Soviet Union in the 1970s – 1980s (Based on the Materials of the Krasnodar Region). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5 (73)), 83–87. Available from: [doi:10.24158/fik.2020.5.17](https://doi.org/10.24158/fik.2020.5.17) (in Russian).
- Khoroshilova, T. V. (2011) Studencheskie gorodskie otryady vuzov Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina 1950–1990-kh gg. [Student City Teams of Universities of the Far East (the Second Half of the 1950s – 1990s)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. (1 (54)), 123–128 (in Russian).
- Klimov, V. Yu. (2002) Nekotorye aspekty istorii studencheskikh stroitel'nykh otryadov Leningrada [Some Aspects of the History of Leningrad Student Construction Teams]. *Klio*. (1 (16)), 158–161 (in Russian).
- Shlykova, S. A. (2011) Studencheskie stroitel'nye otryady Krasnoyarskogo kraja: istoricheskii opyt stanovleniya [Student Construction Teams of Krasnoyarsk Territory: Historical Experience of Formation]. In: *Pyatye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya : v 4 t. Vol. 3. Irkutsk*, pp. 36–40 (in Russian).
- Sidorenko, N. S. & Shuvalov, N. M. (2017) To the History of Movement of All-Union Student Construction Orders: Student Construction Order of the Chelyabinsk Region in the Years of Perestroika. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. (№ 6 (97)), 89–93 (in Russian).
- Tkachenko, V. V. (2011) Komsomol v period perestroiki [Komsomol in the Period of Perestroika]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. (3 (57)), 97–100 (in Russian).

Информация об авторах

А.А. Зайцев – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=727687.

А.Ю. Капшук – соискатель кафедры истории России Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=999367.

Information about the authors

A.A. Zaitsev – D.Phil. in Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian History of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=727687.

A.Y. Kapshuk – Postgraduate of the Department of the Russian History of Kuban State University, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=999367.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 116–120.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 116–120.

Научная статья
УДК 94(474.5):323.12“193”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.19>

Проблема дискриминации еврейского населения в Литве в конце 1930-х гг. (по материалам АВП РФ)

Александра Андреевна Микуленок

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
Краснодар, Россия, klio-alex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7741-3100>

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса дискриминации национальных меньшинств в Литве в конце 1930-х годов, а именно ущемлению прав евреев. Автор рассматривает положение национального меньшинства в стране, в частности то, с какими трудностями сталкивалось коренное население (коим и являлись евреи, занимавшие второе место по численности в стране). Хотя с юридической точки зрения Конституция гарантировала равенство всех граждан перед законом, однако де-факто это не соответствовало действительности. Автор приводит примеры дискриминации еврейского населения в Литве в предвоенное время и приходит к выводу, что ей подвергались не только взрослые (проблемы при поступлении в университеты или при устройстве на работу), но и дети (трудности при посещении школ и предвзятое отношение к детям еврейской национальности). В своей работе автор использует редкие архивные материалы Архива внешней политики РФ (г. Москва).

Ключевые слова: евреи, антисемитизм, национальная идентичность, Литва, дискриминация, Прибалтика, национальное меньшинство, идеология

Для цитирования: Микуленок А.А. Проблема дискриминации еврейского населения в Литве в конце 1930-х гг. (по материалам АВП РФ) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 116–120. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.19>.

Original article

The Problem of Discrimination Jewish Population in Lithuania in the End of 1930s (A Case Study of the Foreign Office Archive of the Russian Federation)

Alexandra A. Mikulenok

North Caucasus Branch of Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia,
klio-alex@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7741-3100>

Abstract. The author considers the problem of discrimination of national minority in Lithuania in the end of 1930s, in the issue of Jewish rights abuses. The author views the status of national minority and the problems the Jewish as the indigenous citizens faced (they were the second most numerous group). In spite of the fact that the Constitution guaranteed equality of all citizens under the law, de-facto it was not actually true. The author provides examples of discrimination of Jewish population in pre-war Lithuania and concludes that not only adult people were discriminated (they had problems with admission to the university and placement), but also children, who had problems with school attendance and faced prejudice against Jewish population. The study is based on rare documents from the Foreign office Archive of the Russian Federation.

Keywords: Jewish, antisemitism, national identity, Lithuania, discrimination, Baltic States, national minority, ideology

For citation: Mikulenok, A.A. (2022) The Problem of Discrimination Jewish Population in Lithuania in the End of 1930s (A Case Study of the Foreign Office Archive of the Russian Federation). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 116–120. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.19](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.19) (In Russian).

В современном мире очень много внимания уделяется вопросам дискриминации и ущемления прав различных групп людей (по гендерному признаку, вероисповеданию, национальности и т. д.). Однако для решения современных проблем необходимо изучить вопросы дискриминации в прошлом для предотвращения подобных ситуаций в настоящем или будущем. Особенно это необходимо сделать сейчас, когда проблема ущемления прав национального меньшинства вновь становится распространенной в странах, входивших в состав Российской империи до ее распада. Проведение анализа событий, которые предшествовали ярко выраженной дискриминации по национальному признаку, поможет проанализировать ситуацию в изучаемый период и найти решение для предотвращения подобного в будущем.

В современной историографии авторы уделяли внимание изучению вопроса антисемитизма в разных странах¹ (Терентьев, 2022; Андреева, 2019) и способах борьбы с ним (Берендеев, Уразбаев, 2014; Ермаков, 2020; Титова, 2020; Шмидт, 2022), однако проблеме ущемления прав евреев в Литве в конце 1930-х гг. до сих пор внимания не уделялось.

Большинство населения Литвы в 1930 г. составляли литовцы – порядка 70 %, на втором месте – евреи – 11 %; немцы – 1,5 %; поляки – 10,5 %; русские – 3 % и белорусы – 2 %. При таком многонациональном составе государства национальные меньшинства были совершенно бесправны, ограничения, ущемления интересов нацменьшинств ощущались на каждом шагу, в первую очередь это касалось евреев². Хотя Конституция Латвийской Республики и гарантировала равенство всех граждан перед законом и внутри государства вне зависимости от национальности или вероисповедания, фактически это не соответствовало действительности. Это касалось не только права на получение школьного (среднего) образования на родном языке, но и получения высшего образования. Например, ежегодно сокращалась численность студентов еврейской национальности в медицинских вузах, несмотря на тот факт, что в целом число студентов увеличивалось. Например, согласно статистическим данным доктора Л. Эпштейна за 10 лет (с 1926 г. по 1935 г.), общая доля студентов еврейской национальности сократилась с 46 % до 28 % (см. таблицу 1)³.

Таблица 1 – Соотношение студентов-евреев к общему числу студентов

Год	Общее число студентов	Число студентов-евреев	% соотношение
1926	562	257	45,7
1932	952	401	42,1
1933	981	357	36,1
1935	886	254	28

Однако формально руководство университетов при успешной сдаче вступительных испытаний абитуриентами не отказывало им в зачислении в университет из-за национальности. Поэтому при прохождении обязательного медицинского осмотра всеми первокурсниками на определение пригодности к обучению на медицинском факультете у большинства студентов еврейской национальности находили «проблемы со здоровьем», которые являлись препятствием для обучения на факультете. Однако фактически такие медицинские комиссии признавали негодными для обучения почти всех евреев: например, больным и непригодным для обучения на медицинском факультете признали студента еврейской национальности Брондвейна, человека атлетического телосложения, незадолго до этого отбывшего воинскую повинность, и всеми военно-медицинскими комиссиями признанного здоровым. Комиссия нашла у него катар лёгочных верхушек⁴, из-за которого он не мог изучать медицину, но который не мешал ему отслужить в армии. Кроме того, время профилактического осмотра для студентов-евреев назначалось уже после окончания времени приема врачей и, следовательно, студенты приходили, когда поликлиника уже закрывалась, и не могли пройти комиссию⁵.

От прохождения обязательной медкомиссии для студентов отказались только в 1939 г., однако количество студентов еврейской национальности на медицинском факультете не увеличилось, хотя квоты для них были отменены – теперь зачисляли в университеты только окончивших литовскую среднюю школу. Проблема заключалась в том, что в литовскую среднюю школу не принимали детей еврейской национальности по причине плохого владения литовским языком, поэтому обучаться они могли только в национальных школах⁶. Если дети и обучались в государственной школе, то подвергались дискриминации по национальному признаку. Так, например, в январе 1939 г. в одной из литовских гимназий в Клайпеде дети литовской национальности отказались сидеть за одной партой вместе с детьми-евреями, поэтому для последних выделялись отдельные парты. На данную ситуацию не смог повлиять даже педагогический состав школы⁷.

¹ Ensel R., Gans E. (eds.) The Holocaust, Israel and 'the Jew'. Histories of Antisemitism in Postwar Dutch Society. Amsterdam, 2016. 598 pp.; Antisemitism in German daily life: Dietz Bering, 1812–1933. Oxford, 1992. 344 pp.; Antonelli V., D'Alessio R. Operationalizing expulsion. Jewish accountants in Fascist Italy, 1938–1943. Cambridge, 2014. 267 pp.

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 150 (Референтура по Литве). Оп. 24. Пор. 1. Папка 28. Л. 78.

³ Там же. Л. 68–69.

⁴ Катар – воспалительный процесс инфекционного или бактериального происхождения.

⁵ АВП РФ. Ф. 150 (Референтура по Литве). Оп. 24. Пор. 1. Папка 28. Л. 68.

⁶ Там же. Л. 69.

⁷ Там же. Л. 72.

Однако окончание учебного заведения и наличие диплома не гарантировало защиты от дискриминации. Например, в трудном положении находился врачебный и средний медицинский персонал: им был закрыт доступ в государственные, магистерские и общественные учреждения. Несмотря на это, количество евреев-врачей оставалось высоким, а их авторитет был очень высок как в столице, так и в провинциях, а некоторые из них были известны по всей Литве. Однако их деятельность почти всегда была ограничена частной практикой, так как работать в университетских клиниках и госпиталях им было практически невозможно. Исключение составляли лишь национальные педагогические учреждения, не получавшие финансирования от государства¹. Кроме того, большинство врачей-евреев, принимавших активное участие в организации медицинских учреждений в Литве, уже к 1939 г. были отстранены от своей прежней деятельности под разными предлогами. Например, был отстранен от своей деятельности депутат демократического сейма доктор Л. Эпштейн, участвовавший в организации Центрального департамента здравоохранения и организации больничных касс. «Чистке» подвергся и преподавательский состав медицинского факультета, где в 1937 г. активно проходили антиеврейские демонстрации. Кроме того, от работы в общественных медицинских организациях отстранялись врачи еврейской национальности, усилиями которых они же создавались. Например, из Литовского общества по борьбе с туберкулезом вынужден был уйти один из его основателей и организатор образцовой санатории доктор Коган (участник международных съездов), ему пришлось уступить свою должность человеку без опыта работы в данной отрасли². Постепенно весь персонал еврейской национальности «вытесняли» и из больничных касс (система страхования), хотя сумма взносов была небольшой. По этой причине в 1935 г. уволились женские врачи, а в 1936 г. – ЛОР врач, учитывая, что в Литве в этот период наблюдалась острая нехватка медицинского персонала³.

Однако дискриминация еврейского населения наблюдалась не только в медицинской сфере, в области права была похожая ситуация. Хотя на юридический факультет абитуриенты-евреи принимались без ограничения, после окончания учебного заведения они встречали препятствия при построении карьеры, поэтому молодому юристу-еврею приходилось искать работу не по специальности, что было практически равносильно безработице⁴. На судебные должности евреи не допускались вообще, а во всем судебном аппарате в Литве имелось лишь трое следователей еврейской национальности, дальнейшее продвижение по службе для которых было невозможно. Что касается адвокатуры, в уставе которой не имелось ни одного слова, ограничивающего права для евреев, то их недопущение было обусловлено следующим: по окончании высшей школы полагался практический стаж, для отбытия которого обычно предоставлялись технические должности секретарей, писмоводителей и т. д., а евреям получить эту должность было практически невозможно из-за национальности. В редких случаях юристам-евреям все же удавалось найти вакансию для получения практического стажа работы по специальности, однако период стажировки не оплачивался. Поэтому практикант должен был иметь денежные средства для обеспечения себя во время стажировки. Далее удавалось добиться права держать так называемый референдарский экзамен, после сдачи которого они получали право «приписки» к адвокату. Однако «приписку» утверждал министр юстиции, и «приписка» юристов еврейской национальности утверждалась крайне редко. Например, в 1939 г. около 200 молодых юристов-евреев не могли заняться своей специальностью только из-за национальности. Особенно было возмутительно поведение министра юстиции в отношении двух молодых юристов Зальцберга и Эпштейна, имевших необходимый практический стаж, сдавших референдарский экзамен и безуспешно обивающих пороги чиновников, не исключая даже президента, который лично обещал разобраться в ситуации. В случае же наличия «приписания» к адвокату, министр юстиции имел возможность воспользоваться предоставленным ему «правом исключения». Так, например, были исключены из сословия несколько адвокатов еврейской национальности только за то, что они вели дела советских граждан⁵.

Дискриминация выражалась не только в ограничении при поступлении в учебные заведения или приеме на работу. Например, в мае 1935 г. в Литве были открыты специализированные пляжи только для населения еврейской национальности. Отдельно они не огораживались и не обозначались, однако отмечалось что «все должны знать о существовании такого пляжа», и подчеркивалось, что «нежелательно его посещать не евреям». Для граждан Литвы других национальностей не предусматривались специальные пляжи, они могли пользоваться городскими⁶.

¹ АВП РФ. Ф. 150 (Референтура по Литве). Оп. 24. Пор. 1. Папка 28. Л. 68.

² Там же. Л. 69.

³ Там же. Л. 70–71.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 77.

В 1939 г. в отделении союза Таутинок в Мариамполе на общем собрании была принята резолюция, согласно которой половина рабочих, служащих, директоров и специалистов на еврейских фабриках должна была быть литовцами¹. Помимо этого, в литовской прессе неоднократно поднимался вопрос о введении закона, ограничивавшего людей еврейской национальности в возможности нанимать себе прислугу литовской национальности. Аргументировалось это тем, что «к январю 1939 г. в качестве прислуги работало порядка 20 000 литовок, в большинстве своем в еврейских семьях, где их обманывали (обсчитывали), не регистрировали в больничных кассах и т. д.», однако с правовой точки зрения эти заявления не имели под собой доказательной базы².

В январе 1939 г. в Каунасе многие вывески врачей и торговцев еврейской национальности были вымазаны дегтем, у них систематически били окна; устраивались антиеврейские погромы, во время которых евреев даже выбрасывали из окон верхних этажей³.

В 1940 г. ситуация изменилась в худшую сторону: литовские кооперативы не принимали на работу рабочих и служащих еврейской национальности, был издан закон о регулировании ремесленного труда, согласно которому владельцем ремесленной мастерской мог быть только литовец. Евреи не могли купить землю и заниматься сельским хозяйством, в армии служащие-евреи не могли получить чин офицера или унтер-офицера и т. д. При приеме на работу, особенно на государственные должности, учитывался национальный фактор: например, опытный юрист-еврей, окончивший университет, попытался поступить на работу в министерство юстиции, но ему было отказано только из-за национальности с формулировкой «все говорит о том, что вы имеете право на получение этой работы, однако ваше имя мешает этому, так как вы – еврей»⁴.

Таким образом, евреи, которые составляли национальное меньшинство, в Литве систематически подвергались всем видам дискриминации в конце 1930-х гг. Это касалось как детей, так и взрослых: ограничения в школах, при поступлении в университеты, наличие специальных пляжей для евреев, ограничения при устройстве на работу. Все это происходило несмотря на гарантии прав национальных меньшинств, прописанные в Конституции страны.

Список источников:

Андреева Н.С. К вопросу о распространении национал-социализма среди прибалтийско-немецкой эмиграции в начале 1920-х гг. // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2019. № 3. С. 25–48. <https://doi.org/10.24411/2409-1413-2019-10030>.

Берендеев М.В., Уразбаев Е.Е. Развитие националистических идентичностей в странах Балтии: латвийский аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 6. С. 82–94.

Ермаков А.М. Стратегия выживания в Третьем Рейхе в воспоминаниях немецких евреев // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 6–13.

Терентьев К.О. Антисемитизм в фашистской Италии как историческая проблема // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2022. № 1. С. 170–181.

Титова Н.В. Преследование евреев в нацистской Германии // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2021. № 1. С. 74–78.

Шмидт В. Проблема восточноевропейских евреев и их положение в немецкоязычной еврейской прессе // Клио. 2022. № 6. С. 22–28. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2022_06_22.

References:

Andreeva, N.S. (2019) K voprosu o rasprostraneni natsional-sotsializma sredi pribaltiysko-nemetskoy emigratsii v nachale 1920-kh gg. [On spreading of national socialism among the Baltic-Germans émigrés in the early 1920s]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoeyevropeyskikh issledovaniy* [Journal of the Russian and East European historical studies]. (3), 25–48. Available from: doi:10.24411/2409-1413-2019-10030. (In Russian)

Berendeev, M.V., Urazbaev, E.E. (2014) The Development of Nationalist Identities in the Baltics: The Latvian Aspect. *IKBFU's Vestnik*. (6), 82–94. (In Russian)

Ermakov, A.M. (2020) Survival Strategies in the Third Reich in the Memoirs of German Jewesses. *Vestnik Yaroslavl'skogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye Nauki*. (1), 6–13. (In Russian)

Schmidt, W. (2022) The problem of Eastern European Jews and Their Position in the German-speaking Jewish Press. *Klio*. (6), 22–28. Available from: doi:10.51676/2070-9773_2022_06_22. (In Russian)

Terentiev, K.O. (2022) Antisemitism in Fascist Italy as a Historical Problem. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. (1), 170–181. (In Russian)

Titova, N.V. (2021) The Persecution of Jews in Nazi Germany in 1933–1939. *Problems of Social and Humanitarian Sciences*. (1), 74–78. (In Russian)

¹ АВР РФ. Ф. 150 (Референтура по Литве). Оп. 24. Пор. 1. Папка 28. Л. 73–74.

² Там же.

³ Там же. Л. 73, 74, 76.

⁴ Там же. Л. 79.

Информация об авторе

А.А. Микуленок – кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=947783.

Information about the author

A.A. Mikulenok – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, General Studies Department, North Caucasus Branch of Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=947783.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 121–124.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 121–124.

Научная статья

УДК 327.7(47+57:931)“194/195”

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.20>

Сотрудничество СССР с Новой Зеландией в сфере образования в конце 1940–1950-х годов

Лилия Геннадьевна Рудых

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия, lili.rudih2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сотрудничества СССР с Новой Зеландией в сфере образования с привлечением архивного уникального материала. Отражены ключевые проблемы основных программ взаимодействия, отмечается, что долгие годы из-за отсутствия официальных соглашений между СССР и Новой Зеландией контакты в области гуманитарных обменов носили нерегулярный, эпизодический характер и осуществлялись в основном по линии Обществ дружбы, на основе разовых договоренностей с отдельными учеными, соответствующими учреждениями, общественными организациями, вузами обеих стран, а также по частным коммерческим каналам. Проанализирован широкий спектр взаимовыгодных двусторонних контактов, связанных с обменами делегаций студентов и преподавателей, организацией передвижных выставок, обменами современной научной литературой, ознакомительными заграничными поездками. Показана эволюция отношений, делается вывод о том, что, несмотря на сложную обстановку холодной войны в 50-е гг., активно функционировало советское Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), способствовавшее эффективному развитию двусторонних связей с Новой Зеландией.

Ключевые слова: научные связи, двусторонние отношения, учебные программы, обмен опытом, студенческие делегации, русский язык, Веллингтон, Ассоциация языков, поощрительные стипендии, Общества дружбы

Для цитирования: Рудых Л.Г. Сотрудничество СССР с Новой Зеландией в сфере образования в конце 1940–1950-х годов // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 121–124. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.20>.

Original article

Cooperation of the USSR and New Zealand in the Field of Education in the Late 1940–1950s

Lilia G. Rudykh

Irkutsk national Research Technical University, Irkutsk, Russia,
lili.rudih2011@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of cooperation of the URSS and New Zealand in the field of education with the involvement of the unique archival material. The key problems of the main programs of interaction are reflected; it is noted that for many years, due to the lack of official agreements between the USSR and New Zealand, contacts in the field of humanitarian exchanges were sporadic and were carried out mainly through Friendship Societies, on the basis of one-time agreements with individual scientists, relevant institutions, public organizations, universities in both countries, as well as through private commercial channels. A wide range of mutually beneficial bilateral contacts related to exchange of students and teachers' delegations, organization of traveling exhibitions, exchange of modern scientific literature and study trips abroad were analyzed. The evolution of relations is shown, it is concluded that, despite the difficult situation of the Cold War in the 1950s, the Soviet All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS) was actively functioning, contributing to the effective development of bilateral relations with New Zealand.

Keywords: scientific relations, bilateral relations, educational programs, exchange of experience, student delegations, Russian language, Wellington, Association of Languages, incentive scholarships, Friendship Societies

For citation: Rudykh, L. G. (2022) Cooperation of the URSS and New Zealand in the Field of Education in the Late 1940–1950s. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 121–124. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.20](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.20) (In Russian).

На современном этапе общественного развития все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с историческим опытом международного сотрудничества в разных областях. Примером такого взаимодействия может служить опыт советско-новозеландских контактов в сфере образования.

Первые сведения о взаимодействии Советского Союза с Новой Зеландией в сфере образования относятся к послевоенному времени – ко второй половине 1940-х гг. Инициатором этих отношений являлась Новая Зеландия, серьезно заинтересованная в обмене опытом в этом направлении. В марте 1946 г. в Комитет по делам высшей школы в СССР из новозеландского представительства в Москве пришло письмо от Р.Т. Пэтрика, в котором он приглашал для обмена опытом в новозеландский университет Отаго лекторов из Советского Союза¹. Основной причиной такого приглашения являлось желание привлечь опытных лекторов из нашей страны в области методологии науки для обмена опытом. К сожалению, предложение университета не нашло должного отклика в силу объективных причин, связанных, в первую очередь, со сложностями оформления выезда за границу в этот период (Beaglehole, 1988).

Героическая победа в Великой Отечественной войне вызывала большое уважение новозеландского народа к Советскому Союзу, новозеландские власти стали больше интересоваться русской культурой и изучением опыта советской системы образования в средней и высшей школе. Например, лектор Оклендского университета обратился в новозеландскую Миссию в Москве с просьбой разъяснить, объективны ли сведения, опубликованные газетой «Нью-Йорк Таймс» о том, что в Советском Союзе введено раздельное обучение мальчиков и девочек, и интересовался спецификой данного обучения. Наблюдая повышенный интерес новозеландской стороны к проблемам образования, Министерство просвещения СССР стало более подробно освещать вопросы образования и направлять информацию по линии обмена опытом новозеландским учебным заведениям. В 1948 г. был урегулирован официальный обмен информацией по проблемам образования с Министерством высшего образования СССР, а именно с отделом, занимавшимся предоставлением информации о высшем образовании и ежегодных университетских планах².

В том же году издатель журнала «Кант» господин Беннет обратился к советской Миссии в Новой Зеландии с просьбой об установлении контактов с любым советским университетом для получения оперативной информации из первых рук, а также отмечал, что представляемый им журнал будет отражать правдивую информацию об образовании и жизни студентов в СССР³.

Многие новозеландские вузы и колледжи просили детальнее ознакомить их с учебными планами, программами, пособиями, которые использовались для обучения советских студентов. Таким примером может служить обращение сотрудницы новозеландской Миссии Р. Лейк о возможности ознакомления с учебными планами и списками учебников, используемых в вузах СССР по направлениям «Русский язык» и «Литература»⁴.

Интерес к программам по русскому языку был не случайным, так как уже в конце 1940-х годов русский язык изучался учащимися школ и колледжей. Популярность, которой пользовалось его изучение, была вполне объяснима: во-первых, это был язык страны-победительницы во Второй мировой войне; во-вторых улучшение взаимоотношений с Советским Союзом и установление дипломатических отношений способствовали его распространению среди учащейся молодежи, а в-третьих, успехи нашего государства в разных областях науки, искусства, строительства новых городов, эффективная работа молодежных строительных отрядов широко освещались прессой и вызывали неподдельный интерес у новозеландского населения. В связи с этим в Новую Зеландию регулярно отправлялись учебные планы и программы по русскому языку и литературе⁵. Благодаря интересу к русскому языку в некоторых новозеландских школах появилась выпущенная в Советском Союзе брошюра по его изучению для учащихся 10–14 лет. Учитывая небольшой возраст обучающихся, брошюра была издана на английском языке и красочно оформлена, такое издание пользовалось популярностью и у старшеклассников 14–17 лет, так как в ней можно было найти сведения о литературе, культуре и образовании в СССР.

В 1950-е гг., несмотря на сложную обстановку в режиме холодной войны, новозеландское Общество дружбы с СССР продолжало активно взаимодействовать с Советским Союзом. Подобной работой в Советском Союзе занималось Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), способствовавшее эффективным двусторонним научным обменам. В июле 1950 г. Обществом для налаживания и укрепления культурных и научных связей была направлена делегация в Москву, возглавляемая профессором У. Роудсом, которая побывала в Москве, Сталинграде и некоторых городах Грузии. Результатом этой поездки явился курс лекций в новозеландских вузах о культуре и образовании в Советском Союзе.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) МИД РФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 9. Л. 4.

² Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 2.

³ Там же. Д. 15. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 44.

В 1955 г. преподаватель Веллингтонского колледжа А. Скотни, побывавший в Советском Союзе в составе делегации новозеландского Общества дружбы, внес предложение относительно обмена научными работами с Ереванским педагогическим институтом¹, подобные контакты имели долгосрочную перспективу и получили дальнейшее продуктивное развитие.

В связи с растущим интересом новозеландской стороны к нашей стране, к системе образования, воспитания использовались также передвижные выставки книг, журналов, фотографий².

Был организован книгообмен между библиотеками Советского Союза и Новой Зеландии (Rhodes, 1977). Перечень научных учреждений и библиотек Новой Зеландии, с которыми был установлен книгообмен, наглядно иллюстрирует данные контакты:

1. General Assembly Library, Wellington = Государственная библиотека им. В.И. Ленина;
2. Royal Society of New Zealand, Wellington = Библиотека Академии Наук СССР;
3. New Zealand Oceanographic Institute, Wellington = Библиотека научно-исследовательского Института морского рыбного хозяйства и океанографии;

4. Library Department of Agriculture, Wellington = Библиотека Академии сельскохозяйственных наук;

5. Department of Scientific and Industrial Research, Wellington = Государственная публичная библиотека Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР;

6. Library University of Auckland = Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова;

7. Victoria University of Wellington = Научная библиотека ЛГУ им. А.А. Жданова.

Кроме того, новозеландским библиотекам и организациям передавалась литература из разных библиотек Советского Союза на английском языке в качестве даров:

1. Auckland Teachers College = Учительский колледж в г. Окленде;
2. Victoria University of Wellington; University of Auckland; Canterbury University, Christchurch; University of Otago, Dunedin = Университетские библиотеки в гг. Окленде, Веллингтоне, Крайстчерче, Данидине;

3. Massey Agricultural College, Palmerston North = Сельскохозяйственный колледж в Палмерстон-Норте;

4. Ardmore Teachers College Papakura = Учительский колледж в г. Папакуре.

В конце 1950-х гг. Веллингтонский совет вечерних школ ежегодно организовывал передвижные выставки книг о СССР в отдаленных сельских районах, постоянный список тематических выставок, кроме широкого круга освещаемых проблем, обязательно включал вопросы образования и культуры.

Насколько был велик престиж высшего образования в СССР для новозеландцев, можно судить по письмам, которые приходили в советское представительство в Новой Зеландии, в них молодые люди выражали большое желание получить образование в нашей стране. Например, в январе 1958 г. с такой просьбой об обучении своего сына Билла Доусона в СССР обратился новозеландский гражданин Альберт Уильям Доусон, который надеялся, что его сын сможет получить хорошие знания по биологии и овладеть русским языком³. Действительно, многие юноши и девушки, не имея возможности побывать в СССР, искали адреса, чтобы переписываться со своими сверстниками. В одном из таких писем 16-летний новозеландец обращался к советской Миссии с просьбой помочь ему найти адреса клубов друзей в Москве, которые, как и он, увлечены изучением самолетов и рисованием⁴.

Важно отметить, что именно в конце 1950-х гг. активизировалось ещё одно направление связей в сфере образования – обмен студенческими делегациями с Новой Зеландией. На очередном заседании новозеландского Совета Ассоциации студентов в 1959 г. было принято решение о приглашении в страну делегации советских студентов и о дальнейшем развитии этих отношений. Вице-президентом Ассоциации было направлено соответствующее письмо-приглашение⁵. К этому времени Ассоциация объединяла около 13 000 тыс. человек, среди которых присутствовали студенты Оклендского, Веллингтонского, Данидинского и Кентерберийского университетов, а также учащиеся двух сельскохозяйственных колледжей.

Большое внимание новозеландская Ассоциация уделяла и вопросам улучшения быта студентов (Templeton, 1989), созданию благоприятных условий для учебы, отдыха и спортивных занятий. Многочисленные встречи студентов из Советского Союза с учащимися новозеландских колледжей и университетов всегда проходили в теплой и дружественной обстановке. Советские

¹ АВП РФ МИД РФ. Ф. 115. Оп. 5. Д. 21. Л. 1.

² Там же. Ф. 185. Оп. 13. Д. 2. Л. 5.

³ Там же. Ф. 115. Оп. 15. Д. 22. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 14. Д. 21. Л. 10.

⁵ Там же. Оп. 16. Д. 11. Л. 1.

студенты, приезжая по приглашению новозеландской стороны, знакомились с культурой страны и отвечали на интересующие новозеландцев вопросы, касавшиеся культуры, науки и образования в Советском Союзе (Hayburn H.C., 1990).

Одним из важных направлений сотрудничества с Новой Зеландией в образовательной сфере был двусторонний обмен делегациями преподавателей. Первая делегация, приехавшая по приглашению новозеландской стороны в 1959 г., возглавляемая академиком Л.И. Седовым, посетила несколько университетов и обменялась новыми программами, методикой и опытом преподавания некоторых дисциплин¹.

Несмотря на позитивное развитие двусторонних связей между Советским Союзом и Новой Зеландией в сфере образования в 1950-х гг., нельзя утверждать, что это сотрудничество осуществлялось на регулярной основе, так как основное взаимодействие опиралось на частную переписку, разовые договоренности и деятельность Обществ дружбы. Более того, нерегулярные контакты, направленные на развитие подобных отношений, тормозились из-за недостаточного их финансирования новозеландской стороной.

Список источников:

Beaglehole J.H. The Economics and Politics of New Zealand's Trade Relationship with the USSR // *The Australian Outbook*. 1988. Iss. 2. P. 95. 10.1080/10357718808444967.

Hayburn H.C. New Zealand, the Soviet Union and Change. Dunedin: University Extension, University of Otago, 1990. P. 27–35.

Rhodes H.W. New Zealand and the Soviet Union // *An Historical Account of the New Zealand – USSR Society*. Auckland, 1977. 110 p.

Templeton M.J.C. Top Hats are not Being Taken: A Short History of the New Zealand Legation in Moscow. 1944–1950. Wellington, 1989. 108 p.

References:

Beaglehole, J.H. (1988) The Economics and Politics of New Zealand's Trade Relationship with the USSR. *The Australian Outbook*. Vol. Iss. 2, p. 95. Available from: doi:10.1080/10357718808444967.

Hayburn, H.C. (1990) New Zealand, the Soviet Union and Change. Dunedin: University Extension, University of Otago, p. 27–35.

Rhodes, H.W. (1977) New Zealand and the Soviet Union. *An Historical Account of the New Zealand – USSR Society*. Auckland, 110 p.

Templeton M.J.C. (1989) Top Hats are not being taken: A Short History of the New Zealand Legation in Moscow. 1944–1950. Wellington, 108 p.

Информация об авторе

Л.Г. Рудых – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского университета, Иркутск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=896490.

Information about the author

L.G. Rudykh – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=896490.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.07.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.07.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

¹ АВП РФ МИД РФ. Ф. 115. Оп. 17. Д. 16. Л. 82.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 125–131.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 125–131.

Научная статья
УДК 327.56(569.1)“2012/2018”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.21>

Российская политическая поддержка государственной власти Сирийской Арабской Республики (2012–2018 гг.): итоги и выводы

Андрей Николаевич Рыбалкин

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия, anrybalckin@yandex.ru

Аннотация. Внутрисирийский конфликт разразился в 2012 году. Со стороны международного сообщества реакция на противостояние политических сил в независимом государстве была неоднозначной и характеризовалась действием ряда факторов. Первый из них состоял в том, что значительное количество стран поддерживало эскалацию сирийской войны, дезинтеграцию общества и государства в САР. Вторым – заключался в том, что западные страны не планировали прямой интервенции в Сирии. В то же время некоторые члены Лиги арабских государств из региона Персидского залива были готовы к внешнему военному вмешательству в ситуацию противостояния на территории САР, хотя самостоятельно пойти на этот шаг не могли. Третьим фактором стала российская политическая поддержка САР в ООН и на других международных площадках. В статье рассмотрены основные аспекты оказания помощи законной сирийской власти со стороны России; выявлены особенности деятельности МИД в рамках сирийского направления в российской ближневосточной политике в исследуемый период.

Ключевые слова: ООН, Совет Безопасности ООН, международные политические площадки, вето, направления, особенности российской политической поддержки

Для цитирования: Рыбалкин А.Н. Российская политическая поддержка государственной власти Сирийской Арабской Республики (2012–2018 гг.): итоги и выводы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 125–131. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.21>.

Original article

Russia's Political Support for the State Power of the Syrian Arab Republic (2012–2018): Results and Conclusions

Andrei N. Rybalkin

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia, anrybalckin@yandex.ru

Abstract. Intra-Syrian conflict erupted in 2012. From the very beginning, the Russian Federation, as a reliable partner, has consistently provided support to the legitimate Syrian authorities, primarily political. The international community's response to the confrontation of political forces in the independent state has been mixed, with a number of factors at play. The first factor was that a significant number of countries supported the escalation of the Syrian war and the disintegration of society and the state in SAR. The second was that Western countries were not planning a direct intervention in Syria. At the same time, some members of the League of Arab States (hereinafter – LAS) from the Persian Gulf region were prepared for external military intervention in the situation of confrontation on the territory of SAR, although they could not take this step on their own. The third factor was Russian political support for the SAR at the UN and other international venues. The article examines the main aspects of Russia's assistance to the legitimate Syrian authorities and reveals the specifics of the Foreign Ministry's activities in the Syrian direction of Russian Middle East policy during the period under study.

Keywords: UN, UN Security Council, international political venues, veto, directions, features of Russian political support

For citation: Rybalkin, A.N. (2022) Russia's Political Support for the State Power of the Syrian Arab Republic (2012–2018): Results and Conclusions. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 125–131. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.21](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.21) (In Russian).

Введение. В первом десятилетии XXI века протестные движения «арабской весны» («исламской зимы») в целях дестабилизации ситуации в странах Ближнего Востока получили поддержку ряда стран западно-атлантической цивилизации (Geukjian, 2022). Подобная практика нашла свое воплощение и в Сирийской Арабской Республике, когда в марте 2011 года на юге страны в г. Дераа начались демонстрации, которые не только распространились вглубь страны,

но и переросли в беспорядки, сопровождавшиеся требованиями смены государственного устройства. Сирийские власти пошли навстречу своему народу, отменив ранее принятые законы о СМИ и политических партиях, закон о чрезвычайном положении. Но этого уже оказалось недостаточно, и в 2012 году протестные движения вылились в гражданскую войну. При этом ряд стран, предводительствуемых США, встал на сторону, оппозиционную действующей и законной власти в государстве, возглавляемой Б. Асадом.

«Исламская зима» оказала негативное влияние на российско-сирийское сотрудничество¹ в сфере торговли и экономики². Но это не сказалось на межгосударственных отношениях, и российская политическая поддержка государственной власти САР в разрешении внутrigосударственного конфликта велась непрерывно с 2011 года на всех международных площадках (Lovotti et al., 2020; Ripley, 2018).

В августе 2014 года из пятнадцати стран под эгидой США была сформирована коалиция по борьбе с «Исламским государством» в Сирии и Ираке³. Они поставляли противостоящим ему силам авиационную технику, оказывали военную, гуманитарную и консультационную помощь. Авиабазы коалиции дислоцировались в Румейлане. К концу 2015 – началу 2016 годов Ирак (при военной поддержке коалиции НАТО во главе с США) вернул контроль над частью своей территории, в том числе над городом Ар-Рамеди.

В ответ на обращение законного главы сирийского государства Б. Асада с просьбой оказать помощь его народу⁴ Совет Федерации РФ в сентябре 2015 года разрешил использование российских военных для борьбы с терроризмом в Сирии. Незамедлительно было усилено российское военное присутствие в САР, нанесены первые авиаудары самолетами Воздушно-космических сил РФ (далее – ВКС) по исламским экстремистам, находившимся на сирийской территории. Как следствие, Сирийская Арабская Армия (далее – САА) с 30 сентября 2015 года в ходе своего стремительного продвижения выбила бандформирования из провинции Латакия⁵. Это открыло путь подразделениям САА и отрядам ополчения к крепости «Армии Завоевания»⁶ (провинция Идлиб), которая была захвачена коалицией после молниеносного вторжения с территории Турции в марте 2015 года.

В начале 2016 года основные усилия российской группировки ВКС были сосредоточены на нанесении ракетно-бомбовых ударов, обеспечивших поддержку сирийским правительственным войскам, развернувшим наступление в направлениях на Хомс, Алеппо, в Латакии, провинции Идлиб, в районе Восточной Гуты, пригорода Дамаска; был деблокирован героический гарнизон авиабазы Квейрис, а в первых числах января 2016 года – взят важный опорный пункт исламистов в горной Латакии – город Сальма.

С 15 января 2016 года началась российская гуманитарная операция в особо неблагоприятных в этом отношении районах Сирии. Процесс оказания гуманитарной помощи находился под

¹ Отношения России с Сирией [Электронный ресурс] // Documentation. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/Отношения_России_с_Сирией (дата обращения: 25.12.2020)

² Выполнение целого ряда перспективных проектов было отложено. Постоянное присутствие в Сирии сохранило лишь ОАО «Стройтрансгаз» (Дамаск) и небольшое представительство ОАО «Совинтервод» (Латакия). Переговоры о реализации проектов в Сирии ведет ЗАО «МГНК «СоюзНефтеГаз». По данным ФТС России, двусторонний внешнеторговый оборот в 2013 году достиг отметки в 376,5 млн долл. (снижение по сравнению с 2012 годом на 42,6 %). При этом экспорт составил 360,3 млн долл., импорт – 16,2 млн долл. США при положительном сальдо в пользу России 344,1 млн долл. Основная доля российских поставок в Сирию приходилась на поставки в рамках ВТС (53,6 %), машины и оборудование (26 %), древесину и целлюлозно-бумажные изделия (7 %). Структуру импорта в основном формировали продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (58,9 %), текстиль и изделия из него, обувь (32,7 %). По информации российского Минфина, по состоянию на 1 января 2014 г. объем нереализованных средств по российско-сирийскому межправительственному соглашению от 29.05.2005 составил 9,44 млрд сир. фунтов (около 48,5 млн евро) (Отношения России с Сирией ...).

³ Исламское государство запрещено в России.

⁴ Большинство экспертов считало, что до падения Дамаска оставались считанные недели, максимум месяцы. Обескровленная сирийская армия, несмоторная на помощь отрядов «Хезболлы» и подразделений КСИР Ирана, отступала под бешеным натиском торжествующих исламистов.

⁵ Военная операция России в Сирии – участие Вооруженных Сил Российской Федерации в боевых действиях против террористических формирований «Аль-Каиды», «Исламского государства», «Джебхат Ан-Нусры» (запрещены в РФ) на стороне правительственных войск и проправительственных военизированных формирований в ходе гражданской войны в Сирии с сентября 2015 г. по настоящее время (Матвеев, Шляхтунов, 2017).

⁶ «Армия Завоевания», включающая в себя, в основном, филиал «Аль-Каиды», «Фронта Ан-Нусры» вместе с их союзниками из «Ахрараш-Шам» и «Сирийской Свободной Армии», является осью террористических группировок.

непосредственным контролем и охраной Российского центра по примирению враждующих сторон, действовавшего в тесном взаимодействии с международными, государственными и общественными гуманитарными организациями.

Общие итоги российского военного участия в принуждении к миру к февралю 2016 года убедили западных «партнеров» в том, что российская военная помощь САР изменила соотношение сил противоборствующих сторон, вследствие чего наметилось продвижение в урегулировании внутрисирийского конфликта. Спустя две недели после вступления в силу Соглашения о прекращении огня российским Президентом 14 марта 2016 года было принято решение о выводе основной части российской военной группировки из Сирии. Но сирийская армия не могла самостоятельно оборонять свое небо, и только помощь в этом ВКС РФ с учетом наращивания их численности применительно к специфике противовоздушной обороны позволила обеспечить его защиту на минимально приемлемом уровне.

В результате оказания российской военной поддержки сирийская армия к 28 июля 2016 года полностью перекрыла пути снабжения боевиков оружием и боеприпасами в восточной части города Алеппо¹. Успехи в уничтожении сил и средств ИГИЛ (запрещено в РФ) и бандформирований всех ориентаций обусловили активизацию мирных переговоров на всех политических площадках (в Швейцарии, Казахстане, России).

К 2017 году удалось в корне переломить ситуацию в Сирии, в общей сложности правительственные войска контролировали 60–70 %, а в сентябре 2017 года – порядка 80 % от общей территории страны, ее основные города (крупнейшие мегаполисы Алеппо, Дамаск, Хомс и Хама). По состоянию на 13 октября 2017 года под контролем **сирийской законной власти находилось уже более 92 % территории САР.**

В 2018 году в результате успешной российской помощи (политической, военной, гуманитарной) Сирийской Арабской Республике в разрешении внутригосударственного конфликта наметилась **тенденция возвращения к мирной жизни на освобожденных территориях.** С июля 2018 г. началось восстановление образовательных и медицинских учреждений, жилых домов, водопроводных сетей; ремонт автомобильных мостов и дорог; прокладка линий электропередач; введение в эксплуатацию объектов водоснабжения, хлебопекарен, электростанций, автозаправочных станций, промышленных предприятий.

Первый аспект сирийского направления российской ближневосточной политики. Первым аспектом сирийского вектора российской ближневосточной политики стало предоставление государственной поддержки САР в ООН и на других международных площадках, которая была направлена на укрепление законной сирийской власти в разрешении внутригосударственного конфликта.

Международным комитетом Красного креста 15.06.2012 г. военный конфликт в Сирии был классифицирован как «гражданская война»² (Матвеев, 2019; Матвеев, Нестерчук, 2018; Матвеев и др., 2018; Матвеев, Шляхтунов, 2017). В своем докладе его миссия констатировала повышенные людские потери в ходе вооруженных действий³ как результат одностороннего насилия против гражданских лиц⁴. Для мирового сообщества стало очевидным, что политическая риторика, амбиции и предполагаемое влияние ведущих стран на сам конфликт не соответствуют заявляемым целям в отношении Сирии. Кроме того, политические разногласия, характерные для США, стран Европейского союза (далее – ЕС) и Лиги арабских государств (далее – ЛАГ), отчасти были присущи РФ и КНР.

¹ В течение последних двух недель июля 2016 года на позиции сирийских правительственных войск было совершено восемь террористических атак с участием 21 смертника и использованием трех БМП и 12 заминированных автомобилей. Эти террористические акты унесли жизни более 500 человек, около 2 тыс. были ранены. Однако число населенных пунктов, подписавших соглашения о примирении, все же росло. Их насчитывалось уже 294. Кроме того, лидерами вооруженных формирований был подписан 61 заявочный лист о прекращении боевых действий (Матвеев, Рыбалкин, 2022).

² Аксёнов А. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-voyny-k-miru/> (дата обращения: 02.01.2022).

³ Степанова Е. Гражданская война в Сирии: переходный процесс без интервенции? [Электронный ресурс] // ПОНАРС Евразия. URL: <https://www.ponarseurasia.org/6006/> (дата обращения: 22.07.2022).

⁴ Первая скоординированная наступательная операция повстанцев, начавшаяся в конце июля, встретила со стороны правительственных сил жесткий отпор, однако он только способствовал дальнейшей радикализации вооруженных и невооруженных оппонентов правительства. «По мере все более широкого применения сторонами вооруженного насилия, обретавшего все более смертоносный, поляризованный и секторный характер, конфликт приобретал черты тотальной войны за выживание, особенно для действующей государственной власти и для тех групп и слоев населения, которые ей продолжали оказывать поддержку. Однако более всего поражал растущий разрыв между внутренней динамикой конфликта и его международным измерением» (Степанова Е. Указ. соч.).

Не удалось попытки прекратить огонь в САР в рамках дорожной карты Кофи Аннана¹, принятые в середине весны и лета 2012 г. под руководством ООН². Причиной этого стал сам план, представлявший собой компромисс между главными международными акторами и направленный на то, чтобы «выигрывать время», а не на организацию взаимных уступок между сторонами конфронтации³. Еще более наглядно проявление «выжидательного» подхода было продемонстрировано в ходе замены миссии мониторинговых органов ООН в САР, мандат которой закончился 19.08.2012 г. Новым спецпредставителем ООН и ЛАГ по сирийской проблеме был назначен Лахдара Брахими⁴. В связи с тем, что миссия еще не отбыла, сохранялось символическое присутствие Организации Объединенных Наций. Но варианты политического урегулирования в Сирии международным сообществом определялись не разногласиями в ООН в отношении коалиции стран Запада и ЛАГ, и не российским или китайским подходами. Все они ограничивались тремя основными факторами.

Первый фактор выражался в том, что большинство стран⁵, так или иначе вовлеченных в политическую сферу урегулирования эскалации войны в САР, дезинтеграции сирийского общества и государства, предпочли «собственные методы» по достижению своих целей. Но при этом важнейшая роль принадлежала Саудовской Аравии и Ирану, имевшим преференции в сирийском конфликте в пользу однозначной победы той или другой противоборствующей стороны. Иран рисковал потерять единственного союзника, занимавшего устойчивую позицию среди арабских режимов в регионе. Отдельные монархические государства Персидского залива, наоборот, стремились устранить сирийский режим проиранского толка, параллельно стараясь отвести от себя или ослабить растущую «угрозу» монархическим режимам со стороны реформистской умеренной или радикальной исламизации, на фоне выраженных общерегиональных трендов демократизации, роста роли политических движений ислама.

При этом ни одна из западноевропейских администраций не планировала в дальнейшем прямой интервенции в САР. Хотя некоторые государства – члены ЛАГ, в частности, из региона Персидского залива, были готовы осуществить военное вторжение в Сирию, но самостоятельно не решались на активные действия. Данная ситуация, представляющая собой клубок внешнеполитических интересов, стала **вторым фактором**, ограничивающим варианты политических действий в Сирии со стороны международного сообщества.

Третьим фактором стала политическая поддержка САР в ООН и на других международных площадках со стороны отдельных государств, прежде всего России и Китая. Показательным стало наложение ими вето на проект резолюции Совета Безопасности ООН, открывавшей путь к применению мер принудительного характера против сирийской власти путем военной интервенции⁶. Данная правовая коллизия несла в себе основу для маскировки военного вмешательства во внутрисирийское пространство и игнорирования суверенитета страны со стороны США, твердивших с лета 2011 г. о необходимости отречения Б. Асада от власти. После непринятия проекта резолюции американское руководство могло продолжать оказывать финансовую, техническую поддержку и дипломатическую помощь по координации сил антиправительственного толка, но при этом не имело права реализовать военную интервенцию⁷.

¹ План К. Аннана по Сирии, или «План из шести пунктов», – мирный план по урегулированию вооруженного конфликта в САР, разработанный весной 2012 года специальным посланником ООН и ЛАГ Кофи Аннаном. В частности, документом предусматривалось прекращение вооруженного насилия всеми сторонами под эффективным контролем специального механизма ООН, оказание гуманитарной помощи пострадавшим и запуск инклюзивного межсирийского политического диалога. К этому моменту в Сирии уже более года не прекращались антиправительственные протесты, переросшие в вооруженные столкновения между сторонниками президента Б. Асада и оппозицией. Общее число жертв на тот момент превысило 8 000 человек. С середины апреля в Сирии действовало хрупкое перемирие, за соблюдением которого должны были следить международные наблюдатели. Однако инициатива К. Аннана не увенчалась успехом: ни один из пунктов его плана так и не был реализован, а из Сирии регулярно приходили сообщения о новых вооруженных инцидентах и жертвах. Положение ещё более осложнилось в результате гибели мирных жителей в населенных пунктах близ города Хула. Срыв перемирия ознаменовал собой новую волну насилия. Провал мирного плана привёл к отставке Аннана с поста спецпосланника ООН в Сирии.

² Решение Совбеза ООН по Сирии [Электронный ресурс] // Русская весна. URL: <https://rusvesna.su/news/1450518945> (дата обращения: 17.09.2019).

³ План Аннана по Сирии [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/План_Аннана_по_Сирии (дата обращения: 25.12.2020).

⁴ Лахдара Брахими – мировой авторитет в сфере постконфликтного «peace building» («восстановления мира»).

⁵ В том числе США и их сателлиты из Евросоюза, сопредельные государства (Турция, Ливан, Ирак и Иордания, Египет, Израиль) и другие страны ЛАГ, не входящие в регион Персидского Залива, Россия и Китай.

⁶ Степанова Е. Указ. соч.

⁷ Там же.

Вместе с тем отдельные соседние страны, прикрываясь необходимостью борьбы с ИГИЛ, с помощью своих войск осуществляли скрытую агрессию в отношении Сирии в целях достижения своих интересов. В США, Британии, Франции, Саудовской Аравии, Турции и Катаре заявили, что поддерживают оппозицию власти САР, предоставляя ей военную помощь.

На этом фоне гуманитарная ситуация в Сирии оставалась практически без внимания мирового сообщества: только некоторые государства осуществляли необходимые поставки на территорию САР, оказывая гуманитарную помощь ее населению.

Российская Федерация, как и Евросоюз, участвовала в выделении средств на гуманитарные проекты ООН в Сирии. Однако, в отличие от других государств, отправляла в страну материальную гуманитарную помощь, а не финансировала ответственные за нее международные структуры.

В 2012 г. российский МИД выступил против внешнего вмешательства в Сирию. Представитель РФ внес резолюцию в Совбез ООН, которая осуждала насилие всех сторон внутрисирийского конфликта, включая непропорциональное использование силы со стороны сирийских властей. В 2011–2018 гг. российские власти постоянно проводили консультации по мирному урегулированию ситуации не только с основными сирийскими политиками и их внутригосударственными оппонентами, но и с представителями стран Ближнего Востока, западной коалиции, возглавляемой США. В то же время более эффективную политическую помощь САР удалось оказать лишь после начала активного этапа российской специальной военной операции в 2015–2018 гг. (Матвеев, Рыбалкин, 2022). Данное обстоятельство обусловило принятие резолюции ООН по Сирии (Российская помощь Сирийской Арабской Республике в урегулировании внутрисирийского конфликта (2012–2018 гг.): исторический аспект. Часть I ..., 2021; Cooper, 2018; Goya, 2019; Ripley, 2018). Успешное использование ВКС и ВМФ РФ стало **первой и главной особенностью российской политической поддержки САР**.

С начала сирийской гражданской войны РФ активно участвовала во всех переговорных процессах и на всех площадках политической жизни, касающихся урегулирования конфликта в САР, оказывала всевозможную политическую помощь сирийской законной власти. Консультации с ведущими государствами о мирном разрешении внутрисирийского конфликта, начавшиеся с февраля 2016 года, стали **второй особенностью процесса оказания политической поддержки САР со стороны России**.

Дипломатические процессы в Сирии резко активизировались именно в момент начала специальной операции. Россия смогла принудить воюющие стороны к переговорам, привлечь Иран к этому процессу (на этом она настаивала с 2011 г.). Переход сторон внутрисирийского конфликта в плоскость политического диалога **стал третьей особенностью процесса оказания политической поддержки САР Россией**.

Впервые глава иранского МИД принял участие в переговорах по урегулированию сирийского конфликта 30 октября 2015 года в Вене. Следующая встреча в столице Австрии состоялась 14 ноября 2015 года. Участники ее согласились способствовать проведению переговоров между правительством и сирийскими оппозиционными партиями (до 1 января 2016 года) в целях формирования переходного органа управления и начала подготовки к разработке новой Конституции. В соответствии с выработанной в ходе венских переговоров «дорожной картой» для решения указанных в ней задач требовалось не менее 18 месяцев. После чего в Женеве в конце января – начале февраля 2016 года должен был возобновиться мирный диалог. Но стороны вновь не смогли прийти к компромиссу, поэтому переговоры прекратились. Ситуация кардинально изменилась после заключения договора о прекращении огня, который был согласован противостоящими сирийскими силами под патронажем российской и американской сторон. Это обстоятельство **стало четвертой особенностью процесса оказания САР российской политической поддержки**.

Российские и американские специалисты проводили совместное наблюдение за выполнением условий перемирия. В результате чего сложились условия для начала новой фазы переговорного процесса между сторонами внутрисирийского конфликта, исключающего участие группировки ИГИЛ¹ и Джебхат Ан-Нусра (салафитская террористическая организация джихадистского толка, представляющая «Аль-Каиду» в Сирии и Ливане)², а также других банд-формирований, признанных террористическими Совбезом ООН.

Второй аспект сирийского направления российской ближневосточной политики. Вторым аспектом сирийского вектора российской ближневосточной политики в оказании политической помощи САР стала деятельность МИД РФ, способствующая конструктивным контактам в Женеве. Работа внешнеполитического ведомства влияла на ход переговоров между сторонами

¹ Исламское государство запрещено в России.

² Джебхат Ан-Нусра запрещена в России.

внутрисирийского конфликта как в Швейцарии, так и в Казахстане. Поэтому для женевского диалога стали характерными следующие особенности:

1. В переговорном процессе с представителями законной сирийской власти участвовали только уполномоченные сирийской политической оппозиции, без привлечения остальных командиров военных отрядов.

2. Начало диалога, положенное в Женеве, позволило сначала перейти к двум последующим раундам переговоров на политической площадке в Казахстане, а затем начать четвертый этап договорного процесса.

3. Саммит «Женева-4» проходил под эгидой ООН, что позволило вернуть главенствующую роль международной организации в переговорах, направленных на урегулирование внутрисирийского конфликта.

Третий аспект сирийского направления российской ближневосточной политики.

В рамках третьего аспекта сирийского вектора российской ближневосточной политики в оказании политической помощи САР были предприняты шаги по организации первого раунда переговоров 23–24 января 2017 года в Астане¹. Главным результатом этого диалога, реализованного при поддержке России, Турции и Ирана, стала возможность дальнейших переговоров в Женеве в рамках модели ООН между правительством САР и оппозицией. Кроме того, организация и проведение российско-турецких переговоров на уровне президентов двух государств послужили фундаментом для переговорного процесса заинтересованных сторон на казахстанской площадке и способствовали координации российских и турецких действий в зонах деэскалации.

В период с марта 2017 года по ноябрь 2018 года было проведено одиннадцать раундов политических переговоров данного формата. ***Главной их особенностью на казахстанской политической площадке стало участие в процессе всех противоборствующих сторон, включая непримиримые и другие оппозиции.***

Как следствие, уже во второй половине 2017 года начали складываться условия для возвращения сирийских беженцев в САР, что стало важнейшим итогом оказания российской военной и политической помощи в урегулировании сирийской проблемы.

Серьезным событием для процесса мирного урегулирования внутрисирийского конфликта стал Конгресс сирийского национального диалога, проведенный в г. Сочи 29–30 января 2018 г. Главным итогом этого рубежного мероприятия стало создание Комиссии по подготовке конституционной реформы. В конгрессе участвовало почти 1 400 делегатов – представителей этнических, социальных и политических групп сирийского общества, международные наблюдатели, представители стран-гарантов сирийского урегулирования (РФ, Турции и Ирана).

Заключение. Таким образом, результаты исследования основных направлений политической поддержки государственной власти САР в рамках сирийского направления в российской Ближневосточной политики в исследуемый период позволяют сделать следующие выводы.

1. Оказание российской политической поддержки государственной власти Сирийской Арабской Республике в исследуемый период ***обеспечили:***

– предоставление государственной поддержки САР в ООН и на других международных площадках;

– возможность организации и проведения переговоров в Женеве с привлечением всех заинтересованных сторон внутрисирийского конфликта;

– реализацию переговоров на казахстанской площадке всех участников внутрисирийского конфликта с марта 2017 года по ноябрь 2018 года;

– координацию российских и турецких действий в зонах деэскалации.

2. Переговоры в Женеве, благодаря политической поддержке России и заинтересованных сторон, имели ряд особенностей:

– первоначально в переговорном процессе с представителями законной сирийской власти участвовали только уполномоченные сирийской политической оппозиции, без привлечения остальных командиров военных отрядов;

– возвращение главенствующей роли ООН в переговорном процессе, направленного на урегулирование внутрисирийского конфликта;

– содействие организации переговоров на политической площадке в Казахстане.

3. Возникновение условий для перевода урегулирования внутрисирийского конфликта в политическую плоскость путем переговоров всех враждующих сторон стало возможным благодаря военным успехам ВКС РФ.

¹ Воднев В. Переговоры по Сирии в астанинском формате [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191210/1562153037.html> (дата обращения: 25.09.2020).

4. В рамках вектора российской ближневосточной политики в оказании политической помощи САР эта стратегия доказала свою эффективность, и в совокупности с другими видами поддержки обеспечила к осени 2018 года коренной позитивный перелом в урегулировании внутрисирийского конфликта.

5. Политическое сотрудничество Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики в геополитических условиях исследуемого периода стало серьезным шагом по формированию эффективной системы международной безопасности на Ближнем Востоке.

Вместе с тем, несмотря на видимые успехи в урегулировании внутрисирийского конфликта, вследствие практики использования двойных стандартов, характерной как для США и их союзников, так и для отдельных государств Ближнего Востока, в 2018 году сирийский кризис до конца не был преодолен.

Список источников:

- Матвеев О.В. Фактор радикального ислама во внутрисирийском конфликте // Вестник молодых ученых-международников. 2019. № 2 (8). С. 10–21.
- Матвеев О.В., Нестерчук О.П. Особенности политического урегулирования внутрисирийского конфликта в 2016–2018 гг. // Вестник Екатеринбургского института. 2018. № 4 (44). С. 70–76.
- Матвеев О.В., Рыбалкин А.Н. Военная помощь Сирийской Арабской Республике в разрешении внутрисирийского конфликта (2015–2018 гг.): некоторые итоги и выводы // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2022. № 2 (385). С. 32–49. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_02_32
- Матвеев О.В., Сумин Д.А., Вейсов А.Р. Особенности российской военно-политической помощи (2016–2018 гг.): исторический опыт, уроки // Вестник Екатеринбургского института. 2018. № 3 (43). С. 81–88.
- Матвеев О.В., Шляхтунов А.Г. Итоги российской военно-политической помощи Сирийской Арабской Республике: история и политика // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 1 (37). С. 42–47.
- Российская помощь Сирийской Арабской Республике в урегулировании внутрисирийского конфликта (2012–2018 гг.): исторический аспект. Часть I / С.В. Воробьев [и др.] М., 2021. 232 с.
- Cooper T. Moscow's Game of Poker: Russian Military Intervention in Syria, 2015–2017. L., 2018. 80 p.
- Geukjian O. The Russian Military Intervention in Syria. Montreal, 2022. 352 p.
- Goya M. Etoile Rouge: Enseignements Opérationnels de Cinq ans D'engagement Russe en Syrie. P., 2019. 50 p. (на фр. яз.)
- Kassis R. La Syrie et le Retour de la Russie. Genève, 2018. 310 p. (на фр. яз.)
- Lovotti Ch., Ambrosetti E.T., Hartwell Ch., Chmielewska A. Russia in the Middle East and North Africa: Continuity and Change (Europa Regional Perspectives). L., 2020. 188 p. <https://doi.org/10.4324/9780429286230>
- Ripley T. Operation Aleppo. Russia's War in Syria. Lancaster, 2018. 216 p.

References:

- Cooper, T. (2018) *Moscow's Game of Poker: Russian Military Intervention in Syria, 2015–2017*. London. 80 p.
- Geukjian, O. (2022) *The Russian Military Intervention in Syria*. Montreal. 352 p.
- Goya, M. (2019) *Etoile Rouge: Enseignements Opérationnels de Cinq ans D'engagement Russe en Syrie*. Paris. 50 p. (in French).
- Kassis, R. (2018) *La Syrie et le Retour de la Russie*. Genève. 310 p. (in French).
- Lovotti, Ch., Ambrosetti, E. T., Hartwell, Ch. & Chmielewska, A. (2020) *Russia in the Middle East and North Africa: Continuity and Change (Europa Regional Perspectives)*. London. 188 p. Available from: doi:10.4324/9780429286230
- Matveev, O. V. & Rybalkin A. N. (2022) Military Assistance to Syria in Resolving the Internal Conflict. *Scientific-Analytical Journal «Обозреватель – Observer»*. (2 (385)), 32–49. Available from: doi:10.48137/2074-2975_2022_02_32 (in Russian).
- Matveev, O. V. & Shlyakhtunov, A. G. (2017) *Itoги rossiiskoi voenno-politicheskoi pomoshchi Siriiskoi Arabskoi Respublike: istoriya i politika* [The Outcome of Russian Military and Political Assistance to the Syrian Arab Republic: History and Politics]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. (1 (37)), 42–47 (in Russian).
- Matveev, O. V. (2019) Factor of Radical Islam in Internal Syria Conflict. *Vestnik molodykh uchenykh-mezhdunarodnikov*. (2 (8)), 10–21 (in Russian).
- Matveyev, O. V. & Nesterchuk, O. P. (2018) Peculiarities of Political Resolution the Syrian Conflict in 2016–2018. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. (4 (44)), 70–76 (in Russian).
- Matveyev, O. V., Sumin, D. A. & Veysov, A. R. (2018) Peculiarities of the Russian Military and Political Aid (2016–2018): Historical Experience, Lessons. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. (3 (43)), 81–88 (in Russian).
- Ripley, T. (2018) *Operation Aleppo. Russia's War in Syria*. Lancaster. 216 p.
- Vorob'ev S. V., Matveev, O. V., Rodionova, M. E. & Rybalkin, A. N. (2021) *Rossiiskaya pomoshch Siriiskoi Arabskoi Respublike v uregulirovanii vnutrisiriiskogo konflikt (2012–2018): istoricheskii aspekt* [Russian Assistance to the Syrian Arab Republic in the Settlement of the Intra-Syrian Conflict (2012–2018): Historical Aspect]. Vol. 1. Moscow. 232 p. (in Russian).

Информация об авторе

А.Н. Рыбалкин – соискатель Дипломатической академии МИД РФ, Москва, Россия.

Information about the author

A.N. Rybalkin – External PhD student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 132–136.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 132–136.

Научная статья
УДК 94(470.638)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.22>

Транскавказские ветви Великого шелкового пути и исторические памятники региона Кавказских Минеральных Вод

Владимир Александрович Фоменко

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

Аннотация. В статье рассмотрены вещественные данные о функционировании в районе Пятигорья (регионе Кавказских Минеральных Вод) ветвей Великого шелкового пути. Используются материалы о выявленных в указанном районе остатках старинных дорог и основные памятники, с которыми эти следы коммуникаций были связаны (городища у гор Змейка, Развалка, Козьи скалы, Горячая, Дубровка). Упомянуты памятники Кисловодской котловины, в том числе поселения Острый мыс, Горное эхо, Рим-гора и другие. Установлены и наиболее яркие находки предметов импорта, свидетельствующие о существовании в древности и Средние века торгово-обменных связей с далекими регионами. В результате проведенного исследования признана необходимость дальнейшего выявления и изучения древних и средневековых дорог в районе Пятигорья, а также анализа географии контактов местного населения.

Ключевые слова: Северный Кавказ, регион Кавказских Минеральных Вод, Великий шелковый путь, транскавказские ветви, памятники Кисловодской котловины, остатки старинных дорог, городища, предметы импорта

Для цитирования: Фоменко В.А. Транскавказские ветви Великого шелкового пути и исторические памятники региона Кавказских Минеральных Вод // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 132–136. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.22>.

Original article

Transcaucasian Branches of the Great Silk Road and Historic Sites of the Region of Caucasian Mineralnye Vody

Vladimir A. Fomenko

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia,
fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

Abstract. The article discusses archaeological data on the functioning of the Great Silk Road branches in the Pyatigorye region (the Caucasian Mineralnye Vody region). Materials on the main sites (settlements near the mountains Zmeyka, Razvalka, Kozii skaly, Goryachaya, Dubrovka) and the remains of ancient roads that led to them were analyzed. Historic sites of the Kislovodsk basin, including the settlements of Ostryi Mys, Gornoe Ekho, Rim-Gora and others were considered. The author also gives the examples of the most striking import items, indicating the presence of trade and exchange relations with distant regions in antiquity and the Middle Ages. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that there is a need for further identification and research of ancient and medieval roads in the Pyatigorye region, as well as analysis of the contacts of the local population.

Keywords: the North Caucasus, the Caucasian Mineralnye Vody region, the Great Silk Road, transcaucasian branches, historic sites of the Kislovodsk basin, ancient roads remains, settlements, imported items

For citation: Fomenko, V.A. (2022) Transcaucasian Branches of the Great Silk Road and Historic Sites of the Region of Caucasian Mineralnye Vody. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 132–136. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.22](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.22) (In Russian).

Интерес к истории и культурным традициям Великого шелкового пути в наше время растет (Овчинникова, 2009; Кузьмина, 2011). Особое внимание сегодня уделяется культурным, туристическим и экономическим перспективам возрождения старинных торговых коммуникаций, связывавших производственные центры Европы и Азии¹ (Историко-культурное наследие..., 2017).

¹ Чернова А.Ф. Концепция «Экономический пояс Шелкового пути» как системная инновация КНР: история, концептуальная основа и технология развития в условиях глобальной неопределенности (2013–2019 гг.): дис. ... канд. истор. наук. Нижний Новгород, 2022. 208 с.

В настоящей статье проведен обзорный исторический анализ имеющихся данных о функционировании в районе Пятигорья торгово-обменных путей с привлечением археологических материалов. Рассмотрение всего спектра вещественных находок, и в частности монет, ввиду объемности не входит в задачи данного исследования.

Регион Кавказских Минеральных Вод чрезвычайно богат историческими памятниками различных эпох. В статье на основе современных данных рассмотрены отдельные находки, бытовые и погребальные памятники, связанные с древними и средневековыми торговыми путями. Когда-то эти дороги были частью нескольких транскавказских ответвлений Великого шелкового пути. Эти ветви соединяли Поволжье и прикумские степи с горными перевалами Западного и Центрального Кавказа, и вели к далеким странам.

Начало функционирования транскавказского ответвления Великого шелкового пути в степном Предкавказье относится к IV в. до н. э.¹ Позднее этот путь менял свое направление, но в VIII–IX вв. имел несколько маршрутов. Дороги по долинам Кумы и ее притока Подкумка шли из Прикаспийских степей через перевал Гум-баши к верховьям Кубани и далее к перевалам в Абхазию и Черноморскому побережью (Кузнецов, 1993: 42, рис. 7). После XV в. этот торговый путь утратил свое значение.

Первооткрывателями следов Великого шелкового пути в районе Пятигорья можно назвать историков Н.М. Егорова (Кузнецов, 1993: 32–33), П.Г. Акритаса (Акритас, 1959) и В.А. Кузнецова (Кузнецов, 1993: 7–79; 2014). Еще в 20-х гг. прошлого века были найдены фрагменты старинной дороги в долине у подножия гор Змейка и Развалка. Участки этой дороги были обнаружены у хутора Воронов, к северу от горы Развалка. В 1926 году пятигорский краевед Николай Михайлович Егоров был на хуторе Воронов и опубликовал заметки о важном открытии в региональных газетах. По наблюдениям Н.М. Егорова, полотно дороги пролегало на глубине 0,2 м, у дороги были 2 ската, при ширине около 5,5 м.

В 1939 г. у реки Кумы близ бывшего поселения немецких колонистов Темпельгоф Н.М. Егоров выявил остатки дороги, вымощенной камнем в 2–3 слоя. Она шла по берегу Кумы от горы Верблюд к горе Бык и далее к горам Змейка и Развалка.

В 1948 г. к исследованиям подключился преподаватель Пятигорского педагогического института П.Г. Акритас. Раскопанный в том году участок дороги между горами Развалка и Змейка имел ширину около 3 м, находился под слоем земли толщиной 0,5 м и был вымощен камнем.

В 1992 г. часть дороги между хутором Воронов и горой Змейка изучалась медиевистами В.А. Кузнецовым и Е.И. Савченко (Кузнецов, 1993: 32–33).

Описанные старинные дороги, выявленные в прошлом веке у хутора Воронов, проходили в непосредственной близости от двух крупных городищ. Первое мощное укрепленное поселение располагалось на северном подножии и труднодоступной вершине горы Змейка. Данный памятник, включавший в себя ряд фортификационных сооружений, остается малоизученным и в 1950–1970-х гг. был сильно поврежден карьерами по добыче камня.

Второе известное городище располагалось на горе Развалка. У ее подножия, на седловине и вершине сохранились остатки древних и средневековых поселений. Крупное и хорошо укрепленное поселение существовало здесь в X–XIII вв. На склоне Развалки видна широкая, вероятно, предназначенная для колесного транспорта, дорога, идущая от нижней части поселения к укреплениям на седловине и вершине горы. На городище частично уцелели каменные оборонительные стены и остатки зданий жилой застройки. В X–XIII вв. Развальское городище являлось региональным ремесленным центром по изготовлению железных изделий различного, в том числе сельскохозяйственного, назначения (Кузнецов, 2005: 72–73). Найденные здесь краеведами раннесредневековые железные предметы экспонируются в краеведческом музее города-курорта Железноводск.

С Развальским городищем было связано укрепленное поселение VIII–XII вв. у подножия восточного отрога горы Бештау. В специальной литературе этот памятник называется городище Козьи скалы. Это поселение непосредственно связано с историей Хазарского каганата. В VIII–X вв. оно выполняло функции торговой фактории, действовавшей на одном из ответвлений Великого шелкового пути. Здесь были выявлены остатки склада амфор крымского или приазовского производства.

Городище Козьи скалы было довольно крупным и основательно укрепленным. Ученым-историкам оно известно в связи с находками уникальных предметов. Торгово-ремесленное поселение

¹ Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей по нумизматическим материалам IV в. до н. э. – XI в. н. э. из памятников Центрального и Восточного Предкавказья: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ставрополь, 1998. 25 с.

существовало здесь на протяжении VIII–XII вв. Здесь жили не только торговцы, но и, видимо, земледельцы и ремесленники-кузнецы. На городище были найдены бронзовые христианские кресты. Вероятно, в XII или XIII в. поселение Козьи скалы было взято штурмом отрядом кочевников, и большая часть его жителей погибла (Кузнецов, Рудницкий, 1998: 309–310).

Население городища Козьи скалы было полиэтничным. Часть местных жителей в VIII–X вв. исповедовала христианство. В окрестностях городища были найдены каменные надгробия хазарского времени с изображением георгиевского креста, что свидетельствует о существовании здесь православного кладбища (Кузнецов, Рудницкий, 1998: 308–309).

В регионе Кавказских Минеральных Вод есть следы существования торговых путей с начала I тысячелетия. Ниже озера Провал на отроге горы Горячей в Пятигорске расположены остатки крупного городища I–IV вв. Провальская балка (Кузнецов, 2005: 53). Это мощное укрепление в древности охраняло важную дорогу, проходившую по долине Подкумка. В настоящее время памятник частично разрушен камнедобывающими карьерами и застроен.

К югу от Пятигорска, на противоположном берегу Подкумка, расположено городище I–IV вв. на горе Дубровка. Оно также относится к досредневековому этапу функционирования транскавказских торговых путей. К сожалению, этот памятник остается почти неизученным (Кузнецов, 1993: 40; Кузнецов, 2005: 53, 144, рис. 31, 146, рис. 33).

Среди редких находок этого времени на территории региона Кавказских Минеральных Вод следует отметить бронзовое китайское зеркало II в. с иероглифами (Савенко, 1993: 131–132, 134, 140, рис. 1-1). Один из иероглифов обозначает слово «белый» (цвет).

Далее участок древнего и средневекового торгового пути шел по долине реки Подкумок через Кисловодскую котловину на запад (Кузнецов, 1993: 42, рис. 7). Эта дорога уходила в верховья Кубани, затем в Закавказье и во владения Византии.

Кисловодская котловина – наиболее благоприятный для расселения древних людей в отношении климата и рельефа микрорайон Пятигорья. Вход в котловину со стороны степей Прикумья закрыт высотами Боргустанского и Джинальского хребтов. Этот вход в далеком прошлом нуждался в постоянной охране и защите от вторжений кочевников. С этой целью в долине Подкумка на естественных высотах была построена сеть небольших укреплений – сторожевых и сигнальных постов. Посты часто имели земляные фортификационные сооружения (валы и рвы) и предназначались, прежде всего, для передачи сигналов опасности в поселения Кисловодской котловины, а также для борьбы с мелкими отрядами неприятеля. Очень характерно небольшое городище этого типа между железнодорожными станциями Белый Уголь и Подкумок, расположенное на отрогах Джинальского хребта. Более значительным, например, было каменное (скальное) городище V–VII вв. Острый мыс на отрогах Боргустанского хребта. Таких мысовых укреплений на территории Кисловодской котловины известны десятки (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004: вклейка, рис. 14).

Значительная концентрация раннесредневековых укреплений наблюдается в долине Аликоновки к юго-западу от Кисловодска. Наиболее изученным здесь является небольшое городище VI–IX вв. Горное эхо (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004: 96). Внутренняя часть укрепления была плотно застроена. Прослежены дорога и расположенные у входа оборонительные сооружения. Мощная стена отделяла небольшую, наиболее возвышенную часть – замок – от остальной части заселенной территории. Здесь, вероятно, жил владелец селения, а может быть и всей долины Аликоновки.

Крупнейшим памятником Пятигорья эпохи Средневековья является, расположенное в долине Подкумка к западу от Кисловодска, Рим-горское городище. Название Рим-гора, возможно, происходит от более позднего турецкого – Рум-кале (крепость румов (византийцев)). Это крупнейшее поселение X–XII вв. во всем Центральном Предкавказье. Его можно назвать протогородом, являвшимся мощным военным и экономическим центром.

Некрополи Рим-горы изучались в 50–80-х гг. XX в. Предметы из них были переданы в краеведческие музеи Пятигорска, Кисловодска и других городов. Среди множества найденных в погребениях вещей редкими можно назвать стеклянные сосуды. Например, кубки и бокалы привозились в Пятигорье из Византии или ее причерноморских владений. Также завозились и стеклянные украшения – браслеты, вероятно, также византийского производства. Частыми находками являются привозные бусы из пасты, стекла или янтаря. Янтарь, поступавший в район Пятигорья в эпоху Средневековья, происходит из долины реки Днепр и свидетельствует о ранних русско-северокавказских связях. О христианизации части населения Рим-горы свидетельствуют найденные в погребениях бронзовые нательные кресты (Рунич, Михайлов, 1976: 180; Кузнецов, 2014: 75–97).

К довольно редким находкам относится шелковая сумочка из погребения IX в., исследованного краеведами в ущелье реки Эшакон в окрестностях Рим-горы (Кузнецов, 1993: 27). Также

уникальной находкой можно назвать раннесредневековую японскую вазу с рельефными изображениями драконов. Сосуд был случайно найден у Рим-горы. В Пятигорском краеведческом музее хранится его рисунок (Савенко 2017: 23, рис. 8).

Таким образом, поиск и исследование остатков древних и средневековых дорог на территории региона Кавказских Минеральных Вод являются важными и перспективными задачами. Не менее необходимы и важны проведение обобщающего монографического анализа импортов и установление географии контактов местного населения. К наименее изученным вопросам также относятся особенности распространения по Шелковому пути религий, что отразилось на процессах христианизации населения Предкавказья в первой половине II тысячелетия.

Список источников:

- Акритас П.Г. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1959. Т. XVI. С. 197–222.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004. 240 с.
- Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы III Международной научно-практической конференции (Ставрополь 5–7 октября 2017 г.). Ставрополь, 2017. 288 с.
- Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. 184 с.
- Кузнецов В.А. Кавказские Минеральные Воды в древности и средневековье. Историко-археологические очерки. Пятигорск, 2005. 156 с.
- Кузнецов В.А. Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина в свете алано-осетинской проблемы. Владикавказ, 2014. 208 с.
- Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. Поселение Козьи скалы у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология. Ставрополь, 1998. Вып. 1. С. 297–331.
- Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути: диалог культур Европа – Азия. М., 2011. 236 с.
- Овчинникова Б.Б. Великий шелковый путь – транзитная магистраль Восток – Запад – Восток // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества: материалы науч.-практ. конф., Екатеринбург, 25–26 ноября 2008 г. Екатеринбург, 2009. С. 101–109.
- Рунин А.П., Михайлов Н.Н. Городище Бургусант или Рим-Гора // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1976. Вып. 14. С. 162–182.
- Савенко С.Н. Новые биографические данные о В.Р. Апухтине, Н.М. Егорове, В.Ф. Смолине, М.И. Рыбенко и А.П. Руниниче // Третий Кавминводский межрегиональный музейно-научный семинар памяти краеведов. Ставрополь, 2017. С. 9–34.
- Савенко С.Н. Предметы египетского, китайского, иранского происхождения в комплексах I тысячелетия н. э. Пятигорья // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993. С. 130–140.

References:

- Afanasyev, G.E., Savenko, S.N. & Korobov, D.S. (2004) *Antiquities of the Kislovodsk Basin*. Moscow, 2004. (In Russian)
- Akritas, P.G. (1959) Drevnij trgovyj put' ot Chernogo morya k Kaspijskomu po goram Central'nogo Kavkaza [Ancient Trade Route from the Black Sea to the Caspian Sea through the Mountains of the Central Caucasus]. *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo NII [Scientific Notes of the Kabardino-Balkarian Research Institute]*. Vol. XVI. Nalchik, 197–222. (In Russian)
- Belozеров, V.S. (ed.) (2017) Historical and Cultural Heritage of the Great Silk Road and the Promotion of Tourist Destinations in the North Caucasus: Materials of the III International Scientific and Practical Conference (Stavropol, October 5-7, 2017). Stavropol. 288 p. (In Russian)
- Kuzmina, E.E. (2011) *Prehistory of the Great Silk Road: Dialogue of Cultures Europe – Asia*. Moscow, 236 p. (In Russian)
- Kuznetsov, V.A. (1993) *Alano-Ossetian Studies*. Vladikavkaz, 184 p. (In Russian)
- Kuznetsov, V.A. (2005) *Kavkazskie Mineralnye Vody v drevnosti i srednevekov'e. Istoriko-arheologicheskie ocherki [Caucasian Mineralnye Vody in Antiquity and the Middle Ages. Historical and Archaeological Essays]*. Pyatigorsk, 156 p. (In Russian)
- Kuznetsov, V.A. (2014) *Northern Elbrus Region and the Kislovodsk Basin in the Light of the Alano-Ossetian Problem*. Vladikavkaz, 208 p. (In Russian)
- Kuznetsov, V.A., Rudnitsky, R.R. (1998) Poselenie Koz'i skaly u gory Beshtau [Settlement of Goat Rocks near Mount Beshtau]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Arheologiya [Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Archeology]*. Stavropol: Heritage. 1, pp. 297–331. (In Russian)
- Ovchinnikova, B.B. (2009) Velikij shelkovyj put' – tranzitnaya magistral' Vostok – Zapad – Vostok [The Great Silk Road – a Transit Highway East – West – East]. *Rossiya i Kitaj: istoricheskij opyt vzaimodejstviya i novye grani sotrudnichestva [Russia and China: Historical Experience of Interaction and New Facets of Collaboration]*: materials of scientific and practical. Conf., Ekaterinburg, November 25–26, 2008 Ekaterinburg, pp. 101–109. (In Russian)
- Runin, A.P. & Mikhailov, N.N. (1976) The Settlement of Burgusant or Rim-Gora. In: *Materials on the Study of the Stavropol Territory*. Stavropol, 14, pp. 162–182. (In Russian)
- Savenko, S.N. (1993) Predmety egipetskogo, kitajskogo, iranskogo proiskhozhdeniya v kompleksah I tysyacheletiya n. e. Pyatigor'ya [Items of Egyptian, Chinese and Iranian Origin in Complexes of the Pyatigorye of the 1st Millennium AD] // *Kavkaz i civilizacii Vostoka v drevnosti i srednevekov'e [Caucasus and East Civilizations in Antiquity and the Middle Ages]*. Vladikavkaz, pp. 130–140. (In Russian)
- Savenko, S.N. (2017) New Biographical Data about V.R. Apukhtin, N.M. Egorov, V.F. Smolin, M.I. Rybenko and A.P. Runinich // *Third Kavminvod Interregional Museum and Scientific Seminar in Memory of Local Historians*. Stavropol, pp. 9–34. (In Russian)

Информация об авторе

В.А. Фоменко – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=733657.

Information about the author

V.A. Fomenko – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of the Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=733657.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 137–144.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 137–144.

Научная статья
УДК 94(470.61)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.23>

Противоречивый полпред. В.Н. Зубков: штрихи к портрету

Сергей Владимирович Чуев

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, sv_chuev@mail.ru

Аннотация. В настоящей публикации автором впервые в научной литературе предпринята инициатива по изучению биографии известного ростовского политического деятеля рубежа 1980–1990-х гг. – Владимира Николаевича Зубкова. Этот авторитетный руководитель медицинского учреждения в горбачевскую эпоху совершил небезынтересную попытку участия в общественно-политической жизни. Перестроечная волна вынесла Зубкова на публичную политическую арену, где он оказался в роли одного из самых заметных донских народных депутатов СССР демократической ориентации. Бывший член КПСС стал непримиримым оппонентом правящей партии. Благодаря своей работе в Межрегиональной депутатской группе и команде Ельцина он после августовских событий 1991 г. стал первым полномочным представителем Президента России в Ростовской области (1991–1994 гг.). За пятилетку активной политической деятельности Зубков приобрел совсем немного друзей и огромное количество недоброжелателей. После отставки в декабре 1994 г. его ждали безработица, одиночество и разочарование во многом и во многих. Период исторической ломки предоставил Зубкову шанс проявить себя, однако «звездный час» принес ему не удовлетворение, а скорее горечь переосмысления всего того, чем он занимался в политике.

Ключевые слова: Ростовская область, Дон, Зубков, представитель Президента РФ, народный депутат СССР, перестройка, девяностые

Для цитирования: Чуев С.В. Противоречивый полпред. В.Н. Зубков: штрихи к портрету // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 137–144. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.23>.

Original article

Contradictory Plenipotentiary. V.N. Zubkov: Accents to the Portrait

Sergey V. Chuev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
sv_chuev@mail.ru

Abstract. For the first time in the scientific literature, the author has taken the initiative to study the biography of the famous Rostov politician of the turn of the 1980–1990s – Vladimir Nikolaevich Zubkov. This authoritative head of a medical institution in the Gorbachev era made an interesting attempt to participate in public and political life. The perestroika wave brought Zubkov to the public political arena, where he found himself in the role of one of the most prominent Don People's Deputies of the USSR of democratic orientation. The former CPSU member became an irreconcilable opponent of the ruling party. Thanks to his work in the Interregional Deputy Group and Yeltsin's team, after the events of August 1991, he became the first plenipotentiary representative of the President of Russia in the Rostov region (1991–1994). During the five-year period of active political activity, Zubkov acquired very few friends and a huge number of detractors. After his resignation in December 1994, he was faced with unemployment, loneliness and disappointment in many ways. The period of historical break gave Zubkov a chance to prove himself, however, the “finest hour” did not bring him satisfaction, but rather the bitterness of rethinking everything he did in politics.

Keywords: Rostov region, Don, Zubkov, representative of the President of the Russian Federation, People's Deputy of the USSR, perestroika, nineties

For citation: Chuev, S.V. (2022) Contradictory Plenipotentiary. V.N. Zubkov: Accents to the Portrait. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 137–144. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.23](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.23) (In Russian).

Настоящее время дает немало причин для переосмысления событий недавнего прошлого. Они только становятся историческими в полноценном смысле слова: появилась возможность знакомиться с архивными материалами, детальное изучение уже не вызывает острую политизированную реакцию, позволяет более трезво анализировать произошедшее. Историография современной истории Ростовской области пока не может похвастаться широким диапазоном исследований. Тематика остается в значительной степени малоизученной (Чуев, 2020: 7–28). В настоящей публикации предпринимается попытка восполнить некоторые пробелы – проанализировать

биографию одного из самых неоднозначных деятелей недавнего прошлого Донского края – Владимира Николаевича Зубкова. Его жизненный путь подтверждает, что в такую противоречивую эпоху, как рубеж 1980–1990-х гг., парадоксальные личности, коим был, безусловно, Зубков, имеют больше шансов оказаться в поле общественного внимания. Автором при подготовке статьи использован впервые вводимый в научный оборот фонд архивных материалов Зубкова, проанализированы его многочисленные публикации в СМИ, документы органов власти. Историко-биографический метод стал основным для настоящего исследования.

Родился В.Н. Зубков в июле 1945 г. в семье полковника и готовился продолжать семейные профессиональные традиции. Поступил в Кавказское Краснознаменное суворовское училище (г. Орджоникидзе), которое окончил с золотой медалью в 1963 г. После – направлен в Высшее военное училище, однако учиться там не стал. Отслужил в армии в части особого назначения, а по возвращении стал работать аппаратчиком на ростовском химзаводе. В 22 года Зубков решил поменять профиль деятельности и поступил в мединститут, который окончил с отличием (1973 г.). Дальнейшая карьера развивалась довольно успешно – после ординатуры в гинекологическом отделении ростовской больницы №20 Зубков работал в НИИАПе, защитил диссертацию (1984 г.) и оказался востребован на позиции главврача (1985 г.) одного из крупнейших роддомов №5 Ростова-на-Дону. В ряды КПСС вступил уже после назначения – в 1986 г. «Не ради карьеры. Я поверил в то, что сейчас происходит в стране, поверил в силу перестройки. Практически наизусть знаю материалы XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партийной конференции. Эти документы я принял сердцем и душой. Свято в них верю», – отмечал Зубков¹.

Благодаря решению поучаствовать в приковывающих грандиозный интерес первых альтернативных выборах народных депутатов СССР в 1989 г., герой настоящей статьи приобрел известность (Чуев, 2020: 319–339). Избирательный округ Зубкова располагался в Ростове-на-Дону, а ситуация в нем притягивала внимание. Предвыборным мероприятиям, интервью с кандидатами были посвящены многочисленные публикации прессы, которая упивалась свободой и борьбой с «отжившим»: бюрократизмом, авторитаризмом, номенклатурными правилами игры. Такой общественный настрой сыграл свою роль в судьбе Зубкова.

Выдвижение претендентов происходило от трудовых коллективов, затем кандидатов пропускали сквозь сито предвыборных собраний, которые должны были оставить лишь согласованные с обкомом КПСС персоналии. Политическая установка «сверху» рекомендовала допуск до голосования на избирательных участках не более двух кандидатов. Все должно было состояться по заранее спланированному сценарию – посадочные места на предвыборном собрании были распределены «пропорционально», согласно числу коллективов, выдвинувших кандидатов. Как выяснилось, оппонентов В.Н. Зубкова – руководителей предприятий А.С. Авдеева и В.А. Дерезу – выдвинули 4 и 2 коллектива, и, соответственно, в зале сидели 140 выдвиженцев Авдеева, 70 – Дерезы и лишь 35 – Зубкова. Обнародование такой статистики вызвало бурю возмущения, что и помогло главврачу роддома собрать дополнительные голоса для попадания в избирательный бюллетень². Кандидат в депутаты, который ранее не был замечен в деятельности неформальных объединений, мгновенно приобрел имидж притесняемого властями и разыграл карту пострадавшего от политического прессинга.

Влияние на предпочтения избирателей оказала статья «Незапланированный кандидат» собкора «Социалистической индустрии» Юрия Беланова, известного своими острыми материалами. Публикация, по мнению Михаила Емельянова, «помогла Зубкову приобрести симпатии критически настроенных избирателей. Статью копировали и распространяли. Благодаря ей вокруг Зубкова был создан ореол демократа и оппозиционера» (Чуев, 2020: 383). Кандидат отсутствовал на предвыборной телевстрече, что было интерпретировано как элемент срежиссированного замалчивания. Плохо организованные, нередко срывавшиеся встречи с населением тоже вызывали сочувствие. В прессе фокусировали внимание избирателей на том, что Зубков отказывается заниматься жалобами избирателей и женат в третий раз, а это «дискредитирует программу по охране материнства и детства», с которой он шел на выборы. Но Зубков демонстрировал открытость и здесь, чем зарабатывал дополнительные очки: «Знаете, у многих личная жизнь складывается не всегда гладко. И не всегда числом мужей, жен определяется нравственность человека. Может быть, тому виной мой тяжелый характер, но я только в 43 года встретил понимающую и любящую меня женщину, и счастлив этим. От предыдущего брака у меня дочь. Делаю, на мой взгляд, все, чтобы на ней как можно меньше сказался мой уход в другую семью. Мне неприятно обо всем этом говорить,

¹ О себе, о времени, о своей программе // Вечерний Ростов. 1989. 28 января. № 23. С. 1.

² Гласно, демократично // Молот. 1989. 7 февраля. № 31.

но, считаю избиратели должны знать и это. ... Первый брак расторгнут 16 лет назад, он был кратковременным и ошибочным. Никто в нем не пострадал, кроме меня»¹.

В день голосования Зубков смог получить ошеломляющую поддержку 82 % избирателей. А сразу после избрания, еще до первого заседания Съезда, его риторика радикализировалась. В качестве приоритета назывались уже не социальные проблемы, а необходимость расширения суверенитета республик СССР, борьба против командно-административной системы, бюрократии, «последователей нин-андреевых». Зубков выступал за переход от «аппаратного варианта перестройки к демократическому», настаивал на необходимости углубления реформ².

На Съезде он вошел в Межрегиональную депутатскую группу, где сблизился с Ельциным. Произошло это и за счет удачной рассадки в зале заседаний, где Зубков оказался соседом будущего Президента. Ростовский депутат приступил к работе в комитете по делам женщин, охране семьи, материнства и детства по профилю своей основной деятельности, которую не оставлял до августа 1991 г.

Таким образом, член КПСС, руководитель учреждения, чья должность входила в номенклатурный перечень, волей судьбы оказался в роли оппонента властям.

Отношения Зубкова с демократами не были безоблачными. Во время предвыборной кампании он откестился от поддержки неформальной группы «Защита», известной своими радикальными взглядами и митинговой активностью. Надо полагать, что это произошло в силу нескольких причин. Все же Зубков по своему социальному статусу отличался от основной массы донских демократов первой волны, часто представленных полумаргинальными из-за своей политической деятельности слоями общества. Во-вторых, кандидат в депутаты понимал, что объединение с малопопулярными протестантами может оттолкнуть избирателей. Но критическая риторика и антикоммунизм были благосклонно восприняты в среде демократов, которые приняли Зубкова за «своего». Донской народный фронт работал как его группа поддержки, распространял печатную продукцию. Активисты ДНФ поддерживали идею Зубкова назвать именем Сахарова Театральную площадь, Ворошиловский проспект донской столицы и Ростовский госуниверситет³. Зубков противодействовал строительству РоАЭС. В числе его инициатив – открытие памятника жертвам новочеркасской трагедии 1962 г. Зубков осуществлял функцию политического покровителя ДНФ.

На выборах в российский парламент весной 1990 г. произошла ситуация, которая в рядах демократов вызвала недоумение. Зубков за несколько дней до голосования резко поменял свою позицию относительно поддержки баллотировавшегося журналиста Беланова и нелестно отзывался о его деловых и человеческих качествах. Он призвал отдать голоса за молодую представительницу КПСС – первого секретаря Железнодорожного райкома и бывшего лидера обкома ВЛКСМ Валентину Петренко. Решение Зубкова вызвало скандал в рядах демократического движения и разочаровало часть его сторонников, которые никак не смогли принять поддержку «представительницы номенклатуры».

После избрания Петренко Зубков тесно взаимодействовал с ней: писал многочисленные письма, давал советы, наставлял, организовывал встречу с Ельциным, ходатайствовал о награждении государственными наградами и не скрывал своей симпатии⁴. Когда летом 1991 г. Петренко покинула ряды КПСС, радости Зубкова не было предела. Он писал: «Милая Валентина Александровна, нет слов, которые могли бы выразить мое восхищение Вашим поступком!»⁵.

Зубков вышел из партии годом раньше – 20 июля 1990 г. вслед за Ельциным. Он расписался на ранее обнародованном заявлении «К членам КПСС» ряда народных депутатов СССР. С этого момента демонстративный антикоммунизм Зубкова стал элементом его фирменного политического стиля. Он требовал сносить памятники Ленину, советским вождям. Доходило до довольно хулиганских инициатив, например, отдать здание горкома под центр реабилитации инвалидов.

Взаимоотношения с партиями у Зубкова складывались неоднозначно. Он называл себя сторонником Демплатформы и движения «Демократическая Россия». Весной 1990 г. инициировал создание ростовского отделения СДПР. Однако вскоре интерес к партстроительству иссяк, и Зубков предпочитал относиться к демдвижению снисходительно, а порой и высокомерно, что не способствовало привлечению дополнительных симпатий. От его группы поддержки постепенно отходили сторонники.

¹ Избиратели должны знать // Вечерний Ростов. 1989. 23 марта. № 68.

² Добрых вам дел, народные избранники! // Молот. 1989. 24 мая. № 120.

³ Касьяненко Е. «Неправильные бюрократы» и их «оппозиция» // Молот. 1990. 13 февраля. № 36.

⁴ Зубков В.Н. «Чубурашки», или конспекты женского врача. Ростов-на-Дону, 2001. С. 199.

⁵ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 2681. Оп.1. Д.32. Л.12, 17.

Зубков активно проводил ельцинскую политическую линию в регионе, продвигал идеи скорейшего перехода к рынку, купли-продажи земли, частной собственности. На мартовском референдуме 1991 г. агитировал за российский суверенитет, и, соответственно, развал СССР. Через несколько месяцев – на президентских выборах – Зубков стал доверенным лицом Ельцина: распространял листовки, печатал бестселлер «Исповедь на заданную тему», проводил многочисленные встречи.

Зубков сыграл важную роль в ростовской кадровой революции второго полугодия 1991 г. Во время августовских событий штаб демократических сил информировал российского Президента о ситуации в регионе и консервативной позиции областной элиты. Зубков телеграфировал: «В течение трех дней смуты России ростовская областная администрация определилась в пользу ГКЧП СССР. В первый день, 19 августа сего года, председатель областного Совета ... Иванченко создал в области структуру ГКЧП под своим руководством... Накладывался запрет на размножение указов Президента и руководства России. В настоящее время указанные лица микрируют, пытаются представить себя вашими сторонниками»¹. В итоге главы облисполкома (В.В. Бородаев) и облсовета (Л.А. Иванченко) были сняты с должностей решениями Центра, а обком КПСС фактически распущен. Ростовская область оказалась без руководства.

27 августа 1991 г. Зубков был назначен полномочным представителем Президента РСФСР в Ростовской области. Задачи, стоявшие перед полпредом, не предполагали осуществление законодательных или исполнительно-распорядительных функций. Речь шла о мониторинге, информировании российских властей о положении дел в регионе. «У меня задача – претворять в жизнь указы Ельцина, неукоснительно следить за исполнением законов, изданных Верховным Советом РСФСР, и распоряжений правительства, чтобы они на местах правильно расценивались и хорошо исполнялись», – так обозначил круг своих полномочий Зубков вскоре после назначения².

Зубков в качестве представителя новой власти включился в процессы согласования кадровых вопросов для восстановления управляемости регионом. Ключевой темой было определение кандидатуры на должность главы исполнительной ветви власти. И Владимир Зубков сделал свой выбор в пользу Владимира Чуба, в политической судьбе которого уже участвовал чуть ранее – весной 1990 г. Тогда после выборов в горсовет Ростова-на-Дону он предложил модель, которая устроила большинство депутатов. Первый секретарь горкома КПСС В.Д. Козлов по задумке должен был избраться руководителем Совета, но его авторитета не хватило для реализации плана. В.Н. Зубков предложил отказаться от идеи совмещения должностей и избрать председателем горсовета донской столицы руководителя горисполкома В.Ф. Чуба в паре с представителем демократов – деканом факультета РИСХМа В.В. Емельяновым, который должен был стать замом. Этот компромисс был поддержан на голосовании³. Через полтора года Зубков начал кампанию по согласованию Чуба на должность губернатора – просил об этом Президента России: «Если Вы продолжаете верить мне, то прошедший месяц работы в качестве Вашего представителя еще раз убеждает меня в правильности предыдущих ходатайств о главе администрации. Сегодня им должен быть В.Ф. Чуб ... задержка с назначением ... может привести к возвращению в свои кресла перекрасившейся партгосноменклатуры»⁴. Сделав такой выбор, Зубков в очередной раз огорчил некоторых своих сторонников из демдвижения, которые предлагали других кандидатов. Для борьбы с бывшими сторонниками полпред Президента не выбирал выражения в своих письмах наверх. Несогласные стали «люмпен-демократами», демагогами из «Демократической России», начавшими «безнравственную грызню», которыми «в ход пущено все: клевета, ложь, доношительство, открытые оскорбления и угрозы». Демократическое движение Зубков охарактеризовал так: «ключевые позиции ... заняли популисты, предлагающие только разрушать и не давшие ни одной сколь-нибудь ценной идеи о том, как облагородить Область Войска Донского и сделать ее богаче. За ними не идут здравомыслящие люди, это их злит, заставляя прибегать к испытанным методам большевизма: нежеланием выслушать иную точку зрения, выступать якобы от имени всех жителей Дона, постоянно заседать и митинговать, заниматься политикой без четкой социально-экономической платформы»⁵. Ответ представителей «Демократической России» не заставил себя ждать – менее чем через два месяца после назначения они потребовали отставки Зубкова в связи с «отмежеванием» от демократических сил Дона.

¹ Зубков В.Н. «Чубурашки», или конспекты женского врача. Ростов-на-Дону, 2001. С. 22.

² Ладный В. «Наместник» Президента // Комсомолец. Наше время. 1991. 25 сентября. № 182.

³ ГАРО. Ф.Р-1817. Оп.4. Д.2484. Л. 216.

⁴ Зубков В.Н. «Чубурашки», или конспекты женского врача. Ростов-на-Дону, 2001. С. 15.

⁵ Зубков – Ельцину // Комсомолец. Наше время. 1991. 2 октября. № 186.

После утверждения Чуба губернатором, Зубков стал активно предлагать свои кандидатуры на руководящие должности, что привело к возникновению множества трений. Первый мэр Ростова-на-Дону Ю.Б. Погребщикова упоминает ситуацию, когда полпред «настойчиво, публично, даже каким-то образом агрессивно стал настаивать, чтобы я своим заместителем сделал его помощницу по роддому, по-моему, старшую медсестру»¹.

Стиль его работы был оригинальным. Если полпреды в регионах, как правило, брали на себя функции арбитра для разрешения конфликтов, то Зубков считал своим долгом играть роль «ока государева» – информировать Центр, а не договариваться. «Я был фигурой доносящей, смотрящей, анализирующей», – позже опишет он свой круг ответственности². Политический стиль Зубкова не предполагал сглаживание острых углов. Его излюбленным жанром была публикация в СМИ различных размышлений или обращений для «заострения» проблемы, что вызывало нервную реакцию.

Так, Зубков испортил отношения с армянской диаспорой после публикации статьи «Как бы нам не стать “горячей точкой”», где полпред категорично обозначил «планы» суверенной Армении сделать на Дону собственную продовольственную базу, что ему напоминало «сказку о лисе и зайце». Полпред предостерегал: надо «не озлоблять друг друга, не дойти до такой жизни, когда в некогда любимого соседа палка или камень из-за забора летит». На письмо критично ответил руководитель общества «Нор-Нахичеван» К. Хурдаян³.

Постоянной тематикой публичных размышлений Зубкова был процесс возрождения казачества, а также влияние КПСС на это: «пока казак расправлял плечи, на атаманских постах оказалось множество верных “солдат партии”, от каждого из которых, как от балаганной куклы, тянутся нити управления... Тогда же возрождение традиций и народного духа было подменено дешевым политиканством, национал-патриотической истерией и культом охлоса – люмпенизированной толпы. Под лозунгами возрождения казачества бывшие партийные структуры пытаются создать на Юге России заповедник неомошеизма – национал-тоталитаризма, перекрашенного в цвета казачьей формы»⁴. Зубков обрушился с критикой на атамана С. Мещерякова, на что руководство Союза казаков Области войска Донского выразило решительный протест, рассматривая его текст как «попытку откровенного окрика, диктата или беспардонное вмешательство» с целью раскола казачьего движения и его дискредитации⁵. Совет Атаманов потребовал извинений, в противном случае грозил поставить вопрос о «персональной деятельности».

В марте 1992 г. полпред опубликовал в «Молоте» статью, в которой отметил, что по итогам проверок в ряде районов Дона наиболее крупные и плодородные участки захватываются представителями властных структур, а также членами их семей⁶. На публикацию последовал ответ – депутат Г. Дагдьян восклицал: «основной тезис статьи заключается в поиске врагов народа... найти новых виновников провалов аграрной реформы в лице руководителей, их жен и детей. ... суть не в том, что землю получили руководители и их близкие, а в том имели ли они законное право получить земельные участки... Зубков же соединил в себе функции и следствия, и суда. И я удивляюсь, как это он не определил ... срок лишения свободы»⁷. Часть изложенных фактов прокуратура области подтвердить не смогла, и полпред принес свои извинения.

Гневное открытое письмо полпреду опубликовал бывший руководитель облсовета Иванченко, лишившийся должности не без участия Зубкова: «Вы без какого-либо обмена мнениями со мной, без аргументации и оснований слали фискальные доносы в Москву, разоблачая “преступника” Иванченко в августе 1991 года ... Лицемерить не привык, а называть Вас “уважаемый” не позволяет отсутствие уважения как такового». Автор письма отметил, что в повестку дня заседания облсовета внесен вопрос о целесообразности сохранения полпредства Президента в регионах, а также восклицал: «Бесконечные пренебрежительные, нередко оскорбительные оценки и комментарии всему донскому – крестьянству, казачеству, положению жителей армянской национальности, директорскому корпусу... Как Вас все раздражает! ... Вы клеймите и клеймите парткротов, бюрократов, народных депутатов России, правоохранительные органы, действия администрации, сваливая на них всю пагубность политики и ее последствия, которую от имени Президента олицетворяете»⁸.

¹ Погребщикова Ю.Б. И верь, и бойся, и проси. Ростов н/Д, 2008. С. 260.

² Молохов Г. Полпред, которого забыли // Седьмая столица. 2003.10-19 сентября. № 26.

³ Хурдаян К. Еще раз о «горячих точках» // Молот. 1992. 21 января. № 12.

⁴ Зубков В.Н. Казачество перед лицом истории // Молот. 1992. 19 мая. № 85.

⁵ Заявление Атаманского правления Союза казаков Области войска Донского // Молот. 1992. 20 июня. № 101-102.

⁶ Землю – начальству? // Молот. 1992. 14 марта. № 47-48.

⁷ Дагдьян Г. Может, пора и остановиться? // Молот. 1992. 13 мая. № 81.

⁸ Иванченко Л. Займитесь делом, граждане Зубков // Молот. 1992. 21 ноября. № 189-190.

Манера ведения политического диалога у Зубкова была действительно примечательная. В его стиле было нормальным отправлять деловые письма, начинающиеся так: «Я помню ваше прошлое. Вы еще предстанете перед судом»¹. На коллегии УВД Ростовской области в начале 1993 г. полпред Зубков в очередной раз стал инициатором беспокойства, когда многозначительно уведомил присутствовавших, что уже «отправил Президенту России 15 шифрограмм» с информацией о неблагополучном положении дел в ростовской милиции².

С руководством Советов различных уровней Зубков не церемонился, считая их антиреформаторскими структурами, заседания облсовета игнорировал. Свое отношение к полпреду был вынужден публично сформулировать председатель облсовета А.В. Попов: «Но не все, конечно, у нас ладком и рядком. Уже продолжительное время он (Зубков – С.Ч.) выступает в средствах массовой информации с различного рода заявлениями, обвинениями в адрес бывших работников партгосаппарата. Во многих случаях обвинения эти поверхностны, бездоказательны, рассчитаны на эмоции обывателя. Любит господин Зубков заигрывать с казачеством. Чего стоят эти заигрывания – о том говорит его призыв к казакам в канун 7 ноября (государственного праздника) выступить против демонстрантов. Это хорошо, что у донских казаков, как говорится, головы оказались на месте, и они не последовали советам представителя Президента. Иногда он начинает давать команды службам города и области, хотя не имеет на то полномочий, угрожать некоторым руководителям снятием с работы»³.

Попов поддержал идею упразднения института полпредства в связи с «дублированием полномочий», а также, «учитывая дестабилизирующий характер деятельности представителя Президента РФ». Вопрос был рассмотрен в апреле 1993 г. на депутатской сессии. В выступлениях критиковались «кабинетный стиль работы» полпреда, его постоянные угрозы и шантаж, давление на журналистов, стремление «организовать разлад между администрацией и Советами». Не прибавляло авторитета Зубкову и возбужденное против него уголовное дело по обвинениям в разжигании межэтнической розни за призывы к казакам идти на Москву, чтобы «скидывать» руководителя Верховного Совета. Облсовет проголосовал за упразднение института полпредства. Губернатор Чуб подобную инициативу депутатов не одобрил, но и его мнение было весьма прозрачным: «Не говорю о личности, но мы не имеем права этого делать»⁴. Решение облсовета опротестовала прокуратура, но очередная депутатская сессия отклонила протест и подтвердила свою прежнюю позицию.

За короткий промежуток времени полпред превратился в источник конфликтов. Весь 1993 г., когда нарастало противостояние между президентскими структурами и Верховным Советом, Зубков энергично продвигал позицию Ельцина (и во время проведения референдума весной 1993 г., и в период обсуждения конституционных проектов). Осенью 1993 г. Зубков приветствовал Указ Президента РФ № 1400, который, по его мнению, прекратил деятельность «окончательно скомпрометировавших органов власти», осуществлявших «антинародную» политику⁵.

Спустя время, Зубков скажет, что события осени 1993 г. для него стали настоящим шоком и причиной «охлаждения» отношений с Ельциным. «Я после тех событий работать уже не мог, так, приходил в рабочий кабинет, делал выписки из газет и в Москву отсылал, самому отказаться от должности духу не хватило, еще год я существовал в таком режиме»⁶. Тем не менее Зубков приветствовал ельцинский проект Конституции, вынесенный на всероссийское голосование в декабре 1993 г., а также безуспешно участвовал в выборах депутатов Совета Федерации.

Отношения с региональной элитой у Зубкова обострились в 1994 г. В январе 1994 г. Зубков анонсировал приезд в область комиссии Контрольного управления АП «в связи с нарушениями по вопросам приватизации» и проведения экономической реформы. Итоги ее работы Зубкова не удовлетворили, так как были слишком «сглажены углы». Полпред инициировал серию обращений правоохранителям, налоговикам, в органы власти с требованиями вмешательства в ситуацию и направления дополнительных контрольных и следственных бригад⁷. Конфликт между полпредством и исполнительными структурами власти вышел в публичную плоскость. Зубков отправлял в СМИ материалы проверки и собственные размышления о «преступном характере действий должностных лиц областного комитета по управлению имуществом», что вынудило руководство структуры, ответственной за приватизацию, тоже высказаться публично. По словам

¹ ГАРО. Ф.3737. Оп. 16. Д. 116. Л. 25.

² О криминале, шифровках «в центр» // Молот. 1993. 28 января. № 14.

³ Рошупкин А. Найти общую дорогу // Молот. 1992. 21 ноября. № 189-190.

⁴ ГАРО. Ф.3737. Оп.16. Д.116. Л.21-31.

⁵ Решается судьба России // Молот. 1993. 23 сентября, № 148.

⁶ Молохов Г. Полпред, которого забыли // Седьмая столица. 2003. 10-19 сентября. № 26.

⁷ По просьбе представителя Президента // Молот. 1994. 29 сентября. № 149.

В.В. Усачева, обращение полпреда появилось не случайно, а после того, как ему отказали в нескольких личных просьбах, одна из которых – приватизация аптеки. «И тогда последовало предупреждение представителя Президента: ты моих просьб не выполняешь – увидишь какими будут последствия»¹.

В ростовских СМИ разгорелась информационная война – полпреда обвиняли во взяточничестве, коррупции, стяжательстве, непрофессионализме. 16 августа 1994 г., за день до приезда Ельцина в Ростов, открытое письмо В.Н. Зубкову опубликовал руководитель телеканала «Дон-ТР» Н.И. Чеботарев, у которого «накапилось много фактов, которые бросают тень». Один из них – смена политической позиции в пользу бывших оппонентов (в т. ч. Л.А. Иванченко), предательство прежних идеалов. «Я часто вспоминаю нашу самую первую встречу. Мы сидели в Вашей убогой коммуналке, пили ароматный чай, вкусно приготовленный Вашей очаровательной супругой, и мечтали о демократических преобразованиях в горячо любимой нами стране. ... Вы клялись, что, если станете депутатом, не покинете коммунальную квартиру, пока не восторжествует справедливость, демократия... Покинули Вы коммуналку. И очень скоро»².

Параллельно в газете «Наше время» вышла серия разоблачительных публикаций под названием «Сказка про веревочку»³. В них шла речь о том, что Зубков брал взятки у руководства ростовского элеватора, безвозмездно получал от коммерческих фирм дорогостоящую мебель, а также обрастал имуществом (приобрел «роскошную» квартиру и построил трехэтажную дачу).

Зубков довольно вяло оправдывался: «Вы называете Л. Иванченко моим “мягко выражаясь недругом”. Да полноте! Никогда моим недругом не был. Был и остается идеологическим соперником», а Чеботарев, по мнению полпреда занялся «откровенным холуяжем», «лицемерием» и «плутовством»⁴.

В августе 1994 г. ситуация накалилась до предела. Губернатор Чуб в интервью согласился с тем, что в институте полпредства нет никакой необходимости, а также многозначительно добавил: «делом надо каждому заниматься. Сработаться можно, если работать на одну идею»⁵. Осенью 1994 г. Зубков, предчувствуя конец политической баталии, в своих письмах должностным лицам пишет о том, что в скором времени намерен уйти в отставку.

Последней точкой в политической судьбе полпреда стало письмо, которое после начала чеченской кампании В.Н. Зубков 13 декабря 1994 г. направил руководителю администрации Президента С.А. Филатову. Полпред излагал свое мнение относительно приватизации: «Нельзя было “продавать” за бесценок и по установленным местными властями “базарной ценой” материальные богатства, созданные, накопленные и сохраненные многими поколениями россиян», что привело к «нищете подавляющего большинства моих земляков и кучке зверски обогатившихся не от ума и деловой разворотливости различных столодержателей ... и обыкновенного жулья. ... Я в такие игры не играю, ибо мне нечего сказать нагло облапошенным ваучеризацией жителям области»⁶. Поделится Зубков и своими несогласием относительно попытки урегулировать чеченский конфликт силовым путем. После этого 16 декабря 1994 г. был подписан указ об отставке Зубкова без объяснения причин.

После отстранения от должности Зубков оказался без работы и средств к существованию. Вернуться к медицинской практике он уже не смог. Бывший полпред пережил трансформацию своих взглядов, поменял мнение относительно всех принципиальных событий, в которых принимал личное участие.

В 1995 г. он баллотировался в депутаты Госдумы по округу, но набрал лишь несколько процентов голосов. Вел активную пропагандистскую кампанию против черномырдинского НДР и представителей правящей донской элиты, пытался найти сочувствие у коммунистов, против которых активно работал практически всю свою политическую карьеру.

В отчаянии Зубков разместил объявление в газетах о продаже своего архива, активно подписывал различного рода петиции и открытые письма с требованиями к властям. Написал небольшую книжку скандального содержания, где саркастически изобразил бывших единомышленников и коллег. Зубков опубликовал на ее страницах ряд документов, но само содержание издания свидетельствовало лишь о стремительной политической маргинализации бывшего

¹ До последнего патрона защищать честь мундира не будем // Молот. 1993. 17 августа. № 127.

² Не надо фарисействовать, Владимир Николаевич! // Молот. 1994. 16 августа. № 124.

³ Южанская В. Сказка про веревочку // Наше время. 1994. 13 августа. № 142-143.

⁴ Зубков В. Не нужно искать черную кошку в темной комнате. Ее там нет // Молот. 1994. 25 августа. № 129.

⁵ И поддержка, и понимание // Молот. 1994. 27 августа. № 130-131.

⁶ Зубков В.Н. «Чубурашки», или конспекты женского врача. Ростов-на-Дону, 2001. С. 49–51.

полпреда¹. «Отношение к героям книги субъективно, но оправданно, большинство из них пользовались моей помощью, когда я мог ее оказать, практически никто не помог мне, когда я превратился в нищего инвалида». Зубков пережил инфаркт, затем лишился ноги из-за тромбоза. Глубоко разочарованный бывший полпред переживал о своих политических ошибках: «У меня их было три, первая – это служба пьянице Ельцину, вторая – донос на Леонида Иванченко в 1991 году, и третья и главная ошибка – это отстаивание и активное проталкивание Владимира Чуба»². О своей политической деятельности он скажет емко на страницах собственной книги: «Я тогда проявил завидное тупоумие, персональный идиотизм и личную пещерность».

Зубков исчезает со страниц СМИ и из общественной жизни Ростова. О нем вспоминают за год до смерти в январе 2013 г., когда его сын Владимир был задержан правоохранителями по подозрению в распространении «заведомо ложных сообщений об акте терроризма» – угрозах заминировать ростовскую мэрию. Младший Зубков призывал к революции, демонстрировал радикальное неприятие действительности³.

Владимир Зубков умер в Ростове-на-Дону в ноябре 2014 г. Средства массовой информации обошли своим вниманием известие о кончине бывшего «главного демократа» и первого полпреда Президента на Дону.

Почему политическая судьба Зубкова сложилась таким образом? Надо полагать, что его попадание в оппозиционный лагерь произошло случайно, в силу обстоятельств. После назначения полпредом Зубков вернулся в привычную роль представителя элиты, но с другими ценностными ориентирами. В его поведении сыграли роль несколько факторов. Первое – собственная вера во вхождение в узкий круг «людей Ельцина» и позиционирование должности полпреда как «высшего должностного лица» в регионе, что накладывало свой отпечаток. Второе – Зубков как соратник Президента считал своим долгом категорично и горячо поддерживать все его инициативы, быть проводником идей. В условиях падающего авторитета федеральной власти это не могло не привести к появлению раздражения. Третье – Зубков, предпочитавший называть вещи своими именами, обострять конфликты, не учел, что Центр в период внутривластного кризиса оказался не заинтересован в получении потока негативной информации. Сохранение видимого спокойствия для федеральных властей в рамках формулы «лояльность в обмен на невмешательство» было более желательным форматом, нежели инициирование новых острых сюжетов, которые давали политическим оппонентам Кремля лишь дополнительные аргументы. *Постсоветская революционная ломка не стала исключением и не пощадила тех, кто ее продвигал.*

Список источников:

Чуев С. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М., 2020. 624 с.

References:

Chuev, S. (2020) *Perestroika 1985–1991 gg. na Donu: litsa, sobytiya, istoricheskie itogi* [Perestroika 1985–1991 on the Don: persons, events, historical results]. Moscow: Izdatel'skie resheniya. (in Russian)

Информация об авторе

С.В. Чуев – кандидат исторических наук, доцент департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=877636.

Information about the author

S.V. Chuev – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Political Science Department, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=877636.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

¹ Зубков В.И. «Чубурашки», или конспекты женского врача. Ростов-на-Дону, 2001.

² Молохов Г. Полпред, которого забыли // Седьмая столица. 2003. 10-19 сентября. № 26.

³ Ростовскую мэрию «заминировал» сын бывшего полпреда президента РФ [Электронный ресурс] // Все новости Ростова-на-Дону. URL: https://www.donnews.ru/Rostovskuyu-meriyu-zaminiroval-syn-byvshego-polpreda-prezidenta-RF_10076 (дата обращения: 13.08.2022).

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 145–151.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 145–151.

Научная статья

УДК 94(450)

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.24>

«Несуществующий рыцарь» Итало Кальвино и послевоенный европейский гуманизм

Александр Александрович Зайцев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, alex-q1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4104-8276>

Аннотация. Статья посвящена исследованию истории европейской интеллектуальной культуры второй половины XX века. В центре внимания находится творческое наследие итальянского писателя и публициста Итало Кальвино (1923–1985), которое рассматривается как источник истории идей, доминировавших в европейской культуре после завершения Второй мировой войны. Предмет статьи – комплекс представлений, нашедших отражение в романе Кальвино «Несуществующий рыцарь» (1959). Автор реконструирует идейный контекст создания этой философской сказки, рассматривает контекст философской мысли, полемику вокруг экзистенциализма и его роли в послевоенной интеллектуальной культуре. Результатом исследования является анализ характера влияния марксистской и экзистенциалистской мысли, а также раскрытие комплекса философских, гуманистических и антифашистских идей, заложенных в романе. Уточняется характер гуманизма, свойственного Кальвино как представителю «военного поколения».

Ключевые слова: история интеллектуальной культуры, Италия, Итало Кальвино, литература, гуманизм, марксизм, экзистенциализм, фашизм, медиевализм

Для цитирования: Зайцев А.А. «Несуществующий рыцарь» Итало Кальвино и послевоенный европейский гуманизм // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 145–151. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.24>.

Original article

“The Nonexistent Knight” by Italo Calvino and the Postwar European Humanism

Alexander A. Zaitsev

Kazan Federal University, Kazan, Russia, alex-q1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4104-8276>

Abstract. The article is devoted to the history of European intellectual culture of the second half of the XX century. At the core is the creative legacy of the Italian writer and publicist Italo Calvino (1923–1985), which is considered as a source of the history of ideas that prevailed in European culture after the end of World War II. The subject of the article is a set of ideas reflected in Calvino's novel “The Nonexistent Knight” (1959). The author reconstructs the ideological context for the creation of this philosophical tale, examines the context of philosophical thought, the controversy around existentialism and its role in postwar intellectual culture. As a result, the author reveals the nature of the influence of Marxist and existentialist thought, and also shows the complex of philosophical, humanistic and anti-fascist ideas embedded in the novel. The features of the humanism inherent in Calvino as a representative of the “war-born generation” are clarified.

Keywords: history of intellectual culture, Italy, Italo Calvino, literature, humanism, Marxism, existentialism, fascism, medievalism

For citation: Zaitsev, A.A. (2022) “The Nonexistent Knight” by Italo Calvino and the Postwar European Humanism. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 145–151. Available from: doi:10.24158/fik.2022.8.24 (In Russian).

Художественная литература является, пожалуй, одним из наиболее интересных предметов в исследовании интеллектуальной культуры. Литература явно или подспудно отражает «доминирующие идеи, ведущие тенденции в развитии культуры» (Репина, 2008: 10), поэтому её изучение позволяет раскрыть качественное своеобразие «исторической эпохи» (Репина, 2008: 11). Можно утверждать, что для европейской культуры после завершения Второй мировой войны в целом характерна актуализация вопросов, связанных с гуманистической проблематикой. В рамках послевоенного гуманизма заново ставятся вопросы о природе человека и его роли в обществе. Особо остро эти темы звучат в литературе, созданной поколением, сформировавшимся во время войны.

Одним из знаковых литераторов «военного поколения», безусловно, является Итало Кальвино (1923–1985) – итальянский писатель, творчество которого охватывает целую эпоху и неиз-

бежно «отражает время» (Хлодовский, 1984: 5). Тексты Кальвино являются содержательным источником не только для исследования собственно литературного процесса, но и интеллектуальной культуры своего времени.

В крайне разнообразном наследии Кальвино – рассказах, повестях, романах, очерках и эссе, письмах – находит отражение сложный путь творческой эволюции писателя. Кальвино начинает писать в духе реализма, воспроизводя впечатления и опыт военной поры, и история из жизни антифашистского партизанского отряда – роман «Тропа паучьих гнёзд» (1947) – становится его первым значимым литературным опытом. Как отмечает советский исследователь Р.И. Хлодовский, «писатели-неореалисты бесстрашно поэтизировали “прозу жизни” именно потому, что верили в возможность эстетического преодоления быта и выхода к стоящей за ним глубоко человеческой жизненной правде» (Хлодовский, 1984: 6). Однако Кальвино зачастую рассматривается именно как классик постмодернизма, и особое внимание уделяется его эволюции от реализма через сказку к литературной игре. Например, уже следующее этапное произведение Кальвино – трилогию «Наши предки» (1960) – Б. Вайс характеризует, в первую очередь, как отклонение от реализма в сказочную область в духе Ариосто (Weiss, 1993: 39). Т.А. Быстрова отмечает, что литература 1960-х гг., которую создаёт Кальвино, выступает как игрушечный мир, который существует только в самом себе (Быстрова, 2017: 277). О.Ю. Панова в статье о постмодернистской литературе упоминает Кальвино в одном ряду с Ф. Соллерсом и М. Павичем, называя их «писателями для критиков» (Панова, 2004: 138). Вообще, если предельно упростить картину эволюции стиля и метода Кальвино, то получится следующее: 1940-е гг. – реализм, 1950-е гг. – сказка, 1960-е гг. и далее – постмодернизм.

Между тем Хлодовский даёт достаточно тонкий анализ творчества Кальвино в контексте времени, утверждая, между прочим, что как таковая «сказочность <...> отнюдь не противоречила поэтике неореализма» (Хлодовский, 1984: 9). Важно при этом учесть, что И. Сикари, исследуя особенности восприятия творчества Кальвино в советской традиции, рассуждает об особенностях «приручения» (domestication) Кальвино советской марксистской критикой. Так, Кальвино в его неореалистический и сказочный период изображается советской критикой «антифашистским и прогрессивным писателем, который боролся за демократию в защиту коммунистических идеалов» (Sicari, 2016: 47). При этом семиотическая и структуралистская основа поздних работ Кальвино советской критикой игнорировались (Sicari, 2016: 56). И если со вторым положением можно согласиться, то так ли ошибалась критика, говоря о Кальвино как о писателе-антифашисте?

В данном исследовании рассматриваются некоторые идейные аспекты знакового романа Кальвино «Несуществующий рыцарь» (1959), чтобы дополнить существующие в историографии оценки содержания и значения данного произведения и творчества Кальвино в целом, а вместе с тем актуализировать проблему взаимосвязи литературного процесса и идеологических перипетий послевоенной эпохи. Роман рассматривается не с литературоведческой или чисто философской стороны, а как факт интеллектуальной истории.

«Несуществующий рыцарь» закрывает собой ряд текстов в жанре философской сказки, создававшихся Кальвино на протяжении 1950-х гг. и образующих трилогию «Наши предки», изданную как сборник (1960). В произведениях трилогии находят отражение важнейшие темы интеллектуальной жизни своего времени, поиск «корней» при этом приобретает ироничный, весёлый, жизнеутверждающий тон. Медиевализм – актуализация средневекового наследия – вполне естественно становится для Кальвино в этот период оптимальной формой литературного творчества и философского размышления. Роман «Несуществующий рыцарь» выполнен в форме пародии на рыцарский роман и несёт явные признаки литературной игры. В центре повествования находятся несколько персонажей, и в особенности – Агилульф, рыцарь без тела: «Агилульф <...> поднял забрало. Шлем был пуст. Внутри светлых лат с переливающимся султаном никого не было» (Кальвино, 1984: 133). Агилульф – это, буквально, чистая воля и разум, заключённые в доспехи. Вокруг особенностей персонажа строится значительная часть фабулы произведения. То же касается и других действующих лиц – Рамбальда, Турризмунда, Брадаманты и других, но особенно – Гурдулу, человека, практически лишённого ясной воли и самосознания. Кальвино рассуждает о человеке, используя для этого абстракции в виде двух крайностей – Агилульфа (разум без тела) и Гурдулу (тело без разума). Остальные персонажи находятся как бы посередине.

В литературе существуют различные интерпретации идейной составляющей романа. Например, Д. Скарпа осуществляет «персоналистическую» интерпретацию текста, утверждая, что персонажи романа – это ничто иное, как множество частичек самого автора, их приключения – приключения многих Италы Кальвино, которые непрестанно ищут себя, а все женские персонажи – по сути, различные аспекты женщины как таковой, женщины, к которой Кальвино стремится (Scarpa, 1999: 79). Такая интерпретация, несомненно, интересна, однако явно недостаточна.

Кальвино философствует в экзистенциалистском ключе, поэтому при рассмотрении идейной составляющей романа важным оказывается не только понятие «гуманизм», необходимо поместить текст Кальвино в контекст развития экзистенциалистской мысли его времени.

Марксист А. Грамши в «Тюремных тетрадах», ссылаясь на Б. Кроче, говорит о том, что большинство людей, по сути, являются философами, поскольку они совершают некие практические дела, «а в этих их практических делах (в направляющих линиях их поведения) уже заключено определенное мировоззрение, определенная философия» (Грамши, 1959: 35). Таким практическим делом для Кальвино является литература, а важной составляющей его мировоззрения – экзистенциализм, в силу различных причин невероятно влиятельный в тот период. Полемика вокруг философии экзистенциализма представляет особый интерес в контексте темы.

Ж.-П. Сартр в статье «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946) старается отбить нападки критиков «слева» на экзистенциализм как на философию упадка, отчаяния и негатива. Он постулирует деятельную, реалистическую, оптимистическую концепцию человека, утверждая даже, что его сторонников упрекают, по существу, не за пессимизм, а за упрямый оптимизм (Сартр, 1990: 334). Но аргументы Сартра не убеждают Г. Лукача, который в своей статье, посвящённой критике экзистенциализма (1948), констатирует, что последний «наводнил целиком сферу западной культуры» (Лукач, 2005(а): 23). Особенно Лукач ополчается против философии самого Сартра, одного из наиболее влиятельных мыслителей данного направления. В статье «Кризис буржуазной философии» (1951) Лукач отмечает, что «нет», которое говорит фашизму сартровский экзистенциализм, совершенно абстрактно, и что «подавляющее большинство антифашистских мыслителей исходит в своём мировоззрении и методе из той же позиции, из которой исходил и противник (т. е. фашизм – А.З.)» (Лукач, 2005(б): 188). Проблема, по Лукачу, заключается не только в том, что экзистенциализм являет собой разновидность идеализма, но и в том, что философы «так или иначе исключают из анализа все общественные элементы, тем самым противопоставляя изолированное индивидуальное сознание мнимому хаосу вещей (и людей)» (Лукач, 2005(а): 29). Экзистенциализм, в частности сартровский, в интерпретации Лукача – это всё ещё философия отчаяния, смерти и абстрактной свободы.

Ещё более жёсткую отповедь экзистенциализму даёт Б.Э. Быховский: распространение этой философии и до, и после войны подобно эпидемии, это философия потрясённого, выбитого из колеи, смятённого обывателя, которая ведёт борьбу против научного миропонимания как такового (Быховский, 1957: 33). Быховский критикует в первую очередь Сартра.

Здесь вполне уместно провести параллель с концепцией их современника, итальянского философа Н. Аббаньяно, сторонника так называемого «позитивного экзистенциализма». В статье «Экзистенциализм в Италии» (1958) Аббаньяно также утверждает, что экзистенциализму свойственно делать упор на негативные аспекты человеческого опыта (Аббаньяно, 1998: 59). Однако программа позитивного экзистенциализма в целом направлена на преодоление этого свойства.

Теперь необходимо соотнести идейное наполнение романа «Несуществующий рыцарь» с обозначенными выше моментами философской полемики, выделив наиболее существенные вопросы. Как уже было сказано выше, текст Кальвино наполнен иронией и, кроме того, гротеском и юмором. Поэтому поднимаемые автором актуальные проблемы зачастую приобретают откровенно комическую форму.

Фигура главного героя – Агилульфа – являет собой иллюстрацию философии воли, волюнтаризма, который подразумевает примат воли (человеческой и божественной) в развитии природы и общества: на удивлённый вопрос Карла Великого о том, как же ему удаётся служить, Агилульф отвечает, что служит «силой воли и верой в святость нашего дела» (Кальвино, 1984: 133).

Затем Кальвино ставит вопрос о значении телесного в человеке. Что есть человек без тела? Агилульфу, не имеющему тела, не нужно спать и есть. Однако другие люди обладают телами: «...заснувший лагерь был царством тел, лежбищем плоти ветхого Адама, источавшей запах выпитого вина и пролитого за день пота. <...> Агилульф проходил мимо, внимательный, напряженный, надменный; тела – у тех, кто имел их, – вот что вызывало у него неприятное чувство, похожее на зависть, и вместе с тем заставляло сердце сжиматься от гордости и пренебрежительного превосходства» (Кальвино, 1984: 135). В критике Быховского для экзистенциалистов к внешнему миру относятся и другие люди, и даже собственное тело, как ограничение, сопротивление существованию, поэтому, как считает Быховский, экзистенциализм есть полная противоположность антропологизму (Быховский, 1957: 37). Но, согласно Кальвино, бестелесный – значит несуществующий. Отталкиваясь от этой крайности, Кальвино изображает остальных персонажей, – например, Рамбальда – людьми из плоти и крови, мыслящими и чувствующими. Затем, по Быховскому, различие между экзистенциалистом и бароном Мюнхгаузеном, который сам себя вытаскивает из воды за волосы, в том, что у экзистенциалиста нет даже волос, за которые он может себя вытащить (Быховский, 1957: 37). Кальвино описывает крайность – человека не только

без волос, но и без тела вообще, и далее развивает мысль в духе позитивного экзистенциализма. Кальвино реабилитирует телесность.

При описании Агилульфа Кальвино отталкивается от своего понимания современного человека, человека искусственного: тот не существует, поскольку ни с чем не соприкасается и не вступает в отношения (и в борьбу, а через борьбу в гармонию) с тем (природой или историей), что его окружает; он лишь абстрактно функционирует (Кальвино, 2000: 453–454). Кальвино здесь практически цитирует Аббаньяно, который говорит о реакции экзистенциализма на романтизм, то есть, по сути, на идеализм Б. Кроче и Дж. Джентиле: признавая конечную реальность человека, эта реакция рассматривала человека как подчинённого перипетиям природы и истории (Аббаньяно, 1998: 64). Там же Аббаньяно отмечает, что, в отличие от других направлений экзистенциализма, именно итальянский экзистенциализм обратил внимание на источники, из которых человек черпает свои позитивные ожидания – природу и общество (Аббаньяно, 1998: 63–64). Однако здесь Аббаньяно практически повторяет Грамши, для которого «человечество, отражающееся в каждом индивидууме, состоит из трех элементов: 1) сам индивидуум; 2) остальные люди; 3) природа» (Грамши, 1959: 44). Получается, что экзистенциалисты в лице Аббаньяно, а за ними и Кальвино, возвращают в поле зрения философии и «остальных людей», и природу. То есть текст Кальвино в его философской части посвящен, в том числе, и этому возвращению (приближению) к философской программе Грамши.

Безусловно, Кальвино интересует проблема отчуждения. Автор романа описывает множество ситуаций, в которых несуществующий рыцарь никак не связан с другими людьми и окружающей действительностью подлинными, глубокими отношениями. Агилульф как бы лишний, неуместный, и оттого – самый несчастный из всех (Кальвино, 1984: 176). Даже беспредметная ярость, которая копится внутри рыцаря, прорвавшись, угасает, поскольку ни на что (и даже никем) не направляется (Кальвино, 1984: 137). В то же время другие персонажи – Рамбальд и Брадаманта, Турризмунд и Софрония – действуют, движимые любовью, и не знают отчуждения, знакомого Агилульфу.

Крайне важным для понимания идейной составляющей романа является сюжет с рыцарями Грааля и жителями Курвальдии, которые в один момент восстают против своих господ. В гротескной форме Кальвино иллюстрирует теорию классовой борьбы и значение классового самосознания. Сразу после победы над жестокими рыцарями жители Курвальдии говорят: «И мы ничего не знали, не знали даже, что мы люди, до этого сражения... А теперь нам кажется, что мы можем... хотим... должны делать все... Даже если... такой ценой» (Кальвино, 1984: 200). После, уже наладив жизнь без господ, в разговоре с Турризмундом, который помог им в сражении, они даже заявляют: «Мы тоже не ведали, что мы есть на свете. Существовать тоже нужно учиться» (Кальвино, 1984: 207). Здесь Кальвино говорит о возникновении через деятельность, в процессе сопротивления угнетению, коллективного субъекта, то есть «класса для себя».

Ещё один аспект, который необходимо затронуть, это аспект времени, соотношение прошлого и будущего. Кальвино достаточно сложным образом выстраивает время повествования. Роман начинается с некоего описания, затем оказывается, что текст, который читает читатель, пишется рукой монахини, и это своего рода воспоминания. В самом конце повествование переносится в настоящий момент: монахиня, она же воительница-Брадаманта, слышит, как к ней спешит Рамбальд, сбрасывает сутану, облачается в панцирь и отправляется в неизвестное будущее (Кальвино, 1984: 208–209). Текст как будто переходит в жизнь. Когда Грамши задает вопрос о том, что такое человек, он говорит, что человек – это, в первую очередь, то, чем он может стать (Грамши, 1959: 42). Когда же Аббаньяно рассуждает об экзистенциалистском анализе и содержании понятия «экзистенция», он утверждает, что главным временным измерением экзистенции, то есть способа существования в ситуации, возможного существования, является будущее, при этом будущее, очерченное прошлым (Аббаньяно, 1998: 62). Таким образом, Кальвино совершенно очевидно осуществляет философское высказывание. Написание текста романа рассказчицей-Брадамантой становится для неё своего рода экзистенциальной ситуацией, а вместе с тем и читатель переживает собственную экзистенциальную ситуацию, оказываясь, следя за развитием сюжета, в настоящем моменте.

Таковы идейные аспекты романа «Несуществующий рыцарь», наиболее важные в рамках темы данного исследования. В форме философской сказки Кальвино очевидным образом транслирует некоторое мировоззрение. Однако, как утверждает Э. Гарин, «нельзя по-настоящему понять ни одного писателя, не перенося его в его борьбу» (Гарин, 1965: 190), то есть всегда важно понять, кто является «противником», с кем идёт явный или неявный спор. Подобным образом и Грамши утверждает, что человек не может быть в полной мере философом, если он, помимо прочего, не осознаёт, что его мировоззрение находится в противоречии с другими мировоззре-

ниями или элементами других мировоззрений (Грамши, 1959: 13). Кальвино, конечно, и не претендует на то, чтобы быть философом в полной мере, но философский, а значит, и полемический элемент в его текстах очевиден. С чем же спорит Кальвино, на что направлена его ирония?

Если рассмотреть различные общие характеристики идеологии итальянского фашизма, то при значительной разности исследовательских подходов они будут содержать много общего. Например, С.М. Слободской непосредственно после войны так определяет основу фашизма: это культ насилия, преклонение перед грубой силой и презрение к массам, маскирующее страх перед ними (Слободской, 1946: 78). Фашизм принципиально выступает против равенства людей: вершат историю не массы, а солдаты, массы же, питаемые «низменным» материальным интересом и неспособные подняться до понимания «высоких» целей, способны к полезной для «нации» деятельности, только если их держать твёрдо в руках, как укрощённого зверя (Слободской, 1946: 81–82). В свою очередь, современный историк Э. Джентиле перечисляет некоторые характерные черты фашистской идеологии. Джентиле также подчёркивает значение для фашизма тотальной милитаризации: индивидуальная и коллективная жизнь граждан должна быть организована на военный лад (Джентиле, 2022: 434). Из описания «нового итальянца», порядочного, деятельного и бескорыстного (Джентиле, 2022: 456–457), можно сделать вывод о том, что сам человек рассматривается идеологами фашизма как функция, инструмент, например, укрепления власти. Джентиле также говорит об элитаризме и повиновении масс, при этом в политике как таковой «преобладает сила, воля к власти и согласие, рождающееся из веры в тот или иной миф» (Джентиле, 2022: 484–485).

В целом, продолжая тенденции позитивного экзистенциализма, Кальвино критикует философский идеализм. Эта критика затрагивает не только идеалистов вроде Б. Кроче, но и таких, как Дж. Джентиле, тем более что, как пишет Аббаньяно, даже их полемика на почве различного отношения к фашизму происходила в одном поле идеализма и не породила новой «закваски» для развития философии (Аббаньяно, 1998: 64). Человек, рассматриваемый Кальвино как концентрированная воля, как исключительно духовное существо, то есть Агилульф, в итоге оказывается несостоятельным. Рыцари Грааля, преданные высшей идее, или своего рода мифу, буквально растворившиеся в нём, изображены в откровенно карикатурном виде – саркастически высмеивается не только фанатизм, но и крайний элитаризм Ордена.

Кальвино выступает против культа государства и последовательно десакрализует власть, например в лице её носителя. Карл Великий, могучий император, чьё имя овеяно легендами, вокруг которого выстроена огромная система власти, постоянно изображается в ироничном ключе, как обыкновенный человек со своими мелкими слабостями: «Вопреки всем правилам императорского этикета Карл Великий садился за стол раньше времени <...> Усевшись, он начинает отщипывать кусочки хлеба или сыра, брать то оливку, то стручок перца <...> Мало того, еду он хватает руками. Да, нередко самодержавная власть заставляет даже самых терпимых монархов забыть всякую узду и порождает произвол» (Кальвино, 1984: 170).

Кальвино критикует иерархию как таковую. Его идеал политического устройства проглядывает в описании Курвальдии, освободившейся от власти Ордена. Этот идеал носит определённо демократический и эгалитарный характер. Когда Турризмунд объявляет, что он теперь граф Курвальдии по приказу императора, граждане мягко, но настойчиво отклоняют его претензию и предлагают жить с ними, но только на равных (Кальвино, 1984: 207).

Что касается антимилитаристской направленности мысли Кальвино, то она вполне очевидна. Особенно комично изображается функционирование государственной машины на войне. Как уже было отмечено, Кальвино в образе Агилульфа выводит современного человека, иначе – «луковицу без ядра», иллюстрируя трагикомический тупик бегства к «внутреннему», о котором говорит Лукач (Лукач, 2005(а): 32). Агилульф же без «луковицы» в виде доспехов, то есть вне своей военной функции, практически ничто.

В итоге проведённого исследования можно сделать следующее заключение.

В статье раскрыты далеко не все идейные аспекты, которыми насыщен текст рыцарского романа Кальвино. Однако и на основании представленного материала можно утверждать, что отход от неореализма и сказочная форма, к которой прибегает Кальвино, в данном случае вовсе не означают отхода от животрепещущих проблем современности. Кальвино выражает целый комплекс идей, в том числе гуманистических, демократических и антифашистских.

При этом экзистенциализм самого Кальвино несёт отпечаток философии, характерной для итальянской традиции, так называемого позитивного экзистенциализма.

Гуманизм Кальвино не совсем «старый», традиционный, несущий противоречия ещё со времён эпохи Возрождения, как об этом пишет Хлодовский (Хлодовский, 1984: 16). Это гуманизм вполне новый, вырастающий из гуманистической установки марксизма Грамши и экзистенциа-

лизм Аббаньяно, из антифашизма и выстраданной убежденности в ценности мира и демократии. Несомненно, он точно так же содержит в себе противоречия и не даёт окончательного ответа на ключевые вопросы современности. Тем не менее такой гуманизм, как стержневая часть определённой интеллектуальной культуры, мог возникнуть и расцвести именно тогда, в атмосфере возрождения послевоенной Европы, в обстановке поисков, разочарований и борьбы, иначе говоря – самой жизни послевоенной Италии.

Список источников:

- Аббаньяно Н. Экзистенциализм в Италии // Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. СПб., 1998. С.56–76.
- Быстрова Т.А. Современная итальянская проза: от постмодернизма к «гипермодернизму» // Новый филологический вестник. 2017. №4 (43). С. 272–283.
- Быховский Б.Э. Основные течения современной идеалистической философии. М., 1957. 47 с.
- Гарин Э. Хроника итальянской философии XX века (1900–1943). М., 1965. 483 с.
- Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. Т.3. Тюремные тетради. М., 1959. 565 с.
- Джентиле Э. Фашизм. История и истолкование. СПб., 2022. 560 с.
- Кальвино И. Несуществующий рыцарь // Кальвино И. Избранное. М., 1984. С. 128–209.
- Кальвино И. Послесловие 1960 г. // Кальвино И. Собрание сочинений. Наши предки: Романы. СПб., 2000. С. 445–458.
- Лукач Г. (b) Кризис буржуазной философии // Философия и общество. 2005. №3. С. 161–188.
- Лукач Г. (a) Экзистенциализм // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2005. № 5. С. 23–48.
- Панова О.Ю. От модернизма к постмодернизму и художественному синтезу // Современная Европа. 2004. №1(17). С. 130–140.
- Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Вып. 22. 2008. С. 5–15.
- Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 319–344.
- Слободской С.М. Итальянский фашизм и его крах. М., 1946. 207 с.
- Хлодовский И.Р. Об Итало Кальвино, его предках, истории и о наших современниках // Кальвино И. Избранное. М., 1984. С. 5–17.
- Scarpa D. Italo Calvino. Milano, 1999. 294 p.
- Sicari I. (Re)Defining a Literary Genre: How Italo Calvino's Postmodern (Hyper)Novels became "Philosophical Allegories" in the USSR // *Ulbundus Review*. 2016. Vol. 17, pp. 42–61.
- Weiss B. Understanding Italo Calvino. Columbia, South Carolina, 1993. 244 p.

References:

- Abbagnano, N. (1998) *Ekzistencializm v Italii* [Existentialism in Italy]. In: Abbagnano N. *Struktura ekzistencii. Vvedenie v ekzistencializm. Pozitivnyj ekzistencializm* [Existence Structure. Introduction to Existentialism. Positive Existentialism]. Saint-Petersburg, pp. 56–76. (In Russian)
- Bykhovskiy, B.E. (1957) *Osnovnyye techeniya sovremennoy idealisticheskoy filosofii* [The Main Currents of Modern Idealistic Philosophy]. Moscow, 47 p. (In Russian)
- Byстрова, Т.А. (2017) *Sovremennaya ital'yanskaya proza: ot postmodernizma k «gipermodernizmu»* [Modern Italian Prose: from Postmodernism to "Hypermodernism"]. *Novyy filologicheskii vestnik*. 4(43), pp. 272–283. (In Russian)
- Calvino, I. (1984) *The Nonexistent Knight*. In: Calvino, I. *Izbrannoye* [Selected writings]. Moscow, pp. 128–209. (In Russian)
- Calvino, I. (2000) *Poslesloviye 1960 g.* [Afterword 1960]. In: Calvino, I. *Sobraniye sochineniy. Nashi predki: Romany*. [Collected works. Our Ancestors: Novels]. Saint-Petersburg, pp. 445–458. (In Russian)
- Garin, E. (1965) *Khronika ital'yanskoy filosofii XX veka* [Chronicle of Italian Philosophy of the XX Century]. Moscow, 483 p. (In Russian)
- Gentile, E. (2022) *Fashizm. Istoriya i istolkovaniye* [Fascism. History and Interpretation]. Saint-Petersburg, 560 p. (In Russian)
- Gramsci, A. (1959) *Tyuremnyye tetradi* [The Prison Notebooks]. In: Gramsci, A. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. 3. Moscow, 565 p. (In Russian)
- Khlokovskiy, I.R. (1984) *Ob Italo Kal'vino, ego predkakh, istorii i o nashikh sovremennikakh* [About Italo Calvino, His Ancestors, History and Our Contemporaries]. In: Calvino, I. *Izbrannoye* [Selected writings]. Moscow, pp. 5–17. (In Russian)
- Lukacs, G. (2005) (a) *Ekzistentsializm* [Existentialism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 7, (5), pp. 23–48. (In Russian)
- Lukacs, G. (2005) (b) *Krizis burzhuznoy filosofii* [The Crisis of Bourgeois Philosophy]. *Filosofiya i obshchestvo*. (3), pp. 161–188. (In Russian)
- Panova, O.Yu. (2004) *Ot modernizma k postmodernizmu i khudozhestvennomu sintezu* [From Modernism to Postmodernism and Artistic Synthesis]. *Sovremennaya Evropa*. 1(17), pp. 130–140. (In Russian)
- Repina, L.P. (2008) *Intellektual'naya kul'tura kak marker istoricheskoy epokhi* [Intellectual culture as a marker of the historical era]. *Dialog so vremenem*. (22), pp. 5–15. (In Russian)
- Sartre, J.-P. (1990) *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is a Humanism]. In: *Twilight of the Gods*. Moscow, pp. 319–344. (In Russian)
- Scarpa, D. (1999) *Italo Calvino*. Milano. 294 p.
- Sicari, I. (2016) (Re)Defining a Literary Genre: How Italo Calvino's Postmodern (Hyper)Novels became "Philosophical Allegories" in the USSR. *Ulbundus Review*. (17) pp. 42–61.
- Slobodskoy, S.M. (1946) *Ital'yanskiy fashizm i ego krakh* [Italian Fascism and Its Collapse]. Moscow, 207 p. (In Russian)
- Weiss, B. (1993) *Understanding Italo Calvino*. Columbia, South Carolina. 244 p.

Информация об авторе

А.А. Зайцев – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и всеобщей истории Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=803852.

Information about the author

A.A. Zaitsev – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of the Archeology and General History, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=803852.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 152–157.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 152–157.

Научная статья
УДК 94(47)“195/196”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.25>

Концепция «новый человек» и проблемы ее реализации в СССР в 1950–1960-е гг. (на материалах Ленинграда)

Фёдор Кузьмич Ярмолич^{1,2}

¹Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия, f.k.1985@mail.ru

²Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени И.П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные компоненты концепции «нового человека». На материалах Ленинграда проанализированы причины, которые не позволили реализовать ее в полной мере. К одной из них относилось асоциальное поведение некоторых советских граждан в 1950–1960-е гг. При изучении предпосылок этого социального явления указываются его причины и механизм, с помощью которых советские органы управления стремились избавиться от данного элемента советской повседневности. Одним из инструментов, позволявших реализовать концепцию «нового человека» и одновременно частично решить проблему нарушения гражданами СССР общественных и правовых норм и правил, выступали учреждения культуры. Инструментарий, находившийся в их распоряжении, был значителен и многообразен. Это позволяло делать транслируемую информацию интересной для определенной части городского населения, в том числе для молодежи, среди которой доля асоциального поведения была выше, чем в других возрастных группах.

Ключевые слова: «новый человек», хулиганство, учреждения культуры, образ, Ленинград

Для цитирования: Ярмолич Ф.К. Концепция «новый человек» и проблемы ее реализации в СССР в 1950–1960-е гг. (на материалах Ленинграда) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 152–157. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.25>.

Original article

The Concept of the “New Man” and the Problems of Its Implementation in the USSR in the 1950–1960s (Based on the Materials of Leningrad)

Fedor K. Yarmolich^{1,2}

¹St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia, f.k.1985@mail.ru

²First St. Petersburg State Medical University named after I.P. Pavlova, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article discusses the main components of the concept of the “new man”. Based on the materials of Leningrad, it is proposed to analyze the reasons that did not allow it to be fully implemented. One of them was the antisocial behavior of some Soviet citizens in the 1950s and 1960s. In analyzing the prerequisites for this social phenomenon, its causes and mechanism are indicated, by means of which the Soviet authorities sought to get rid of this element of Soviet everyday life. Cultural institutions were one of the tools that made it possible to implement the concept of the “new man” and at the same time partially solve the problem of violations of social and legal norms and rules by citizens of the USSR. The tools that were at their disposal were significant and diverse. This made it possible to make the broadcast information interesting for a certain part of the urban population, including young people, among whom the percentage of antisocial behavior was higher than that of other age groups.

Keywords: “New Man”, hooliganism, cultural institutions, image, Leningrad

For citation: Yarmolich, F.K. (2022) The Concept of the “New Man” and the Problems of Its Implementation in the USSR in the 1950–1960s (Based on the Materials of Leningrad). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 152–157. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.25](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.25) (In Russian).

Построение коммунистического общества в СССР сопровождалось неудачами, просчетами и, конечно, успехами. Все это приводило к парадоксальной ситуации, когда отступление от первоначальной задачи все равно имело положительный результат. Данная противоречивость, характерная для многих сфер социальной, экономической, политической и культурной жизни СССР, проявила себя и в отношении концепции «нового человека». На материалах Ленинграда 1950–1960-х гг. предлагается проследить, какой положительный эффект оказала на общественную жизнь советского социума реализация этой концепции.

В современной историографии часть ученых высказывают точку зрения, что теоретический постулат о «человеке коммунистического завтра» разрабатывался в спешке, поэтому ему не хватило проработанности, главные его положения носили общий характер и в должной мере не объяснялись населению страны: «С “новым человеком” разобрались пока просто, хотя и исключительно теоретически. Каждый советский человек обязан стремиться к тому, чтобы стать “новым” коммунистическим человеком, а конкретные черты этого “гомо коммунистикус” пусть додумывает самостоятельно, достаточно лишь дать общее направление. В результате об образе “нового человека” было известно лишь то, что в нем должны гармонично сочетаться “духовное богатство, нравственная чистота и физическое совершенство”» (Ванюков, 2007: 156). Однако это утверждение не совсем верно. После смерти И.В. Сталина начинается пересмотр некоторых постулатов советской идеологии, в том числе идеи человека. В конце 1950-х гг. переосмысливается роль человека в меняющемся советском обществе, это находит отражение в материалах XXI съезда КПСС (1959 г.), в рамках которого руководство СССР предпринимает попытку сформулировать основные принципы будущей программы преобразования человека: «Вся идеологическая работа нашей партии и государства призвана развивать новые качества советских людей, воспитывать их в духе коллективизма и трудолюбия, социалистического интернационализма и патриотизма, высоких принципов морали нового общества, в духе марксизма-ленинизма»¹. Именно в это время в информационном пространстве Советского Союза появляется термин «новый человек».

Обозначенное на XXI съезде стремление пересмотреть содержание идеи человека в полной мере воплощается в рамках XXII съезда КПСС, в материалах которого вопросу создания «нового человека» посвящаются две отдельные главы: IV «Развитие коммунистических общественных отношений и формирование нового человека» и V «Задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры». Здесь детализация образа человека коммунистического общества достигла высшей точки. Ни до XXII съезда, ни после него такого внимания к данной проблеме в рамках съездов КПСС не уделялось. Уже материалы XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза (1966 г.)² не содержат отдельных глав, описывающих представителя будущего советского социума, все ограничивается констатацией темпов роста уровня жизни, образования и культуры населения страны. В этом отношении показательным является периодичность употребления термина «новый человек» или его эквивалентов в материалах трех съездов КПСС конца 1950-х – 1960-х гг. В рамках XXI съезда понятие «новый человек» не использовалось, но фигурировали категории «формирование человека коммунистического общества» (1 раз) или «человек будущего» (1 раз); в программных и рабочих документах XXII съезда термин «новый человек» встречается 9 раз³; а XXIII – всего единожды⁴. Более того, в материалах последнего съезда эквивалента сочетанию «новый человек», как это было в программных документах XXI съезда, нет.

Обращение к идеологической, научной, научно-популярной литературе, периодической печати и другим источникам массовой информации 1950–1960-х гг. демонстрирует, что идея «нового человека» на протяжении обозначенного периода не только детально разрабатывалась, но и активно популяризировалась. Основные компоненты концепции представляют жителя будущего коммунистического общества обладателем научного мировоззрения; всесторонне, гармонично и творчески развитой личностью; располагающим высокими морально-нравственными принципами, эстетическими представлениями и гуманистическим взглядом на мир; занимающим активную политическую и общественную позицию; совмещающим в себе идею интернационализма и советского патриотизма; признающим особую роль коллектива и трудовых отношений в своей жизни.

Воплощение перечисленных постулатов зависело от многих факторов экономического, социального, культурного и политического характера. Свою лепту в этот процесс вносило и избавление общества от случаев асоциального поведения, информация о котором не замалчивалась властью, а выносилась на общественное обсуждение как через средства массовой коммуникации (литературу, периодическую печать), так и с помощью партийных, профсоюзных и производственных собраний трудовых коллективов организаций. На заседании Ленинградского городского комитета КПСС в 1955 г. обращалось внимание на случаи хулиганства в парках и садах города⁵,

¹ О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. : доклад Н.С. Хрущева от 27 янв. 1959 г. // Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 46.

² Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза : доклад Первого секретаря ЦК товарища Л.И. Брежнева от 29 марта 1966 г. // Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.

³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 86–411.

⁴ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 87.

⁵ Протокол № 88 заседания бюро Ленинградского городского комитета КПСС от 13 июля 1955 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 70. Д. 85. Л. 7.

которые, к сожалению, не носили единичного характера, а были массовым явлением: «По официальным данным, преступность в СССР в 1950-х гг. стремительно росла, при этом большую часть зафиксированных правонарушений составляло хулиганство» (Котова, 2018: 180).

Нарушение норм общественной жизни было характерно для представителей всех возрастных категорий Ленинграда, но в наибольшей зоне риска находилась молодежь. В 1956 г. на собрании партийной организации ДК Промкооперации участники отмечали, что «вечера, танцы платные и закрытые вызывают просто горечь. Критерием качества вечера является количество разбитых стекол, количество машин из пикета. Что же делается на вечере? Надо больше внимания уделять вечерам и помочь Шилингу. Он больше внимания уделяет “контролю” – и мало бывает в зале. Нужно продавать билетов на 100–150 меньше. Быть может, сделать вечера не только для молодежи, но приглашать и людей более старшего возраста. На закрытых вечерах молодежи выступают коллективы самодеятельности – это сплошной фокстрот и душераздирающее самбо – наш контроль здесь отсутствует. Мало у нас утренников для молодежи»¹. Проблемы в поведении молодого поколения обсуждались на конференции работников клубных учреждений Ленинграда (в декабре 1956 г.): «Мы подчас в ряде институтов сталкиваемся с фактами, позорящими звание советских студентов. Отдельные студенты приходят на вечера подвыпившими, ведут себя развязно, подражают так называемым “стилягам”, грубо обращаются с девушками и т. д. Это имело место на факультетском вечере Ленгосуниверситета геологического факультета, на вечере гидрометеорологического института, на факультетском вечере Горного института»². Асоциальность в поведении фиксировалась не только в студенческой среде, но и в рядах трудовой молодежи. На совместном совещании Ленинградского областного совета профсоюза и Областного комитета ВЛКСМ (1958 г.) указывалось, что в столовых, находящихся вблизи заводов, в период получения заработной платы наблюдалась одна и та же картина: «по несколько вечеров подряд молодые рабочие завода пропивают свои зарплаты. Эти выпивки в столовой стали традицией»³.

Наступление 1960-х годов не избавило советский социум от случаев нарушений отдельными его представителями правил общественной жизни и норм законодательства: «Основным контингентом несовершеннолетних преступников являются подростки, работающие на производстве. В 1962 г. они дали 56,6 % от общего количества преступлений, совершенных несовершеннолетними; 16 % участников преступлений составили воспитанники училищ Профтехобразования, около 14 % учащихся школ РОНО. <...> Участились случаи, когда подростки, поступив на работу на предприятия, попадали под дурное влияние взрослых, имея самостоятельный заработок, начинают употреблять спиртные напитки, нарушают трудовую дисциплину, совершают преступления»⁴.

Конечно, на протяжении 1950–1960-х гг. городские власти стремились решить эту проблему, используя широкий инструментарий: от профилактических мероприятий до применения при необходимости более серьезных мер воздействия на человека, что имело положительный эффект. В частности, в Ленинграде в 1964 г. отмечалось снижение как общей преступности, так и детской⁵, но сделать из этого общий тренд в 1960-е гг., видимо, не удалось, поскольку уже в 1966 г. «преступность в Ленинграде остается высокой, медленно снижается число правонарушений, совершаемых подростками в возрасте до 18 лет. Недостаточно осуществляется профилактика правонарушений»⁶.

Список антиобщественных поступков, с точки зрения советской власти, не ограничивался только распитием алкогольных напитков, хулиганством и драками в общественных местах, к нему следует добавить и прослушивание музыки, которая не отвечала идеологическим требованиям и нормам. Это было характерно для 1950-х гг., когда на уровне центральных органов власти под-

¹ Протокол № 7 закрытого партийного собрания парторганизации Дома культуры Промкооперации от 18 дек. 1956 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 742. Оп. 5. Д. 7. Л. 144.

² Заседание секции по организации отдыха 18 дек. 1956 г. : стенографический отчет конференции работников профсоюзных клубов, домов, дворцов культуры г. Ленинград и Ленинградской области // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. р-6276. Оп. 273. Д. 75. Л. 23.

³ Стенографический отчет объединенного пленума Леноблсовпрофа и Областного комитета ВЛКСМ о повышении комсомольских и профсоюзных организаций в борьбе за здоровый быт и культуру молодежи от 23 сент. 1958 г. // Там же. Д. 314. Л. 5.

⁴ Решение Ленинградской городской комиссии по делу несовершеннолетних от 23 марта 1963 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 105. Оп. 1. Д. 1480. Л. 56.

⁵ Заседание идеологической комиссии ленинградского промышленного обкома и ленинградского горкома КПСС от 9 июля 1964 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 91. Д. 115. Л. 49.

⁶ Протокол № 3 заседания пленума Ленинградского городского комитета КПСС от 5 окт. 1966 г. // Там же. Оп. 100. Д. 16. Л. 24.

нимался вопрос о чрезмерном распространении западной песенно-танцевальной музыки. Отмечалось, что она каждый день звучала в пионерских лагерях, санаториях, домах отдыха, летних садах и парках, железнодорожных поездах, на стадионах и т. д.: «В клубах Свердловска и других городов многократно в 1952 г. исполнялись ранее запрещенные Главреперткомом... песни репрессированного композитора Хайта и других авторов; в центральной гостинице города Львова, на катках города Таллина систематически исполнялись взятые из частных источников американские грампластинки; в нескольких санаториях системы Министерства здравоохранения массовики-баянисты исполняли и разучивали упадочные песни белоэмигранта Лещенко»¹. На протяжении второй половины 1950-х гг. власти предпринимали усилия, чтобы изменить подобное положение дела, но, видимо, добиться желаемого результата им все же не удавалось. В Ленинграде в конце 1950-х гг. «в репертуаре студии <студии любителей бального танца Ленинграда. – Ф. Я.> предпочтение было отдано западным танцам (фокстрот, медленный вальс, танго), а также не рекомендованным Министерством культуры РСФСР (самба и румба). Студия превратилась в рассадник западной танцевальной культуры, не соответствующей эстетическим вкусам нашего народа и запросам советской молодежи. Ошибочная ориентация ленинградской студии бального танца нашла поддержку среди педагогов Эстонии и Латвии, а также отдельных педагогов Москвы. За последнее время между Ленинградом, Таллином и Ригой стали организовываться конкурсы по бальному танцу. В программу конкурсов, как правило, входили западные танцы (фокстрот, медленный вальс, танго), а советские бальные танцы “Русский бальный”, “Подгорка” демонстрировались только вне конкурса»².

Негативные оценки со стороны соответствующих инстанций в отношении музыкальной культуры Советского Союза продолжали появляться и в 1960-е гг. С такой же периодичностью и системностью составлялись документы, призванные изменить положение дел. Конечно, определенный эффект от нормативно-правового творчества центральных органов управления был, но вместе с этим, например, сотрудники ДК им. Ленсовета в конце 1960-х гг. отмечали: «К нам ходят много молодежи, подражающие западным “Бадры”, это гитаристы, поющие довольно пошлые и бессмысленные песенки. Все девочки начиная с 16 лет курят, во время танцев вихляния и на вечерах молодежи участники самодеятельности то же самое. ...О танцах (хали-гали), молодежь надо учить, как правильно танцевать этот танец, а запрет ни к чему доброму не приведет. К нам приходят с битсами, их очень много, им 16–18 лет, они пришли во Дворец, и молодежь их поддерживает. Мы должны их воспитывать, а не отталкивать. ...Мы отбираем лучшие песни Гитиса, стараемся отвлечь их от бульварных бессмысленных песен, приучаем к песням Дунаевского и др. советских песенников»³.

Причины, побуждающие человека нарушать правила и нормы общественной жизни, разнообразны. Свой вклад, как бы парадоксально это ни звучало, вносили и учреждения культуры, вернее – их недостаточная представленность в городской среде: «Неразвитость социально организованных форм краткосрочного досуга становится одной из причин наполнения свободного времени асоциальными и деструктивными способами проведения свободного времени» (Интеллектуальный досуг..., 2015: 61). Именно этот фактор указывается в отчете директора Ленинградского горного института Д.А. Казаковского, когда объясняется «несоветское» поведение (пьянство и драки среди студентов, нарушение правил внутреннего распорядка в учебных помещениях и общежитии) некоторых обучающихся. Директор подчеркивает, что работа по идейно-политическому воспитанию еще не отвечает задачам подготовки высококвалифицированных, всесторонне образованных и культурных специалистов, поэтому значительная часть студентов во внеучебное время не находится в сфере влияния учреждений культуры⁴. Данная причина, приводящая к деструктивному поведению, была характерна и для других возрастных категорий населения: «Именно те рабочие, которые не раз попадали в милицию и в вытрезвитель, почти никогда не бывают на лекциях и встречах с интересными людьми, не выезжают на экскурсии. Свой выходной день они в лучшем случае проводят у телевизора или в кино. Трудно поверить, но многие

¹ Об ослаблении идеологического контроля за содержанием и качеством исполнения репертуара в концертно-зрелищных учреждениях страны : записка отдела науки и культуры ЦК КПСС с согласием секретаря ЦК КПСС от 19 мая 1953 г. // Аппарат ЦК КПСС и культуры. 1953–1957. Документы / под ред. В.Ю. Афиани. М., 2001. С. 87.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 877. Л. 1, 2. Документ без названия, но его содержание позволяет определить его тип как объяснительную записку, архивистами датирован 1959 г.

³ Протокол № 4 общего открытого партийного собрания парторганизации ДК им. Ленсовета от 26 марта 1968 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 742. Оп. 5. Д. 28. Л. 10, 11.

⁴ Протокол № 18 заседания бюро Ленинградского городского комитета КПСС от 28 апр. 1954 г. // Там же. Ф. 25. Оп. 69. Д. 96. Л. 7.

из них годами не были в театре, не берут книг в библиотеках, “не представляют что им делать” в Филармонии, а некоторые ни разу в жизни не были в Эрмитаже»¹.

Негативное влияние на человека оказывало не только отсутствие музея или театра в его жизни, но и некачественное исполнение работниками учреждений культуры своих должностных обязанностей. На это указывалось в докладе секретаря горкома партии С.П. Князевой «О состоянии и мерах улучшения воспитательной работы с детьми», который был зачитан на пленуме Ленинградского городского комитета КПСС (1954 г.). В нем отмечалось, что партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации совершенно недостаточно уделяют внимания коммунистическому воспитанию детей, а горком и райкомы партии слабо контролируют это направление работы. Подчеркивалось, что недостаточное внимание всех учреждений, причастных к организации досуга детей, приводит к недисциплинированности последних в школе и на улице. Перечисленные негативные тенденции усиливало Управление культуры исполкома Ленгорсовета, допуская показ в кинотеатрах и театрах города «вредных в воспитательном отношении фильмов и спектаклей (“Черный легион”, “Тарзан”, “Королевские пираты” и др.)»².

Конечно, дворцы и дома культуры, парки и иные центры досуга советского человека допускали ошибки в работе, не всегда ответственно относились к своим обязанностям, иногда нарушали и законы Советского Союза, но вместе с этим они осуществляли большую воспитательную деятельность среди населения, стремясь приблизить посетителей к идеалу «нового человека». Для этого в их распоряжении находился значительный инструментарий: лекции, семинары, конференции, театральные постановки, тематические вечера, самодеятельность, университеты культуры и т. д. Все это позволяло популяризировать нормы и правила общественной жизни, формировать хорошие манеры, избавлять от вредных привычек и т. д.: «Отвлекать молодых людей от выпивок конкретными делами, интересными занятиями, находя путь к сердцу, желаниям каждого человека. Одного занять физкультурой и спортом, другого – художественной самодеятельностью, третьего – книгой, четвертого – рационализаторским творчеством. В дни получек надо особенно занимать молодежь – широко устраивать культпоходы в театры, клубные вечера, проводить семейные вечера в цехах и общежитиях»³.

Искоренению асоциальности поведения советского человека должен был способствовать и существующий образ «нового человека». Предполагалось, что его пропаганда среди жителей СССР создаст условия для трансформации индивида, поскольку «образ – способ взаимодействия человека и мира, посредник между сознанием человека и внешней реальностью. Образ в каком-то смысле является визуальной декларацией действительности» (Горелова, 2011: 258; 2019: 25). Неслучайно, что на протяжении 1950–1960-х гг. в массовом информационном пространстве большое внимание уделялось популяризации идеального образа советского человека через театральные постановки, кинематограф, посредством художественного панно, расположенного в районном или городском парке, и т. д.

Несмотря на прилагаемые усилия работников учреждений культуры и сотрудников других государственных, партийных и профсоюзных органов и организаций, к концу 1960-х гг. так и не удалось достигнуть идеала, который закладывался в концепцию «нового человека», изжить элементы асоциального поведения у некоторых представителей советского социума. Однако это не означало, что затраченные усилия оказались напрасны. Широкий спектр мероприятий создавал условия для преодоления асоциальных практик среди населения и предлагал идеал «нового человека», который, конечно, невозможно было реализовать в действительности, но который обладал хорошим воспитательным посылом.

Список источников:

- Ванюков Д.А. Хрущевская оттепель. М., 2007. 239 с.
 Горелова Ю.Р. Образ города в восприятии горожан. М., 2019. 153 с.
 Горелова Ю.Р. Предпосылки формирования культурологической модели исследования городской среды (наследие Н.П. Анциферова, И.М. Гревса) // Региональные архитектурно-художественные школы. 2011. № 1. С. 256–259.
 Интеллектуальный досуг как фактор устойчивого развития социально-культурной среды урбанизированной территории (на материале Красноярского края) / под ред. Е.А. Ноздренко. Красноярск, 2015. 481 с.
 Котова Е.С. Организация досуга в садах и парках Ленинграда в 1950-х гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 177–182. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.2.177-182>.

¹ Свободное время. Как лучше организовать досуг трудящихся // Вечерний Ленинград. 1966. 4 окт. С. 2.

² Протокол № 2 заседания Пленума Ленинградского городского комитета КПСС от 25 февр. 1954 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 69. Д. 35. Л. 4.

³ Стенографический отчет объединенного пленума Леноблсовпрофа ... Л. 7.

References:

- Gorelova, Yu.R. (2019) *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan [The Image of the City in the Perception of the Townspeople]*. Moscow, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. (In Russian)
- Gorelova, Yu.R. (2011) Predposylki formirovaniya kul'turologicheskoy modeli issledovaniya gorodskoj sredy (nasledie N.P. Anciferova, I.M. Greva) [Prerequisites for the Formation of a Cultural Model for the Study of the Urban Environment (the Legacy of N.P. Antsiferov, I.M. Greva)]. *Regional Architecture and Art Schools*. (1), 256–259. (In Russian)
- Kotova, E.S. (2018) The organization of leisure in the gardens and parks of Leningrad in the 1950s. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. (2), 177–182. Available from: doi:10.25513/2312-1300.2018.2.177-182 (In Russian)
- Nozdrenko, E.A. (ed.) (2015) *Intellectual'nyj dosug kak faktor ustojchivogo razvitiya social'no-kul'turnoj sredy urbanizirovannoj territorii (na materiale Krasnoyarskogo kraja) [Intellectual Leisure as a Factor in the Sustainable Development of the Socio-cultural Environment of an Urbanized Area (Based on the Material of the Krasnoyarsk Territory)]* Krasnoyarsk, SFU. (In Russian)
- Vanyukov, D.A. (2007) *Hrushchevskaya оттеpel' [Khrushchev thaw]*. Moscow, Mir Knigi. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.К. Ярмолич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени акад. И.П. Павлова, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

F.K. Yarmolich – Ph.D. of Historical Sciences, Research Associate at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the First St. Petersburg State Medical University named after I.P. Pavlov, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 158–162.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 158–162.

Научная статья

УДК 908:629.734/.735

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.26>

Этапы становления гражданской авиации на территории Северо-Кавказского края

Юлия Андреевна Лазуревская

Московский государственный технический университет гражданской авиации,
Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия, lazurevskaya88@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются этапы становления гражданской авиации на юге России в историческом процессе коммуникации управляющего центра гражданской авиации Советской России (Совет по гражданской авиации, образованный 9 февраля 1923 г.) с южным регионом. На материале эпистолярных и архивных источников определяются три основных этапа становления гражданской авиации на территории Северо-Кавказского края (1924–1934): в 1923–1925 гг. ведущую роль играли отделения Общества друзей Воздушного Флота в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Армавире, Новороссийске, Анапе, Геленджике, Сочи, Туапсе; в 1925–1932 гг. ведущая роль принадлежит Северо-Кавказской краевой конторе «Укрвоздухпуть»; в 1932–1934 гг. региональную инфраструктуру поглощает «Аэрофлот», от которого в 1934 г. отделяется Северо-Кавказский отдельный авиаотряд спецприменений и местных воздушных линий Гражданского воздушного флота. Автор прослеживает, как усложнение форм социальной коммуникации обретает организационные формы и воплощается в региональной авиатранспортной системе.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, гражданская авиация, этапы становления, социальная коммуникация, социокультурная динамика, прогресс общественных отношений, прогресс социальной коммуникации, успех социальной коммуникации

Для цитирования: Лазуревская Ю.А. Этапы становления гражданской авиации на территории Северо-Кавказского края // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 158–162. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.26>.

Original article

Stages of Formation of Civil Aviation on the Territory of the North Caucasus Krai

Yulia A. Lazurevskaya

Moscow State Technical University of Civil Aviation, Rostov branch,
Rostov-on-Don, Russia, lazurevskaya88@mail.ru

Abstract. The article defines the stages of the formation of civil aviation in the south of Russia in the historical process of communication between the managing center of civil aviation of Soviet Russia (the Council for Civil Aviation, formed on February 9, 1923) and the southern region. Based on epistolary and archival sources, there are three main stages of the formation of civil aviation on the territory of the North Caucasus region (1924–1934): in 1923–1925 the leading role was played by the branches of the Society of Friends of the Air Fleet in Rostov-on-Don, Krasnodar, Armavir, Novorossiysk, Anapa, Gelendzhik, Sochi, Tuapse; in 1925–1932 the leading role belonged to the North Caucasian regional office “Ukrvozdukhput”; in 1932–1934 the regional infrastructure was taken up by Aeroflot, from which the North Caucasian independent air squadron for special use and local air lines of the Civil Air Fleet is separated in 1934. The author traces how the complication of social communication led to the development of the organizational forms and was embodied in the regional air transport system.

Keywords: North Caucasian Krai, civil aviation, stages of formation, social communication, sociocultural dynamics, progress of public relations, progress of social communication, success of social communication

For citation: Lazurevskaya, Yu.A. (2022) Stages of Formation of Civil Aviation on the Territory of the North Caucasus Krai. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 158–162. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.26](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.26) (In Russian).

Актуальность уточнения этапов становления гражданской авиации на юге России обусловлена необходимостью представить региональный аспект в истории развития гражданской авиации.

В литературе, посвященной истории гражданской авиации, не существует единого унифицированного подхода. Как значимый элемент технологического развития гражданская авиация рассматривается в качестве примера усложняющихся со временем инженерно-технических изобре-

ний (Карпова, 2020; Зобов, Крюкова, 2022). Соответственно, периодизация развития авиации увязывается с этапами технологического развития. Изучается гражданская авиация и в качестве существенного элемента транспортной системы (Саболин, 2003; Tsui et al., 2018; Кузьмина, Хоанг, 2018), что ведет к переоценке значимости исторических событий и логике их последовательности. От выбранного исследовательского аспекта зависит значимость рубежных исторических дат.

В последнее время значительно ширится корпус региональных исследований гражданской авиации, в которых, как правило, объект исследования (гражданская авиация) четко не формулируется, а полагается некоторым известным историческим феноменом, на элементе которого и акцентируется исследовательское внимание. Между тем от того, какой именно объект (часть исторической реальности) берется во внимание, зависит справедливость характеристики значимых исторических событий.

Так, к примеру, установленный президентским указом День работника гражданской авиации России (с 9 февраля 2013 г.) привязан к дате Постановления Совета Труда и Оборона РСФСР «О возложении технического надзора за воздушными линиями на Главное управление воздушного флота и об организации Совета по гражданской авиации» (9 февраля 1923 г.). Впервые в официальном документе прозвучал не только термин «гражданская авиация», но и посредством описания функций надзора, закрепленных за Советом по гражданской авиации, определено его содержание. Однако, этот документ не свидетельствует о наличии развитой сети авиационной транспортной системы. Известен лишь единственный маршрут (Москва – Смоленск – Ковно (Каунас) – Кенигсберг – Берлин), по которому достаточно регулярно доставлялись грузы и пассажиры. Транспортную систему, включавшую бы разветвленную сеть оборудованных для регулярных полетов аэродромов, еще предстояло создать. Иными словами, идея надзора за воздушными линиями предшествует возникновению самих воздушных линий.

В целях преодоления разночтений можно воспользоваться определением В.П. Шенкина, понимающего авиацию как специфическую сферу общественных отношений, обеспечивающую полеты аппаратов тяжелее воздуха в пределах земной атмосферы, производство и эксплуатацию самих летательных аппаратов и необходимую инфраструктуру, работоспособность специализированных организационных структур, подготовку необходимых специалистов для производства и эффективной эксплуатации авиационной техники (Лазуревская, 2019: 98). Теория социокультурной динамики А.С. Ахиезера, где исторический процесс трактуется как постоянный *диалог* (коммуникационное взаимодействие) управляющего центра (центров) и периферии, который позволяет обществу свою историю и себя делать предметом созидательной деятельности (Ахиезер, 2008: 51), на наш взгляд, может усилить понятие общественных отношений, привязанное в марксистской трактовке исключительно к обеспечению производства и потребления материальных благ. Символические блага (такие как свобода, прогресс, знание, обычаи, опыт и проч.) включены А.С. Ахиезером в источник исторического процесса: в социальную коммуникацию, которая и обеспечивает общественные отношения производства и потребления. Существенным дополнением является включение в сферу общественных отношений социокультурного процесса символизации успеха (Бакуменко, 2015, 2021: 358–375, 2021). В социальной коммуникации центром выступает субъект, способный генерировать идеи (символы успеха), реализуемые периферией в рамках жизнедеятельности. При этом далеко не все идеи получают конкретное материальное воплощение, формируя общество (Бакуменко, Лугинина, 2022).

Для нашего исследования существенно, что прогресс общества (исторический процесс) увязывается не с эволюцией социальных формаций, а с усложнением форм социальной коммуникации, в число которых попадает и транспортная система. Усложнение транспортной системы является логичным следствием усложнения коммуникации управляющего центра, генерирующего символы успеха, и периферии, регулирующей этими символами свою созидательную деятельность.

Объектом нашего исследования является исторический процесс коммуникации управляющего центра гражданской авиации Советской России (Совет по гражданской авиации, образованный 9 февраля 1923 г.) с южным регионом, центром которого с 1925 г. утверждается Ростов-на-Дону. Предмет нашего внимания – этапы становления гражданской авиации на юге России.

Территориальные рамки исследования ограничены территорией Северо-Кавказского края (1924–1934), куда входили Кабардино-Балкарская АО, Карачаево-Черкесская АО, Чеченская АО, Адыгейская АО, Ингушская АО, Северо-Осетинская АО, Черкесская АО, Карачаевская АО, а также 12 округов: Армавирский, Донской, Донецкий, Кубанский, Морозовский, Майкопский, Сальский, Ставропольский, Таганрогский, Терский, Черноморский и Шахтинский.

Цель исследования – определить значимые этапы становления гражданской авиации на юге России.

Для достижения цели проанализированы эпистолярные¹ и архивные² источники, включая подшивку региональных газет «Молот», «Кубанский курьер», «Отклики Кавказа»³, на страницах которых сохранились свидетельства об общественном резонансе первых показательных полетов в Екатеринодаре, Армавире, Ростове-на-Дону.

Получены следующие результаты.

Одновременно с организацией Совета по гражданской авиации (1923) по инициативе советского руководства активно начинает работать общественная организация Общество друзей Воздушного Флота (ОДВФ), занимавшаяся помимо пропаганды авиации сбором средств на ремонт и строительство самолетов и аэродромов. Отделения ОДВФ с 1923 г. появляются в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Армавире, Новороссийске, Анапе, Геленджике, Сочи, Туапсе. Создавались любительские аэроклубы, изучавшие и пропагандировавшие на общественных началах азы летного, навигационного и авиа-инженерного дела. Они стали опорой первых акционерных обществ «Добролет» (РСФСР), «Укрвоздухпуть» (Украина), «Закавиа» (Закавказье). Им принадлежит заслуга создания региональной гражданской авиации: строительство и восстановление простейших аэродромов, комплектация из сохранившихся и восстановленных машин авиапарка на базе иностранных марок «Дорнье-Комета-3», «Дорнье-Меркурий», «Фоккер-2», «Д. Ховеляд», «Юнкерс-Э-13», запуск первых воздушных линий на юге России и Кавказе.

В Ростове-на-Дону в 1925 г. образуется Северо-Кавказская краевая контора «Укрвоздухпуть», открывшая регулярные почтовые и грузопассажирские перевозки 15 июня 1925 г. по линии Ростов-на-Дону – Харьков – Москва.

В 1930 г. компания «Укрвоздухпуть» стала использоваться радиосвязь. К этому году оборудованы примитивные аэродромы в Махачкале, Элисте, Грозном и Минеральных Водах, вошедшие в транспортную систему региона. В этом же году «Добролет» преобразован во Всесоюзное объединение Гражданского воздушного флота при Совете труда и обороны (ВО ГВФ). Соответственно, «Укрвоздухпуть» и «Закавиа» становятся региональными операторами всесоюзного объединения. Северо-Кавказский регион вошел в число первых двенадцати регионов, где было принято решение создать орган территориального управления гражданской авиацией, подразделение Главного Управления ГВФ в Ростове-на-Дону – Азово-Черноморско-Кавказское Управление ГВФ (АЧКУ ГВФ).

С образованием Азово-Черноморско-Кавказского Управления ГВФ на Северном Кавказе начинается новый этап развития гражданской авиации. Авиационный парк обновляется отечественными самолетами, что улучшает качество обслуживания пассажиров, завершается строительство аэропортов в крупных городах региона, создаются профессиональные союзы авиаработников. На территории Северного Кавказа в начале 1930-х гг. формируются крупные аэропортовые комплексы, завершается строительство аэропортов в городах Минеральные Воды, Грозный, Махачкала, Пятигорск, Краснодар, Белореченская, Орджоникидзе, Миллерово, расширяется сеть воздушных сообщений внутри региона и за его пределами.

В 1932 г. ВО ГВФ учреждает «Аэрофлот» – крупную государственную корпорацию СССР, поглотившую в административном порядке всю гражданскую авиационную инфраструктуру страны: авиастроительные предприятия, аэропорты со всем техническим оснащением и ремонтными мастерскими, весь авиапарк, учебные заведения и, соответственно, персонал.

В 1934 г. на базе АЧКУ ГВФ формируется подразделение Главного Управления ГВФ в Ростове-на-Дону – Северо-Кавказский отдельный авиаотряд спецприменений и местных воздушных линий ГВФ.

Проанализированные источники позволяют сделать вывод, что на территории Северо-Кавказского края (1924–1934) гражданская авиация переживает три значимых этапа становления, отличающихся организацией основных субъектов социальной коммуникации, непосредственно вовлеченных в развитие отрасли:

1923–1925 гг. – характеризуются активностью Общества друзей Воздушного Флота в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Армавире, Новороссийске, Анапе, Геленджике, Сочи, Туапсе.

¹ Воздушный флот. История и организация военного воздухоплавания / ред. Н. М. Глаголев. Петроград: Сытин, 1915; Рябушинский Д.П. Аэродинамический институт в Кучине: 1904–1914. М., 1914.

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2709. Северо-Кавказская краевая контора «Укрвоздухпуть». Оп.1 Д. 3, Д. 7, Д.10, Д. 5.; Там же. Р-3364 Первая объединенная школа пилотов и авиотехников Главного управления гражданского военного флота, 1933-1939 гг. Оп.1 Д. 3, Д. 9.; Там же. Р-2089. Авиационные экспериментальные мастерские при Азово-Черноморском краевом совете ОСОВИАХИМа, г. Ростов-на-Дону, 1935-1936 гг. Оп.1 Д.1, Д. 2, Д. 3.; Там же. Р-1485. Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся (Азчеркрайисполком), г. Ростов-на-Дону, 1924-1937 гг. Оп.1. Д. 645, Д. 655, Д. 660 и т. д.

³ Молот. 1925. 7 июня, 12 июня, 14 июня, 17 июня, 18 июня, 23 июня, 2 июля.; Кубанский курьер. 1910. 20 октября, 21 октября.; Отклики Кавказа. Армавир 1913. № 65, № 118, № 167, № 172, № 232, № 239.

На этом этапе организуются акционерные общества «Добролет», «Укрвоздухпуть» и «Закавиа», начинается восстановление аэродромов и авиатехники;

1925–1932 гг. – в Ростове-на-Дону образуется Северо-Кавказская краевая контора «Укрвоздухпуть», открывшая регулярные почтовые и грузопассажирские перевозки, ставшая региональным оператором Всесоюзного объединения ГВФ, заложившая сеть региональных аэропортов в Ростове-на-Дону, Минеральных Водах, Грозном, Махачкале, Пятигорске, Краснодаре, Белореченской, Орджоникидзе, Миллерово, а также Азово-Черноморско-Кавказское Управление ГВФ (АЧКУ ГВФ);

1932–1934 гг. – «Аэрофлот» в административном порядке поглощает созданную региональными компаниями и общественными организациями инфраструктуру, на базе АЧКУ ГВФ формируется подразделение Главного Управления ГВФ в Ростове-на-Дону – Северо-Кавказский отдельный авиаотряд спецприменений и местных воздушных линий ГВФ.

Выбранный нами подход позволил проследить, как усложнение форм социальной коммуникации обретает конкретные организационные формы и воплощается в материальных формах авиатранспортной системы. Успешность социальной коммуникации, таким образом, заключается в способности общества решать сложные задачи преобразования действительности, требующие управления коллективной деятельностью. Социальный прогресс с этой точки зрения характеризуется усложнением форм социальных связей, позволяющим концентрировать коллективные усилия в общем направлении развития.

Список источников:

- Ахиезер А.С. Россия. Критика исторического опыта: социокультурная динамика России / Ин-т философии РАН. М., 2008. 934 с.
- Бакуменко Г.В. Символизация успеха в экономике свободного времени // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. М., 2021. С. 358–375.
- Бакуменко Г.В. Социокультурный процесс символизации успеха как предмет исследования // Человек и культура. 2015. № 3. С. 41–55.
- Бакуменко Г.В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М., 2021. 276 с.
- Бакуменко Г.В., Лугинина А.Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 265–293.
- Зобов П.В., Крюкова Е.А. Гражданская авиация: история и перспективы развития на основе анализа инновационной трансформации технологических укладов // Оригинальные исследования. 2022. Т. 12. № 3. С. 46–54.
- Карпова Л.И. Основоположник мировой авиации – Сикорский Игорь Иванович // Вестник науки и образования. 2020. № 13-1 (91). С. 37–39.
- Кузьмина Л.В., Хоанг В.Х. История возникновения и развитие мирового рынка гражданской авиации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 167–170.
- Лазуревская Ю.А. Предпосылки становления гражданской авиации на Юге России // Наследие веков. 2019. № 4 (20). С. 97–105.
- Саболин В.А. Состояние гражданской авиации – один из показателей могущества государства (к юбилею отечественной гражданской авиации) // Вестник транспорта. 2003. № 2. С. 5–12.
- Tsui K.W.H., Chi-Lok Yuen A., Ka Yiu Fung, M. Maintaining competitiveness of aviation hub: Empirical evidence of visitors to China via Hong Kong by air transport // Current Issues in Tourism. 2018. Vol. 21, iss. 11. P. 1260–1284.

References:

- Akhiezer, A.S. (2008) *Russia. Criticism of Historical Experience: Sociocultural Dynamics of Russia*. Moscow. 934 p. (In Russian)
- Bakumenko, G.V. (2021) *Value Dynamics of Symbols of Success: Based on Film Distribution Statistics*. Moscow. 276 p. (In Russian)
- Bakumenko, G.V. (2021) Symbolization of Success in the Economy of Free Time. In: *Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony*. Moscow, Heritage Institute, pp. 358–375. (In Russian)
- Bakumenko, G.V. (2015) Sociokul'turnyj process simvolizacii uspekha kak predmet issledovaniya [Sociocultural Process of Success Symbolization as a Subject of Research]. *Chelovek i kultura*. 3, 41–55. (In Russian)
- Bakumenko, G. & Luginina, A. (2022) Virtualization of the Socio-Cultural Frontier "Tertius Romae". *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 7 (1), 265–293. (In Russian)
- Karpova, L.I. (2020) The Founder of World Aviation - Igor Ivanovich Sikorsky. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 13-1(91), 37–39. (In Russian)
- Kuzmina, L.V. & Hoang, V.H. (2018) History of Initiatives and Development of the World Market of Civil Aviation. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 5 (113), 167–170. (In Russian)
- Lazurevskaya, Yu.A. (2019) The Background of the Formation of Civil Aviation in the South of Russia. *Naslediye vekov*. 4 (20), 97–105. (In Russian)
- Sabolov, V.A. (2003) Sostoyaniye grazhdanskoj aviatsii – odin iz pokazatelej mogushchestva gosudarstva (k yubileyu otechestvennoj grazhdanskoj aviatsii) [The State of Civil Aviation is One of the Indicators of the Power of the State (to the Anniversary of Domestic Civil Aviation)]. *Vestnik transporta*. 2, 5–12. (In Russian)
- Tsui, K.W.H., Chi-Lok, Yuen A. & Ka Yiu Fung, M. (2018) Maintaining competitiveness of aviation hub: Empirical evidence of visitors to China via Hong Kong by air transport. *Current Issues in Tourism*. 21(11), 1260–1284.
- Zobov, P.V. & Kryukova, E.A. (2022) Grazhdanskaya aviatsiya: istoriya i perspektivy razvitiya na osnove analiza innovatsionnoj transformatsii tekhnologicheskikh ukladov [Civil Aviation: History and Prospects of Development Based on the Analysis of Innovative Transformation of Technological Modes]. *Originalnye issledovaniya*. 12(3), 46–54. (In Russian)

Информация об авторе

Ю.А. Лазуревская – старший преподаватель кафедры Социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА), Ростов-на-Дону, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=812240.

Information about the author

Yu.A. Lazurevskaya – Senior Lecturer of the Department of Social and Economic Disciplines, Rostov branch of the Moscow State Technical University of Civil Aviation (MSTU CA), Rostov-on-Don, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=812240.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 163–171.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 163–171.

Научная статья

УДК 327(81)

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.27>

Внешняя политика Бразилии при Ж. Болсонару: смена парадигмы?

Юлия Андреевна Тимофеева

МГИМО МИД России, Москва, Россия,

timofeeva.yu.a@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-0520>

Аннотация. Дипломатическая традиция Бразилии предполагает ее становление в качестве державы с глобальными интересами. Приход к власти правого консервативного политика из военных кругов Жаира Болсонару ознаменовал собой резкую смену внешнеполитического курса: наблюдается временный отказ от великодержавных амбиций в ущерб национальным интересам, что особенно проявилось в связи с пандемией коронавируса. В статье освещаются теории, оказавшие большое влияние на формирование внешней политики Бразилии, а также основные принципы ее дипломатии, закрепленные в базовых внешнеполитических документах. Далее исследуется преломление этих принципов на практике при помощи таких методов как case-study и историко-сравнительный. Автор приходит к выводу, что большинство политических проектов Ж. Болсонару рушит наследие его предшественников, которые успешно поставили Бразилию на путь страны с великодержавными амбициями. Тем не менее нельзя игнорировать наметившуюся корректировку внешнеполитического курса, которую ярко продемонстрировали политические шаги руководства страны в связи с событиями в Украине в феврале 2022 г. Это позволяет полагать, что Бразилия может вернуться к концептуальным основам своей внешней политики в ближайшем будущем.

Ключевые слова: дипломатическая традиция, внешняя политика Бразилии, теория зависимости, теория десарролизма, вакцинная дипломатия, президентские выборы

Для цитирования: Тимофеева Ю.А. Внешняя политика Бразилии при Ж. Болсонару: смена парадигмы? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 163–171. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.27>.

Original article

Brazilian Foreign Policy under J. Bolsonaro: Paradigm Shift?

Yulia A. Timofeeva

MGIMO University, Moscow, Russia,

timofeeva.yu.a@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-0520>

Abstract. Brazilian diplomatic tradition implies its becoming a power with global interests. When Jair Bolsonaro, a right-wing conservative president and retired military officer, came to power, he has dramatically changed foreign policy of the country by abandoning great power ambitions in defiance of national interests, which became apparent during the coronavirus crisis. The author views theories underlying Brazil's foreign policy, as well as its main diplomatic principles. Furthermore, it is shown how they work in practice with the help of such methods as case-study and comparison. The author concludes that most of Bolsonaro's political projects ruin the legacy of his predecessors who succeeded in making Brazil a country with great power ambitions. Nonetheless, one cannot ignore adjustments in foreign policy of the Republic amidst developments in Ukraine in February 2022. Consequently, Brazil is likely to return to basics of its foreign policy in the near future.

Keywords: diplomatic tradition, Brazilian foreign policy, dependency theory, desarrollo theory, vaccine diplomacy, presidential elections

For citation: Timofeeva, Yu.A. (2022) Brazilian Foreign Policy under J. Bolsonaro: Paradigm Shift? *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 163–171. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.27](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.27) (In Russian).

Приход к власти в Бразилии консервативного президента из военных кругов – Жаира Болсонару (с 2019 г.) – ознаменовал собой «правый поворот» во внешней политике страны и отклонение от традиционных принципов дипломатии, которая предполагает её укрепление в качестве региональной державы и становление в качестве глобальной. Большую часть президентского срока Ж. Болсонару демонстрировал временный отказ от великодержавных амбиций в ущерб национальным интересам республики. Возможно, корень проблемы лежит во внутривнутриполитической борьбе за власть, а также в том влиянии, которое оказывают на президента различные

лобби-группы¹. Даже исторически независимое Министерство иностранных дел оказалось втянутым в закулисные игры. Проиллюстрируем данное утверждение примером, который приводит бразильский дипломат Паулу Роберту Алмейда в отношении соседней Венесуэлы. Из-за идеологических разногласий Болсонару не признаёт законным президентом этой страны представителя левых сил Николаса Мадуро. В этой связи бразильским дипломатам было поручено обращаться к Хуану Гуайдо как к законному главе венесуэльского государства (Almeida, 2019: 20).

Для понимания базовых принципов бразильской дипломатии и их преломления в свете современных событий обратимся к анализу ключевых понятий и теорий, оказавших влияние на развитие бразильской внешней политики; при помощи историко-сравнительного метода выявим сходства и различия во внешнеполитических подходах бразильских президентов Лулы да Силвы и Ж. Болсонару; при помощи case-study рассмотрим отдельные случаи нарушения или, наоборот, следования некоторым теоретическим моделям при проведении в жизнь внешней политики.

Период Великой депрессии 1930-х гг. и последствия Второй мировой войны спровоцировали трансформации в странах Латинской Америки, в том числе и в Бразилии. Протекционизм капиталистических стран стал катализатором перехода в этой стране от либерально-консервативной парадигмы к «парадигме национального развития» (Santos, 2015: 17; Cervo, 2003: 10). При этом под парадигмой, согласно бразильскому историку Л. Серву, понимается существование национальной идеи, которая транслируется остальному миру; национальных интересов, которые могут меняться с переходом к другой парадигме; разработка соответствующего политического курса в средне- или долгосрочной перспективе (Cervo, 2008: 65).

С 1930-х гг. национальное развитие стало ключевым элементом внешней политики Бразилии, сквозь призму которого можно рассматривать историю этой страны². В те периоды, когда национальное развитие было главенствующим принципом внешней политики, дипломатия понималась как инструмент экономической экспансии (Cervo, Bueno, 2008: 380).

На выработку бразильской внешней политики большое влияние оказали две теории, возобладавшие во второй половине XX в.: теория зависимости и теория десаррольизма (или «национального развития») (Cervo, 2008: 16; Santos, 2015: 17). «Энтрэгисты» (от португальского глагола «entregar» – вручать, отдавать) предполагали, что развитие страны должно осуществляться в контексте автоматического равнения на США во многих внешнеполитических и экономических вопросах. Они рассматривались как источник обеспечения безопасности и национального развития. Приветствовались открытость Бразилии для иностранного капитала и отсутствие протекционистских мер. К президентам, придерживавшимся этой точки зрения, причисляют Эурисию Гаспара Дутру (1946–1950), Кастелу Бранку (1964–1967), Фернанду Колора ди Мелу (1990–1992) (Cervo, 2008: 74).

Приверженцы второй теории выступали за принцип универсализма, который лег в основу Независимой внешней политики (НВП, 1961–1964), а также курс «ответственного прагматизма» военного президента Эрнесту Гейзела (1974–1979). В экономическом плане теория десаррольизма предлагала диверсификацию связей, импортозамещение, ограничения на ввоз иностранного капитала. Внешняя политика имела целью создание нового мирового экономического порядка, поэтому особую важность приобретали отношения со странами третьего мира. В центре внимания теоретиков оказались растущие асимметрии между Бразилией и США из-за различий в экономических моделях. Бразилия стремилась экспортировать промышленные товары, в том время как США были заинтересованы в импорте сырья. Равнение на Вашингтон означало бы закрепление такой модели экономических отношений, поэтому требовалось отступление от приоритетных отношений с северным соседом (Cervo, 2008: 18). К сторонникам теории десаррольизма принадлежали президенты Жетулио Варгас (1930–1945, 1950–1954), Жуау Гуларт (1961–1964), Эрнесто Гейзел (1974–1979). Их же взглядами вдохновлялся бывший президент Бразилии (2003–2010) и кандидат на президентских выборах в октябре 2022 г. Лула да Силва.

Получив развитие во второй половине прошлого века, эти идеи продолжают оказывать влияние на внешнюю политику и дипломатию Бразилии сегодня. Ж. Болсонару – сторонник тесных взаимоотношений с США, и впервые со времен военного режима Бразилия почти полностью подчиняется их воле (Хван, 2020: 82). Особенно ярко это проявилось во время нахождения в Белом доме Дональда Трампа. Симпатия Ж. Болсонару к Д. Трампу взаимна, что доказывают слова последнего: «Болсонару и я стали отличными друзьями за последние несколько лет»³. Помимо лич-

¹ Ошибка президента. Гид по сильнейшему с 2016 года политическому кризису в Бразилии [Электронный ресурс] // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oshibka-prezidenta-gid-posilneyshemu-s-2016-goda-politicheskomu-krizisu-v-brazilii/?sphrase_id=81219476 (дата обращения: 14.07.2022).

² Борзова А.Ю. Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешнеполитического курса страны в 1902–2014 гг.: дисс. ... д-ра истор. наук. М., 2016. С. 148.

³ Trump Endorses His Legacy [Электронный ресурс] // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/10/donald-trump-jair-bolsonaro/620504/> (дата обращения: 14.07.2022).

ной симпатии к Трампу, президент Бразилии следует в русле американской внешней политики, зачастую в ущерб национальным интересам. Наиболее яркий пример связан с решением бразильского руководства отказаться от преференциального подхода во Всемирной торговой организации (ВТО) в обмен на поддержку США при вступлении Бразилии в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹. Получение преференциальных прав в сфере торговли было делом не одного бразильского президента, начиная с Ж. Гуларта (1961–1964) и заканчивая Лулой (Ligiéro, 2011). Иронично, что в письме в адрес ОЭСР Соединенные Штаты в первую очередь выразили поддержку региональному конкуренту Бразилии – Аргентине². На вступлении в ОЭСР Ж. Болсонару мог бы заработать политические очки, чтобы компенсировать неудачи из-за нератифицированного Договора о зоне свободной торговли между МЕРКОСУР и ЕС от 2019 г.³

В качестве еще одной односторонней уступки США со стороны бразильского руководства можно рассматривать решение последнего расширить безналоговые квоты на импорт этанола. 99,7 % этанола, импортируемого Бразилией, приходится на США⁴. В ответ ожидалось, что американцы освободят от пошлин свой рынок сахара, однако этого не произошло. Напротив, на фоне кризиса американской металлургической промышленности в августе 2020 г. США ввели квоты на импорт бразильской стали⁵.

Помимо того, что Ж. Болсонару действует в русле автоматического равнения на США, он, как и его первый министр иностранных дел Эрнесто Араужу, не придерживается базовых принципов традиционной бразильской дипломатии. Эти принципы сформировались в конце XIX – начале XX вв., когда министром иностранных дел Бразилии был барон Рио Бранко (1902–1912). Он ставил перед собой следующую задачу: достижение национального величия Бразилии и ее активное участие в превращении Латинской Америки в один из центров мировой политики на основе принципа «дипломатия выше политики»⁶ (Barão do Rio Branco..., 2012). Проиллюстрируем этот принцип примером. Имея разногласия с сенатором от штата Баия Руем Барбозой по поводу территориального спора с Боливией из-за области Акри, Рио Бранко доверил ему участие во второй Гаагской конференции, завершившейся для Бразилии полным успехом.

Барону удалось урегулировать все территориальные споры Бразилии, заложив основу главных принципов внешней политики страны – мирное сосуществование с соседями, мирное разрешение споров и невмешательство в дела других государств. Они закреплены на правовом уровне: в Конституции⁷, Стратегии национальной обороны⁸, Белой книге национальной обороны⁹ и Политике национальной обороны¹⁰.

Немаловажную роль в понимании бразильской внешней политики играет взаимосвязь между позиционированием республики национальными политическими лидерами и её восприятием соседними государствами. С 1960-х гг., когда получили импульс интеграционные процессы в Латинской Америке, опора на региональную интеграцию рассматривалась бразильским руко-

¹ Brasil aceita pressão dos EUA e renuncia a tratamento especial na OMC [Электронный ресурс] // Veja. URL: <https://veja.abril.com.br/politica/brasil-aceita-pressao-dos-eua-e-renuncia-a-tratamento-especial-na-omc/> (дата обращения: 14.07.2022).

² U.S. backs Brazil for OECD membership, but Argentina first [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-oecd-usa-idUSKBN1WP2MD> (дата обращения: 14.07.2022).

³ New EU-Mercosur trade agreement: The agreement in principle [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2019/june/tradoc_157964.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ Produtores do Nordeste temem medida de Bolsonaro que amplia importação de etanol sem tarifa [Электронный ресурс] // G1. URL: <https://g1.globo.com/economia/agronegocios/noticia/2019/09/04/produtores-do-nordeste-temem-medida-de-bolsonaro-que-amplia-importacao-de-etanol-sem-tarifa.ghtml> (дата обращения: 14.07.2022).

⁵ Trump Announces Cut to 2020 Steel Import Quota From Brazil [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-08-29/trump-announces-cut-to-2020-quota-on-steel-imports-from-brazil> (дата обращения: 14.07.2022).

⁶ Мартынов Б.Ф. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко – великий дипломат Латинской Америки. М., 2004. С. 46.

⁷ Constituição da República Federativa do Brasil de 1988 [Электронный ресурс] // Presidência da República do Brasil. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (дата обращения: 14.07.2022).

⁸ Estratégia Nacional da Defesa. 2ª edição [Электронный ресурс] // Ministério da Defesa do Brasil. URL: http://apps.unesp.br/renee/documento/imagens/m11_u12_23042014-22-08-06.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

⁹ Livro Branco de Defesa Nacional [Электронный ресурс] // Ministério da Defesa do Brasil. URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/arquivos/estado_e_defesa/livro_branco/livrobranco.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

¹⁰ Decreto Nº 5.484, De 30 de junho de 2005 [Электронный ресурс] // Presidência da República do Brasil. Casa Civil. Subchefia para Assuntos Jurídicos. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2004-2006/2005/decreto/d5484.htm (дата обращения: 14.07.2022).

водством как способ увеличить свой вес в мировых процессах. В 1970-е гг. в Бразилии развивалась тяжёлая промышленность, и большое количество автомобилей экспортировалось в соседние страны, так как внутренний рынок не справлялся с предложением. Другие латиноамериканские республики экспортировали в Бразилию сырьё и сталкивались с проблемами при входе на её рынок. В 1990-е гг. на повестку дня вернулась идея о том, что Южная Америка – сфера влияния Бразилии. Однако исторический опыт заставил соседние страны отнестись к активной деятельности Бразилии в регионе с определённой долей скептицизма.

Скептицизм по отношению к бразильскому лидерству привёл к возникновению теории «субимпериализма» экономиста и политолога Руя Мауру Марини, который расценивал поведение Бразилии как регионального империалиста, преследующего экономический интерес (Marini, 1977). Аналогичной точки зрения придерживается исследователь Антониу Карлуш Пейшото. По его мнению, Бразилия является субимпериалистом в Южной Америке с 1980-х гг. (Peixoto, 1980: 343). С. Аморим, министр иностранных дел при президентстве Лулы, напротив, подчёркивал, что у Бразилии нет лидерских претензий, если лидерство подразумевает любого рода гегемонию¹. В целях минимизации конфликтности Лула мог тактически идти на уступки своим соседям для достижения стратегической цели – превращения Бразилии в глобального игрока с опорой на региональную интеграцию (Мартынов, 2014: 24). Так, в 2008 г. президент Парагвая Фернандо Луго обвинил Бразилию и Аргентину в экономической эксплуатации своей страны. В ответ Бразилия в три раза увеличила цену на импорт электроэнергии и создала фонд по финансированию инфраструктуры Парагвая (Rojas, Arce, 2009: 19).

В современной истории Бразилии Лула да Силва обладал наибольшими амбициями в придании ей важности на мировой арене. Он говорил, что «XIX век был веком Европы, XX – веком США, а XXI станет веком Бразилии» (Мартынов, 2010: 43). Внешняя политика Лулы была настолько динамичной, что вошла в историю как «активная и амбициозная» (*“ativa e altiva”*)². В основе стратегии Лулы лежала идея о том, что новыми акторами многополярного мира должны быть восходящие развивающиеся страны (*“potências emergentes”*), которые, действуя сообща, смогут противостоять Западу (Lima, 2005).

В правительственной программе Ж. Болсонару внешней политике было уделено мало внимания³. Приоритетными для сотрудничества странами были названы США, Израиль и Италия, что свидетельствует о прозападной ориентации главы бразильского государства, а положение о необходимости укрепления двусторонних отношений отражает его анти-глобалистскую позицию. Для сравнения, в предвыборной программе Лулы 2002 г. содержалось 12 пунктов внешнеполитической повестки, где политика рассматривалась как инструмент национального развития и обеспечения суверенного положения Бразилии в мире⁴.

Несмотря на отсутствие обширной внешнеполитической программы, от Болсонару исходило намерение сделать Бразилию «великой державой» (Бразилия: смена приоритетов..., 2019: 74). Возможно, президент последовал примеру Трампа с лозунгом *“Make America great again”* или апеллировал к проекту «Великой Бразилии» Высшей военной школы и к военному режиму 1964–1985 гг. – тем страницам истории, которыми он часто вдохновляется.

В стремлении сделать Бразилию великой Болсонару нарушает традиционные дипломатические принципы, например, в отношении соседней Венесуэлы. Признавая законным президентом Хуана Гуайдо, а не «диктатора»⁵ Николаса Мадуро, в знак поддержки США бразильский лидер не исключал военных действий против Каракаса (Сударев, 2019: 8). При этом сама вероятность использования силовых методов противоречит дипломатическим традициям Бразилии, которая была посредником в конфликте с Боливией из-за Акри (1899–1903), Чакской войне между Боливией и Парагваем (1932–1935). В 1999 г. Группа Рио, куда входит Бразилия, осудила действия НАТО в Косово (Дабагян, 2000: 119), а в 2003 г. выступила против вторжения США в Ирак (Мартынов, 2010: 46).

¹ da Silva, L.I.L.; Amorim, C.; Guimarães, S.P. A política externa do Brasil. Brasília, 2003. P. 77.

² Zilla C. Brazil's Foreign Policy under Lula: SWP Research Paper. Berlin, 2017. P. 8 [Электронный ресурс] // Stiftung Wissenschaft und Politik. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2017RP02_zll.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

³ Plano Bolsonaro 2018 [Электронный ресурс] // Veja. URL: <https://veja.abril.com.br/wp-content/uploads/2018/10/plano-de-governo-jair-bolsonaro.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ Candidatos à presidência – Lula. Programa de Governo PT [Электронный ресурс] // Folha de S. Paulo. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/fofha/especial/2002/eleicoes/candidatos-lula-programa-01-02.shtml> (дата обращения: 14.07.2022).

⁵ Brazil's Bolsonaro backs Venezuela uprising, saying country is 'enslaved by dictator' [Электронный ресурс] // The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/05/01/world/social-issues-world/brazils-bolsonaro-backs-venezuela-uprising-says-country-enslaved-dictator/> (дата обращения: 14.07.2022).

Голосование в Генеральной Ассамблее ООН в ноябре 2019 г. по кубинскому вопросу – ещё один пример в копилку нарушенных принципов. Бразильская делегация не поддержала резолюцию, осуждавшую экономическое эмбарго против Кубы, так же, как и США¹. Это не укладывается в традиционную логику бразильской дипломатии, которая рассматривала санкции как бесполезный инструмент ещё со времён министра иностранных дел Сан-Тьягу Дантаса (1962–1963). Голос Бразилии против резолюции – разрыв с исторической позицией Итамарати (как называют бразильский МИД) осуждать применение односторонних экономических мер, наложенных вопреки предписаниям ООН.

В отношении региональной интеграции также наблюдается смена приоритетов. В 2019 г. Бразилия вышла из Союза южноамериканских наций (УНАСУР)², в создании которого принимали участие правительства левого толка, приостановила членство в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), задумывавшемся как противовес влиянию США³, зато стала членом нового проамериканского политического образования – Форума для развития Южной Америки (ПРОСУР)⁴.

В начале президентского срока Ж. Болсонару даже был готов перенести бразильское посольство из Тель-Авива в Иерусалим, однако ограничился открытием там «миссии интересов»⁵. Перенос посольства в Иерусалим, на восточную часть которого претендует Палестина, мог бы обострить палестино-израильский конфликт и ударить по бразильской экономике, так как арабские страны – крупные импортёры бразильского мяса (только в 2018 г. они импортировали более 340 тысяч тонн мяса крупного рогатого скота, что стало рекордом за последние 11 лет⁶).

Наиболее противоречивой представляется политика Ж. Болсонару в отношении Китая. Во время предвыборной кампании 2018 г. он отличался резкой риторикой в адрес Поднебесной – главного торгового партнёра Бразилии с 2009 г., сместившего США с лидерских позиций⁷. Дело в том, что президент увидел угрозу в возрастающей роли Китая в Латинской Америке и обвинил его в попытке «купить Бразилию»⁸. К экономическим причинам неприятия Китая добавились политические. Как правому консервативному политику Ж. Болсонару не близка идеология азиатского государства.

Экономическое и политическое влияние Китая в традиционной сфере бразильского влияния – Южной Америке – продолжает возрастать, что не может не вызывать недовольство страны. Однако в интересы Бразилии не входит ухудшение отношений с Пекином. Это наносит ущерб не только экономике, но и здравоохранению. Одной из вакцин, которыми прививают бразильцев от коронавируса, является китайский CoronaVac. Более 40 % привитых бразильцев ставили эту вакцину⁹.

Бразилия занимает третье место по количеству смертей от коронавируса после США¹⁰. Тем временем Ж. Болсонару игнорировал правила ношения масок в общественных местах, не

¹ Brasil cede aos EUA, rompe tradição de 27 anos e não condena embargo a Cuba [Электронный ресурс] // Folha de S.Paulo. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/mundo/2019/11/brasil-cede-aos-eua-rompe-tradicao-de-27-anos-e-nao-condena-embargo-a-cuba.shtml> (дата обращения: 14.07.2022).

² Bolsonaro anuncia saída do Brasil da Unasul após crise entre países [Электронный ресурс] // Metrópoles. URL: <https://www.metropoles.com/brasil/bolsonaro-anuncia-saida-do-brasil-da-unasul-apos-crise-entre-paises> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Ministro anuncia saída do Brasil de bloco de países da América Latina [Электронный ресурс] // Valor Investe. Editora Globo S/A. URL: <https://clck.ru/ecMye> (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ В Латинской Америке появится новый политический союз [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/03/21/v-latinskoj-amerike-poiavitsia-novyj-politicheskij-soiuz.html> (дата обращения: 14.07.2022).

⁵ Governo brasileiro inaugura escritório comercial em Jerusalém [Электронный ресурс] // G1. Editora Globo S/A. URL: <https://g1.globo.com/mundo/noticia/2019/12/15/governo-brasileiro-inaugura-escritorio-comercial-em-jerusalem.ghtml> (дата обращения: 14.07.2022).

⁶ Árabes importam maior volume de carne brasileira em 11 anos [Электронный ресурс] // Agência de Notícias Brasil-Árabe. URL: <https://anba.com.br/arabes-importam-maior-volume-de-carne-brasileira-em-11-anos/> (дата обращения: 14.07.2022).

⁷ China ultrapassa EUA como maior parceiro comercial do Brasil [Электронный ресурс] // Correio Braziliense. URL: https://www.correiobraziliense.com.br/app/noticia/economia/2009/05/04/internas_economia,105122/china-ultrapassa-eua-como-maior-parceiro-comercial-do-brasil.shtml (дата обращения: 14.07.2022).

⁸ Guaraci N. Bolsonaro está certo? A China quer comprar o Brasil? [Электронный ресурс] // Cointimes. URL: <https://cointimes.com.br/bolsonaro-esta-certo-a-china-quer-comprar-o-brasil/> (дата обращения: 14.07.2022).

⁹ AstraZeneca passa CoronaVac e é a vacina mais usada no Brasil [Электронный ресурс] // Poder 360. URL: <https://www.poder360.com.br/brasil/astrazeneca-passa-coronavac-e-e-a-vacina-mais-usada-no-brasil/> (дата обращения: 14.07.2022).

¹⁰ Mortes no Brasil disparam e país tem 3º maior número do mundo, diz OMS [Электронный ресурс] // OUL. URL: <https://noticias.uol.com.br/colunas/jamil-chade/2022/02/07/brasil-terceiro-pais-em-numeros-de-mortes-na-semana-diz-oms.htm> (дата обращения: 14.07.2022).

соблюдал социальную дистанцию и предлагал лечиться хлорохином – антималярийным препаратом¹. Весной 2020 г. он настаивал, чтобы органы власти и заведения сферы обслуживания не закрывались на карантин².

В начале декабря 2021 г. на одной из пресс-конференций глава бразильского государства обрушился с критикой на паспорта для вакцинированных: «Зачем надевать этот ошейник на бразильский народ? Где наша свобода? Я лучше умру, чем потеряю свободу». («Por que essa coleira que querem botar no povo brasileiro? Cadê a nossa liberdade? Eu prefiro morrer do que perder a minha liberdade»)³. Коронавирус, по его мнению, – это «небольшой грипп» («gripezinha»)⁴.

Учитывая вопиющую на тот момент эпидемиологическую ситуацию в стране, неудивительно, что вакцинация политика Ж. Болсонару подвергалась жёсткой критике. Верховный суд Бразилии даже возбудил уголовное дело против президента за распространение ложной информации о прививках⁵. Речь идет о видео, на котором он говорит о связи между прививкой от коронавируса и СПИДом. В октябре 2021 г. Сенат опубликовал доклад с обвинениями Ж. Болсонару в пренебрежении научными сведениями о пандемии и нарушении прав человека⁶. Ранее в мае 2021 г. в Бразилии и некоторых других крупных городах прошли митинги с требованием отстранить президента от должности из-за его действий (бездействия) по борьбе с распространением вируса⁷.

Как следует из приведённых выше примеров, Ж. Болсонару проводит непоследовательную внешнюю политику, зачастую забывая о национальных интересах страны. Этим умело пользуется фаворит на президентских выборах в октябре 2022 г. Лула да Силва. Уже сейчас он занимается активной внешнеполитической деятельностью. После снятия обвинений в коррупции Верховным судом Бразилии Лула имеет право баллотироваться в президенты. В ноябре 2021 г. 76-летний экс-президент отправился в турне по Европе. Сделав ход конём, он встретился с главным европейским критиком Ж. Болсонару – Эммануэлем Макроном, с которым обсудил «пост-болсонаровскую» эпоху в отношениях Бразилии и ЕС⁸.

На данном этапе слова Болсонару о стремлении превратить Бразилию в великую державу по большей части не подкрепляются практическими шагами. Чтобы сделать страну великой, необходимо действовать по принципам тех политических лидеров, которые успешно поставили её на этот путь. Не равнение на США, а сближение со странами третьего мира в годы НВП, Э. Медиси и Э. Гейзела, развитие региональной интеграции с 1990-х гг. и упор на национальное развитие помогли Бразилии выйти на новый уровень. В период правления военных в Бразилии произошло укрепление перерабатывающей и тяжелой промышленности; в 2003 г. специалисты банка «Голдмэн Сакс» прогнозировали, что Бразилия, наряду с остальными членами БРИК, обгонит по экономическому росту страны G-6⁹, в 2009 г. журнал The Economist выпустил номер, на

¹ В Бразилии сошлись в клинче пандемия и политика [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/courier/2020-06-14/10_7884_brazil.html (дата обращения: 14.07.2022).

² Bolsonaro inclui academias e salões de beleza em lista de atividades essenciais [Электронный ресурс] // CNN Brazil. URL: <https://www.cnnbrasil.com.br/business/bolsonaro-inclui-academias-e-saloes-de-beleza-em-lista-de-atividades-essenciais/> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Soares I. Bolsonaro sobre passaporte da vacina: “Coleira que querem colocar no povo” [Электронный ресурс] // Correio Braziliense. URL: <https://www.correiobraziliense.com.br/politica/2021/12/4968943-bolsonaro-sobre-passaporte-da-vacina-coleira-que-querem-colocar-no-povo.html> (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ Biller D. Brazil's Bolsonaro rebuffs criticism on pandemic, Amazon [Электронный ресурс] // AP news. URL: <https://apnews.com/article/united-nations-general-assembly-brazil-jair-bolsonaro-23facc96b7712c2a8b166a3e6cf822b7> (дата обращения: 14.07.2022).

⁵ Brazil's top court opens investigation into Bolsonaro for linking Covid-19 vaccines to AIDS [Электронный ресурс] // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2021/12/04/americas/brazil-bolsonaro-covid-aids-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 14.07.2022).

⁶ SENADO FEDERAL CPI da Pandemia [Электронный ресурс]. URL: <http://estaticog1.globo.com/2021/10/20/cpidacovidrelatoriofinal.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

⁷ Десятки тысяч бразильцев вышли на акции протеста против Болсонару [Электронный ресурс] // Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/world/769551> (дата обращения: 14.07.2022).

⁸ Alves de Faria A. Viagem de Lula à Europa é mais uma aula de mau-caratismo [Электронный ресурс] // Jovem Pan. URL: <https://jovempan.com.br/opiniao-jovem-pan/comentaristas/alvaro-alves-de-faria/viagem-de-lula-a-europa-e-mais-aula-de-mau-caratismo.html> (дата обращения: 14.07.2022).

⁹ Wilson D., Purushothaman R. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 [Электронный ресурс] // Goldman Sachs. URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/archive/archive-pdfs/brics-dream.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

обложке которого была изображена взлетающая статуя Христа в Рио-де-Жанейро, символизирующая резкий рост латиноамериканской республики¹. Сейчас Бразилия демонстрирует не лучшие экономические показатели: в 2021 г. количество безработных выросло на 1,5 млн за год², в 2022 г. ожидается, что ВВП будет расти медленнее, чем у других латиноамериканских стран, и составит 1,2 %³, а уровень инфляции достиг 9,7 по сравнению с 4,3 в 2019 г.⁴ Безусловно, большой удар по экономике нанесла пандемия, но также нельзя сбрасывать со счетов действия политического руководства, усугубившие экономическую ситуацию.

Сегодня можно встретить различные статьи о внешней политике Ж. Болсонару, в которых его дипломатия называется «диванной»⁵, «демонстрацией» традиционной внешней политики (Безерра, 2020: 37), «трагедией» и «постдипломатией»⁶. Суть в них сводится к одному: президент пренебрегает десятилетиями складывавшимися дипломатическими традициями и принципами, что противоречит национальным интересам страны и отдаляет её от вхождения в круг великих держав.

Тем не менее есть основания полагать, что в бразильской внешней политике произойдет переход, как это было пятьдесят лет назад, от автоматического равнения на США к «ответственному прагматизму» Гейзела (Бразилия: смена приоритетов..., 2019: 74). К концу президентского срока Ж. Болсонару начал делать шаги в сторону корректировки внешнеполитического курса. С приходом к власти в США демократа Джо Байдена бразильско-американские отношения охладели. В феврале 2021 г. бразильские власти отказались от соглашения с США о создании национальной сети 5G, пустив на рынок китайскую компанию Huawei (в обмен на поставки вакцин CoronaVac)⁷. Помимо этого, активная в социальных сетях семья президента долго молчала по поводу демонстраций в Вашингтоне в поддержку Д. Трампа, надеясь на пересмотр результатов выборов.

Произошли также кадровые перестановки в МИДе. Ж. Болсонару отправил в отставку главу министерства Эрнесто Араужу и назначил на его должность Карлоса Франсу – более прагматичного и уравновешенного политика, который устраивает законодательную власть. В Конгрессе давно зрело недовольство внешней политикой Э. Араужу ввиду его антикитайской и проамериканской риторики. К. Франса имеет шансы нормализовать отношения с Китаем, США и ЕС.

В условиях давления Запада на Россию в связи с украинским вопросом и с учётом прозападной ориентации Болсонару наибольший резонанс в правительстве⁸ и среди мировых лидеров⁹ вызвал его визит в Москву 15–16 февраля 2022 г. Основной пункт критики сводился к тому, что бразильский президент не только не предотвратил российско-украинский конфликт, но и косвенно поддержал действия России. Однако более глубокий анализ даёт понять, что поездка в Россию явилась закономерной. Непростые отношения с США и ЕС толкают Бразилию к поиску новых союзников. Это объясняет и смягчение риторики в отношении Китая, и заключение с Турцией соглашения о сотрудничестве в области оборонной промышленности¹⁰, и нейтралитет Бра-

¹ Brazil takes off [Электронный ресурс] // The Economist. URL: <https://clck.ru/sSQgR> (дата обращения: 14.07.2022).

² Reformas, inflação e desemprego: os 1000 dias de Bolsonaro na economia [Электронный ресурс] // Exame. URL: <https://exame.com/economia/reformas-inflacao-e-desemprego-os-1000-dias-de-bolsonaro-na-economia/> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Brazil Economic Outlook [Электронный ресурс] // FocusEconomics. URL: <https://www.focus-economics.com/countries/brazil> (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ Brazil: Sustaining a Strong Recovery [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/09/22/na092221-brazil-sustaining-a-strong-recovery> (дата обращения: 14.07.2022).

⁵ Brazils foreign policy on the couch [Электронный ресурс] // Folha de S. Paulo. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/internacional/en/brazil/2019/08/brazils-foreign-policy-on-the-couch.shtml> (дата обращения: 14.07.2022).

⁶ Brasil 2020: uma política exterior em transição [Электронный ресурс] // Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica. URL: <https://www.celag.org/brasil-2020-una-politica-exterior-en-transicion/> (дата обращения: 14.07.2022).

⁷ Бразильские власти отказались от соглашений с США и будут работать с Huawei [Электронный ресурс] // РИА ФАН. URL: https://riafan.ru/1395299-brazilskie-vlasti-otkazalis-ot-soglashenii-s-ssha-i-budut-rabotat-s-huawei?utm_source=lg&utm_medium=riafan_everywhere (дата обращения: 14.07.2022).

⁸ Tensão na Ucrânia: Mourão afirma que Brasil 'não está neutro'; Bolsonaro ainda não se pronunciou [Электронный ресурс] // Sputnik. URL: <https://br.sputniknews.com/20220224/crise-na-ucrania-mourao-afirma-que-brasil-nao-esta-neutro-bolsonaro-ainda-nao-se-pronunciou-21564089.html> (дата обращения: 14.07.2022).

⁹ Saad C. 'Brasil parece estar do outro lado', dizem EUA sobre viagem de Bolsonaro [Электронный ресурс] // Veja. URL: <https://veja.abril.com.br/mundo/brasil-parece-estar-do-outro-lado-dizem-eua-sobre-viagem-de-bolsonaro/amp/> (дата обращения: 14.07.2022).

¹⁰ Турция и Бразилия подписали соглашение о сотрудничестве в области оборонной промышленности [Электронный ресурс] // Defence Here. URL: <https://www.defensehere.com/ru/турция-и-бразилия-подписали-соглашение-о-сотрудничестве-в-области-оборонной-промышленности> (дата обращения: 14.07.2022).

зилии в российско-украинском конфликте, и нежелание присоединяться к антироссийским западным санкциям¹. Помимо прочего, нельзя забывать, что Россия – стратегический партнёр Бразилии с 2002 г., которого латиноамериканская республика хочет привлечь к проекту по строительству атомной подводной лодки².

Политические события вне американского континента оказывают влияние на внутривнутриполитические процессы в Бразилии, например, надвигающиеся президентские выборы. Ситуация в Украине стала одним из пунктов, по которому высказались основные претенденты на президентское кресло в попытке заработать себе очки. Лула (Партия трудящихся, РТ) воспользовался недовольством позицией Болсонару (Либеральная партия, РЛ) и «глубоко сожалеет, что Россия вторглась в Украину»³. Экс-глава государства поспешил напомнить, что Европа и США поспособствовали происходящему в Украине, не приняв вовремя меры для предотвращения конфликта. Центрист Сержио Моро («Мы можем», Podemos) выступил «против нарушения суверенитета Украины», а кандидат от Демократической рабочей партии (РДТ) Сиро Гомес призвал готовиться к последствиям конфликта между Россией и Украиной, учитывая слабость [нынешнего бразильского] правительства⁴.

Таким образом, сейчас Бразилия вновь демонстрирует склонность к отходу от равнения на Запад. Результаты выборов, вероятно, не прервут наметившуюся линию, поскольку фаворитами предвыборной гонки на данный момент остаются Болсонару, взявшийся за корректировку внешнеполитического курса, и Лула, активно пытавшийся посадить Бразилию за один стол с великими державами⁵. Это даёт основания полагать, что у страны есть шанс на возврат к концептуальным основам внешней политики в ближайшем будущем.

Список источников:

- Безerra М. Дипломатия Жаира Болсонару: демонтаж традиционной бразильской внешней политики // Ибероамериканские тетради. 2020. Т. 8. №3. С. 35–42. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42>
- Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле / Л.Н. Симонова, В.М. Давыдов, Л.С. Окунева, и др. М., 2019. 145 с.
- Дабаян Э.С. Реакция в Латинской Америке на Косовский кризис // Мир после Косово: Россия, СНГ, Латинская Америка. М., 2000. С. 12–29.
- Мартынов Б. Бразилия на мировой арене // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 19–34.
- Мартынов Б.Ф. Бразилия: приоритеты и фобии восходящей державы // Индекс безопасности. 2010. Т. 16. № 4. С. 44–57.
- Сударев В.П. Возможности и пределы гегемонии США в Латинской Америке // Латинская Америка. 2019. № 11. С. 6–14. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0006894-2>.
- Хван М.С. Внешняя политика Бразилии в период президентства Жаира Болсонару // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11. С. 81–97. <https://doi.org/10.24158/fik.2020.11.14>
- Almeida P.R. de. Miséria da diplomacia. A destruição da inteligência no Itamaraty. Boa Vista, 2019. 165 p.
- Barão do Rio Branco: 100 anos de memória / ed. Pereira M.G. Brasília, 2012. 748 p.
- Cervo A.L. Inserção Internacional: formação dos conceitos brasileiros. São Paulo, 2008. 297 p.
- Cervo A.L. Política exterior e relações internacionais do Brasil: enfoque paradigmático // Revista Brasileira de Política Internacional. 2003. Vol. 46, № 2. P. 5–25. <https://doi.org/10.1590/S0034-73292003000200001>
- Cervo A.L., Bueno C. História da Política Exterior do Brasil. Brasília, 2008. 559 p.
- Ligiéro L.F. A Autonomia na Política Externa Brasileira – a Política Externa independente e o pragmatismo Responsável: momentos diferentes, políticas semelhantes? Brasília, 2011. 410 p.
- Lima M. A política externa brasileira e os desafios da cooperação Sul-Sul // Revista Brasileira de Política Internacional. 2005. Vol. 48. № 1. P. 24–59.
- Marini R.M. La acumulación capitalista mundial y el subimperialismo // Cuadernos Políticos. 1977. № 12. P. 21–35.
- Peixoto C.A. La montée en puissance du Brésil: concepts et réalités // Revue française de science politique. 1980. Vol. 30. № 2. P. 328–355.
- Rojas G., Arce L. La renegociación de Itaipú: una nueva oportunidad para el Paraguay // Meridiano 47. 2009. № 110. P. 19–21.
- Santos T. dos. Teoria da dependência: balanço e perspectivas. Florianópolis, 2015. 232 p.

¹ Brasil 'não está de acordo' com exclusão da Rússia do G20, diz Carlos França [Электронный ресурс] // R7. URL: <https://noticias.r7.com/brasil/brasil-nao-esta-de-acordo-com-exclusao-da-russia-do-g20-diz-carlos-franca-24032022> (дата обращения: 14.07.2022).

² Бразилия просит помощи России в создании атомных подлодок [Электронный ресурс] // ИА URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052539095> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Lula questiona posturas de Biden e Europa na guerra entre Ucrânia e Rússia [Электронный ресурс] // CNN Brazil. URL: <https://www.cnnbrasil.com.br/politica/lula-questiona-posturas-de-biden-e-europa-na-guerra-entre-ucrania-e-russia/?amp> (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ Porto D. Pré-candidatos à Presidência se manifestam sobre conflito entre Rússia e Ucrânia [Электронный ресурс] // CNN Brazil. URL: <https://www.cnnbrasil.com.br/internacional/pre-candidatos-a-presidencia-se-manifestam-sobre-conflito-entre-russia-e-ucrania/> (дата обращения: 14.07.2022).

⁵ O retrato da corrida presidencial do Brasil a 129 dias do voto [Электронный ресурс] // NEXO. URL: <https://www.nexojornal.com.br/podcast/2022/05/26/O-retrato-da-corrida-presidencial-do-Brasil-a-129-dias-do-voto1> (дата обращения: 14.07.2022).

References:

- Almeida, P.R. de. (2019) Miséria da diplomacia. A destruição da inteligência no Itamaraty. Boa Vista: Editora da UFRR.
- Bezerra, M. (2020) Jair Bolsonaro's diplomacy: dismantling traditional foreign policy of Brazil. Cuadernos Iberoamericanos. 8 (3). 35–42. Available from: doi:10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42 (In Russian).
- Cervo, A.L. (2003) Política exterior e relações internacionais do Brasil: enfoque paradigmático. Revista Brasileira de Política Internacional. 46(2). 5–25. Available from: doi:10.1590/S0034-73292003000200001
- Cervo, A.L. (2008) Inserção Internacional: formação dos conceitos brasileiros. São Paulo: Ed. Saraiva.
- Cervo, A.L., Bueno, C. (2008) História da Política Exterior do Brasil. Brasília: Ed. Univ. de Brasília.
- Dabaghyan, E. (2000) Reaktsiya v Latinskoy Amerike na Kosovskiy krizis [Reaction in Latin America to the Kosovo crisis]. In: Mir posle Kosovo: Rossiya, SNG, Latinskaya Amerika [World after Kosovo: Russia, CIS, Latin America]. Moscow: ILA RAN Publ. Pp. 12–29.
- Khvan, M.S. (2020) Brazilian Foreign Policy under Jair Bolsonaro. Society: philosophy, history, culture. (11). 81–97. Available from: doi:10.24158/fik.2020.11.14. (In Russian).
- Ligiéro, L. F. (2011) A Autonomia na Política Externa Brasileira – a Política Externa independente e o pragmatismo Responsável: momentos diferentes, políticas semelhantes? Brasília: Fundação Alexandre de Gusmão.
- Lima M. (2005) A política externa brasileira e os desafios da cooperação Sul-Sul. Revista Brasileira de Política Internacional. 48 (1). 24–59.
- Marini, R.M. (1977) La acumulación capitalista mundial y el subimperialismo. Cuadernos Políticos. (12). 21–35.
- Martynov, B. (2010) Brazil: priorities and phobias of a rising power. Security index. 16 (4). 43–57. (In Russian).
- Martynov, B. (2014) Brazil in the World Area. Foreign Policy of the Worker's Party. Svobodnaya mysl [Free thought]. (1). 19–34. (In Russian).
- Peixoto, C.A. (1980) La montée en puissance du Brésil: concepts et réalités. Revue française de science politique. 30 (2). 328–355.
- Pereira, M.G. (ed.) (2012) Barão do Rio Branco: 100 anos de memória. Brasília: Fundação Alexandre de Gusmão.
- Rojas, G., Arce, L. (2009) La renegociación de Itaipú: una nueva oportunidad para el Paraguay. Meridiano 47. (110). 19–21.
- Santos, T. dos (2015) Teoria da dependência: balanço e perspectivas. Florianópolis: Editora Insular.
- Simonova, L.N., Davydov, V.M., Okuneva, L.S. et al. (eds.) (2019) Braziliya: smena prioritetov v novom politicheskom tsikle [Brazil: reprioritization in a new political cycle]. Moscow: ILA RAN Publ. (In Russian).
- Sudarev, V.P. (2019) Possibilities and limits of the US hegemony in Latin America. Latinskaia Amerika. (11). 6–14. Available from: doi:10.31857/S0044748X0006894-2 (In Russian).

Информация об авторе

Ю.А. Тимофеева – преподаватель кафедры романских языков; соискатель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, Москва, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1004202.

Information about the author

Yu.A. Timofeeva – Lecturer, Roman Languages Department; External PhD student, International Relations and Foreign Policy of Russia Department, MGIMO University, Moscow, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1004202.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.06.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 172–179.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 172–179.

Научная статья
УДК 930(571.6):930.1(510)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.28>

Китаеведение в Дальневосточном университете: история изучения

Ван Юе

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
3172084817@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-3797-1962>

Аннотация. История вузовского китаеведения на Дальнем Востоке России в период 1920–1930-е гг., в рамках которого рассматривается развитие одного из направлений дальневосточной востоковедческой школы, входит в число актуальных проблем современной историографии российской ориенталистики. Отмечается, что в китайско-российский культурный обмен внесли весомый вклад российские специалисты-китаеведы, учреждения, исследовательские организации и вузы. Китайское отделение ГДУ (ДВГУ) воспитало плеяду выдающихся китаеведов, среди них: М.И. Сладковский, Р.В. Вяткин, В.Я. Сидихменов и другие. Эти ученые сыграли важную роль в развитии российского китаеведения, в реализации ряда государственных задач. В статье раскрыта важность изучения востоковедения в 1920–1930-е годы, рассматриваются публикации русских и китайских исследователей, содержащие их точки зрения на динамику российско-китайских отношений в указанный период, на развитие ориентологии.

Ключевые слова: китаеведение, вузовское востоковедение, история Дальневосточного университета, Восточный факультет, китаеведы

Для цитирования: Ван Юе. Китаеведение в Дальневосточном университете: история изучения // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 172–179. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.28>.

Original article

Sinology at the Far Eastern Federal University: History of Study

Wang Yue

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
3172084817@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-3797-1962>

Abstract. The history of university Sinology in the Russian Far East during the 1920–1930s, which deals with the development of one of the Far Eastern orientalist schools, is among the topical problems of modern historiography of Russian Orientalism. It is noted that Russian experts, institutions, research organizations and universities have made a significant contribution to the Sino-Russian cultural exchange. The Chinese department of the FENU (Far Eastern National University) has educated a pleiad of outstanding domestic sinologists, among them: M.I. Sladkovsky, R.V. Vyatkin, V.Ya. Sidikhmenov, and others. These scholars played an important role in the development of Russian Sinology and in the implementation of a number of state tasks. The article reveals the importance of the study of Orientalism in the 1920s and 1930s, examines the publications of Russian and Chinese scholars, containing their views on the dynamics of Sino-Russian relations in this period, and on the development of Orientalology.

Keywords: Sinology, university Oriental Studies, history of Far Eastern University, Faculty of Oriental Studies, Sinologists

For citation: Wang Yue (2022) Sinology at the Far Eastern Federal University: History of Study. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 172–179. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.28](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.28) (In Russian).

Актуальность изучения истории вузовского китаеведения на Дальнем Востоке России в 1920–1930-е годы обусловлена усилением процессов глобализации и трансрегионального взаимодействия, что диктует необходимость не только обобщения всего имеющегося опыта научного и образовательного строительства, но и поиска и выявления в нем новых смыслов в целях поддержания национальной и культурной идентичности.

Важность темы исследования связана с современными внешнеполитическими контактами России с такой крупнейшей державой, как Китай. Не менее значимым сегодня является российский «поворот на Восток» (Савченко, Зуенко, 2020), задачи развития восточных территорий страны, включения России в глобальное разделение труда и в деятельную позицию на рынках Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для понимания процессов, происходящих в Китайской Народной Республике, оценки динамики продвижения российско-китайских отношений требуется многое, в том числе интеллектуальная среда. Она необходима для подготовки, принятия и реализации адекватных политических, социальных и экономических решений как в отношении Тихоокеанской России, так и в отношении КНР. И здесь не обойтись без соответствующего кадрового обеспечения – большого количества востоковедов с хорошим знанием китайского языка, качественной культурологической подготовкой – людей, которые осознают стержни китайской цивилизации, специфику культуры, истории, национального самосознания граждан Поднебесной и которые способны анализировать стратегию и тактику, цели китайской политики.

Таких специалистов в 1920–1930-е годы готовили на восточном факультете Дальневосточного государственного университета. Китайское отделение ГДУ–ДВГУ стало *alma mater* для известных отечественных китаеведов – М.И. Сладковского, Р.В. Вяткина, В.Я. Сидихменова и других. Существует мнение, что в дальневосточной школе отечественного востоковедения «может быть, как нигде, можно было получить глубокие знания о Дальнем Востоке, причем знания комплексные, связанные с Китаем и Японией»¹. Данная оценка говорит о том, что необходимо выделить и признать вклад дальневосточной вузовской школы китаеведения в отечественное востоковедение, однако он пока изучен весьма фрагментарно.

Ценный исторический опыт дальневосточной вузовской школы довоенных лет может быть востребован современными вузами, ведущими подготовку китаистов. Их число увеличивается, как и количество студентов, изучающих китайский язык. Если в начале 1990-х годов в двух – трех десятках вузов Российской Федерации можно было насчитать не более 1 000 желающих овладеть китайским языком (Арефьев, 2011), то в 2015 г. их насчитывалось уже около 20 тыс. чел. (Арефьев, Дмитриев, 2016).

Развитие дальневосточного вузовского китаеведения вошло в число активно разрабатываемых проблем историографии в последнее десятилетие XX века. Своеобразным толчком к усилению внимания к истории востоковедения и китаеведения в том числе стала подготовка к празднованию 100-летия Дальневосточного государственного университета. Именно с этой датой связано появление целого ряда публикаций Э.В. Ермаковой (Ермакова, 1994, 1996, 2004), в том числе в соавторстве с учениками (Ермакова, Георгиевская, 1994). Наиболее ценными для нашего исследования являются работы, которые посвящены университетской кафедре китайского языка, ее бессменному руководителю Аполлинарию Васильевичу Рудакову, преподавателю Тихону Дмитриевичу Червонецкому; описанию постепенно сложившегося противостояния «старых, опытных» кадров и группы молодых преподавателей. Видное место в публикациях этого времени отведено репрессиям, которым подверглись востоковеды. В этой связи следует отметить работу В.К. Донского, посвященную судьбе десяти ученых, несправедливо осужденных в период политических гонений (Донской, 1966).

Вне сомнения, самым значительным трудом этого времени по истории востоковедения во Владивостоке стала кандидатская диссертация Е.А. Георгиевской, в которой становление и развитие Дальневосточного центра востоковедения рассматривается в хронологических рамках 1899–1939 гг.², то есть от создания Восточного института, его вхождения в состав Государственного дальневосточного университета (1920 г.) и закрытия ДВГУ в 1939 г. Особое внимание автора было обращено на структуру востоковедческих учреждений на Дальнем Востоке (Интернациональный педагогический институт, Коммунистический вуз, Китайский педагогический техникум, Китайская ленинская школа, Общество востоковедения при ДВГУ и др.), на состояние исследований в Дальневосточном центре востоковедения.

В отдельную группу анализа Е.А. Георгиевская включила работы китаеведов. Она увидела в научной деятельности дальневосточных ориенталистов некую «интеллектуальную оппозиционность» утверждавшейся в науке идеологии³. Такой подход в начале XXI в. был подвергнут сомнению учеными, например, Е.В. Васильевой (Васильева, 2019). Попутно заметим, что в солидной монографии этого автора подробно раскрыт вектор научных исследований востоковедов-дальневосточников 1920–1930-х годов, приведена характеристика научной элиты, подтверждаемая статистическими данными о профессорско-преподавательском составе дальневосточных вузов (Васильева, 2017, 2019).

¹ История одной жизни (фрагменты мемуаров Р.В. Вяткина) // Юэ Тэ – цзинь ле чжуань : судьба востоковеда Р.В. Вяткина. М., 1998. С. 141–222.

² Георгиевская Е.А. Становление и развитие Дальневосточного центра востоковедения (1899–1939 гг.) : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Владивосток, 1994. 30 с.

³ Георгиевская Е.А. Указ. соч.

Заслуживает внимания еще одна работа, приуроченная к 100-летию ДВГУ – коллективная монография «Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999». Прямое отношение к рассматриваемой нами теме имеют две ее главы: «Университет в 20-е годы» и «Трагическое десятилетие (ДВГУ в 30-е годы)», представляющие читателю общий контекст истории вуза – с фактами и цифрами в целом о восточном факультете и почти полным отсутствием информации о китаеведческом направлении его деятельности (Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 ..., 1999).

В конце 2000-х – начале 2010-х годов начался новый этап активного изучения истории высшего востоковедческого образования на российском Дальнем Востоке. Значимыми научными результатами явились диссертационные исследования Лю Лицю о вузовском китаеведении на российском Дальнем Востоке в период с конца XIX в. по начало XX в.¹ и О.А. Трубич о государственной политике российской империи в области востоковедческого образования в Приамурском крае². Эти, безусловно, важные и ценные труды, ограниченные хронологическими рамками рубежа XIX–XX вв., позволили осветить непростую историю вузовского китаеведения во Владивостоке.

Второй этап изучения высшей школы на востоке России отмечен публикациями В.Г. Макаренко, в которых представлена общая картина, сложившаяся в высшем образовании Дальнего Востока в 1920–1930-е годы и подчеркнуты некоторые аспекты развития китаеведческого направления (Макаренко, 2009, 2014, 2017).

Проблематики российского китаеведческого образования коснулся в своих трудах и В.Г. Дацышен (Дацышен, 2014, 2015).

Изучением высшей школы Тихоокеанской России занималась Л.С. Малявина, делающая акцент на структурных преобразованиях системы высшего образования в 1930-е годы (Малявина, 2015 а, б; 2016, 2017). С этой точки зрения особо интересной является ее статья, посвященная итогам и урокам начального этапа становления дальневосточной школы востоковедения, в которой ученый рассуждает о сущности и последствиях многочисленных изменений в области востоковедческого образования (Малявина, 2015б). Л.С. Малявина приходит к выводу: «Всякие реорганизации – это высокорисковый процесс, цели и итоги которого должны быть понятны научному сообществу. В случае если вектор преобразований не принимается обществом, результатом их может стать разрушение сложившихся научных традиций, связей, коллективов, на восстановление которых может уйти много времени, или они могут быть утрачены вообще» (Малявина, 2015б).

В отдельную группу исследований необходимо выделить работы, посвященные профессорам и преподавателям-китаистам. Так, А.М. Решетов, Л.И. Сем, Е.Ю. Стабурова посвятили свои публикации известному китаеведу-дальневосточнику Петру Петровичу Шмидту, который после двух десятков лет работы во владивостокском вузе уехал в Ригу, но его преподавательская школа еще долго продолжала работу на российском Дальнем Востоке (Решетов, 2008, 2009; Сем, 1978; Стабурова, 2001). Немало публикаций и о китаисте А.В. Рудакове. Например, А.А. Хасамутдинов детально рассмотрел шаги биографии Аполлинария Васильевича Рудакова и его вклад в книжное дело Восточного института (Хисамутдинов, 2006, 2006); С.Ю. Врядий привёл интересные подробности жизни и деятельности А.В. Рудакова (Врядий, 1999); О.П. Еланцева, О.А. Трубич, Лю Лицю сделали упор на изучении преподавательской стези профессора, методической стороны выстраивания им аудиторных занятий (Еланцева и др., 2015). В целом же следует сказать, что в научных публикациях в большей мере раскрыт период жизни и деятельности А.В. Рудакова приблизительно до 1919 г. Последующее тридцатилетие почти не попало в поле научных приоритетов. Вместе с тем оно представляет несомненный интерес. А.В. Рудаков в указанный период становится опытным методистом, ученым; как заведующий кафедрой продолжает выступать организатором китаеведческого направления в Дальневосточном университете.

Непосредственное отношение к теме нашего исследования имеет материал А.А. Хаматовой о преподавателях и выпускниках-китаеоведах ДВГУ 1920–1930-х годов (Хаматова, 2014). В статье подробно рассказывается об А.В. Рудакове и Н.В. Кюнере, о выпускнике Восточного института К.А. Харнском. Все они трудились в Государственном дальневосточном университете. Особое место в материале А.А. Хаматовой отведено послевузовской профессиональной деятельности выпускников-китаистов: М.И. Сладковского, Р.В. Вяткина, Г.В. Астафьева, Н.Н. Короткова и других. Важно отметить, что, будучи деканом востфака Дальневосточного государственного университета, А.А. Хаматова была связана со многими выпускниками служебными контактами, знала их высокий

¹ Лю Лицю. История вузовского китаеведения на Дальнем Востоке России: конец XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2017. 221 с.

² Трубич О.А. Государственная политика в области востоковедческого образования на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2017. 251 с.

научный и педагогический уровень. Вполне обоснованно она оценивает их как «достояние не только Дальневосточного федерального университета, но и отечественного востоковедения, а в некоторых случаях – и мирового» (Хаматова, 2014). Вместе с тем многие важные сюжеты из студенческой и преподавательской жизни на отделении китаеведения ДВГУ довоенных десятилетий упущены, поскольку исследователь не ставил перед собой цели их рассмотрения.

Второе направление изучения истории российского китаеведения представлено учеными из КНР. В 1986 г. вышел в свет два тома «Справочника советского китаеведения»¹. В издании представлена информация о многих известных советских китаистах, их научной и преподавательской деятельности, в частности, об их участии в международных китаеведческих конференциях.

Особое место в китайской историографии изучения Поднебесной и китайского языка в России занимают труды Яня Годуна – известного профессора Нанькайского университета (г. Тяньцзинь). В его монографиях «История российского китаеведения» и «Триста лет российского китаеведения» раскрыто прошлое и современное состояние российской синологии (Янь Годун, 2006, 2007). В частности, ученый отметил значение китаеведческой деятельности в Восточном институте, а затем в Государственном Дальневосточном университете для российского китаеведения в целом. В книге «Триста лет российского китаеведения» исследователь дополнил информацию о достижениях русских ученых в сфере перевода литературы и изучения истории Китая в советский и современный периоды.

Профессор Пекинского университета Ли Минбинь в своей работе «История российского китаеведения» представил сведения о литературной сфере данного направления (Ли Минбинь, 2008). В качестве отдельного периода российского китаеведения он выделил время деятельности академика-китаиста В.М. Алексеева (первая половина XX в.). Следует обратить внимание на статью Ли Минбиня «Очерк истории русской синологии», в которой исследователь обозначил четыре периода развития синологии в России, показав представителей каждого этапа в таких ее областях, как литература, история, китайские проблемы и других (Ли Минбинь, 1999). Однако в названных выше работах имеются лишь краткие упоминания о восточном факультете Государственного дальневосточного (позднее – Дальневосточный государственный университет).

В 2011 г. была опубликована научная статья Чэнь Кайкэ «Шедевр всеобщей истории русской синологии – обзор и оценка работы Ли Минбина» (Чэнь Кайкэ, 2011), в которой учебник профессора Ли получил высокую оценку в контексте его несомненной пользы для вузов, в которых изучается развитие русской синологии.

Интересна монография профессора Пекинского университета иностранных языков Лю Жомэй, на страницах которой дана общая информация о ГДУ в начальный период его функционирования (первая половина 1920-х годов), названы профессора-китаеведы Государственного дальневосточного университета А.В. Рудаков и П.П. Шмидт, историк Н.В. Кюнер, упоминаются известные выпускники вуза (Лю Жомэй, 2010). В другой публикации Лю Жомэй дает высокую оценку работе Р.В. Вяткина, переводчика и комментатора «Исторических записок», одного из известных выпускников ДВГУ (1939 г.) (Лю Жомэй, 2014). Такого же мнения придерживаются китайские ученые Цю Гуйжун, Ли Цюмэй, подчеркивая особую важность человеческого фактора в развитии российского китаеведения (Цю Гуйжун, 1995; Ли Цюмэй, 2007).

Статьи китайских исследователей – Чэнь Цзяньхуа (1996), Ли Идзинь (2002), Ши Сюэхуа (2013), Юй Вэньланя (2003), Цуй Юй (2015) и Ма Чуньюй (2008) – затрагивают происхождение российского китаеведения, его движение вперед. Исследователи отмечают, что российские китаисты особенно много внимания уделяли изучению сложной классической китайской литературы.

Цао Цзинвэнь отмечает, что свою лепту в китайско-российский культурный обмен внесли не только российские специалисты-китаеведы, но и целые учреждения, исследовательские организации и вузы. В числе значимых в этом отношении учебных заведений исследователь называет Государственный дальневосточный университет (Цао Цзинвэнь, 2007).

Лэй Липин и Ли Бо в материале «Развитие и эволюция синологии в России и ее практическое значение» подчеркивают, что Дальневосточный государственный университет являлся, с одной стороны, важным центром подготовки китаистов в России, а с другой – служил базой исследований в области китаеведения на Дальнем Востоке России (Лэй Липин, Ли Бо, 2011).

Чжу Жэньфу признает значение русской синологии и характеризует роль Институтов Конфуция, первый из которых был открыт в 2006 г. в Дальневосточном государственном университете, в ее развитии и укреплении через культурные обмены и культурный диалог России и Китая (Чжу Жэньфу, 2006).

¹ 俄苏中国学手册 = Справочник советского китаеведения : в 2 т. Пекин, 1986. Т. 1. 616 с. ; Т. 2. 434 с. (на кит. яз.)

Особую ценность для нашего исследования имеет монография Пэн Чуаньюна «Описание исследования Северо-Востока Китая российскими учеными-эмигрантами Харбина» (Пэн Чуаньюн, 2011). В ней речь идет о выпускниках-китаистах Восточного института (1903–1920 гг.) и Дальневосточного университета (1920–1930-е гг.), которые после получения высшего образования жили и трудились в Китае. Их деятельность способствовала накоплению важной информации о социально-экономическом, политическом и культурном развитии региона. Собранные, обобщенные и опубликованные ими сведения не утратили своей актуальности до настоящего времени. В контексте задач нашей работы также интересна статья Пэн Чуаньюна, в которой детально описываются командировки в Китай в 1900, 1901, 1902 году профессора-китаиста А.В. Рудакова (Пэн Чуаньюн, 2013).

Привлекают также внимание работы Цзоу Лихуэй «Анализ изучения китайского языка на Дальнем Востоке России» (Цзоу Лихуэй, 2012), Чжу Даня «Анализ состояния преподавания китайского языка в г. Владивостоке» (Чжу Дань, 2014) и Ван Жуйцзюнь «Исследование и анализ современного состояния преподавания китайского языка на восточном факультете Дальневосточного федерального университета» (Ван Жуйцзюнь, 2014). В этих трудах рассматриваются особенности изучения китайского языка в России, проблемы методики его преподавания в дальневосточных вузах, включая и Дальневосточный федеральный университет во Владивостоке. Это свидетельствует о пристальном внимании китайской стороны к вузовскому китаеведению в России. Об этом же говорит факт защиты в 2009 г. в Цилиньском университете Бай Юньфэем диссертации «Исследование советского китаеведения», в которой проанализирован процесс развития советского китаеведения, разделенный на четыре периода. Период 1920–1930-х гг., более всего интересующий нас, исследователь определил как революционное китаеведение. В диссертацию он включил небольшую информацию о Дальневосточном университете¹.

Подводя итог рассмотрению историографии по интересующей нас проблеме, следует отметить, что наибольшее количество исследований, касающихся истории дальневосточной школы китаеведения, посвящено дореволюционному ее периоду. Труды по советскому китаеведению акцентируют внимание на общем процессе в масштабах всего государства. По истории российского китаеведения 1920–1930-х годов исследований очень немного. Они не позволяют создать даже приблизительную картину развития дальневосточной вузовской школы китаеведения.

Список источников:

- Арефьев А.Л. Китайский язык в российской высшей школе: история и современность // Иностранные языки в высшей школе. 2011. № 1 (16). С. 94–105.
- Арефьев А.Л., Дмитриев Н.М. Тенденции российско-китайского сотрудничества в образовании // Социология образования. 2016. № 11. С. 85–93.
- Васильева Е.В. Научные кадры Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки : в 2 ч. Ч. 1: Структурно-когнитивный компонент. Владивосток, 2017. 406 с.
- Васильева Е.В. Научные кадры Дальнего Востока на этапе вторичной институционализации отечественной науки : в 2 ч. Ч. 2: Акционистский компонент. Владивосток, 2019. 435 с.
- Врадий С.Ю. Профессор китаеведения А.В. Рудаков // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 68–74.
- Дальневосточный государственный университет : история и современность. 1899–1999 / Э.В. Ермакова [и др.]. Владивосток, 1999. 704 с.
- Дацышен В.Г. История русского китаеведения 1917–1945 гг. М., 2015. 352 с.
- Дацышен В.Г. Китаеведческое образование в России в 1920-е годы // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния. Благовещенск, 2014. С. 19–28.
- Донской В.К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1966. № 1. С. 95–108.
- Еланцева О.П., Трубич О.А., Лю Лицю. «Научить слушателей говорить, читать и писать по-китайски» : записки профессоров китайской словесности Восточного института А.В. Рудакова и П.П. Шмидта (1915 г.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 34–40.
- Ермакова Э.В. Издательская деятельность Восточного института // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2004. № 8. С. 9–18.
- Ермакова Э.В. Преподаватели-востоковеды: имена и судьбы // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1996. № 3. С. 5–14.
- Ермакова Э.В. Университет: страницы прошлого // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1994. № 5–6. С. 18–27.
- Ермакова Э.В., Георгиевская Е.А. Восточный факультет в 20–30 годы // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1994. № 1. С. 52–63.
- Макаренко В.Г. Высшее образование на Дальнем Востоке России (1917–1922 гг.) // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография. Владивосток, 2017. С. 308–314.
- Макаренко В.Г. Из истории высшего образования на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2009. С. 238–244.

¹ 白云飞, 苏联中国学研究 = Бай Юньфэй. Исследование советского китаеведения : диссертация. Цилинь, 2009. 194 с. (на кит. яз.)

Макаренко В.Г. Подготовка специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке 1920–1930-е гг.: социальные аспекты // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. Владивосток, 2014. С. 187–193.

Малявина Л.С. В условиях «необъявленной войны»: особенности развития образовательной системы Дальнего Востока в 1930-е гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015а. № 3 (47). С. 175–181.

Малявина Л.С. Начальный этап становления дальневосточной школы востоковедения (1899–1939 гг.): итоги и уроки // Научное мнение. 2015б. № 2–3. С. 19–25.

Малявина Л.С. Реформирование российской высшей школы: исторический опыт (1920–1930-е гг.) и современная практика (на материалах Дальнего Востока) // Наука и образование на российском Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы развития : в 2 т. Хабаровск, 2016. Т. 1. С. 216–222.

Малявина Л.С. Университеты в условиях отраслевой реорганизации советской высшей школы (1930-е гг.): на примере Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток) // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). Чебоксары, 2017. С. 247–252.

Решетов А.М. «Всю жизнь я занимался научными работами». Выдающийся российский и латвийский ученый П.П. Шмидт (1869–1938) // Широкогоровские чтения. Владивосток, 2008. С. 141–163.

Решетов А.М. Петр Петрович Шмидт // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2009. № 2. С. 92–104.

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на восток // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 1. С. 111–125. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10009>

Сем Л.И. Вклад П.П. Шмидта в изучение культуры народов советского и зарубежного Дальнего Востока // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX–XX вв.). Владивосток, 1978. С. 100–108.

Стабурова Е.Ю. Китаеведение в «Моей автобиографии» П.П. Шмидта // Кюноровские чтения. СПб., 2001. С. 201–206.

Хаматова А.А. Преподаватели и выпускники-китаеведы университета в 20–30-е годы прошлого века // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2014. С. 47–67.

Хисамутдинов А.А. Аполлинарий Васильевич Рудаков, его труды и книжное дело в Восточном институте // Власть книги. 2006а. № 6. С. 71–78.

Хисамутдинов А.А. Аполлинарий Васильевич Рудаков. 1871–1949 гг. Владивосток, 2006б. 88 с.

于文兰, 俄罗斯中国学研究机构—高校和图博系统 = Юй Вэньлань. Российские научно-исследовательские организации изучения китаеведения – университеты и система библиотек и музеев // Зарубежная общественная наука. 2003. № 4. С. 69–73. (на кит. яз.)

崔钰, 当代俄罗斯汉语教学现状 = Цуй Юй. Современное положение дел с преподаванием китайского языка в России // Вестник Педагогического института Кайфына. 2015. № 4. С. 138–139 (на кит. яз.)

彭传勇, 哈尔滨俄侨学者的中国东北研究述论 = Пэн Чуаньюн. Описание исследования Северо-востока Китая российскими учеными-эмигрантами Харбина // Сибирские исследования. 2011. № 1. С. 81–85 (на кит. яз.).

彭传勇, 汉学家 А.В. 鲁达科夫的中国东北考察及在俄国汉学史上的地位. = Пэн Чуаньюн. Экспедиция синолога А.В. Рудакова в Северо-Восточный Китай и ее место в истории русского китаеведения // Сибирские исследования. 2013. № 5. С. 67–69 (на кит. яз.).

施雪华, 国外中国学的历史、特色、问题与走向 = Ши Сюэхуа. История, особенности, проблемы и тенденции изучения Китая за рубежом // Вестник Шанхайского института администрации. 2013. № 3. С. 4–15 (на кит. яз.)

曹景文, 中国学在俄国 = Цао Цзинвэнь. Китаеведение в СССР // Вестник университета Яньшань (философия и социальные науки). 2007. № 3. С. 137–141 (на кит. яз.).

朱丹, 符拉迪沃斯托克市汉学教学现状分析 = Чжу Дань. Анализ состояния преподавания китайского языка в г. Владивостоке. Цилинь, 2014. 23 с. (на кит. яз.)

朱仁夫, 中国儒学在俄罗斯 = Чжу Жэньфу. Китайское конфуцианство в России // Восточный форум. 2006. № 3. С. 1–9 (на кит. яз.)

李明滨, 俄国汉学史提纲 = Ли Минбин. Очерк истории русской синологии // Китайские культурологические исследования. 1999. № 25. С. 131–137 (на кит. яз.).

李明滨, 俄罗斯汉学史 = Ли Минбинь. История российского китаеведения. Чжэнчжоу, 2008. 233 с. (на кит. яз.)

李秋梅, 俄罗斯汉学繁盛原因探析 = Ли Цюмэй. Анализ причин процветания российской синологии // Век литературы. 2007. № 4. С. 88–89. (на кит. яз.)

李逸津, 世纪之交的俄罗斯汉学—文学研究 = Ли Ицзинь. Российское китаеведение на рубеже столетий (XX–XXI вв.) // Русская литература и искусство. 2002. № 10. С. 78–82 (на кит. яз.).

柳若梅, 《史记》在俄罗斯的收藏与翻译 = Лю Жомэй. Коллекция и перевод «Исторических записок» в России // Гуандунская социальная наука. 2014. № 4. С. 102–113 (на кит. яз.).

柳若梅, 俄罗斯汉学史—中俄文化交流的桥梁: 俄罗斯汉学史上的院士汉学家 = Лю Жомэй. Китайско-российская культурная коммуникация: академические китаеведы в истории российского китаеведения. Пекин, 2010. 358 с. (на кит. яз.)

王瑞君, 俄罗斯远东联邦大学东方学院汉语教学现状调查与分析 = Ван Жуйцзюнь. Исследование и анализ современного состояния преподавания китайского языка на восточном факультете Дальневосточного федерального университета. Харбин, 2014. 43 с. (на кит. яз.)

邱桂荣, 我所敬重的一位汉学家—《史记》俄译本译者维亚特金博士 = Цю Гуйжун. Один из моих уважаемых китаеведов, переводчик «Исторических записок» – профессор Р.В. Вяткин // Современные международные отношения. 1995. № 1. С. 48–49 (на кит. яз.)

邹力辉, 俄罗斯远东地区学生汉语学习的调查报告 = Цзоу Лихуэй. Отчет об исследовании изучения китайского языка российскими студентами на Дальнем Востоке. Харбин, 2012. 44 с. (на кит. яз.)

阎国栋, 俄国汉学史 = Янь Годун. История российского китаеведения. Пекин, 2006. 731 с. (на кит. яз.)

阎国栋, 俄罗斯汉学三百年. = Янь Годун. Триста лет российского китаеведения. Пекин, 2007. 220 с. (на кит. яз.)

陈建华, 中国文学: 俄罗斯汉学研究的一个重要领域 = Чэнь Цзяньхуа. Китайская литература как важная область исследования в российском китаеведении // Вестник Восточно-китайского педагогического университета. 1996. № 5. С. 83–96 (на кит. яз.)

陈开科, 俄国汉学通史的佳作—李明滨《俄罗斯汉学史》评介 = Чэнь Кайкэ. Шедевр всеобщей истории русской синологии – обзор и оценка работы Ли Минбина «История русской синологии» // Вестник Юнь Мэн. 2011. № 5. С. 30–32 (на кит. яз.)

雷丽平, 李渤, 俄罗斯汉学的发展演变及其现实意义 = Лэй Липин, Ли Бо. Развитие и эволюция синологии в России и ее практическое значение // Гуманитарный обмен Северо-Восточной Азии. 2011. № 4. С. 112–122 (на кит. яз.).

马冲宇, 新世纪俄罗斯汉学研究动向初探 = Ма Чуньюй. Тенденция китаеведческих исследований в России в XXI в. // Китаеведческие исследования за рубежом. 2008. № 5. С. 37–42 (на кит. яз.).

References:

- Arefev, A. L. (2011) Chinese Language in Russian Universities and Secondary Schools: Past and Present. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole*. (1 (16)), 94–105 (in Russian).
- Arefev, A. L. & Dmitriev, N. M. (2016) Trends of the Russian-Chinese Cooperation in Education. *Sotsiologiya obrazovaniya*. (11), 85–93 (in Russian).
- Cao Jingwen (2007). [Chinese Studies in the USSR]. *[Bulletin of Yanshan University (Philosophy and Social Sciences)]*. (3), 137–141 (in Chinese).
- Chen Jianhua (1996). [Chinese Literature as an Important Area of Research in Russian Chinese Studies]. *[Bulletin of the East China Pedagogical University]*. (5), 83–96 (in Chinese).
- Chen Kaige (2011). [A Masterpiece of the Universal History of Russian Synology – a Review and Evaluation of the Work of Minbin «History of Russian Sinology»]. *[Bulletin of Yunmen]*. (5), 30–32 (in Chinese).
- Cui Yu (2015). [The Current State of Affairs with the Teaching of the Chinese Language in Russia]. *[Bulletin of the Pedagogical Institute of Kaifeng]*. (4), 138–139 (in Chinese).
- Dacyshen, V. G. (2014) Kitaevvedcheskoe obrazovanie v Rossii v 1920-e gody [Chinese Education in Russia in the 1920s]. *Rossiya i Kitaj: aspekty vzaimodejstviya i vzaimovliyaniya*. Blagoveshchensk, pp.19–28 (in Russian).
- Dacyshen, V. G. (2015) *Istoriya russkogo kitaevvedeniya 1917–1945 gg.* [The History of Sino-Russian Studies 1917–1945]. Moscow. 352 p. (in Russian).
- Donskoj, V. K. (1966) Razgrom Vostochnogo fakul'teta DVGU [The Defeat of the Faculty of Oriental Studies at FENU]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk*. (1), 95–108 (in Russian).
- Elantseva, O. P., Trubich, O. A. & Liu Liqiu (2015) «To Teach Students to Speak, Read and Write Chinese» : Notes of Apollinary V. Rudakov and Petr P. Schmidt, Professors of the Oriental Institute (1915). *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. (4), 34–41 (in Russian).
- Ermakova, E. V., Kutsyi, G. S., Volodarskaya, E. P., Georgievskaya, E. A. & Glushchenko, I. I. (1999) *Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet: Istoriya i sovremennost'. 1899–1999* [Far Eastern State University: History and Modernity. 1899–1999]. Vladivostok. 704 p. (in Russian).
- Hamatova, A. A. (2014) Prepodavateli i vypuskniki-kitaevedy universiteta v 20–30-e gody proshlogo veka [Teachers and Alumni of Chinese Studies at the University in the 20s-30s of the Last Century]. In: *Puti razvitiya vostokovedeniya na Dal'nem Vostoke Rossii*. Vladivostok, pp. 47–67 (in Russian).
- Hisamutdinov, A. A. (2006) Apollinarij Vasil'evich Rudakov, ego trudy i knizhnoe delo v Vostochnom institute [Apollinarij Vasil'evich Rudakov, His Works and Bookwork at the Oriental Institute]. *Vlast' knigi*. (6), 71–78 (in Russian).
- Hisamutdinov, A. A. (2006) *Apollinarij Vasil'evich Rudakov. 1871–1949 gg.* [Apollinarij Vasil'evich Rudakov. 1871–1949]. Vladivostok. 88 p. (in Russian).
- Lej Lipin & Li Bo (2011). [Development and Evolution of Synology in Russia and Its Practical Significance]. [Northeast Asia Humanitarian Exchange]. (4), 112–122 (in Chinese).
- Li Minbin (1999). [Essay on the History of Russian Synology]. *[Chinese Cultural Studies]*. (25), 131–137 (in Chinese).
- Li Minbin (2008). *[History of Russian Chinese Studies]*. Zhengzhou. 233 p. (in Chinese)
- Li Qiumei (2007). [Analysis of the Causes of the Prosperity of Russian Synology]. *[The Age of Literature]*. (4), 88–89 (in Chinese).
- Li Yijin (2002). [Russian Chinese Studies at the Turn of the Century (XX–XXI Centuries)]. *[Russian Literature and Art]*. (10), 78–82 (in Chinese).
- Lyu Zhomej (2010). *[Sino-Russian Cultural Communication: Academic Chinese Studies in the History of Russian Chinese Studies]*. Pekin. 358 p. (in Chinese).
- Lyu Zhomej (2014). [Collection and Translation of «Historical Notes» in Russia]. *[Guangdong Social Science]*. (4), 102–113 (in Chinese).
- Ma Chunyu (2008). [The Trend of Chinese Studies in Russia in the XXI Century]. *[Local History Studies Abroad]*. (5), 37–42 (in Chinese).
- Makarenko V.G. (2009) Iz istorii vysshego obrazovaniya na Dal'nem Vostoke SSSR v 1920–1930-e gg. [From the History of Higher Education in the Far East of the USSR in the 1920–1930s.]. *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke Rossii*. Vladivostok, pp. 238–244 (in Russian).
- Makarenko, V. G. (2014) Podgotovka specialistov s vysshim obrazovaniem na Dal'nem Vostoke 1920–1930-e gg. : social'nye aspekty [Training of Specialists with Higher Education in the Far East in the 1920s and 1930s: Social Aspects]. In: *Sovetskij Dal'nij Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epohi*. Vladivostok, pp. 187–193 (in Russian).
- Makarenko, V. G. (2017) Vysshee obrazovanie na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1922 gg.) [Higher Education in the Far East of Russia (1917–1922)]. In: *Velikaya Rossijskaya revolyuciya 1917 g.: metodologiya, istochniki, istoriografiya*. Vladivostok, pp. 308–314 (in Russian)
- Malyavina, L. S. (2015) In the Conditions of «Undeclared War»: Peculiarities of Educational System Transformation in the Soviet Far East in 1930s. *Social'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. (3 (47)), 175–181 (in Russian).
- Malyavina, L. S. (2015) The Initial Formation Stage of the Far Eastern Oriental Research School (1899–1939): Results and Lessons. *Nauchnoe mnenie*. (2–3), 19–25. (in Russian).
- Malyavina, L. S. (2016) Reformirovanie rossijskoj vysshej shkoly: istoricheskij opyt (1920–1930-e gg.) i sovremennaya praktika (na materialah Dal'nego Vostoka) [Reforming Russian Higher Education: Historical Experience (1920s-1930s) and Modern Practice (on the Materials of the Far East)]. In: *Nauka i obrazovanie na rossijskom Dal'nem Vostoke: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*. Vol. 1. Khabarovsk, pp. 216–222 (in Russian).
- Malyavina, L. S. (2017) Universitety v usloviyah otraslevoj reorganizacii sovetskoj vysshej shkoly (1930-e gg.): na primere Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta (g. Vladivostok) [Universities in the Conditions of Sectoral Reorganization of Soviet Higher Education (1930s): The Case of the Far Eastern State University (Vladivostok)]. In: *Paradigmy universitetskoy istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu CHuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova)*. Cheboksary, p. 247–252 (in Russian).

- Peng Chuanyun (2011). [Description of the Study of the North-East of China by Russian Emigrant Scientists Harbin]. *[Siberian Research]*. (1), 81–85 (in Chinese).
- Peng Chuanyun (2013). [Expedition of Sinologist A.V. Rudakov to North-Eastern China and its place in the history of Russian Chinese Studies]. *[Siberian Studies]*. (5), 67–69 (in Chinese).
- Qiu Guizhong (1995). [One of My Respected Sinologists, Translator of «Historical Notes» – Professor R.V. Vyatkin]. *[Modern International Relations]*. (1), 48–49 (in Chinese).
- Reshetov, A. M. (2008) «Vsyu zhizn' ya zanimal'sya nauchnymi rabotami». Vydavushchijsya rossijskij i latvijskij uchenyj P.P. SHmidt (1869–1938) [«All My Life I Have Been Doing Scientific Work». Outstanding Russian and Latvian Scientist P. P. Schmidt (1869–1938)]. In: *Shirokogorovskie chteniya*. Vladivostok, pp. 141–163 (in Russian).
- Reshetov, A. M. (2009) Petr Petrovich Schmidt (1869–1938). *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. (2), 92–104 (in Russian).
- Savchenko, A. E. & Zuenko, I. Yu. (2020) The Driving Forces of Russia's Pivot to East. *Comparative Politics Russia*. 11 (1), 111–125. Available from: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10009> (in Russian).
- Sem, L. I. (1978) Vklad P. P. Shmidta v izuchenie kul'tury narodov sovetskogo i zarubezhnogo Dal'nego Vostoka [P. P. Schmidt's Contribution to the Study of the Culture of the Peoples of the Soviet and Sub-Soviet Far East]. *Kul'tura narodov Dal'nego Vostoka SSSR (XIX–XX vv.)*. Vladivostok, pp. 100–108 (in Russian).
- Shi Xuehua (2013). [History, Features, Problems and Trends of the Study of China Abroad]. *[Bulletin of the Shanghai Institute of Administration]*. (3), 4–15 (in Chinese).
- Staburova, E. Yu. (2001) Kitaevdenie v «Moej avtobiografii» P.P. SHmidta [Chinese Studies in P.P. Schmidt's «My Autobiography»]. *Kyunerovskie chteniya*. Sankt-Peterburg, pp. 201–206 (in Russian).
- Vasil'eva, E. V. (2017) *Nauchnye kadry Dal'nego Vostoka na etape vtorichnoj institucionalizacii otechestvennoj nauki. Chast' 1: Strukturno-kognitivnyy komponent*. [Scientific Personnel of the Far East at the Stage of Secondary Institutionalization of Russian Science. Part 1: Structural and Cognitive Component]. Vladivostok. 406 p. (in Russian).
- Vasil'eva, E. V. (2019) *Nauchnye kadry Dal'nego Vostoka na etape vtorichnoj institucionalizacii otechestvennoj nauki. Chast' 2: Aktsionistskii komponent*. [Scientific Personnel of the Far East at the Stage of Secondary Institutionalization of Russian Science. Part 2: The Actionist Component]. Vladivostok. 435 p. (in Russian).
- Vradij, S. Yu. (1999) Professor kitaevdeniya A.V. Rudakov [Professor of Sinology A.V. Rudakov]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. (5), 68–74 (in Russian).
- Wang Ruijun (2014). [Research and Analysis of the Current State of Teaching of the Chinese Language at the Eastern Department of the Far Eastern Federal University]. Harbin. 43 p. (in Chinese).
- Yan Godong (2006). [History of Russian Chinese Studies]. Pekin. 731 p. (in Chinese).
- Yan Godong (2007). [Three Hundred Years of Russian Chinese Studies]. Pekin. 220 p. (in Chinese).
- Yermakova, E. V. & Georgievskaya, E. A. (1994) Vostochnyj fakul'tet v 20–30 gody [Eastern Faculty in the 20–30 years]. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. (1), 52–63 (in Russian).
- Yermakova, E. V. (1994) Universitet: stranicy proshlogo [University: Pages of the Past]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdele-niya Rossijskoi akademii nauk*. (5–6), 18–27 (in Russian).
- Yermakova, E. V. (1996) Professors-Orientalists in Russian Far East: Their Names and Fates. *Izvestiya Vostochnogo insti-tuta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. (3), 5–14 (in Russian).
- Yermakova, E. V. (2004) University Press Activities in the Institute of Oriental Studies. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. (8), 9–18 (in Russian).
- Yu Wenlan (2003). [Russian Research Organizations of the Study of Chinese Studies-Universities and a System of Libraries and Museums]. *[Foreign Social science]*. (4), 69–73 (in Chinese).
- Zhu Dan (2014). [Analysis of the State of Teaching of the Chinese Language in Vladivostok]. Qilin. 23 p. (in Chinese).
- Zhu Renfu (2006). [Chinese Confucianism in Russia]. *[Eastern Forum]*. (3), 1–9 (in Chinese).
- Zou Lihui (2012). [Report on the Study of Chinese Language Learning by Russian Students in the Far East]. Harbin. 44 p. (in Chinese).

Информация об авторе

Ван Юе – аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Information about the author

Wang Yue – PhD Student, Department of History and Archeology, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 180–187.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 180–187.

Научная статья

УДК 94(518.3):34.01

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.29>

Юридический факультет в Харбине как центр российско-китайского правоведения в первой половине XX века

Чи Юйчао

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
88002978@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9662-2095>

Аннотация. В статье рассматривается начальный период развития российско-китайского сотрудничества в сфере правоведения, ознаменованный открытием в Харбине Юридического факультета как наследника российской академической науки. Отмечается, что становление правоведения в Китае во многом было определено именно деятельностью Юридического факультета в Харбине, оформившегося как самостоятельный вуз после окончания Гражданской войны в России в 1922 г., когда большая часть профессорско-преподавательского состава Государственного дальневосточного университета предпочла эмиграцию из советского государства в Китай, где продолжила свою профессиональную деятельность. Усилиями российских педагогов в начале XX века был создан центр юридического знания в Китае, позволивший обогатить правоведческую сферу КНР новыми высококвалифицированными кадрами и создать потенциал для ее развития. В ходе анализа публикаций по изучаемой проблеме выявлена разность оценок деятельности Юридического факультета с точки зрения китайских и российских ученых. Однако отмечено, что исследователи двух стран безапелляционно признают значимость данного вуза для развития юридического образования в Китае и установления двусторонних контактов в этой сфере между странами.

Ключевые слова: юридическое образование на Дальнем Востоке, русское образование в Китае, Русский Китай, первые юристы-педагоги в Харбине и Владивостоке

Для цитирования: Чи Юйчао. Юридический факультет в Харбине как центр российско-китайского правоведения в первой половине XX века // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 180–187. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.29>.

Original article

Harbin School of Law as a Center for Sino-Russian Legal Studies in the First Half of the XX Century

Chi Yuchao

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
88002978@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9662-2095>

Abstract. The article examines the initial period of development of Sino-Russian cooperation in law, marked by the opening of the Harbin School of Law as the successor to the Russian academic science. It is noted that the formation of Legal Studies in China was largely determined by the activities of the Harbin School of Law, formed as an independent institution of higher education after the Russian Civil War in 1922, when most of the academic teaching staff of the Far Eastern State University preferred to emigrate from the Soviet state to China, where they continued their professional activities. Through the efforts of Russian educators in the early XX century was created center of legal knowledge in China, which allowed to enrich the legal field of the PRC with new highly qualified personnel and create the potential for its development. The analysis of publications on the problem under study reveals the difference in assessments of the activities of the School of Law from the point of view of Chinese and Russian scholars. However, it is noted that the researchers of the two countries categorically recognize the importance of this university for the development of legal education in China and the establishment of bilateral contacts in this area between the countries.

Keywords: Legal education in the Far East, Russian education in China, Russian China, the first legal educators in Harbin and Vladivostok

For citation: Chi Yuchao. (2022) Harbin School of Law as a Center for Sino-Russian Legal Studies in the First Half of the XX Century. *Society: Philosophy, History, Culture.* (8), 180–187. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.29](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.29) (In Russian).

Сегодня особую важность имеют междисциплинарные и межгосударственные исследования в области истории образования. Это объясняет необходимость яснее определить требова-

ния по подготовке широкого круга специалистов (юристов, экономистов и востоковедов) для межгосударственных отношений, проанализировать исторический вклад российских юристов в китайскую юриспруденцию и китаеведение. Особую актуальность настоящая тема приобретает и в связи с государственной программой, разработанной в КНР, которая включает изучение региональной истории по направлению «Один пояс, один путь», сравнительный анализ исторического преподавания в разных странах, исследования по миграционной истории, истории международных отношений. Заместитель министра образования КНР Лю Лиминь отметил, что работы по зарубежной историографии способствуют развитию гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем (Лю Лиминь, 2015).

В историографическом анализе интересующей нас проблемы необходимо обязательно представить мнения и российских, и китайских исследователей, чтобы охарактеризовать все стороны процесса взаимодействия.

После 1917 г. в Харбине собрались многие десятки тысяч беженцев из России. Для решения проблемы продолжения образования русской молодежи эмигранты открыли в Харбине несколько высших учебных заведений, в том числе Высшие экономическо-юридические курсы, ставшие впоследствии, а именно в 1922 году, Юридическим факультетом. Данный вуз стал первым на китайской земле, преподавание в котором велось русскими педагогами, специалистами по праву. Учебное учреждение аккумулировало в себе все новейшие тенденции юридического образования того исторического периода и стало флагом высшей школы в провинции Хэйлунцзян.

После японской оккупации северо-запада Китая многие русские эмигранты ушли из Харбина, однако их передовая образовательная модель продолжала развиваться и сыграла положительную роль в формировании системы высшего образования Китая.

В этой связи следует отметить работы М.А. Павловской (Павловская, 2001, 1998), обратившей внимание на подготовку Юридическим факультетом востоковедов в 1920–1937 гг. и отметившей особую значимость русского вуза, который стал центром научных исследований по проблемам законодательства, истории, культуры, политики Китая и территорией разработки новых методов изучения восточных языков.

В.Т. Пашуто (Пашуто, 1992) в своих публикациях отмечала тот факт, что Юридический факультет в Харбине помимо собственно правового направления в науке ориентировал своих студентов на изучение ориенталистики, ведение востоковедческой научно-исследовательской работы. Результаты их усилий нашли отражение в многочисленных научных работах вуза: монографиях, научных статьях, посвященных рассматриваемым практическим и теоретическим проблемам ориенталистики, права, востоковедения.

Исследователи С.И. Лазарева и А.Н. Шпилёва (Лазарева, Шпилёва, 2012), изучая историю Юридического факультета в Харбине, свидетельствуют о том, что данный вуз стал средоточием интеллектуальных и образовательных ресурсов российской научной эмиграции в начале XX века. Исследователи подчеркивают, что деятельность профессорско-преподавательского состава учреждения оказала выраженное влияние на социально-экономическое развитие региона размещения нового российского вуза – Маньчжурии, так как она в новых условиях и на новых территориях позволила воссоздать систему традиционного российского образования, что объединило на интеллектуальной основе интересы русских эмигрантов и местного населения. Преподавание велось на высоком научном уровне, что обеспечило возникновение целого пласта новых специалистов, способных качественно преобразовать китайскую науку в сфере юриспруденции и права.

В публикациях О.А. Косиновой (Косинова, 2007, 2013, 2015) представлена деятельность вузовского научного журнала «Известия Юридического факультета», отражающая результаты труда ученых и популяризирующая их для научного сообщества того времени. О.А. Косинова на основе анализа публикаций периодического источника полагает, что содержание юридического образования русских эмигрантов в Китае имело два компонента: традиционный и ориентальный, часто называемый в документах краеведческим (Косинова, 2007, 2013, 2015).

В статьях В.П. Пономаревой (Пономарева, 2011, 2013, 2014, 2016) с юридической точки зрения исследуются вопросы о феномене наследия интересующего нас вуза в правовом пространстве русского зарубежья. Именно результаты научного и образовательного труда профессорско-преподавательского состава Юридического факультета представляют интерес для российского правоведения, поскольку они были достигнуты вдали от родины, но являются частью отечественного правоведения. Заслуживает внимания и тот факт, что достижения эмигрантов в харбинском вузе нельзя свести только лишь к выпуску высококлассных специалистов: значение Юридического факультета значительно шире – он обеспечил преемственную связь российской и китайской науки, стал передовым вузом Дальневосточного региона в плане юридического образования на русском языке и «Оазисом русской культуры». В.П. Пономарева подчеркивает, что

деятельность русской юридической науки в Харбине может быть охарактеризована как познавательный поворот в методологической сфере, поскольку она способствовала расширению и изменению представлений о содержании и объеме предметной области юриспруденции, особенно науки теории государства, права и истории правовых учений, формы существования до сих пор не определены, несмотря на многовековой путь становления и развития юридической мысли (Пономарева, 2011, 2013, 2014, 2016).

Т.А. Орнацкая (Орнацкая, 2015, 2016, 2018; Залесская, Орнацкая, 2016) в ряде своих публикаций о Юридическом факультете в Харбине высказывает мнение, что данный вуз имел принципиально важное значение как для России, так и для Китая, так как результатом работы российских ученых в его стенах стало продвижение не только отечественной правовой науки, но и китайской, что заложило основы классического юридического образования в КНР. Силами преподавателей и успешных студентов вуза были исследованы вопросы истории китайской правовой системы, установлены ее особенности в сравнении с российской.

Деятельность Юридического факультета, как считает Т.А. Орнацкая, обеспечила формирование транскультурного пространства, а русские профессора и преподаватели создали особую образовательную среду в другой стране, дали возможность совместного обучения русской и китайской молодежи, нашли способ обеспечить взаимное позитивное восприятие образов России и Китая. Выпускники вуза в дальнейшем оказали огромное на развитие российско-китайских связей, дипломатических отношений двух стран на различных уровнях (Орнацкая, 2015, 2016, 2018).

Благодаря выдающемуся преподавательскому коллективу был сформирован идеал современного активного человека, готового к взаимодействию с представителями различных культур, к восприятию новых знаний, идей и ценностей в сознании молодых людей.

В.И. Курилов, Т.М. Самусенко, В.В. Сонин (Курилов и др., 2008), рассматривая историю Юридического факультета в Харбине, сообщают, что Гражданская война в России привела к значительным потерям в научной среде вследствие эмиграции интеллигенции за рубеж. На Дальнем Востоке в этом отношении ключевую роль сыграло падение самопровозглашенного в условиях революционной неразберихи Приамурского государства в октябре 1922 г. и установление повсеместной советской власти в Приморье. Данный регион явился интеллектуальным донором для соседней Манчжурии – многие российские педагоги оказались в Харбине, где и участвовали в развитии Юридического факультета, первоначально возникшего как зарубежный филиал Государственного дальневосточного университета, однако впоследствии приобретшего статус самостоятельного вуза. Эмигрировавшие из России талантливые педагоги нашли применение своим знаниям и умениям именно в Харбине: благодаря им Юридический факультет получил академичность образовательного процесса на основе передовых дореволюционных российских практик преподавания в высшей школе. Фундаментализм классических юридических знаний, заложенный в учебных планах нового вуза, позволял говорить о высоком качестве образования студентов, что доказывалось их практическими успехами.

В.В. Сонин в своей статье (Сонин, 2013) также обращает внимание на Юридический факультет в Харбине, считая, что в 1920–1930-х гг. данный вуз был местом, где сохранялись традиции прежней русской юриспруденции, а также научно-исследовательским центром по направлению китайского права для русских юристов. Его появление, полагает ученый, внесло большой вклад в процесс исследования китайского права русскими специалистами. Причем оно рассматривалось в стенах Юридического факультета не только как выражение китайской культуры, истории и языка, но и как имеющее собственное значение и ценность, а также как регулятор общественных отношений в КНР.

А.А. Хисамутдинов (Хисамутдинов, 2015, 2016; Хисамутдинова, Хисамутдинов, 2020) в своих работах отмечал не просто абстрактный факт влияния Юридического факультета в Харбине на становление китайского высшего образования, но и детализировал его указанием на то, что педагоги и выпускники данного вуза деятельно участвовали в создании и утверждении новых законов КНР. Кроме того, исследователь говорит о том, что само появление высшего учебного заведения европейского типа позволило молодым китайцам не ограничиваться восточной парадигмой юридической науки в своем образовании, но и познакомиться с западной системой правоведения, что, несомненно, повысило их уровень как специалистов в избранной профессиональной отрасли. В целом А.А. Хисамутдинов характеризует Юридический факультет в Харбине как образец работы русского научного сообщества в Китае, как центр отечественной юридической мысли за рубежом. Появление в Манчжурии вуза такого уровня привело к значительному обогащению юридической науки в Китае, он создал платформу для научного и студенческого обмена с учреждениями других стран, для изучения китайского и российского права (Хисамутдинов, 2015, 2016).

Н.В. Хисамутдинова (Хисамутдинова, 2009, 2010, 2015; Хисамутдинова, Хисамутдинов, 2020) сконцентрировала свое внимание на описании истории высшего образования на Дальнем

Востоке, касаясь деятельности журнала «Юридическое обозрение» и судеб отдельных профессоров. Согласно приводимым исследователем данным Юридический факультет в Харбине возник как структурное подразделение Государственного дальневосточного университета, территориально расположенное за границами русского государства и получившее право на работу в результате аккредитации Приамурским правительством в 1922 г. Публикации Н.В. Хисамутдиновой интересны личностным подходом к истории – автор кратко исследовала состав преподавателей факультета, описав их судьбы и профессиональную деятельность. В своих публикациях Н.В. Хисамутдинова также отметила, что глобализация и активное перемещение людей по миру делают актуальным мультидисциплинарность юридических образовательных программ (региональная проблематика, экономическая составляющая, изучение языков и т.д.).

Деятельность Юридического факультета рассматривали в своих публикациях и другие российские ученые – Г.С. Стародубцев (Стародубцев, 2000), П.Н. Дудин (Дудин, 2015, 2017б), В.Г. Дацышен (Дацышен, 2015). Исследователи показали нам успешное развитие русского юридического образования в Харбине, подчеркнув своеобразие образовательного процесса, показав историю его формирования, достижения в китаеведении, уникальность процесса обучения и правового просвещения русско-китайской молодежи.

Центр азиатских правовых исследований юридического факультетов МГУ, заинтересовавшись историей Юридического факультета в Харбине, выпустил сборник избранных трудов (Избранные труды..., 2017), объединивший сочинения юристов-китаистов, которые развивали правовую науку на Юридическом факультете в Харбине. Ответственный редактор данной книги А.Е. Молотников отмечает, что данное учебное учреждение стало своеобразным феноменом в сфере юридического образования, так как его преподавателями сохранялись и приумножались знания по истории права уже несуществующего государства, а также потому что русские ученые инициировали глубокие исследования китайского законодательства, привив своим студентам мультикультурное восприятие действительности (Молотников, 2017).

П.Н. Дудин, характеризуя деятельность Юридического факультета в Харбине, подчеркнул, что ее значение определяется принципиальностью профессорско-преподавательского состава в организации обучения и в отношениях со студентами, их требовательностью при продуманности учебных планов, системностью занятий, а также сочетанием инновационности с традиционностью в образовательном процессе. Специалисты, получившие образование в императорских вузах России чутко отслеживали соблюдение научной этики, воспитывая в своих учениках благородное отношение к работе и прививая им истинно интеллигентские ценности. Из стен харбинского вуза выходили не просто юридические специалисты, а высоконравственные, хорошо подготовленные профессионалы, готовые приумножить полученные знания в правовой сфере и работать на благо общества (Дудин, 2017а).

Опыт изучения государства и права Китая и его преподавания в высшей школе имеет огромную значимость и ценность для формирования собственного научного направления и ведения образовательной деятельности с целью подготовки юристов и государствоведов восточноведческого направления, успешное развитие которого невозможно без научной и академической поддержки ученых и преподавателей КНР.

Для объективности повествования рассмотрим китайскую специфику освещения истории Юридического факультета в научных трудах исследователей КНР. Китайские ученые в этом плане концентрировались на сфере образования в провинции Хэйлунцзян и истории русской эмиграции в Манчжурии. Их работы по интересующей нас тематике можно представить в виде двух блоков.

К первому следует отнести исследования по вопросам образования в провинции Хэйлунцзян.

Китайский ученый Ли Дай впервые представил историю становления высших учебных заведений в КНР, описал программы специальностей, детализировал учебную и научную деятельность, охарактеризовал международные связи, преподавательский состав разных университетов в различные периоды с 1902 по 1985 гг. во всех районах провинции Хэйлунцзян, однако сведения о Юридическом факультете в Харбине, представленные им, достаточно кратки и сводятся к констатации факта существования вуза и его работы на волне русской эмиграции (Ли Дай, 1989).

Цзян Шуцин и Шань Лисюэ провели подробное исследование развития образования в провинции Хэйлунцзян в период конца правления династии Цин и начала эпохи Китайской республики, опираясь на многочисленные исторические источники для обоснования процесса модернизации образования в провинции Хэйлунцзян. Однако в отношении Юридического факультета в Харбине они также посчитали целесообразным ограничиться описанием истории его становления с 1920 по 1929 гг. (Цзян Шуцин, Шань Лисюэ, 2002).

Ян Фэнся, занимаясь изучением системы высшего образования в Китае, указала, что Юридический факультет в Харбине являлся первым высшим учебным заведением в области юриспруденции и политики в провинции Хэйлунцзян (Ян Фэнся, 2010).

Сюй Чжэньци отмечал, что Хэйлунцзянское высшее образование в период Китайской республики было продуктом эпохи, оно стало результатом глубоких изменений, которые привели к формированию уникальных отличительных черт системы высшего образования в провинции Хэйлунцзян; исследователь описал историю становления, состав и количество студентов и преподавателей Юридического факультета¹.

Цзинь Лисюэ интересовали вопросы образования Особого района Восточных провинций; в ее научном исследовании показано, что русский передовой педагогический опыт имел большое прогрессивное значение для развития образования на Северо-Востоке Китая, а учебные заведения русских эмигрантов способствовали становлению практики обменов студентами среди вузов двух стран. На фоне этого Цзинь Лисюэ только кратко затронула вопросы, касающиеся деятельности Юридического факультета².

Таким образом, в целом представленные исследовательские результаты китайского научного сообщества обогатили комплексное исследование истории образования в провинции Хэйлунцзян и дали нам представление о специфике становления и развития образования в провинциях Китая в первой половине XX века.

Ко второму блоку историографических работ относятся исследования по вопросам образования русской эмиграции в КНР.

Китайский исследователь Ли Сингэн сосредоточился в своих трудах на деятельности русских эмигрантов в Харбине, Тяньцзине, Шанхае после Октябрьской революции до 1945 г. в области политики, экономики, культуры, военного дела, общественной организации и др. В работе «От Высших экономико-юридических курсов до Юридического факультета в Харбине» ученый привел достаточно подробную информацию о вузе (Ли Сингэн, 1997).

Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин изучали происхождение русских эмигрантов в Харбине, описывали русские эмиграционные организации, русскую промышленность и торговлю, искусство, культуру, деятельность русских по делам печати и издательств, а также образ жизни и социальные проблемы русской эмиграции в Манчжурии. В разделе монографии «Русское высшее образование в Харбине» авторы привели обзор деятельности Юридического факультета и высказали мнение, что открытие русских высших учебных заведений в Китае не только решило проблемы подготовки специалистов для русских эмигрантов в Харбине, но также оказало огромное влияние на развитие образования в провинции и Китае вообще (Ши Фан и др., 2011).

Ли Жэньнянь обратил свое внимание на педагогическую деятельность русских эмигрантов в Китае с 1920 по 1940 гг. и высказал мнение, что Юридический факультет в Харбине являлся базой для развития общественных наук в среде русских эмигрантов в Китае (Ли Жэньнянь, 1996).

В своих публикациях Лю Цзиньфу (Лю Цзиньфу, 2007), Ван Яньлинь и Чжан Яньцзе (Ван Яньлинь, Чжан Яньцзе, 2016) раскрыли различные аспекты образования русских эмигрантов в Китае в первой половине XX в. и сделали вывод, что развитие русского высшего образования дало Харбину передовые педагогические взгляды, заложило образовательную базу для современных вузов.

Сяо Хун высказывает мнение, что научная, преподавательская, культурная деятельность Юридического факультета в Харбине имела новаторское значение для развития высшего образования в провинции и серьезно повлияла на повседневную жизнь русских эмигрантов и местных жителей (Сяо Хун, 2018).

Ли Ваньлу рассмотрела в своей работе вопросы образования учебных заведений иностранных эмигрантов в Харбине и представила историю их становления, описала программы, финансовое положение и уровень подготовки выпускников Юридического факультета в Харбине³. Автором отмечено, что иностранные учебные заведения явились важной базой для межнациональных обменов в сфере идеологического воспитания, искусства, архитектуры, а иностранная культура стала частью местной культуры в Харбине⁴.

¹ 徐振岐. 民国时期黑龙江高等教育述论. 吉林大学博士论文. 长春. 2013 年. 第 46–47 页 = Сюй Чжэньци. Описание и обсуждение Хэйлунцзянского высшего образования в период Китайской республики : дис. ... д-ра ист. наук. Чанчунь, 2013. 157 с. (на кит. яз.)

² 金雨雪. 东省特别行政区教育研究 (1896–1932 年). 哈尔滨师范大学硕士论文. 2010 年. 第 21 页 = Цзинь Лисюэ. Исследование образования Особого района Восточных провинций в 1896–1932 гг. : дис. ... магистра ист. наук. Харбин, 2010. 42 с. (на кит. яз.)

³ 李婉璐. 近代哈尔滨地区外国侨民学校教育研究 (1898–1938). 西南民族大学硕士论文. 成都, 2020 年. 第 24, 33–3 页 = Ли Ваньлу. Исследование по образованию учебных заведений иностранных эмигрантов в современном Харбине (1898–1938) : дис. ... магистра ист. наук. Чэнду, 2020. 84 с. (на кит. яз.)

⁴ Там же.

Цзян Саньцзюень исследовал причину открытия, процесс становления и развития, состав преподавателей и выпускников Юридического факультета, изучал историю журнала «Известия Юридического факультета» и научную деятельность преподавателей вуза. Ученый отметил роль русских эмигрантов, приложивших большие усилия и знания для обеспечения развития полноценного юридического образования в относительно изолированной среде и сделал вывод, что открытие Юридического факультета дало молодым русским эмигрантам возможность для получения качественного высшего образования за границей, а журнал «Известия Юридического факультета» как печатное издание активно способствовал научному обмену между Китаем и другими странами (Цзян Саньцзюень, 2013; Цзян Саньцзюень, Цзя Цзюань, Бао Хунмэй, 2019).

Проведенный анализ научных публикаций показал, что на данный момент отсутствуют комплексные исследования истории юридического образования во Владивостоке и Харбине, что определяет перспективы дальнейшей научной работы в этом направлении. Однако тематическое многообразие имеющихся научных материалов на данный момент свидетельствует об устойчивом интересе исследователей к проблеме становления юридического образования в Китае и роли в этом процессе российских педагогов. Следует отметить, что оценки деятельности Юридического факультета на китайской земле дифференцируются в зависимости от страны, которую представляют исследователи. Так, если российские ученые характеризуют Юридический факультет в Харбине как передовой вуз, деятельность которого придала позитивный импульс развитию китайского правоведения за счет усилий русских педагогов и внедренных ими методов работы, то с китайской стороны акцент делается на общем состоянии дел в образовательной сфере провинции, на фоне чего Юридический факультет признается значимым в контексте организации образовательного процесса для российских эмигрантов после Гражданской войны в молодом Советском государстве. Однако исследователи обеих стран сходятся во мнении о том, что Юридический факультет в Харбине стал ключевым звеном в развитии российско-китайского взаимодействия в образовательной, дипломатической и юридической сфере того исторического периода, что подтверждает его реальную значимость как для КНР, так и для России.

Список источников:

- Дацышен В.Г. Русское китаеведческое образование в Маньчжурии в первой трети XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 10. С. 108–116.
- Дудин П.Н. Вступление // Избранные труды Юридического факультета в Харбине. М., 2017а. С. 8–38.
- Дудин П.Н. К вопросу о судьбе преподавателей Юридического факультета г. Харбина, вернувшихся в СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2017б. № 1. С. 11–17.
- Дудин П.Н. Образовательный процесс на Юридическом факультете Харбина // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2015. № 3 (19). С. 148–154.
- Залесская О.В., Орнацкая Т.А. Юридический факультет в Харбине и его вклад в развитие русско-китайского приграничья (1920–1937 годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 113–131.
- Избранные труды Юридического факультета в Харбине. М., 2017. 532 с.
- Косинова О.А. «Известия Юридического факультета» как историко-педагогический источник о российском зарубежье в Китае // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 240–243.
- Косинова О.А. Изучение китайского языка и культуры в учебных заведениях Харбина и КВЖД в конце XIX – первой трети XX в. // Историко-педагогический журнал. 2015. № 2. С. 118–125.
- Косинова О.А. Юридическое образование российского зарубежья в Китае в первой трети XX века // Современное право. 2007. № 11. С. 109–113.
- Курилов В.И., Самусенко Т.М., Сонин В.В. Пятьдесят лет юридическому образованию в Дальневосточном государственном университете // Правоведение. 2008. № 4 (279). С. 6–18.
- Лазарева С.И., Шпилёва А.Н. Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии 20–40-х годов XX века // Ойкумена. Региональные исследования. 2012. № 3 (22). С. 94–102.
- Молотников А.Е. Предисловие // Избранные труды Юридического факультета в Харбине. М., 2017. С. 5–7.
- Орнацкая Т.А. Деятельность Юридического факультета в Харбине в 1920–1937 гг. // Право и образование. 2016. № 4. С. 148–156.
- Орнацкая Т.А. Подготовка юристов в Харбине (первая половина 1920-х гг.) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7-4. С. 114–117.
- Орнацкая Т.А. Юридический факультет в Харбине: опыт формирования у студентов ценности права // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. 2018. № 5. С. 160–166.
- Павловская М.А. Востоковедение на Юридическом факультете Харбина (1920–1937 гг.) // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2001. № 6. С. 11–18.
- Павловская М.А. Из истории юридического факультета в г. Харбине // Высшее образование на Дальнем Востоке: история, современность, будущее. Владивосток, 1998. С. 15–17.
- Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. 398 с.
- Пономарева В.П. Государственно правовые взгляды Н.В. Устрялова как представителя Харбинской школы права (20–40-е гг. XX в.) // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 263–269.
- Пономарева В.П. Правовое наследие Юридического факультета в городе Харбине 1920–1937 // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 209–214.
- Пономарева В.П. Сохранение традиций русского высшего юридического образования в Китае: Юридический факультет в Харбине (1920–1937) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, 2016. С. 455–460.
- Пономарева В.П. Феномен харбинского юридического факультета в правовом пространстве русского зарубежья (20–40-е гг. XX в.) // Русское научное наследие за рубежом России. Брянск, 2013. С. 200–209.

- Стародубцев Г.С. Русское юридическое образование в Харбине (1919–1937) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 140–151.
- Хисамутдинов А.А. Русский юридический факультет в Харбине // Право и образование. 2016. № 3. С. 105–113.
- Хисамутдинов А.А. Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 274–291. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-4-274-291>
- Хисамутдинова Н.В. Из Владивостока – в эмиграцию: судьбы дальневосточных профессоров // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6 (62). С. 309–312.
- Хисамутдинова Н.В. Русские специалисты как основатели межкультурных коммуникаций России и Китая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (26). С. 143–146.
- Хисамутдинова Н.В. Федеральный университет на Дальнем Востоке: прошлое и будущее // Высшее образование в России. 2009. № 5. С. 62–67.
- Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А. «Во имя общего блага – за правое дело»: к 150-летию со дня рождения юриста и педагога Никандра Миролюбова // Государство и право. 2020. № 10. С. 121–128. <https://doi.org/10.31857/S102694520012238-2>
- Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А. Юридическое обозрение: «...считаем своим долгом сделать все возможное в этой области» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2 (53). С. 69–78. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-2/69-78>
- 刘利民. “一带一路”框架下的中俄人文合作与交流 // 中国俄语教学. 2015 年. 卷 34 第 3 期. 第 1–4 页 = Лю Лиминь. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество и обмены в рамках программы «Один пояс, один путь» // Преподавание русского языка в Китае. 2015. № 34 (03). С. 1–4 (на кит. яз.)
- 刘金福. 19 世纪末叶以来俄国侨民在东北的教育活动述评 // 中国高新技术企业. 2007 年. 第 16 期. 第 192–193 页 = Лю Цзиньфу. Обзор деятельности образования русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае с конца XIX века // Китайские высокотехнологичные предприятия. 2007. № 16. С. 192–193 (на кит. яз.)
- 姜树卿, 单雪丽. 黑龙江教育史. 哈尔滨, 2002 年. 第 314 页 = Цзян Шуцин, Шань Лисюэ. История образования в провинции Хэйлунцзян. Харбин, 2002. 1135 с. (на кит. яз.)
- 李仁年. 20—40 年代俄国侨民在华的教育活动 // 西伯利亚研究. 1996 年. 第 3 期. 第 42–49 页 = Ли Жэньнянь. Образовательные деятельности русских эмигрантов в Китае в 1920–1940 гг. // Сибирские исследования. 1996. № 3. С. 42–49 (на кит. яз.)
- 李兴耕. 俄国侨民在中国(1917–1945). 北京, 1997 年. 第 340–341 页 = Ли Сингэн. Русские эмигранты в Китае (1917–1945). Пекин, 1997. 434 с. (на кит. яз.)
- 李岱. 黑龙江省高等教育沿革 1902–1985 年. 哈尔滨, 1989 年. 第 21–22 页 = Ли Дай. История развития высшего образования провинции Хэйлунцзян (1902–1985). Харбин, 1989. 685 с. (на кит. яз.)
- 杨凤霞. 浅论清末民初黑龙江地区的高等教育 // 北方文物. 2010 年. 第 1 期. 第 90–94 页 = Ян Фэнся. Обзор высшего образования в регионе Хэйлунцзян в периоде конца династии Цинь и начала Китайской республики // Северные культурные памятники. 2010. № 1. С. 90–94 (на кит. яз.)
- 王艳林, 张艳杰. 哈尔滨俄侨高等教育回眸 // 中外企业家. 2016 年. 第 35 期. 第 204–205 页 = Ван Яньлинь, Чжан Яньцзе. Воспоминания о высшем образовании русских эмигрантов в Харбине // Китайские и иностранные предприниматели. 2016. № 35. С. 204–205. (на кит. яз.)
- 石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨, 2011 年. 423 页 = Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русских эмигрантов в Харбине. Харбин, 2011. 423 с. (на кит. яз.)
- 索宁. 沙俄法学界对中国法律研究的历史与进程 // 清华论衡. 2013 年. 第 3 期. 第 484–500 页 = Сонин В.В. Юридические круги царской России по исследованию процесса и истории китайского права // Взвешивание суждений Цинхуа. 2013. № 3. С. 484–500 (на кит. яз.)
- 肖洪. 20 世纪哈尔滨俄侨教育体系构建的历程与思考 // 边疆经济与文化. 2018 年. 第 6 期. 第 19 页 = Сяо Хун. Становление и размышление образовательной системы русских эмигрантов в Харбине XX века // Пограничная экономика и культура. 2018. № 6. С. 18–20. (на кит. яз.)
- 蒋三军, 贾娟, 包鸿梅. 俄侨在华法政学报《法政学刊》述评 // 黑龙江史志. 2019 年. 第 8 期. 第 48–53 页. Цзян Саньцзюнь, Цзя Цзюань, Бао Хунмэй. Обзор журнала «Известия Юридического факультета» для русских эмигрантов в Китае // Местная история провинции Хэйлунцзян. 2019. № 8. С. 48–53 (на кит. яз.)
- 蒋三军. 哈尔滨法政大学溯源 // 黑龙江史志. 2013 年. 第 24 期. 第 25–27 页 = Цзян Саньцзюнь. Происхождение Юридического факультета в Харбине // Местная история провинции Хэйлунцзян. 2013. № 24. С. 25–27 (на кит. яз.)

References:

- Datsyshen, V. G. (2015) Russian Sinological Education in Manchuria in the Beginning of the 20th Century. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 14 (10), 108–116 (in Russian).
- Dudin P.N. (2015) Education Process at Harbin School of Law. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN*. (3 (19)), 148–154 (in Russian).
- Dudin, P. N. (2017) K voprosu o sud'be prepodavatelei Yuridicheskogo fakul'teta g. Kharbina, vernuvshikhhsya v SSSR [On the Fate of the Teachers of the Harbin School of Law who Returned to the USSR]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. (1), 11–17 (in Russian).
- Dudin, P. N. Vstuplenie [Introduction]. *Izbrannye trudy Yuridicheskogo fakul'teta v Kharbine*. Moscow, pp. 8–38 (in Russian).
- Izbrannye trudy Yuridicheskogo fakul'teta v Kharbine [Selected Works of the Harbin School of Law]* (2017). Moscow. 532 p. (in Russian).
- Khisamutdinov, A. A. (2015) Russian Higher Education in China. *Voprosy obrazovaniya*. (4), 274–291. Available from: [doi:10.17323/1814-9545-2015-4-274-291](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-4-274-291) (in Russian).
- Khisamutdinov, A. A. (2016) Russian Law Faculty in Harbin. *Pravo i obrazovanie*. (3), 105–113 (in Russian).
- Khisamutdinova, N. V. & Khisamutdinov, A. A. (2020) «In the Name of the Common Good – for a Just Cause»: to the 150th Anniversary of the Birth of Lawyer and Teacher Nikandr Mirolyubov. *Gosudarstvo i Pravo*. (10), 121–128. Available from: [doi:10.31857/S102694520012238-2](https://doi.org/10.31857/S102694520012238-2) (in Russian).
- Khisamutdinova, N. V. & Khisamutdinov, A. A. (2020) Legal Review: «We Consider it Our Duty to Do Everything Possible in This Area». *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. (2 (53)), 69–78 (in Russian).
- Khisamutdinova, N. V. (2009) The Federal University in Vladivostok: Past and Future. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. (5), 62–67 (in Russian).
- Khisamutdinova, N. V. (2010) Russkie spetsialisty kak osnovateli mezhkul'turnykh kommunikatsii Rossii i Kitaya [Russian Specialists as Founders of Intercultural Communications between Russia and China]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. (2 (26)), 143–146 (in Russian).

- Khisamutdinova, N. V. (2015) From Vladivostok to Exile: the Fates of Far Eastern Professors. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. (2–6 (62)), 309–312 (in Russian).
- Kosinova, O. A. (2007) Yuridicheskoe obrazovanie rossiiskogo zarubezh'ya v Kitae v pervoi treti KHKH veka [Legal Education of the Russian Abroad in China in the First Third of the Twentieth Century]. *Sovremennoe pravo*. (11), 109–113 (in Russian).
- Kosinova, O. A. (2013) «The Proceedings of the Faculty of Law» as a Historical and Pedagogical Source on the Russian Diaspora in China. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. (4), 240–243 (in Russian).
- Kosinova, O. A. (2015) The Study of Chinese Language and Culture in Educational Institutions in Harbin and at the KVZHD at the End of XIX – First Third XX Centuries. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. (2), 118–125 (in Russian).
- Kurilov, V. I., Samusenko, T. M. & Sonin, V. V. (2008) Pyat'desyat let yuridicheskomu obrazovaniyu v Dal'nevostochnom gosudarstvennom universitete [Fifty Years of Legal Education at the Far Eastern State University]. *Pravovedenie*. (4 (279)), 6–18 (in Russian).
- Lazareva, S. I. & Shpileva, A. N. (2012) Rossiiskaya eh migratsiya i razvitie obrazovaniya v Man'chzhurii 20–40-kh godov KHKH veka [Russian Emigration and the Development of Education in Manchuria in the 20s and 40s of the XX Century]. *Oikumena. Regional'nye issledovaniya*. (3 (22)), 94–102 (in Russian).
- Li Dai (1989). [History of the Development of Higher Education in Heilongjiang Province (1902–1985)]. Kharbin. 685 p. (in Chinese)
- Li Singehn (1997). [Russian Emigrants in China (1917–1945)]. Pekin. 434 p. (in Chinese).
- Li Zhehn'nyan' (1996). [Educational Activities of Russian Emigrants in China in 1920–1940]. [Siberian research]. (3), 42–49 (in Chinese).
- Lyu Limin' (2015). [Sino-Russian Humanitarian Cooperation and Exchanges Within the Framework of the «One Belt, One Road» Program]. [Teaching Russian in China]. (34 (03)), 1–4 (in Chinese).
- Lyu Tszin'fu (2007). [Overview of the Educational Activities of Russian Emigrants in Northeast China Since the End of the XIX Century]. [Chinese High-Tech Enterprises]. (16), 192–193 (in Chinese).
- Molotnikov, A. E. (2017) Predislovie [Introductory Note]. *Izbrannye trudy Yuridicheskogo fakul'teta v Kharbine*. Moscow, pp. 5–7 (in Russian).
- Ornatskaya, T. A. (2015) Podgotovka yuristov v Kharbine (pervaya polovina 1920-kh gg.) [Training of Lawyers in Harbin (the First Half of the 1920s)]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. (7-4), 114–117 (in Russian).
- Ornatskaya, T. A. (2016) Activities of the Faculty of Law in Harbin in 1920–1937. *Pravo i obrazovanie*. (4), 148–156 (in Russian).
- Ornatskaya, T. A. (2018) Legal Faculty in Harbin: the Experience of Formation at Students Values of Law. *Chteniya pamyati professora Aleksandra Aleksandrovicha Sidorenko*. (5), 160–166 (in Russian).
- Pashuto, V. T. (1992) *Russkie istoriki-eh migranty v Evrope [Russian Historians-Emigrants in Europe]*. Moscow. 398 p. (in Russian)
- Pavlovskaya, M. A. (1998) Iz istorii yuridicheskogo fakul'teta v g. Kharbine [From the History of the Harbin School of Law]. In: *Vyshee obrazovanie na Dal'nem Vostoke: istoriya, sovremennost', budushchee*. Vladivostok, pp. 15–17 (in Russian)
- Pavlovskaya, M. A. (2001) Oriental Studies at the Faculty of Law. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. (6), 11–18 (in Russian).
- Ponomareva, V. P. (2011) Gosudarstvenno pravovye vzglyady N.V. Ustryalova kak predstavitelya Kharbinskoi shkoly prava (20–40-e gg. KHKH v.) [State Legal Views of N. V. Ustryalov as a Representative of the Harbin School of Law (20–40s of the XX century)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. (2), 263–269 (in Russian).
- Ponomareva, V. P. (2013) Fenomen kharbinskogo yuridicheskogo fakul'teta v pravovom prostranstve russkogo zarubezh'ya (20–40-e gg. KHKH v.) [Phenomenon of Harbin School of Law in the Legal Space of Russian Abroad (20–40s of XX century)]. In: *Russkoe nauchnoe nasledie za rubezhami Rossii: materialy nauchnoi konferentsii*. Bryansk, pp. 200–209 (in Russian).
- Ponomareva, V. P. (2014) Legal Heritage of Law Department in the City of Harbin 1920–1937. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. (2), 209–214 (in Russian).
- Ponomareva, V. P. (2016) The Preservation of Traditions of Russian Higher Legal Education in China: the Department of Law in Harbin (1920–1937). In: *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva*. Blagoveshchensk, 455–460 (in Russian).
- Shi Fan, Lyu Shuan & Gao Lin (2011). [The History of Russian Emigrants in Harbin]. Kharbin. 423 p. (in Chinese)
- Sonin, V. V. (2013) [Legal Circles of Tsarist Russia on the Study of the Process and History of Chinese Law]. [Weighing Tsinghua's Judgments]. (3), 484–500 (in Chinese).
- Starodubtsev, G. S. (2000) Russkoe yuridicheskoe obrazovanie v Kharbine (1919–1937) [Russian Legal Education in Harbin (1919–1937)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. (6), 140–151 (in Russian).
- Syao Khun (2018). [Formation and Reflection of the Educational System of Russian Emigrants in Harbin in the XX Century]. [Frontier Economy and Culture]. (6), 18–20 (in Chinese).
- Tszyan San'tszyuen' (2013). [Origin of the Harbin School of Law]. [Local History of Heilongjiang Province]. (24), 25–27 (in Chinese).
- Tszyan San'tszyuen', Tszya Tszuyan' & Bao Khunmehi (2019). [Review of the Journal «"Proceedings of the Faculty of Law» for Russian Emigrants in China]. [Local History of Heilongjiang Province]. (8), 48–53 (in Chinese).
- Tszyan Shutsin & Shan' Lisyueh (2002). [History of Education in Heilongjiang Province]. Kharbin. 1135 p. (in Chinese).
- Van Yan'lin' & Chzhan Yan'tsze (2016). [Memories of Higher Education of Russian Emigrants in Harbin]. [Chinese and Foreign Entrepreneurs]. (35), 204–205 (In Chinese)
- Yan Fehnsya (2010). [Overview of Higher Education in the Heilongjiang Region in the Period of the End of the Qing Dynasty and the Beginning of the Republic of China]. [Northern Cultural Monuments]. (1), 90–94 (in Chinese).
- Zalesskaya, O. V. & Ornatskaya, T. A. (2016) Yuridicheskii fakul'tet v Kharbine i ego vklad v razvitie russko-kitaiskogo prigranich'ya (1920–1937 gody) [The Harbin School of Law and Its Contribution to the Development of the Sino-Russian Borderland (1920–1937)]. *Novyi istoricheskii vestnik*. (2 (48)), 113–131 (in Russian).

Информация об авторе

Чи Юйчао – аспирант департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Information about the author

Chi Yuchao – PhD Student, Department of History and Archeology, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 188–192.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 188–192.

Научная статья
УДК 94(571.63-25)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.30>

Роль Восточного института во Владивостоке в установлении российско-китайского образовательного сотрудничества

Ян Юе

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ian.iue1@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5641-4208>

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения образовательных связей между Китаем и Россией в начале XX века. Распространение интереса к Поднебесной на Дальнем Востоке было обусловлено необходимостью осуществления экономических и бытовых контактов на смежных территориях, однако открытие Восточного института (1899) преследовало цели подготовки специалистов со знанием китайского языка и культуры не только для удовлетворения насущных потребностей населения Дальневосточного региона, но и для обеспечения государственных задач установления дипломатических, экономических, политических связей с Поднебесной. Образовательный потенциал региона был усилен выпускниками Санкт-Петербургского университета – А.В. Рудаковым, П.П. Шмидтом и Н.В. Кюннером, которые разработали учебные курсы китайского языка при поддержке ассистентов – носителей языка. Деятельность Восточного института позволила обеспечить тесную преемственность российско-китайского образования и была полезна обеим странам. Выпускники вуза успешно работали как в России, так и в Поднебесной и оставили большой след в востоковедении. Кроме того, они нашли себя в разных направлениях совместной русско-китайской деятельности: науке, образовании, таможенном деле, предпринимательстве, транспортном сообщении.

Ключевые слова: Восточный институт, преподавание, китайский язык, сотрудничество, взаимодействие, методика преподавания, Дальневосточный государственный университет

Для цитирования: Ян Юе. Роль Восточного института во Владивостоке в установлении российско-китайского образовательного сотрудничества // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 188–192. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.30>.

Original article

The Role of the Oriental Institute in Vladivostok in Establishing Sino-Russian Educational Cooperation

Yang Yue

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ian.iue1@dvfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5641-4208>

Abstract. The article examines the history of educational ties between China and Russia in the early XX century. The interest in the Celestial Empire spread in the Far East due to the need for economic and household contacts in the adjacent territories, but the opening of the Oriental Institute (1899) was aimed at training specialists with knowledge of the Chinese language and culture, not only to meet the daily needs of the Far Eastern region, but also to ensure state objectives of establishing diplomatic, economic and political relations with the Celestial Empire. The region's educational potential was enhanced by St. Petersburg University graduates A.V. Rudakov, P.P. Schmidt, and N.V. Kühner, who developed Chinese language courses with the support of native-speaking assistants. The activities of the Oriental Institute allowed for close continuity of Sino-Russian education and were beneficial to both countries. Graduates of the university have worked successfully both in Russia and the Celestial Empire and have left a great mark in Oriental Studies. In addition, they found themselves in different fields of joint Sino-Russian activities: science, education, customs, entrepreneurship, and transport communication.

Keywords: Oriental Institute, teaching, Chinese language, cooperation, interaction, teaching methodology, Far Eastern State University

For citation: Yang Yue. (2022) The Role of the Oriental Institute in Vladivostok in Establishing Sino-Russian Educational Cooperation. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 188–192. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.30](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.30) (In Russian).

Популярность китайской культуры растет во многих регионах России, она привлекает своей необычностью, инаковостью, отличностью от европейской культуры. Дальний Восток России благодаря географическому соседству с Поднебесной характеризуется устойчивостью интереса населения к изучению китайского языка. Так, в Дальневосточном федеральном университете существуют

два основных центра преподавания китайского языка и китайской культуры. Одним из них является Восточный факультет, который из исторического здания (ул. Пушкинская, д. 10) был перенесен на остров Русский, где в 2012 г. проходил саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) (Савченко, 2010). Другим учебным образованием, аккумулирующим в себе практики преподавания и изучения китайской культуры, является Институт Конфуция, созданный в декабре 2006 г. и находящийся в центре Владивостока. Это учебное заведение финансируется КНР.

Российское китаеведение является ценной частью мировых исследований в этой области. На протяжении веков большое количество выдающихся русских ученых посвящали свои труды разработке именно данного направления, что сформировало уникальную академическую традицию и внесло значительный вклад в его всемирное изучение (Сунь Юхуа, Сю Юнь, 2018).

До создания Восточного института преподавание китайского языка на Дальнем Востоке было слабым и не обеспечивало потребностей населения в его освоении. Исторически развитие региона проходило в тесной связи с Поднебесной, что обуславливало особый интерес граждан к китайской культуре. Кроме того, между Поднебесной и Дальним Востоком уже давно установлены прочные торговые, производственные, деловые связи, для обеспечения и поддержания которых вербальная коммуникация необходима.

Чтобы выполнить потребности российской экономики в практических специалистах, владеющих китайским, маньчжурским, монгольским и другими восточными языками, в том числе для работы на Китайско-Восточной железной дороге, Николай II в 1899 г. учредил Восточный институт (Курилова, 2000). Помимо обычных молодых людей, заинтересованных в изучении китайского языка, в вузе проходили подготовку офицеры из царской армии, которым предстояло стать военными переводчиками.

Первым директором Восточного института был известный востоковед монгольской и калмыцкой специализации А.М. Позднеев, который стремился сделать учебную программу в вузе максимально приближенной к жизни и соответствующей актуальным потребностям обучающихся.

В 1896 г. Санкт-Петербургский университет направил группу своих выпускников в Китай для совершенствования в языке и углубления знаний о Поднебесной. Среди них был А.В. Рудаков (Пэн Чуаньюн, 2013), который положил начало новому этапу преподавания китайского языка на Дальнем Востоке России. Он отдавал много сил исследованию национальных обычаев Китая, составлению практических учебников, реформе и практике методики преподавания китайского языка (от старого – мандаринского диалекта к современному коммуникативному варианту языка), изучению и систематизации китайской классической литературы. А.В. Рудаков внес большой вклад в развитие российской дальневосточной школы китаеведения, оказал положительное влияние на немалое количество своих последователей.

В конце XIX века Россия получила право торговать на всей территории Поднебесной, после чего «закрытая дверь Китая была выломана» – это государство стало популярным направлением для новых контактов. Благодаря выгодному географическому положению Дальний Восток в этом отношении стал активно развиваться. Изучение китайского языка стало жизненно необходимо для многих граждан этого региона, так как позволяло интенсифицировать предпринимательскую деятельность и получить максимальную прибыль при работе с соседним государством. Восточный институт стал важным центром преподавания китайского языка в России. Количество подготовленных в нем специалистов намного превышало число выпускников соответствующего факультета Петербургского университета.

В Восточном институте придавалось большое значение сохранению книжного наследия и документальных архивов: в 1901 г. библиотека насчитывала около тысячи книг на русском, других европейских и азиатских языках. Всего за два года, с 1899 по 1901 г., вузом было куплено и получено в дар 9 000 китайских книг, в том числе полные собрания сочинений китайских династий и исторические энциклопедии, а также различные издания классических документов.

А.В. Рудаков продолжал активную преподавательскую деятельность в Восточном институте, совмещая ее с методически-преобразовательной. Летом 1900 г. А.В. Рудаков дважды съездил со студентами на стажировку в Хуньчунь, Цицикар и другие места. В 1901 г. он открыл новый курс истории Китая в XIX веке, совершенно отличный по содержанию от предшествовавшего, основанного на старинных книгах и практиковавшегося в Петербургском университете ранее¹. Цель курса – дать студентам возможность как можно скорее понять китайское общество, ознакомиться с текущей ситуацией в Поднебесной и заложить основу для будущей исследовательской работы.

¹ Рудаков А.В. Программа преподавания в Восточном институте по предмету торгово-промышленной деятельности Китая. 1912 г. // История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. Владивосток, 1999. С. 191–200.

До 1 января 1903 г. общее число студентов и слушателей в четырех классах Восточного института составляло 96 человек. В 1909 г. их количество уже достигло 182¹. Данное обстоятельство также указывает на то, что для Дальнего Востока было приоритетно направление разностороннего взаимодействия с Китаем, что влекло за собой необходимость подготовки специалистов соответствующего профиля.

А.В. Рудаков и его коллеги П.П. Шмидт, Н.В. Кюнер, А.В. Гребенщиков и др. постоянно изучали, пересматривали теории и методы преподавания китаеведческих дисциплин в Восточном институте, внедряли новые и актуальные инструменты обучения студентов. Их методы преподавания впоследствии стали образцом для востоковедов России.

А.В. Рудаков придавал большое значение практичности использования учебника. За пять лет обучения на кафедре восточных языков в Санкт-Петербургском университете он на собственном опыте испытал тяжкое бремя изучения языка и применения знаний на основе китайских классических текстов из «Четырех книг» и «Пяти классиков». Поэтому написание максимально приближенных к реальной жизни учебных материалов, которые учащиеся могут освоить и применить в кратчайшие сроки, стало одной из основных задач его деятельности после первых лет преподавания в Восточном институте.

А.В. Рудаков также приглашал образованных китайцев преподавать в институте. Часто на одном занятии русский профессор объяснял студентам лексику и грамматику, а его коллега из Поднебесной произносил для них китайские слова и предложения с целью усвоения обучающимися правильного произношения. При этом русские преподаватели подчеркивали, что между студентами и китайскими педагогами должны быть тесные и дружеские отношения, позволяющие добиться неформальности общения, которое обеспечит им владение китайским языком на более высоком уровне, так как студенты смогут погрузиться в разные коммуникативные ситуации. «Отличники умеют обращаться с китайскими учителями как со своими одноклассниками и проводят с ними большую часть дня, независимо от того, учатся ли они или отдыхают» (Еланцева и др., 2015).

Во время поездки в Китай со студентами, направлявшимися на стажировку, А.В. Рудаков собрал большое количество свежих учебных материалов. На этой основе им было составлено более 20 учебников, в том числе: 1) отражающие нормы официального общения: «Бумаги Императорских китайских таможен»²; «Образцы новейших официальных бумаг на китайском языке»³; «Образцы маньчжурского официального языка (по извлечениям из архивов ямуней северной Маньчжурии)»⁴; «Образцы новейших официальных бумаг и государственных актов на китайском языке»⁵ и др.; 2) описывающие разговорные категории: «Китайские разговоры официального и коммерческого характера»⁶, «Маньчжурские разговоры с китайским переводом»⁷ и т.д.; 3) касающиеся формирования письменных навыков по китайской скорописи: «Руководство к изучению наиболее употребительных в общежитии начертаний китайской скорописи, составленное для студентов Восточного института»⁸, «Собрание писем на китайском языке»⁹. Кроме того, А.В. Рудаков адаптировал и издал серию иностранных учебников. Например, «Руководство по системе

¹ Баженова Ж.М. Восточный институт – начало развития высшего образования на Дальнем Востоке России [Электронный ресурс] // Клуб при Японском центре во Владивостоке. URL: <https://www.jp-club.ru/vostochnyj-institut-nachalo-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-na-dalнем-vostoke-rossii/> (дата обращения: 01.08.2022).

² 中国帝国习俗的文件。符拉迪沃斯托克, 1901 年。16 页。= Рудаков А.В. Бумаги Императорских китайских таможен. Владивосток, 1901. 16 с. (на кит. яз.)

³ Рудаков А.В. Образцы новейших официальных бумаг на китайском языке : пособие к изучению официального китайского языка для студентов Восточного института. Верхнеудинск, 1905. 92 с.

⁴ Рудаков А.В. Образцы маньчжурского официального языка (по извлечениям из архивов ямуней северной Маньчжурии). С приложением частных писем бытового содержания, а также и касательно последних событий в Хэйлунцзянской провинции : пособие к лекциям по изучению современного политического строя и народного быта Маньчжурии. Владивосток, 1908. 56 с.

⁵ Рудаков А.В. Образцы новейших официальных бумаг и государственных актов на китайском языке : пособие к лекциям по китайскому языку и политической организации современного Китая. Владивосток, 1912. 219 с.

⁶ Рудаков А.В. Китайские разговоры официального и коммерческого характера : руководство к переводам с русского на китайский язык. Владивосток, 1910. 216 с.

⁷ Рудаков А.В. Маньчжурские разговоры с китайским переводом : пособие к лекциям по маньчжурскому языку. Владивосток, 1910. 24 с.

⁸ Рудаков А.В. Руководство к изучению наиболее употребительных в общежитии начертаний китайской скорописи, составленное для студентов Восточного института. Владивосток, 1907. 16 с.

⁹ Рудаков А.В. Собрание писем на китайском языке : пособие к изучению китайской скорописи. Владивосток, 1908. 64 с.

обучения мандаринскому языку», подходящее для студентов Восточного института¹. Он также обратил внимание на изменения в газетной лексике Китая, собрав и опубликовав «Вырезки из китайских газет, издаваемых на разговорном языке»². Многие из вышеупомянутых книг постоянно дополнялись и переиздавались впоследствии.

Каждый год во время каникул Восточный институт организовывал стажировки для студентов по всему Китаю, что очень помогало им в улучшении навыков использования китайского языка на практике, в углублении понимания традиционной восточной культуры и в совершенствовании практического опыта работы с китайцами. На Дальнем Востоке выпускники института активно проявляли себя в связанных с Китаем областях деятельности – они работали в правительственных учреждениях (в основном на российско-китайской таможне), на Китайско-Восточной железной дороге и в некоторых учреждениях на территории Поднебесной, связанных с Россией, таких как школы, культурные учреждения, газетные издания в Харбине и т.д.

В апреле 1917 г. А.В. Рудаков ушел с поста директора по состоянию здоровья и продолжил работу в Восточном институте на должности профессора.

После нескольких преобразований в высшей школе был создан Дальневосточный государственный университет в 1920 г. Преподаванию китайского языка в нем также уделялось большое внимание, и были достигнуты большие успехи в этом направлении. В то время в университете было три структурных образования: кафедра востоковедения, кафедра истории, языка и литературы и департамент социальных наук. Восточный институт также стал кафедрой Дальневосточного государственного университета (позже – Дальневосточного федерального университета), на которой А.В. Рудаков работал до июля 1939 г. Из-за ухудшения здоровья в более поздний период он мог преподавать только дома, однако его энтузиазм и воля к работе никогда не ослабевали (Вяткин, 1971). При его активном участии в 1930-х и 1940-х гг. в преподавании китайского языка делался упор на именно на практическое знание³.

В 1950–1990 гг. активно укреплялись позиции Дальневосточного государственного университета как российского вуза, ориентированного на подготовку специалистов восточного направления: расширились масштабы работы научных школ, были созданы новые академические и научно-исследовательские структуры в составе вуза, открыта докторантура, начали свою работу биостанция, физико-технический институт и другие учреждения.

Выпускники вуза обладали прочными умениями перевода и чтения, но слабым чувством языка и средними устными коммуникативными навыками. Обучение китайскому языку стало сосредотачиваться на слушании и говорении, на тренировке устной речи.

Наряду с акцентированием разговорной основы преподавания китайского языка при подготовке специалистов-востоковедов внимание уделялось изучению фольклора Поднебесной. Например, изучался культурный фон ханьской национальности, знания, обычаи, религия и традиции.

В результате повысился уровень преподавания китайского языка в Дальневосточном государственном университете, улучшились коммуникативные способности студентов. По сути, в полной мере используя местные географические преимущества, постоянно исследуя и совершенствуя методы преподавания студентам основ китайской культуры, ученые вуза постепенно сформировали уникальный стиль преподавания китаеведческих дисциплин.

Таким образом, следует заключить, что Восточный институт, а позднее и Дальневосточный государственный университет стали оплотом китайской культуры на русской земле. В этих учебных заведениях в соответствии с политическими и экономическими потребностями Дальневосточного региона преподавание велось с акцентом на практической составляющей образования. С этой целью изучение китайского языка было организовано на основе актуальных методик и новейших данных о специфике произношения, лексических и синтаксических норм, разговорных схем, которые использовались в Поднебесной того периода развития, что обеспечивало высокий уровень подготовки выпускников и их дальнейшую успешную работу в структурах, направленных на взаимодействие двух стран. В Восточном институте во Владивостоке был сформулирован четкий план обучения, открыта специальность китаеведения, преподавание вели многие известные профессора – специалисты по Китаю не только из России, но и из других стран.

Роль вуза в установлении российско-китайского сотрудничества трудно переоценить. С одной стороны, в его стенах было подготовлено большое количество кадров для российского общества, ориентированных на практическое взаимодействие с Поднебесной. С другой стороны,

¹ Рудаков А.В. Гуань-хуа чжи-нань. Руководство к изучению китайской мандаринской речи. Владивосток, 1904. 28 с.

² Рудаков А.В. Вырезки из китайских газет, издаваемых на разговорном языке : пособие к лекциям по китайскому языку. Владивосток, 1910. 48 с.

³ Хисамутдинов А.А. Под звездой ориенталистики: российские толмачи и востоковеды на Дальнем Востоке. Материалы к библиографическому словарю. Владивосток, 2007. 276 с.

преподавание китайоведения объективно укрепило двусторонние культурные обмены стран и способствовало дальнейшему развитию дипломатических, политических и экономических контактов региона с Поднебесной.

Список источников:

Вяткин Р.В. Аполлинарий Васильевич Рудаков (к столетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 216–218.

Еланцева О.П., Трубич О.А., Лю Лицю. «Научить слушателей говорить, читать и писать по-китайски»: записки профессоров китайской словесности Восточного института А.В. Рудакова и П.П. Шмидта (1915 г.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 34–41.

Курилова Л.А. Из истории высшего образования на Дальнем Востоке России (1899–1975 гг.) // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. 2000. № 1 (13). С. 110–123.

Савченко А.Е. Саммит АТЭС – 2012 и перспективы Владивостока: ближайшее будущее в контексте недавнего прошлого // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 4 (53). С. 21–30.

孙玉华, 秀云. 中国俄罗斯汉学家研究现状综述. 东北亚外语研究. = Сунь Юхуа, Сю Юнь. Обзор исследовательского статуса российских китайоведов в Китае // Северо-восточная азиатская иностранная лингвистика. 2018. № 6. С. 84–89 (на кит. яз.).

彭传勇. 汉学家 A.B. 鲁达科夫的中国东北考察及在俄国汉学史上的地位. 西伯利亚研究 = Пэн Чуаньюн. Исследование Северо-Восточного Китая китайоведом А.В. Рудаковым и его место в истории отечественного китайоведения // Сибирское исследование. 2013. № 5. С. 67–69 (на кит. яз.).

References:

Elantseva, O. P., Trubich, O. A. & Liu Liqiu (2015) «To Teach Students to Speak, Read and Write Chinese»: Notes of Apollinary V. Rudakov and Petr P. Schmidt, Professors of the Oriental Institute (1915). *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. (4), 34–41 (in Russian).

Kurilova, L. A. (2000) Iz istorii vysshego obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii (1899–1975 gg.) [From the History of Higher Education in the Russian Far East (1899–1975)]. *Vestnik Dal'nevostochnoi gosudarstvennoi akademii ekonomiki i upravleniya*. (1 (13)), 110–123 (in Russian).

Peng Chuanyun (2013). [Research of North-Eastern China by A.V. Rudakov and its place in the history of Domestic Sinology]. *[Siberian Research]*. (5), 67–69 (in Chinese).

Savchenko, A. E. (2010) Sammit ATEC – 2012 i perspektivy Vladivostoka: blizhajshee budushchee v kontekste nedavnego proshlogo [APEC Summit 2012 and Vladivostok's Prospects: The Near Future in the Context of the Recent Past]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. (4 (53)), 21–30 (in Russian).

Sun Yuhua, Xiu Yun (2018). [Review of the Research Status of Russian Sinologists in China]. *[Northeast Asian Foreign Linguistics]*. (6), 84–89 (in Chinese).

Vyatkin, R. V. (1971) Apollinarij Vasil'evich Rudakov (k stoletiyu so dnya rozhdeniya) [Apollinary Vasilievich Rudakov (on the Centenary of His Birth)]. *Narody Azii i Afriki*. (4), 216–218 (in Russian).

Информация об авторах

Ян Юе – аспирант Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Information about the authors

Yang Yue – PhD student, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.07.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.08.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 193–197.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 193–197.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.31>

Этническая идентичность как фактор формирования гражданской идентичности

Марет Мусламовна Бетильмерзаева^{1,2}

¹Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,
maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

²Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия

Аннотация. Исследована проблема идентичности в контексте культурно-антропологической динамики. Обосновано, что феномен идентичности связан со становлением субъективирующей рефлексии, сопровождавшей процесс раскола первичной универсальной слитности бытия мифологического мышления с антропоморфным структурированием мира и отчуждения человека от своих естественных начал. Соглашаясь с тем, что в дуальности человеческих субъект-объектных отношений достигается целостное переживание единства с другим посредством партиципации, автор раскрывает сущность партиципации как основы любого рода идентичности. Аргументировано, что ментальная конституция формирования смысла детерминирует конституционность экзистенциального режима идентичности, который подпитывается социальной средой. Рассмотрены факторы возникновения различных типов идентичности. Раскрыта роль этнокультурного фактора в контексте становления гражданской идентичности. Сделан вывод, что ресурсоемкость этнической культуры как одной из форм социально-информационной коммуникации социальной общности имеет потенциал, экстраполируемый на надэтническое взаимодействие субъектов в контексте консолидации гражданского единства.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая культура, коммуникативно-образовательное пространство, идентичность, партиципация

Для цитирования: Бетильмерзаева М.М. Этническая идентичность как фактор формирования гражданской идентичности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 193–197. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.31>.

Original article

Ethnic Identity as a Factor of Formation Civic Identity

Maret M. Betilmerzaeva^{1,2}

¹Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia,
maret_fil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8324-7153>

²Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

Abstract. The problem of identity is studied in the context of cultural and anthropological dynamics. It is argued that the phenomenon of identity is associated with the formation of subjectivizing reflection, which accompanied the process of splitting the primary universal fusion of being mythological thinking with anthropomorphic structuring of the world and alienation of man from his natural beginnings. Agreeing that the duality of human subject-object relations achieves a holistic experience of unity with another through participation, the author reveals the essence of participation as the basis of any kind of identity. It is argued that the mental constitution of meaning-making determines the constitutionality of the existential regime of identity, which is fuelled by the social environment. Factors in the emergence of different types of identity are examined. The role of the eth-no-cultural factor in the context of the formation of civic identity is revealed. It is concluded that the resourcefulness of ethnic culture as a form of social and in-formational communication of a social community has the potential to be extrapolated to supra-ethnic interaction of subjects in the context of consolidation of civil unity.

Keywords: civic identity, ethnic culture, communication and education space, identity, participation

For citation: Betilmerzaeva, M.M. (2022) Ethnic Identity as a Factor of Formation Civic Identity. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 193–197. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.31](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.31) (In Russian).

Известно, что современные этносы формировались в контексте постоянной социальной диффузии. В глобализирующемся мире, в котором стираются физические и культурные границы, складывается парадоксальная параллель двух миров: физической реальности и виртуальной реальности. В физической реальности существуют жесткие границы, территория Земли распределена между властными субъектами. Terra nullius, или ничейная земля, – сегодня понятие уже

неактуальное. В пределах государства при расширяющейся власти над территориями все меньше прав у обывателя на свободное использование ресурсов родного края. Вместе с тем наблюдаемая глобализация цифрового мира, безграничная территория цифрового формата виртуальной реальности, стирающая всякие рамки, уводит вглубь иных пространственно-временных измерений, где пространство приобретает новые характеристики, время не ограничено в своей направленности. Здесь же актуализируется проблема кризиса идентичности.

Исследование идентичности восходит к работам Джорджа Герберта Мида (самосознание как идентичность), Эрика Хомбургера Эриксона (эго-идентичность, кризис идентичности), Генри Тэддфела и Джона Тернера (социальная идентичность) и др. Понятие «идентичность» показало продуктивность своих ресурсов, позволяющих приблизиться к самопознанию.

В основе идентификации индивидом себя с кем-то лежат процессы категоризации «мы» и «они» (Tajfel, Turner, 2004). Процессы социальной дифференциации и социальной идентификации приводят к формированию социальной идентичности, которая есть результат сравнения «своей» группы с другими социальными объектами (Стефаненко, 1998: 95). На базе дифференциации себя от других формируется идентифицируемость себя с третьими. В процессах дифференциации и идентификации в зависимости от оснований, фундирующих сходство и различие обособившихся групп, проявляются разные виды идентичностей: этническая, гражданская, гендерная, профессиональная и т. д.

Цель нашего исследования – анализ понятия «этническая идентичность» как одного из значимых факторов формирования гражданской идентичности. Для преодоления современного антропологического и духовно-нравственного кризиса, обусловленного атомизацией человеческого бытия и гедонистическими тенденциями большинства, необходимо сохранить актуальность традиционных ценностей народов, проживающих на территории России. В условиях дискредитации идеи патриотизма и востребованности новой объединяющей идеологии для укрепления российской государственности более чем когда-либо формирование гражданской идентичности россиянина должно основываться на ресурсах этнической культуры (Гадаев, Гадаев, 2019). Этническая культура российских народов обладает большим потенциалом, способствующим с учетом сил дифференциации и идентификации становлению и развитию гражданской идентичности (Бетильмерзаева и др., 2016).

Достижение указанной цели требует обращения к анализу понятий гражданской и этнической идентичности и, собственно, к истокам самого феномена идентичности, что поможет обосновать гипотезу о роли этнокультурного фактора в контексте формирования гражданской идентичности.

В работе над статьей мы использовали общенаучные методы анализа и синтеза. В контексте сравнительного подхода подытожены представленные в современных научных изданиях сведения по идентичности. Смыслогенетический подход способствовал обоснованию позиции генуинности идентичности человеческому бытию.

Гражданская идентичность в современной науке дефинируется в первую очередь «как фактор консолидации вокруг интересов страны, поэтому степень ее укорененности в сознании и поведении граждан выступает как залог политической и духовной консолидации, а также патриотического единства общества» (Бугайчук, Коряковцева, 2019: 150). Формирование гражданской идентичности, будучи одной из прерогатив государственной политики, – процесс, обусловленный различными факторами организации социального пространства. Духовная консолидация и патриотическое единство выступают частью воспитательной идеологии, востребованной в рамках воспитания гражданина страны, что является гарантией государственной стабильности. Институтом организации процесса воспитания подрастающего поколения наравне с семьей служит образование, чья задача – выявление эффективных технологий формирования гражданской идентичности.

Роль образования в конструировании эффективных подходов социальной консолидации общества и формировании гражданской идентичности представителей различных социальных групп раскрывается в статье А.Г. Асмолова «Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества» (2008). Известный отечественный исследователь формулирует «ряд серьезных причин», которые препятствуют попытке реформирования образования, например игнорирование мотивации населения при проведении социальных реформ, негативный опыт предшествующих реформ в области социальной политики, сведение государственной политики реформирования образования к программам реформирования образования как отдельной отрасли (Асмолов, 2008: 69). С точки зрения А.Г. Асмолова, целевые области проектирования программ образования, такие как образовательная среда, сфера образования, образовательное пространство, отражают основные тренды реализации образовательной политики современной России.

Все три целевые области проектирования программ образования представляют собой части единой национальной программы образования, нацеленной на достижение таких «системных

социальных и ментальных эффектов, как гармонизация общества, социальная стратификация, рост конкурентоспособности страны, формирование гражданской идентичности как основы развития демократического общества» (Асмолов, 2008: 71). Ценностные ориентиры методологии социокультурного конструирования образования как ведущей социальной деятельности общества стимулируют постановку задачи «формирования гражданской идентичности, этнокультурной идентичности и общечеловеческой идентичности» (Асмолов, 2008: 79) через разработку соответствующих образовательных программ.

Феномен «гражданская идентичность» как один из видов социальной идентичности может быть рассмотрен в разрезе идентификационных механизмов, предлагаемых А.А. Пелипенко¹, – партиципации к дискретным вещам, партиципации к социальным отношениям и предельной партиципации, в контексте которых гражданская идентичность приобретает новую содержательность (2010, 2013). Качественный успех процесса формирования гражданской идентичности обусловлен соотношением в нем чувства сопричастности как к территории проживания – моя страна, как к источнику социального благополучия – моя власть, в контексте которых достигается предельная партиципация – универсальная причастность ко всему, что входит в единую государственную систему. Попытка построить такую модель идентификации была реализована и имела некоторый успех в Советском Союзе: «От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей человек проходит как хозяин по необъятной Родине своей».

Социально-психологический аспект гражданской идентичности на базе мониторинга оснований гражданской и этнической идентичностей нашел отражение в статье Л.М. Дробижевой и С.В. Рыжовой (2015: 9). Исследователи выдвигают тезис о совместимости гражданской и этнической идентичности при условии их позитивной направленности. Анализ показал, что гражданская идентичность представлена двумя пластами, первый – признание единства государства, территории, государственного языка, исторического прошлого, второй – культура, символы, праздники и черты характера. Для этнической идентичности важными оказались следующие индикаторы: язык, культура, родная земля, историческое прошлое (Дробижева, Рыжова, 2015: 17). Авторы отметили очевидность того, что негиперболизированная здоровая идентичность является следствием «роста доверия в обществе, уверенности в себе, ориентации на достижения, укрепления чувства хозяина на своей земле» (Дробижева, Рыжова, 2015: 22).

В контексте нашего дискурса необходимо рассмотреть хотя бы в основных чертах феномен этнического как одного из факторов, образующих культурное многообразие. Если культурное единство человечества обусловлено родовидовым родством и генетической склонностью человека к социальному познанию себя и своего места в мире, то культурное многообразие генерируется такими факторами, как территория проживания, язык, традиции и обычаи. Различение как механизм дифференцирования и идентифицирования индивидом себя с окружающей реальностью закладывает начало обнаружению многообразия мира. Благодаря механизмам различения, т. е. процессам дифференциации и идентификации, возникают новые социальные группы.

Не вдаваясь в полемику об определении сущности феномена «этнос», остановимся на его трактовке, предложенной С.А. Арутюновым и Н.Н. Чебоксаровым. Исследователи отмечают, что «этнотыпы представляют собой пространственно ограниченные “сгустки” специфической культурной информации, а межэтнические контакты – обмен такой информацией» (Арутюнов, Чебоксаров, 1972: 31). Наблюдаемые трансформационные процессы, свойственные носителям той или иной этничности и якобы противоречащие их природе этничности, служат обоснованием того, что цитируемые авторы были близки к истинной трактовке этноса в том аспекте, что не люди сами по себе, а информация, аккумулируемая в историческом опыте социальной общностью, организует единство этнокультурного пространства.

Этничность, в свою очередь, как признак этноса «связывает и солидаризует на основе группового членства» (Леви-Брюль, 2002: 40). Носителем этнического является этнос, в динамике развития которого организуются этносоциальное пространство и время, в его контексте данная группа переживает единство своего существования. Этносоциальное пространство и этносоциальное время выступают факторами, организующими этнокультурное своеобразие. Единство этносоциального пространства фундирует общую событийность, этносоциальное время отражается в исторической памяти народа – все вместе создает границы единства культуры, отражающейся в языке, традициях и обычаях этнической общности.

¹ По А.А. Пелипенко, в дуальности человеческих субъект-объектных отношений достигается целостное переживание единства с другим посредством партиципации – «особого психического состояния, в котором сознание ситуативно переживает свою слитность (нераздельность) с чем-либо изначально ему иноположенным» (2010: 150).

Феномен этнической идентичности является предметом обсуждения для многих исследователей, которых объединяет понимание под этнической идентичностью чувства осознания индивидом или группой своей принадлежности к той или иной этнической общности на основании общей территории проживания, устойчивых особенностей культуры и языка (Морзавченков, 2010; Удаев, 2018). М.А. Михайлова раскрывает содержание этнокультурной идентичности в условиях культурной глобализации (2013). Р.А. Удаев сравнивает этнокультурные аспекты безопасности и идентичности (2018). Ф.Т. Узденова интерпретирует проблемы этнокультурной идентичности через образ и его знаковую природу (2018). Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема стала предметом анализа Н.П. Копцевой и А.В. Кистовой (2015). Этнокультурную идентичность как сложный социально-психологический феномен, обусловленный психологической потребностью человека в упорядочивании представлений о себе и своем месте в картине мира, в контексте поиска новых моделей исследует И.В. Малыгина (2011). Гуманитарный потенциал самоидентификации субъекта современного мира раскрывает Э.В. Баркова (2018).

Этническая культура как информационный «сгусток» обособившегося многообразия отражает в себе все характерные черты любого этноса как социальной общности. Различия, сложившиеся в социогенезе этноса, имеют ментальные и когнитивные особенности, которые не обусловлены биологическими или генетическими факторами. Ментальные и когнитивные черты этнической культуры генерированы в длительной истории адаптации народа в определенном культурно-историческом континууме. В основе этих черт лежит социальный опыт, ювелирно отточивший самобытность этнической культуры. Культура этноса, одна из первых социальных форм причастности человека к определенной группе на основе единства языка, места проживания, традиций и обычаев, образует единое коммуникативное пространство и время (Бетильмерзаева, Денильханова, 2020).

Подытожим, что идентичность является одним из гениальных человеческой природе механизмов адаптации человека к окружающей среде. Процесс идентификации, структурируя социальные отношения, создает культурные скрепы, основанные на этническом своеобразии социальных общностей. В условиях постмодернистских тенденций глобализирующегося мира противостоят нарастающей деконструкции гуманитарного пространства и гарантом сохранения культурной и политической самобытности современной российской государственности служит этнокультурный фактор.

В контексте предложенного анализа отметим, что «в культуре ничто не умирает, а только меняет масштабы своего распространения и влияния» (Малыгина, 2011: 43), следовательно, этническая культура как один из факторов формирования общероссийской гражданской идентичности обладает большим потенциалом. Ресурсоёмкость этнической культуры как одной из форм социально-информационной коммуникации социальной общности, в рамках которой утвердись ментальные конструкты сознания и самосознания, особенности когнитивного познания, обнаруживает потенциал, необходимо экстраполируемый на надэтническое взаимодействие субъектов в контексте консолидации гражданского единства.

Список источников:

- Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // *Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы* : ежегодник. Вып. 2 / отв. ред. И.Р. Григулевич. М., 1972. С. 8–30.
- Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // *Вопросы образования*. 2008. № 1. С. 65–87.
- Баркова Э.В. Гуманитарное мышление в экофилософских ориентирах самоидентификации субъекта современного мира // *Право и практика*. 2018. № 1. С. 248–255.
- Бетильмерзаева М.М., Денильханова Р.Х. Коммуникация как двигатель этнокультурного развития // *Общество: философия, история, культура*. 2020. № 9 (77). С. 13–16. <https://doi.org/10.24158/fik.2020.9.1>.
- Бетильмерзаева М.М., Гадаев В.Ю., Халадов Х.-А.С. Историческое сознание в контексте формирования гражданской идентичности // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 9–14.
- Бугайчук Т.В., Коряковцева О.А. Гражданская идентичность как условие развития гражданского общества // *Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт* : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. / ред. Д.И. Попов, И.А. Ветренко. Омск, 2019. С. 148–152.
- Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В. Патриотизм и молодежь. Махачкала, 2019. 183 с.
- Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // *Полит. Политические исследования*. 2015. № 5. С. 9–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.03>.
- Копцева Н.П., Кистова А.В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема // *Философия и культура*. 2015. № 1 (85). С. 12–19. <https://doi.org/10.7256/1999-2793.2015.1.10695>.
- Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002. 400 с.
- Малыгина И.В. Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2011. № 3 (41). С. 43–48.

- Михайлова М.А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 191–196.
- Морзавченков Г.А. Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 139–142.
- Пелипенко А.А. Возможен ли постгуманизм // Человек. 2013. № 3. С. 17–28.
- Пелипенко А.А. Идентичность: смыслогенетические основания // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 147–170.
- Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования / под ред. В.С. Собкина. М., 1998. С. 84–104.
- Удаев Р.А. Безопасность и идентичность: этнокультурные аспекты // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4 (40). С. 156–162.
- Узденова Ф.Т. Образ и его знаковая природа (к проблеме этнокультурной идентичности) // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, № 3-1. С. 12–23. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-3-12-23>.
- Tajfel H., Turner J.C. The Social identity theory of intergroup behavior // Political psychology: Key readings / ed. by J.T. Jost, J. Sidanius. N. Y., 2004. P. 276–293. <https://doi.org/10.4324/9780203505984-16>.

References:

- Arutyunov, S.A. & Cheboksarov, N.N. (1972) Transmission of Information as a Mechanism of Existence of Ethno-Social and Biological Groups of Mankind. In: Grigulevich, I.R. (ed.) *Races and Peoples: Modern Ethnic and Racial Problems : Annual Journal*. Vol. 2. Moscow, Nauka, 8–30. (In Russian)
- Asmolov, A.G. (2008) A Strategy for the sociocultural modernization of education: On the way to overcoming the identity crisis and building a civil society. *Educational Studies*. Moscow. (1), 65–87. (In Russian)
- Barkova, E.V. (2018) Humanitarian mind in eco-philosophical identities of self-identification of the subject in contemporary world. *The Law and Practice*. (1), 248–255.
- Betilmerzaeva, M.M. & Denilhanova, R.H. (2020) Communication as a source of ethnocultural development. *Society: Philosophy, History, Culture*. (9), 13–16. Available from: doi:10.24158/fik.2020.9.1. (In Russian)
- Betilmerzaeva, M.M., Gadayev, V.Yu. & Khaladov, Kh.-A. S. (2016) Historical identity in the context of civic identity development. *Society: Philosophy, History, Culture*. (11), 9–14. (In Russian)
- Bugaychuk, T.V. & Koryakovtseva, O.A. (2019) Civil identity as a condition for the development of civil society. In: Popov, D.I. & Vetrenko, I.A. (eds.) *Development of political institutions and processes: Foreign and domestic experience. Collection of materials of the X All-Russian scientific and practical conference*. Omsk, Omskii Gosudarstvennyi Universitet im. F.M. Dostoevskogo, 148–152. (In Russian)
- Drobizheva, L.M. & Ryzhova, S.V. (2015) Civic and ethnic identity and perception of the preferable state in Russia. *Polis. Political Studies*. (5), 9–24. Available from: doi:10.17976/jpps/2015.05.03. (In Russian)
- Gadaev, V.Yu. & Gadaev, R.V. (2019) Patriotism and Youth. Makhachkala, ALEF. (In Russian)
- Koptseva, N.P. & Kistova, A.V. (2015) The Construction of Ethno-cultural and National Identity as a Philosophical Problem. *Philosophy and Culture*. 2015. (1), 12–19. Available from: doi:10.7256/1999-2793.2015.1.10695. (In Russian)
- Levy-Bruhl, L. (2002) Primitive mentality. Saint Petersburg, Evropeiskii Dom. (In Russian)
- Malygina, I.V. (2011) Cultural identity in modern Russia: The search for new models. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. (3), 43–48. (In Russian)
- Mikhailova, M.A. (2013) Ethnocultural identity under conditions of the cultural globalization. *Bulletin of BSU*. (14), 191–196. (In Russian)
- Morzavchenkov, G.A. (2010) Ethno-cultural identity criteria in globalization. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. (1), 139–142. (In Russian)
- Pelipenko, A.A. (2010) Identity: Semantic and Genetic Foundations. *Scientific Almanac Questions of the Social Theory*. 4, 147–170. (In Russian)
- Pelipenko, A.A. (2013) Posthumanism: Is it possible? *Human Being*. (3), 17–28. (In Russian)
- Stefanenko, T.G. (1998) Ethnic Identity and Some Problems of its Study. In: Sobkin, V.S. (ed.) *Ethnos. Identity. Education. Proceedings on the Sociology of Education*. Moscow, Institut Sotsiologii Obrazovaniya, 84–104. (In Russian)
- Tajfel, H. & Turner, J.C. (2004) The Social identity theory of intergroup behavior. In: Jost, J.T. & Sidanius, J. (eds.) *Political psychology: Key readings*. New York, Psychology Press, 276–293. Available from: doi:10.4324/9780203505984-16.
- Udaev, R.A. (2018) Security and identity: Ethno-cultural aspects. *Bulletin of Kalmyk University*. (4), 156–162. (In Russian)
- Uzdenova, F.T. (2018) Image and its sign nature (To the issue of the ethnocultural identity). *Russian Journal of Humanities*. 10 (3-1), 12–23. Available from: doi:10.12731/2077-1770-2018-3-12-23. (In Russian)

Информация об авторе

М.М. Бетильмерзаева – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета; профессор кафедры философии Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=274635.

Information about the author

M.M. Betilmerzaeva – D.Phil., Associate Professor, Head of the Philosophy, Political Science and Sociology Department, Chechen State Pedagogical University; Professor, Department of Philosophy, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=274635.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 198–201.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 198–201.

Научная статья

УДК 82-13

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.32>

Особенности мордовского героического эпоса на примере произведения «Сияжар»

Юлия Владимировна Бурова

Средне-Волжский институт Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Саранск, Россия, lady-burova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается пример мордовского героического эпоса – поэма «Сияжар», сказы которой были собраны и литературно обработаны мордовским писателем В.К. Радаевым и переведены на русский язык поэтом С.А. Поделковым. В основе «Сияжара» лежат устные повествования мордовского народа о единстве русских и мордвы в борьбе с ногайским войском. Главный герой произведения – Сияжар – становится идеалом, который воплотил мордовский народ в своем творчестве. Он предстает в качестве могучего богатыря, являющего народу свою доблесть и физическую силу во имя служения Родине. Подобные примеры героического эпоса интересны прежде всего тем влиянием, которое они оказывали на развитие народа, его культуры. Кроме того, они способствовали формированию жанров, поэтики и эстетики национальной литературы.

Ключевые слова: Сияжар, эпос, героический эпос, эпические произведения, богатырский эпос, мордовский народ, национальное самосознание, легенда, государственное образование, персонажи, история, письменность

Для цитирования: Бурова Ю.В. Особенности мордовского героического эпоса на примере произведения «Сияжар» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 198–201. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.32>.

Original article

Features of the Mordovian Heroic Epic on the Example of the Work “Siyazhar”

Yulia V. Burova

Middle Volga Institute of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia, lady-burova@mail.ru

Abstract. The article considers an example of the Mordovian heroic epic – the poem “Siyazhar”, whose tales were collected and literary processed by the Mordovian writer Vasily Radaev and translated into Russian by the poet Sergei Podelkov. “Siyazhar” as a Mordovian heroic epic is based on oral narratives of the Mordovian people about the unity of Russians and Mordovians in the fight against the Nogai army. The main character – Siyazhar – becomes an ideal that the Mordovian people embodied in their folklore. He is a mighty hero, who shows his prowess and physical strength to the people in the name of serving the motherland. Such examples of the heroic epic are interesting primarily because they influenced the development of the people, their culture, contributed to the formation of genres, poetics and aesthetics of national literature.

Keywords: Siyazhar, epic, heroic epic, epic works, Mordovian people, national identity, legend, public education, characters, history, writing

For citation: Burova, Yu.V. (2022) Features of the Mordovian Heroic Epic on the Example of the Work “Siyazhar”. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 198–201. Available from: doi:10.24158/fik.2022.8.32 (In Russian).

Текущий 2022 год посвящен культурному наследию народов России, что определяется Указом, подписанным президентом страны В.В. Путиным¹. В связи с этим значимым становится изучение народного искусства и нематериального культурного наследия мордовского народа. Особое внимание стоит уделить эпосу героико-исторического характера, соединившему в себе народную поэзию и историческую основу. Подобные эпические поэмы приобретают литературную завершенность с появлением письменности, которая закрепляет форму и сохраняет ее в истории и культуре (Евсеев, 1928; Федосеева, 2007б).

¹ О проведении в РФ Года культурного наследия народов России [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 30 дек. 2021 г. № 745 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115> (дата обращения: 04.08.2022).

Анализ процесса формирования эпических произведений в мировой литературе позволяет подразделять эпос на героический и богатырский (Буслаев, 1987; Мелетинский, 2004; Федосеева, 2007а; Шаронов, Шаронова, 2018). Первый характеризуется архаичностью повествований, так как он появился в более ранний период. Второй – более позднего происхождения – возник на этапе формирования этнических государственных образований. Эпос появляется на раннем этапе развития фольклора, когда художественное слово неразрывно связано с идеей. Именно поэтому его содержание и форма сложны и многообразны. Эпос отражает мифологическое сознание древнего человека и рассказывает о жизни народа в период его этногосударственного становления, демонстрируя различные стадии и стороны этого сложного процесса.

Мордовский народ, объединивший в себе два субэтнуса (мокша и эрзя), принадлежит к древнейшей группе финно-угорских народов. За многовековую историю этот народ жил вместе с русскими, марийцами и чувашами. Мордва сражалась за общую свободу Руси с монголо-татарами, пережила крестьянские восстания Степана Разина, Ивана Болотникова и Емельяна Пугачева. Особое значение в изучении культуры мордвы имеют ее легенды и мифы. При этом следует обратить особое внимание на формирование героического эпоса, который присутствовал в культуре каждого народа и создавался в периоды формирования государственности.

Эпические сказания мордовского народа, в частности «Сияжар» (Сияжар: сказания..., 1989), базируются на мифологических представлениях, воспроизводящих легендарную историю народа и мира в целом. Произведения отражают стремление мордовского народа жить в мире и согласии с русским народом, что во многом было характерной особенностью национального самосознания мордвы. В сказаниях это особенно ярко представлено в эпизодах, когда, прерывая свой мирный труд, Сияжар вместе с русскими воеводами Славой и Вольгой встает на защиту Родины от ногайцев. Основой эпоса выступает идея дружба и взаимопонимания между русским и мордовским народами, их близости в борьбе с врагами и возможности благого развития этнических государств при взаимной поддержке. Сказания о Сияжаре как древнейший вариант поэтического памятника хорошо сохранились в народной памяти именно потому, что самосознание мордвы ориентировано на сбережение древних обычаев и традиций. В большей степени это было характерно для мордвы Куйбышевской и Оренбургской областей. На территории современной Мордовии эти легенды и предания были сильно изменены.

Однако главной особенностью мордовского национально-героического эпоса выступает более поздняя оформленность произведений. Это во многом объясняется тем, что изначально мордовские племена не смогли объединиться в народность, так как этому препятствовало монголо-татарское иго. Национальное самосознание коррелирует с развитием героического эпоса и проявляется в сказаниях о Сияжаре, Нарчатке и Тюштяне. Эпос приобретает особое жанровое своеобразие, что определяется условиями жизни народа. При этом изменялись и сами сказания, которые подвергались влиянию новых идей и новых форм. Следует отметить, что «Сияжар» не является классическим вариантом героического эпоса, но именно здесь сконцентрированы исторические представления мордовского народа и отражен процесс этногенеза.

История представлена в «Сияжаре» через призму объединения мордовского народа с Российским государством, когда заметной стала борьба мордвы и других народов Поволжья против монголо-татарских завоевателей. Это находит отражение в сюжете и делает произведение близким не только для мордовского народа, но и для русского. Здесь же присутствуют и исторические персонажи (Иван Грозный), обладающие реальными чертами и делающие эпическое произведение значимым с точки зрения истории. Однако наряду с реальными историческими событиями здесь присутствуют и волшебные мотивы, в большей степени присущие сказочному жанру. Так, привлекательным становится волшебный мир природы, содержащий колдовство и анимизм. Черты героического эпоса демонстрируют существенную взаимосвязь мифологических взглядов народа, его художественные искания с реальными историческими фактами. Именно поэтому «Сияжар» становится свидетельством участия мордовского народа в исторических судьбах Российского централизованного государства. Все это делает особенно интересными и содержание, и поэтику «Сияжара».

Эпические сказания о Сияжаре были собраны и литературно обработаны мордовским писателем Василием Кузьмичом Радаевым и переведены на русский язык поэтом Сергеем Александровичем Поделковым. Еще в начале 1930-х гг. В.К. Радаев сделал первые записи фольклорных текстов о Сияжаре, за 40 лет им было собрано немало легенд и преданий, бытовавших в мордовских селах Куйбышевской области, а позднее зафиксированных и в мордовских селениях Оренбуржья. При этом главной задачей стало воссоздание обширного повествования о Сияжаре на основе сохранившихся фрагментов в собранном материале. Сюжет «Сияжара» исторически связан с периодом объединения мордовских племен, который начался в IX в., однако монголо-

татарское нашествие на длительное время остановило этот процесс. Позже, при вхождении мордовского народа в состав Российского государства, процесс формирования завершился. Это историческое событие отражено в произведении как свидетельство уважения к русскому народу, который спасает мордовский народ от жестокого гнета Казанского ханства.

В.К. Радаев не только воспроизводит материалы, относящиеся к сказаниям о Сияжаре, но и использовал песни и легенды, не имеющие непосредственного отношения к преданиям о нем. Таков пример исторической песни «Саманька», главная героиня которой – мордовская девушка – подсказывает Ивану Грозному идею скорейшего взятия Казани во время штурма. В.К. Радаева в тридцать четвертом сказе главным героем делает Сияжара, который и воссоздает данный сюжет. Это не единственный пример применения мордовского фольклора, когда разного рода песни раскрываются по-новому в тексте поэмы. Присутствуют здесь рассказ о русских богатырях, воплотившихся в образах Славы и Вольги, и отрывки, взятые из сюжета мордовской легенды «Дуболго». Борьба мордовского народа за независимость вместе с русским народом выражена в идее о том, как русские богатыри помогают мордовским освободить из заточения пленников, захваченных ханом Алаяром.

По формальному содержанию «Сияжар» представляет собой тридцать восемь сказов, демонстрирующих идею самоотверженного служения родной земле и народу, когда основой действия становится непримиримая борьба против врагов-чужеземцев. Интересен сам образ Сияжара. Он не просто соединяет в себе черты могучего богатыря, но становится воплощенным идеалом героической доблести и физической силы, главной движущей силой которого выступает идея служения Родине. При этом он является простым человеком, который в быту пашет землю и способен на искреннее чувство любви к женщине. Сияжар – это олицетворение самого народа, проявляющего себя в тяжких сражениях. Плененный и освобожденный богатырь – залог веры в счастливую жизнь и надежды народа на освобождение. Если Сияжар честен и благороден, то его противников отличают коварство и подлость. Так, в борьбе против алаяровских войск опасность подстерегает главного героя постоянно, но он обладает необычайной физической и духовной силой, разумом и смекалкой, поэтому во многом превосходит неприятелей. Алаяр и его войско обречены в схватке с протагонистом, который морально выше и сильнее.

Образ Родины представлен в образе благодатной и воспеваемой Гайрусы, где живет и трудится мордовский народ, созидаящий и миролюбивый. Для ее жителей характерны честность и верность долгу, свободу они ценят выше золота и серебра. Здесь рождаются патриотами Сияжар, Бурнай, Гамзур, которые, не щадя своей жизни, сражаются с врагами и становятся истинными героями. Им противостоят предатели и изменники Анжай и его сын Андямо, подвергнутые в Гайрусе за измену одиночеству и отлучению от людей.

Большую часть произведения занимают поединки между мордовскими и ногайскими богатырями, которые построены на основе традиций народно-героического эпоса. Сияжар и его товарищи наделены колоссальной силой, в то время как алаяровские воины нацелены на запугивание противников словами о собственных силе и могуществе. Подобные сцены отражают традиции богатырских поединков в произведениях народного эпоса. В основе «Сияжара» лежат традиционные для героического эпоса массовые сражения, в результате которых враг побежден, вражеское войско уничтожено и взято в плен.

Кроме того, эпосу присуща идеализация главного героя, также присутствующая в «Сияжаре». При этом главный герой реалистичен, в то время как его отец, Дуболго, воплощает древние черты эпической традиции в большей степени. Его конь всегда рядом со своим хозяином, он способен везти Дуболго сквозь дремучий лес, перепрыгивать через реки и горы. Дуболго как былинный богатырь олицетворяет жизненную мощь народа.

Как мы уже отмечали, хотя «Сияжар» в большей степени характеризуется как героический эпос, в нем присутствуют и черты волшебных сказок. Например, стрела Зулы, встреча девушки и медведя, который помогает ей выбраться из леса.

Таким образом, мордовский героический эпос на этапе формирования и литературного оформления становится основой для изучения культуры этноса. Это позволяет говорить о становлении жанровой системы национальной литературы. «Сияжар» был составлен в рамках комплексной работы по исследованию мордовской литературы и фольклора. Произведение расширило возможности исторического осмысления и сформировало народно-эстетическое сознание. Можно говорить о возникновении национального самосознания в связи с завершенностью эпического текста. Устная передача в этом случае существенно снижала возможности осмысления текста, так как не позволяла точно воспроизводить сказания и легенды и видоизменяла объем произведения. Вершиной развития является эпическая письменность, закреплённая мастерами слова.

Список источников:

- Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. Воронеж, 1987. 253 с.
 Евсевьев М.Е. Эрзянь морот. М., 1928. 185 с. На эрзянском яз.
 Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники : изд. 2-е, испр. М., 2004. 462 с.
 Сияжар: сказания мордовского народа / сост. и литер. обраб. В. Радаева ; пер. с мордов.-эрзя С. Поделкова. М., 1989. 303 с.
 Федосеева Е.А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007а. 210 с.
 Федосеева Е.А. Книжный эпос мордвы к проблеме определения понятия // VII Конгресс этнографов и антропологов России : доклады и выступления / редкол.: В.А. Тишков, В.А. Юрченков, Л.И. Никонова и др. Саранск, 2007б. С. 367–368.
 Шаронов А.М., Шаронова Е.А. О некоторых особенностях эрзянского героического эпоса // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 3. С. 47–60.

References:

- Buslaev, F.I. (1987) *Russian Heroic Epos. Russian Folk Epos*. Voronezh, Central.-Chernozem. Knizhnoe Izdatel'stvo. (In Russian)
 Evseev, M.E. (1928) *Ehrzyan' Morot [Ehrzyan' Morot]*. Moscow, Tsentrizdat. (In Erzya)
 Fedoseeva, E.A. (2007a) *Literary Forms of the Mordovian Heroic Epic: Creation and Evolution*. Saransk, Mordovskii Universitet. (In Russian)
 Fedoseeva, E.A. (2007b) *Knizhnyy epos mordvy k probleme opredeleniya ponyatiya [The Book Epic of the Mordvins to the Issue of Defining the Concept]*. In: Tishkov, V.A., Yurchenkov, V.A., Nikonova, L.I. et al. (eds.) *VII Kongress etnografov i antropologov Rossii : doklady i vystupleniya [VII Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: Reports and Speeches]*. Saransk, NII Gumanitarnykh Nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 367–368. (In Russian)
 Meletinsky, E.M. (2004) *The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments*. Moscow, Vostochnaya Literatura. (In Russian)
 Radaev, V. (ed.) *Siyazhar: skazaniya mordovskogo naroda [Siyazhar: Legends of the Mordovian People]*. Moscow, Sovremennik. (In Russian)
 Sharonov, A.M. & Sharonova, E.A. (2018) About Some Features of the Erzya Heroic Epos. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 12 (3), 47–60. (In Russian)

Информация об авторе

Ю.В. Бурова – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права и философии, Средне-Волжский институт Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Саранск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=282737.

Information about the author

Yu.V. Burova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of State and Law and Philosophy, Middle Volga Institute of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=282737.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.08.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 202–207.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 202–207.

Научная статья

УДК 911.53

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.33>

Западный Мурман: особенности формирования культурного ландшафта во II половине XIX – начале XX в.

Елена Юрьевна Терещенко

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия,
tereschenko.elena@masu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9399-7641>

Аннотация. В статье рассмотрен опыт освоения арктических территорий в XIX – начале XX в. Западный Мурман – часть Мурманского берега Кольского полуострова, где был реализован проект государственной колонизации, в результате которой были основаны новые населенные пункты, послужившие дальнейшему развитию региона. Культурный ландшафт в данном исследовании рассматривается как единство географического пространства и деятельности человека во всех его проявлениях. Изучение культурного ландшафта Западного Мурмана позволяет перейти от монодисциплинарного подхода к комплексному изучению природы и культуры во взаимосвязи с историческими, этническими, хозяйственными особенностями. Источниками изучения культурного ландшафта в данном исследовании являются научные и художественные тексты конца XIX – начала XX в. (описания, карты, статистические данные, метрические книги, рисунки и др.). Анализ текстов позволил выявить специфику формирования культурного ландшафта (особенности топонимики, пространственной ориентации поселений, жизни местных жителей). В целом культурный ландшафт Западного Мурмана представляет собой уникальный опыт взаимодействия природы и человека в экстремальных северных условиях.

Ключевые слова: культурный ландшафт, Арктика, Кольский Север, Мурманский берег, Западный Мурман

Финансирование: статья выполнена при поддержке РФФИ Проект «Русская Арктика: от становищ к «колониям» (адаптация, семья, культура)» № 20-09-00008/22.

Для цитирования: Терещенко Е.Ю. Западный Мурман: особенности формирования культурного ландшафта во II половине XIX – начале XX в. // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 202–207. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.33>.

Original article

Western Murman: Features of the Formation of the Cultural Landscape in the II Half of XIX – Early XX Centuries

Elena Yu. Tereshchenko

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia,
tereschenko.elena@masu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9399-7641>

Abstract. The article examines the experience of the development of Arctic territories in the XIX – early XX century. Western Murmansk is a part of the Murmansk coast of the Kola Peninsula, where a government colonization project was implemented, as a result of which new settlements were founded, which served the further development of the region. The cultural landscape in this study is considered as a unity of geographical space and human activity in all its manifestations. The study of the cultural landscape of Western Murmansk makes it possible to move from a monodisciplinary approach to a comprehensive study of nature and culture in connection with historical, ethnic, and economic features. The sources of the study of the cultural landscape in this study are scientific and artistic texts of the late XIX – early XX century (descriptions, maps, statistical data, metric books, drawings, etc.). The analysis of the texts revealed the specifics of the formation of the cultural landscape (features of toponymy, spatial orientation of settlements, the life of local residents). In general, the cultural landscape of Western Murmansk represents a unique experience of interaction between nature and man in extreme northern conditions.

Keywords: cultural landscape, Arctic, Kola North, Murmansk coast, Western Murman

Funding: the research was supported by the RFBR Project “Russian Arctic: from camps to “colonies” (adaptation, family, culture)” No. 20-09-00008/22.

For citation: Tereshchenko, E.Yu. (2022) Western Murman: Features of the Formation of the Cultural Landscape in the II Half of XIX – Early XX Centuries. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 202–207. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.33](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.33) (In Russian).

Особенности формирования культурного ландшафта – область исследования гуманитарных и естественных наук (Каганский, 2011). Географические объекты и их названия приобретают свое значение в том случае, если появляются устойчивые ассоциации с конкретными историческими событиями, специфическими особенностями природного ландшафта.

Особым событием в истории Кольского Севера явилось «Положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега», утвержденное Александром II в 1868 г. Это послужило быстрому заселению территорий, образованию нового типа постоянных поселений – колоний, развитию не только рыболовства, морской торговли, но и распространению религии, образования, просвещения, медицины. В результате к началу XX века были образованы 39 колоний, где поселились более двух тысяч человек (Энгельгардт, 1897: 90–96).

При изучении культурного ландшафта в исторической ретроспективе источником данных становятся письменные источники: статистические данные, записки путешественников, описания губерний. Наиболее полный труд, раскрывающий особенности хозяйственной и общественно-бытовой жизни Мурманского берега представлен в «Материалах по статистическому исследованию Мурману»¹. В основу этой работы положены данные, собранные в 1899, 1900 и 1902 гг. Большой объем материала содержится в путевых заметках архангельского губернатора А.П.Энгельгардта, а также в записках путешественников В.И. Немировича-Данченко, Е.Л. Львова, К.К. Случевского, воспоминаниях К.А. Коровина.

Мурманский берег территориально делится на западную и восточную части. Западный Мурман – историческое название берега Баренцева моря от границы России с Норвегией до Кольского залива. Далее, до мыса Святой Нос, берег называется Восточный Мурман. Письменные источники о путешествиях вдоль Мурмана датируются XV–XVI вв. Дипломат Григорий Истома совершил путешествие в Норвегию, а австриец С. Герберштейн со слов Г. Истома записал этот рассказ в книге «Записки о московских делах» (1549). С середины XVI в. на полуострове Рыбачий в поселении Кегор был уже крупный международный торг, переместившийся позже в Печенгу, а потом в Колу. Со второй половины XIX в. начинается освоение (колонизация) Мурманского берега. Становища и колонии Западного Мурмана были объединены в Мурманско-Колонистскую волость (с 1871 г.), которая делилась на три общества (Печенгское, Рыбачьё, Урское) (Гулевич, 1883).

В книге «Страна холода», опубликованной в 1877 г., в главе «Колонизация и колонии Мурманского берега» Василий Иванович Немирович-Данченко (старший брат известного режиссера) пишет «Лет двенадцать тому назад, российский Мурманский берег на всем своем протяжении, равняющемся более 800 верстам (считая извилины), не представлял ни одного пункта, где бы существовали постоянные поселения. Множество становищ, усеявших его бухты, губы и острова, оживлялись только летом, когда из различных мест Беломорского края и из Колы сюда стекались промышленники для лова рыбы. Зимой и осенью здесь царило мертвое безлюдье. От Святого Носа до границ Норвегии только редкие вежи лопарей, стороживших становища, напоминали в этой пустыне о близости человека, да на западных оконечностях Рыбачьего полуострова жило несколько семейств норвежцев и финляндцев» (Немирович-Данченко, 1877: 147).

В исследовании культурного ландшафта можно выделить следующие компоненты: природная среда; социум в этнокультурном, социальном, религиозном и других аспектах; хозяйственная деятельность, связанная с ландшафтом; способ пространственной организации/самоорганизации сообщества людей в ландшафте; топонимика, языковая система; духовная культура и искусство². С позиций культурологии для изучения ландшафта большое значение имеют созданные в процессе освоения природы культурные смыслы географического пространства.

Природная среда Мурманского берега, по словам колонистов, достаточно суровая. «Зимы бывают очень снежные, в 1899 г. снегом занесло бы землянки, если бы их не отрывали каждый день и если бы снег не сдувало ветром. Зимние ветра бывают настолько сильны, что иногда перевертывают шняку, если оставить ее на открытом месте. Зимой при сильных северных сияниях можно, хотя и с трудом, читать. Цветные северные сияния бывают редко»³.

Основой формирования культурного ландшафта является социум. В социальном и этнокультурном аспектах Западный Мурман характеризуется динамичным развитием. Население

¹ Материалы по статистическому исследованию Мурмана : [в 4 томах] / Ком. для помощи поморам русского Севера ; [под общ. ред. Н. В. Романова]. Колонизация (по материалам 1899, 1900 и 1902 гг.). Т.1. Вып. II. СПб., 1904. 291 с.

² Калуцков В.Н. Ландшафтная концепция в культурной географии : автореферат дис. ... д-ра географич. наук. М., 2009. 50 с.

³ Материалы по статистическому исследованию Мурмана : [в 4 томах] / Ком. для помощи поморам русского Севера ; [под общ. ред. Н. В. Романова]. Описание колоний на запад от Кольской губы до границ с Норвегией. Т.2. Вып. II. СПб., 1903. С. 103.

Мурмана по данным 1897 г. составляло 1964 человека, а через два года увеличилось на 221 чел. Жители Западного Мурмана проживали в 27 колониях, самыми крупными из которых были Ура, Печенга, Большая Мотка (Озерки), Земляная, Титовка. По данным 1897 г., из 275 жителей Западного Мурмана было 50,5 % финнов, 19,6 % карелов, 12,4 % русских, 9,8 % норвежцев, 6,2 % саамов. Около половины домохозяйств норвежцев (12 из 27) были расположены в Цып-Наволоке, финны заселили Мотовский залив (83 домохозяйства из 139), 47 – на Рыбачьем полуострове, карелы (46 из 54) и русские (30 из 34) в основном поселились в Печенге и Титовке. Возрастной состав населения Западного Мурмана: 837 человек до 17 лет, 436 мужчин, 434 женщины¹.

Интерес также представляют данные о продолжительности проживания на Мурманском берегу. Таких домохозяйств, глава которых родился на Западном Мурмане насчитано 10,9 %, проживших на Западном Мурмане более 10 лет – 79,1 %, от 5 до 10 лет – 4,0 %. Т.е. родившиеся на Мурмане и старожилы, прожившие более 10 лет, составляют 90 % всех домохозяйств. Анализируя средний состав отдельного домохозяйства в зависимости от географической местности, видно, что «семья крупнее там, где больше возможности вести сельское хозяйство, и, наоборот, мельче, где преобладают морские промыслы»².

Колонисты переселялись из Финляндии (90 чел.), Норвегии (51 чел.), из Архангельской губернии (Кемского и Онежского уездов) (82 чел.), из Колы (6 чел.). В то же время современные исследования показывают, что в действительности русское присутствие на Мурманском берегу было значительно шире, к числу православных колонистов ежегодно присоединялись прибывавшие на Мурман рыбаки-сезонники из беломорских деревень и города Колы. «Демографические данные свидетельствуют, что и к западу, и к востоку от Кольского залива русское влияние было одинаково значимым. Информация православного некрополя косвенно иллюстрирует связь возникающих колоний с системой сезонного расселения промышленников». Количество рождений лиц православного вероисповедания на Мурманском берегу в 1873–1915 гг. (от 28 до 613) «свидетельствует о нарастающих темпах роста “оседающих” мигрантов до начала XX века» (Федоров, Малащенко, 2021: 1319).

Большое значение для всего Мурманского берега имела духовная, а также экономическая деятельность Свято-Троицкого монастыря в Печенге. Он был основан Трифоном в 1583 г. В 1589 г. монастырь подвергся нападению финско-шведских наемников и был разорен. 300 лет спустя, в 1863 г. на этом месте располагалась колония Монастырская, а в 1886 г. начинается восстановление Трифонов Печенгского монастыря. К началу XX в. вокруг Печенгской губы было уже пять колоний: Княжуха, Баркино, Трифонов Ручей, Гагарка, Оленья Гора. Колония Монастырская (Старая Печенга) была упразднена и перенесена по требованию монастыря.

В печатных источниках сохранились описания культурного ландшафта печенгских колоний. «Участок между левым берегом Печенги и правым Княжухи на 1–2 версты от её устья представляет полуостров с узким перешейком. Середина этого участка возвышается террасой; на ней – сопка „Монастырский Глядень“, около него, ближе к реке Печенге, находится монастырское поле – место старой колонии Печенги и место нового собора и древнего монастыря»³.

Истории переселенцев и их семей показывают уникальные повседневные практики освоения арктических территорий. Источники сохранили фамилии и имена жителей Западного Мурмана «Еремеев переселился сюда, когда здесь было дома 4–5 у монастыря (Демидов, Клементьев, Агиев, Костин, Заонегин), 2 дома в Княжухе (Еремеев Старший и Кемов) и под Оленьей горкой только один дом Кондратьева. Через зиму после Еремеева приехали из Кандалакши 12 семей. Норвежцы (Даль, Дюфес, Ларсен и др.) жили в то время здесь и рубили лес рабочими, сбывали в Норвегию»⁴.

В источниках указаны и обстоятельства переселения на Западный Мурман. Главной причиной переселения являлась нужда. Вот несколько рассказов колонистов о переселении в Печенгу. «Вздумал переселиться, когда был худой год; отца не было, жить было трудно; жили в Керети; братья ходили в море на промысел: когда выкликали на переселение – согласились; получили 60 руб. пособия вместо обещанных 120 р.», «Переселились, чтобы быть ближе к промыслу; там, на родине, расходно было: надо было далеко ходить на промысел». П.Ананьина «переселилась из Кандалакши; пришли в Печенгу сразу семьей; переселились потому, что там было плохо: промысла мало, ходить на Мурман трудно, а здесь ближе к морю; поселились у монастыря»⁵.

¹ Материалы по статистическому исследованию Мурмана... Т.1. Вып. II. СПб., 1904. С. 3, 5, 11.

² Там же. С. 23, 24, 12.

³ Материалы по статистическому исследованию Мурмана... Т.2. Вып. II. СПб., 1903. С. 144.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 155.

Из семейных историй можно узнать и о трагических подробностях политических событий, в частности о вооруженном конфликте между Российской и Британской империей в период Наполеоновских войн. 11 августа 1854 года английский фрегат «Миранда» совершил нападение на г. Колу. За два дня бомбардировки были сожжены 92 жилых дома, Воскресенский собор, Кольский острог и другие строения. Попытки противника высадиться на берег были безуспешны. По пути назад англичане в бухте Западная Лица разграбили и сожгли 17 судов колян, 2 шхуны увели с собой. Вот как вспоминают об этом колонисты: «А.И. Редькин переселился в Печенгу сюда лет 30 тому назад из Кандалакши. Редькина разорил „аглицкий год“ (1854–55): „ладью с товаром захватили англичане и трое суток держали самого в плену; отдал им топор, чайники, посуду для воды, шняку, куль муки и другие припасы – тогда и отпустили, сняли с руки золотой перстень и взяли бот. Выпустили на Терском берегу; домой добрался пеший. До разорения было: лодья, 4 промысловых шняки; из-за разорения промысел встал на 2 года»¹.

Хозяйственная деятельность на Западном Мурмане – это, прежде всего, рыбный промысел, главный предмет промысла на Мурмане составляет треска. Кроме трески, ловятся в сравнительно меньшем количестве палтус, пикша, сайда, зубатка, камбала, морской окунь и морской налим. «Опытом дознано, что треска идет к нам с теплым течением Гольфстрима от Норвегии, а потому первые уловы трески бывают всегда на западной стороне, а затем уже промысел переходит на восточную сторону Мурмана» (Энгельгардт, 1897:104). Основное судно для рыбных промыслов – поморская шняка. «Это судно в шесть или семь сажень длины, сажень с вершком ширины, и может поднять никак не более двухсот пудов; оно совершенно открыто и очень легко заливается океанскою водой. На шняке – две мачты, и когда поставлены все весьма широкие паруса, то она скользит по морю довольно быстро. В этих утлых судах ежегодно погибает много поморов, и тем не менее оставшиеся в живых товарищи их всё-таки идут на промыслы и на такой же шняке» (Случевский, 1897: 296, 297).

Бытовые условия в этой местности достаточно сложные. «Из 78 колонистских домохозяйств у 67 есть свои дома, в том числе у 65 – деревянные, а у 2 – землянки; у остальных 11 колонистов своих домов нет»². Дома, как правило, строились вдоль рек. В частности, колонии Большая и Малая Лица были расположены в Лицкой губе на берегу речек Большая и Малая Лица. Колония Ура – вдоль реки Большая Ура.

Среди разнообразных типов пространственной планировки поселений (свободная, линейная, квартальная) на Мурманском берегу преобладает смешанная. Однако, в русских колониях преимущественно дома строились рядами вдоль реки по аналогии с северными деревнями. В приложении к «Материалам по статистическому исследованию Мурмана» представлены уникальные карты колоний Ура, Цыпнаволоок, Печенга. Например, на карте «План колоний Печенга» дома стоят в два ряда вдоль одноименной реки Печенги. Постройки финских и норвежских колонистов, в зависимости от лучших покосов и промыслов, а также в соответствии с традиционным индивидуализмом, находились на значительном расстоянии друг от друга. В колонии Ура на стороне холма, обращенного в верх реки и к ручью Безымянному, стоят всего три дома. Выше устья Безымянного ручья (у порога) долина левого берега снова расширяется, хотя и значительно меньше. Здесь в одну линию на расстоянии сажень 50 (местами и более) друг от друга расположены пять домохозяйств³. По описаниям переселенцев в домах «зимою, как погода падет, особенно от морянки (ветер с моря), бывает холодно у всех, кто живет лицом к морю». «В избе зимою холодно – топят чугунок; рамы одиночные, на окнах мокро: на ночь запирают люки (ставни)». В колонии Вичаны всё население живет в трех землянках и одном деревянном доме. Одна семья не имеет хозяйственных построек и скот держит в одном помещении с собой. В Большой и Малой Лице типичным жилищем была землянка, две сажени в ширину и три в длину, высота – около трех аршин. Остов из березовых стоек обложен толстым слоем дерна. Неотъемлемая принадлежность землянки – норвежский камин, глиняная или каменная русская печь, большие светлые окна, плотный деревянный пол и отсутствие потолка. Характерная обстановка: раздвижная кровать, самодельные стулья-треножки, полки с посудой, книги; поперечные шесты через всю избу над головами, «унизанные хлебными лепёшками»; у боковых стен всегда располагается высокий шкаф, который «сплошь набит деревянными плоскими горшками молока». Освещаются избы керосиновыми лампами или свечами. Отапливаются только дровами⁴.

Церкви, часовни, кресты являются важным атрибутом культурного ландшафта. На севере именно они являлись репрезентацией освоенного пространства. Кроме того, систему расселения

¹ Материалы по статистическому исследованию Мурмана... Т.2. Вып. II. СПб., 1903. С. 155.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же. С. 26, 36, 160.

можно изучить на основе некрополя. «Анализ метрических книг позволил установить на Мурманском берегу в 1863–1920 гг. 60 мест захоронения лиц православного вероисповедания, в том числе 20 на Западном Мурмане, 14 – по берегам Кольского Залива, 26 – на Восточном Мурмане» (Федоров, 2021: 217).

В культурном ландшафте топонимия выступает как индикатор природных, хозяйственных, социальных особенностей ландшафта. Названия колоний Западного Мурмана, как правило, происходили от названий рек, мысов, а также основных промыслов (Китовка, Титовка, Сайда-губа, Червяная). Колония Земляная получила название по первым постройкам колонистов – землянкам. О поморском судостроении напоминает название колонии Вичаны (от русского слова вица – обработанный корень можжевельника, которым сшивали лодки). Колония Трифонов ручей связана с деятельностью преподобного Трифона Печенгского, основателя Трифонов Печенгского монастыря, который построил здесь часовню; Монастырская – по месту строительства монастыря. Баркино происходит от названия подводных песчаных гряд (бары). Часть топонимов Западного Мурмана саамского происхождения. Название колонии на Ура-губе произошло от слова «урак» – олень второгodka, Эйна – по имени легендарного шамана-богатыря, Большая Мотка – от саамского «муотк» – перешеек, Княжуха – «кеунес» – водопад, Печенга – «педчь» – сосна. Колония Большая Мотка получила свое название от участка суши между водными объектами (волока) «моатк», «муотк», Вайда-губа известна как место международного торгового (финно-угорское слово «вайта» означает «менять», «обменивать»). В название колонии Цыпнаволоок соединились саамское слово *sabbe*, «цеп» – палец и северо-русское слово наволоок – мыс (Минкин, 1976).

В наименованиях поселений отразились и важные события. В частности название колонии Еретики происходит от саамского слова «киеррь» – карликовая береза. Первоначально это было рыбацкое становище, расположенное на острове Шалим, при входе в Ура-губу Баренцева моря. В 1883 г. на острове петербургским предпринимателем Германом Гёбелем была основана китобойная компания. В 1885 г. сюда прибывает Великий князь Владимир Александрович – брат Императора Александра III. В честь этого события колонию переименовали в Порт-Владимир, а в 1890 г. здесь построили Свято-Владимирскую церковь. В 1905 г. в поселении было 2 дома и 4 амбара. В 1938 г. в ней проживало 754 человек, были построены школа, больница. В 30-е гг. в поселке был исправительно-трудовой лагерь, потом рыболовная станция, с 1969 г. – база Северного Флота, в 2007 г. поселение было упразднено.

Искусство позволяет расширить образное представление о ландшафте. Произведения живописи, литературы призваны создать символические смыслы ландшафта, визуальнo-эстетические ориентиры восприятия, передать этнические черты. Мурманский берег получает широкую известность после поездки на Север министра финансов С. Ю. Витте, художников Константина Коровина, Валентина Серова, Александра Борисова. В 1895 году была издана книга Евгения Львова «По Студеному морю. Поездка на Север», в нее включены фоторепродукции рисунков К. Коровина («Остров Кильдин», «Екатерининская гавань», «Церковь и кладбище в Еретиках», «Мурманский лов рыбы ярусами в море», «Церковь на Паз-реке», «Устье реки Териберки», «Ручей Святого Трифона») и В. Серова («Лопарское поселение в Пазреке» и др.) (Львов, 1895). К. Коровин оставил красочные воспоминания о поездке. Собираясь в путешествие, он пишет: «Развернутая географическая карта лежит на столе. Смотрю – действительно, Архангельск, а дальше – за Архангельском – ничего... Кого я ни видал перед отъездом, никто, как и Вася, об этом старом русском крае толком не знал ничего». (Коровин, 1990: 330).

Таким образом, анализ корпуса научных и литературных текстов дает возможность проанализировать специфику формирования культурного ландшафта Западного Мурмана (природные особенности, систему расселения, хозяйственные занятия, топонимику, художественные образы). В целом различные репрезентации культурного ландшафта формируют «ландшафтный текст», который можно читать и интерпретировать с помощью разнообразных источников (карт, статистических данных, записок путешественников, мемуаров, воспоминаний, рисунков и др.)

Список источников:

- Гулевич В.П. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношении. Архангельск, 1883. 133 с.
 Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 26–40.
 Коровин К.А. Константин Коровин вспоминает / Сост., авторы вступит. статьи и комментариев И.С. Зильберштейн и В.А. Самков. М., 1990. 807 с.
 Львов Е. По студеному морю : поездка на Север : Ярославль, Вологда, Архангельск, Мурман, Нордкап, Тронхейм, Стокгольм, Петербург; с тридцатью рисунками с натуры, исполненными художниками К.А. Коровиным и В.А. Серовым. М., 1895. 288 с.
 Минкин А.А. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976. 206 с.
 Немирович-Данченко В.И. Страна холода: виденное и слышанное. СПб., 1877. 537 с.

Случевский К.К. По Северо-Западу России. В 2 т. Т. 1. По Северу России: с картою северного края, отпечатанной в 6 красок, и 146 рисунков. СПб., 1897. 456 с.

Федоров П.В. Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216 – 1991. СПб., 2021. 726 с.

Федоров П.В., Малашенков А.А. «Правительственная колонизация» Мурманского берега Баренцева моря: демографическая картина по данным метрических книг (1873–1920 гг.) / Былые годы. 2021. № 16 (3). С. 1316–1325.

Энгельгардт А.П. Русский Север. Путевые заметки. СПб., 1897. 265 с.

References:

Engelgardt, A.P. (1897) *Russian North. Travel notes*. St. Petersburg, 265 p. (In Russian)

Fedorov, P.V. (2021) *Russia surrounded by water: a review of the history of the Kola Peninsula. 1216–1991*. St. Petersburg, 726 p. (In Russian)

Fedorov P.V., Malashenkov, A.A. (2021) "Pravitelstvennaya kolonizatsiya" Murmanskogo berega Barentseva morya: demograficheskaya kartina po dannym metriceskikh knig (1873–1920 gg.) ["Government colonization" of the Murmansk coast of the Barents Sea: demographic picture according to registers of births (1873–1920)] / In *Bylyye gody*, 16 (3), pp. 1316–1325. (In Russian)

Gulevich, V. P. (1883) *Murmansk coast in commercial and sanitary relations*. Arkhangelsk, 133 p. (In Russian)

Kagansky, V.L. (2011) Issledovaniye rossiyskogo kulturnogo landshafta kak tselogo i nekotoryye ego rezultaty [Research of the Russian cultural landscape as a whole and some of its results]. In *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury*, 4(5). pp. 26–40. (In Russian)

Korovin, K.A. (1990) *Konstantin Korovin recalls*. Compilers of the book, authors of the introductory article and comments I.S. Zilbershtein and V.A. Samkov. Moscow, 807 p. (In Russian)

Lvov, E. (1895) *To the icy sea: a trip to the North*. Yaroslavl, Vologda, Arkhangelsk, Murman, North Cape, Trondheim, Stockholm, St. Petersburg; with thirty drawings from nature, executed by artists K.A. Korovin and V.A. Serov. Moscow, 288 p. (In Russian)

Minkin, A.A. (1976) *Toponyms of Murman*. Murmansk, 206 p. (In Russian)

Nemirovich-Danchenko, V.I. (1877) *Land of cold: seen and heard*. St. Petersburg, 537 p. (In Russian)

Sluchevsky, K.K. (1897) In the Northwest of Russia. In 2 vols. Vol. 1. In the *North of Russi*: with a map of the northern region, printed in 6 colors, and 146 drawings. St. Petersburg, 456 p. (In Russian)

Информация об авторе

Е.Ю. Терещенко – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой искусств и дизайна Мурманского арктического государственного университета, Мурманск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=665029.

Information about the author

E.Yu. Tereshchenko – Doctor of Cultural Studies, Head of the Department of Art and Design, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=665029.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.06.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.07.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 208–211.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 208–211.

Научная статья
УДК 130.2+379.85 (470.23-25)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.34>

**Креативные кластеры как способ преобразования городской среды
и инструмент повышения туристической привлекательности города
(на примере Санкт-Петербурга)**

Ольга Николаевна Левшина

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации,
Санкт-Петербург, Россия, ansilion@yandex.ru

Аннотация. В статье изучены особенности формирования и функционирования креативных кластеров как элементов креативной экономики. Представлена трактовка креативного кластера как «третьего места» в концепции американского социолога Р. Ольденбурга. Креативный кластер рассмотрен как средоточие деловой и культурной жизни города. В качестве примеров наиболее успешных и активно развивающихся кластеров Санкт-Петербурга выбраны «Новая Голландия», «Севкабель Порт», «Бертгольд центр», «Никольские ряды». Представлена роль этих локаций в деле сохранения историко-культурного наследия, повышения комфортности городской среды и развития туристического потенциала города. Рассмотрены особенности деятельности кластеров в условиях ограничений, вызванных пандемией коронавируса. Обозначены направления государственной поддержки и перспективы развития креативных кластеров в Российской Федерации.

Ключевые слова: креативный кластер, креативное пространство, «третье место», городская среда, туризм, Санкт-Петербург, «Новая Голландия», «Севкабель Порт», «Бертгольд центр», «Никольские ряды»

Для цитирования: Левшина О. Н. Креативные кластеры как способ преобразования городской среды и инструмент повышения туристической привлекательности города (на примере Санкт-Петербурга) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 208–211. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.34>.

Original article

**Creative Clusters as Transformational Ways of the Urban Environment
and a Tool for Enhancing the City's Tourist Attractiveness
(On the Example of St. Petersburg)**

Olga N. Levshina

Saint Petersburg State University of Civil Aviation, Saint Petersburg, Russia,
ansilion@yandex.ru

Abstract. The article examines the specifics of formation and functioning of creative clusters as a creative economy pillar. The interpretation of the creative cluster as “third place” in the concept of the American sociologist R. Oldenburg is presented. The Creative Cluster is seen as the hub of the city's business and cultural life. The most successful and actively developing clusters in St Petersburg include “Novaya Gollandiya”, “Sevkabel Port”, “Bertgold Centre” and “Nikolskie Ryady”. The role of these locations in preserving historical and cultural heritage, enhancing the urban environment and developing the tourist potential of the city is presented. The characteristics of cluster activities under the constraints imposed by the coronavirus pandemic are examined. The directions of state support and prospects for the development of creative clusters in the Russian Federation are outlined.

Keywords: creative cluster, creative space, “the third place”, urban environment, tourism, St Petersburg, “Novaya Gollandiya”, “Sevkabel Port”, “Bertgold Centre”, “Nikolskie Ryady”.

For citation: Levshina, O.N. (2022) Creative Clusters as Transformational Ways of the Urban Environment and a Tool for Enhancing the City's Tourist Attractiveness (On the Example of St. Petersburg). *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 208–211. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.34](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.34) (In Russian).

В последнее время в образе жизни жителей крупных мегаполисов произошли серьезные изменения, обусловленные улучшением качества жизни, появлением новых форм занятости и досуга. В условиях цифровой экономики получили распространение неформальная, виртуальная, временная занятость, фриланс. Под влиянием популярности занятий спортом, разнообразия форм реализации творческой инициативы, новых способов проведения досуга, возникли особые пространства, сочетающие в себе элементы деловой и культурной жизни. Такие пространства стали называть креативными кластерами.

Создатель термина «креативный кластер» (в переводе с англ. «связка», «гроздь») – куратор программы ЮНЕСКО “Creative Cities” Саймон Эванс обозначил им «сообщество творчески ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на замкнутой территории»¹.

В основе создания креативных кластеров лежит концепция «третьего места» американского социолога Рэя Ольденбурга. «Третье место», по Ольденбургу, – это пространство, в котором человек проводит значительное время вне дома («первое место») и работы («второе место») и в котором созданы условия для удовлетворения его потребностей. «Достоинством третьего места является его способность служить человеческой потребности в общении почти независимо от того, признает ли нация его ценность», – пишет автор концепции (Ольденбург, 2018).

В условиях современной креативной экономики, основанной на синтезе науки, творчества и бизнеса, креативные кластеры получили повсеместное распространение. И Россия в данном случае не стала исключением. Наиболее активно кластерное движение развивается в таких городах, как Санкт-Петербург, Москва и Екатеринбург. Это обусловлено высокой плотностью населения, развитой городской средой, наличием большого количества объектов историко-культурного наследия.

Санкт-Петербург занимает второе после Москвы место в России по числу креативных кластеров². Наиболее популярными и успешно функционирующими проектами являются «Новая Голландия», «Севкабель Порт», «Лофт проект Этажи», «Бертгольд Центр», «Третье место» и др.

Особенностью креативных кластеров является ориентация на широкую аудиторию: от местных жителей до туристов, от деловых людей до творческой молодежи, от детей до пенсионеров. В связи с этим на таких пространствах создаются зоны для проведения деловых и творческих мероприятий, располагаются учреждения торговли, отдыха и образования, зоны для проведения спортивных мероприятий и детского досуга. Это позволяет удовлетворить культурные запросы широкой аудитории и привлечь как можно больше людей.

Чаще всего креативные кластеры создаются на территории бывших индустриальных объектов: заводов, фабрик, трамвайных депо, складов, гаражей. В новой культурной и экономической среде индустриальные объекты советской эпохи переосмысляются и приобретают новое творческое содержание, превращаясь в креативные пространства, арт и лофт-проекты (Зеленцова, Гладких, 2021). Вторая жизнь индустриального наследия становится способом его сохранения. Здания и участки бывших предприятий недороги для аренды. При этом они находятся недалеко от исторического центра Санкт-Петербурга. Удобная локация делает эти объекты привлекательными как для потенциальных инвесторов, так и для посетителей. Креативные кластеры также часто открываются в исторических зданиях, что способствует их сохранению и обретению нового содержания в современных условиях.

Наиболее масштабным проектом по реконструкции комплекса исторических зданий в центре Санкт-Петербурга стал проект «Новая Голландия: культурная урбанизация». По мнению его создателей, задачи проекта – «органично вписаться в инфраструктуру Санкт-Петербурга, стать частью его истории и ДНК, представляя город не только на федеральном уровне, но и на международной арене»³.

Планирование культурного пространства «Новая Голландия» было проведено на основе масштабного исследования, позволившего определить потенциальную целевую аудиторию проекта и ее потребности. Так, помимо коммерческих объектов, было принято решение разместить на территории кластера парк, каток, зону детского досуга, культурные и образовательные центры, научные лаборатории, выставочные комплексы. Для размещения части объектов были отреставрированы следующие исторические здания: «Кузня», «Дом коменданта», «Бутылка», «Дом 12». В 2018 г. на европейской выставке “Denkmal” (реставрация, охрана памятников и обновление городов) проект «Новая Голландия» был признан лучшим в области сохранения памятников архитектуры. «Новая Голландия» пользуется большой популярностью не только среди жителей Северной столицы, но и среди гостей города. Так, с 2011 г. остров посетило более 11 млн человек; здесь прошло 4 тыс. различных мероприятий: концертов, выставок, спектаклей, лекций, фестивалей⁴.

Еще одним успешным креативным кластером Санкт-Петербурга является «Севкабель Порт», функционирующий с 2017 г. Его особенностью является то, что он действует на части

¹ Evans S. Key Concepts: Creative clusters [Электронный ресурс]. URL: http://creativeclusters.com/clusters.dreamhosters.com/?page_id=1599 (дата обращения: 28.06.2022).

² Петербург занял второе место в России по числу креативных кластеров [Электронный ресурс] // Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/a/2021/04/06/Peterburg_zanjal_vtoroe_me (дата обращения: 28.06.2022).

³ Официальный сайт проекта «Новая Голландия: культурная урбанизация» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newhollandsp.ru/information/about-the-project/> (дата обращения: 28.06.2022).

⁴ Там же.

производственных площадей завода «Севкабель». Индустриальные объекты были сохранены и отреставрированы, превратившись в современное деловое и культурное пространство. Главная идея проекта, по мнению его разработчиков, «создание гармоничного и сбалансированного сообщества для развития творческих и деловых инициатив, меняющих город к лучшему»¹.

На территории «Севкабель Порт» расположены офисы, концертные и спортивные залы, детские студии, магазины и шоурумы, кафе и рестораны. Кластер объединяет лучшие практики трансформации наследия советской индустриальной эпохи в региональный центр деловой и культурной активности. По данным, представленным на сайте кластера, в 2021 г. его мероприятия посетили 1,5 млн горожан и 350 тыс. туристов².

Помимо сохранения объектов индустриального и культурного прошлого креативные кластеры способствуют благоустройству прилегающей к ним территории и таким образом вносят свой вклад в повышение качества жизни петербуржцев. На территории «Новой Голландии» разбит парк, открыт каток и другие интересные для посещения места. А пешеходная набережная с великолепным видом на Финский залив, расположенная на территории кластера «Севкабель Порт», стала излюбленным местом прогулок и визитной карточкой Санкт-Петербурга.

«Многофункциональный проект, нацеленный на популяризацию креативного бизнеса и развитие культурной составляющей жизни города», – так позиционирует себя «Бертгольд центр» – креативный кластер, существующий в центре города на территории бывшей фабрики по отливке типографских шрифтов имени Германа Бертгольда (ул. Гражданская, д. 13–15)³. На шести этажах здания расположены гостиница, студия красоты, образовательный центр, частная библиотека, кафе, магазины, шоурумы, зона коворкинга. Креативный кластер рассчитан на удовлетворение потребностей широкой аудитории. В благотворительных целях кластер реализует «проект транзитного трудоустройства», в рамках которого бывшие бездомные могут освоить профессию официанта, повара, бармена, получить опыт работы и затем уже самостоятельно устроиться на работу в учреждение общепита.

Среди недавно открытых общественных пространств Санкт-Петербурга можно назвать «Никольские ряды» (ул. Садовая, д. 62, лит. А). На его территории расположены гостиница, рок-кафе, гольф-клуб, а обширный внутренний двор предназначен для проведения концертов, фестивалей, ярмарок, мастер-классов, демонстрации спортивных мероприятий.

Реконструкция Никольских рядов длилась 8 лет. Основная сложность состояла в плачевном состоянии здания, которое долгое время находилось в запустении. По данным экспертов, более 70 % здания находилось в аварийном состоянии. В ходе реконструкции проведена кропотливая работа по восстановлению исторического облика здания. Поэтому не случайно, что в рамках церемонии «Петербург и петербуржцы – 2018» проект получил диплом в номинации «Реставрационный объект года»⁴.

Проект креативного кластера рассчитан на 5 лет (2020–2025 гг.) и состоит из двух этапов. Первый этап предполагал открытие внутреннего двора, он уже реализован. На втором этапе запланировано благоустройство и включение в состав кластера еще нескольких площадок, расположенных вблизи «Никольских рядов»⁵. За счет удобной локации в историческом центре Санкт-Петербурга у «Никольских рядов» есть все шансы стать популярным местом среди горожан и туристов.

Трансформация заброшенных зданий и промышленных объектов в современные, востребованные общественные пространства, способствует созданию гармоничной городской среды и повышению качества жизни петербуржцев. В настоящее время в Санкт-Петербурге сохранилось большое количество заброшенных фабрик, заводов, которые вполне можно было бы преобразовать в креативные кластеры. Например, территория бывшего мясокомбината «Самсон» на Московском шоссе; здание когда-то крупнейшего в Ленинграде мясокомбината является памятником конструктивизма и находится в аварийном состоянии, хотя могло бы быть реконструировано под современные нужды.

¹ Официальный сайт «Севкабель Порт» [Электронный ресурс]. URL: <https://sevcableport.ru/ru/about/port> (дата обращения: 28.06.2022)

² Там же.

³ Официальный сайт «Бертгольд центр» [Электронный ресурс]. URL: <https://bertholdcentre.com> (дата обращения: 28.06.2022).

⁴ Никольские ряды – прошлое и настоящее [Электронный ресурс] // Никольские ряды. URL: <https://sadowaya62.ru/istoriya-zdaniya-3/> (дата обращения: 28.06.2022).

⁵ В центре Петербурга появится новое общественное пространство [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/08/06/2020/5edde98b9a7947e217e24e6d (дата обращения: 28.06.2022).

Таким образом, креативные кластеры создают комфортную среду для развития малого бизнеса, креативных индустрий и отдыха. Они становятся испытательной площадкой для реализации различных стартапов и способствуют развитию творческих инициатив.

Кластеры преобразуют городскую среду, делая ее комфортной, безопасной и привлекательной для горожан и туристов, поэтому многие подобные площадки уже вошли в число достопримечательностей Санкт-Петербурга. Это способствует появлению новых интересных мест и повышению туристической привлекательности Северной столицы, что приобретает особую актуальность в условиях роста популярности внутреннего туризма.

Пандемия и связанные с ней ограничительные меры негативно сказались на деятельности креативных кластеров. По данным РБК, в целом по России они потеряли до 70 % финансовых поступлений¹. В условиях пандемии креативные кластеры усилили свое присутствие в сети, перешли преимущественно на дистанционный характер деятельности. Большинство мероприятий транслировалось в онлайн режиме, был сделан акцент на развлекательные и образовательные программы. Это позволило сгладить негативные последствия ограничений, связанных с недопущением разрастания эпидемии.

В целях поддержки креативной экономики в целом и кластерного движения в частности Правительством Российской Федерации разработана Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. В документе обозначены основные направления государственной поддержки креативных индустрий, среди которых создание территориальной и финансовой инфраструктуры, подготовка предложений по разработке механизмов льготного налогообложения, формирование системы информационного обеспечения, создание экосистем для реализации общественно значимых проектов².

При должной государственной поддержке креативные кластеры смогут привлекать инвестиции, создавать новые рабочие места, повышать туристическую привлекательность Санкт-Петербурга.

Список источников:

- Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии: теории и практики М., 2021. 210 с.
Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. М., 2018. С. 62.

References:

- Oldenburg, R. (2018) *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 62. (in Russian)
Zelencova, E. & Gladkih, N. (2021) *Tvorcheskie industrii: teorii i praktiki* [Creative Industries: Theories and Practices]. Moscow, Izdatel'skie tekhnologii, 210 p. (in Russian)

Информация об авторе

О.Н. Левшина – кандидат философских наук доцент Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=906848.

Information about the author

O.N. Levshina – PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University of Civil Aviation, St. Petersburg, Russia
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=906848.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.06.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

¹ Аналитики оценили убытки креативных кластеров в карантин [Электронный ресурс] // РБК. Деньги. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5ed7a4369a794707a4197dfe> (дата обращения: 28.06.2022).

² Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года [Электронный ресурс]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 г. № 2613-р. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 212–216.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 212–216.

Научная статья

УДК 316.728

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.35>

Экспокультура как феномен современной культуры: содержание понятия

Ольга Вячеславовна Солдатенкова

Ухтинский государственный технический университет, Ухта, Республика Коми, Россия,
zav-so@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2578-0747>

Аннотация. Изменение ценностных ориентиров и мировоззрения в целом, как правило, влечёт за собой появление новых социокультурных образований, к числу которых относятся различные субкультуры, внешне отличающиеся друг от друга и от культуры большинства атрибутикой и досуговыми предпочтениями. Любая субкультура, по утверждению Д. Рисмена и Д. Хэбдиджа, выстраивает свою идеологическую базу на отрицании некоторых убеждений большинства, при этом внешняя специфика субкультур служит свидетельством этого отличия. То есть, суть любой субкультуры – определённое заявление, отличающееся от убеждений большинства. Современная культура, отличающаяся визуальной избыточностью, породила феномен экспокультуры, суть которой, по мнению автора, в экспонировании некоторой визуальной информации без явного авторского заявления, на основе которого можно было бы выстраивать идеологическую базу субкультуры. Самостоятельная интерпретация примеров экспокультуры (фото, видео) порождает убеждение в истинности собственного толкования и часто приписывается автору, делая тем самым экспокультуру востребованной.

Ключевые слова: современная культура, субкультура, экспокультура, идеологические убеждения, нонконформизм

Для цитирования: Солдатенкова О.В. Экспокультура как феномен современной культуры: содержание понятия // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 212–216. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.35>.

Original article

Expoculture as a Phenomenon of Modern Culture: The Content of the Concept

Olga V. Soldatenkova

Ukhta State Technical University, Ukhta, Komi Republic, Russia,
zav-so@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2578-0747>

Abstract. A change in value orientations and worldview in general, as a rule, entails the emergence of new socio-cultural formations, which include various subcultures that outwardly differ from each other and from the culture of the majority by attributes and leisure preferences. Any subculture, according to D. Riesman and D. Hebdige, builds its ideological base on the denial of certain beliefs of the majority, while the external specificity of subcultures serves as evidence of this difference. That is, the essence of any subculture is a certain statement that differs from the beliefs of the majority. Modern culture, characterized by visual redundancy, has given rise to the phenomenon of expoculture, the essence of which, according to the author, is the exposure of some visual information without an explicit author's statement, on the basis of which it would be possible to build an ideological base of subculture. Independent interpretation of expoculture examples (photos, videos) generates a belief in the truth of their own interpretation and is often attributed to the author, thereby making expoculture in demand.

Keywords: modern culture, subculture, expoculture, ideological conviction, nonconformism

For citation: Soldatenkova, O.V. (2022) Expoculture as a Phenomenon of Modern Culture: The Content of the Concept. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 212–216. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.35](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.35) (In Russian).

В современном обществе, определяемом как информационное, закономерным образом происходит смена ценностных предпочтений, этических и эстетических приоритетов и социокультурных стандартов. Этот естественный – и часто вполне убедительно объясняемый с применением причинно-следственных конструкций – процесс наиболее ярко выражается в появлении культурных феноменов, само возникновение которых можно с полным правом считать маркером смены культурно-исторического периода, в значительной степени определяющим специфику нового времени. В настоящей статье мы предпримем попытку дать дефиницию новому культурному феномену – экспокультуре, которую мы будем рассматривать как явление, отличное от субкультуры.

История термина (не явления) «субкультура», как повествуют энциклопедии, начинается с определения, опубликованного американским социологом Дэвидом Рисменом в статье «Слушая популярную музыку» (Riesman, 1950). Опираясь на предложенную Х. Лассуэллом формулу любого коммуникативного акта «who says what to whom in which channel with what effect»¹, Д. Рисмен задался целью рассмотреть эффекты воздействия популярной музыки на молодёжь, при этом исследователь выдвинул гипотезу, где определил музыку как одно из важнейших средств социализации подрастающего поколения, с помощью которого транслируются и усваиваются социальные и культурные стереотипы. Ориентируясь на своего кумира, молодёжь создаёт собственные модели поведения, стиль общения, вкусы в одежде, мировоззренческие приоритеты, и их основным резонансом выбора предпочтений, судя по проведённому автором опросу, является «популярность» (Riesman, 1950: 368) – внимание к песне (или чему-либо иному) со стороны большинства: то, что одобряется большинством, имеет безусловную ценность и значимость.

Однако существуют малые группы, демонстрирующие явное расхождение с эстетическим выбором большинства, причём вопрос о преднамеренности такого противостояния или его случайности не является приоритетным, определяющим становится именно однозначно внешне распознаваемое отличие от большинства (без выяснения причин и целей такого отличия). Правда, Д. Рисмен заметил интересную зависимость: те, кто предпочитает иную – не «популярную» – музыку, склонны к иным, отличным от большинства, идеологическим и политическим взглядам, более того, американский исследователь в своей статье прямо называет такие малые группы «протестующими» (Riesman, 1950: 369). Вполне вероятно, как предположил сам Д. Рисмен, этот внешне декларируемый «протест» оформляется, в конце концов, в идеологию по причине того, что на отрицании, как на некоем фундаменте, проще выстроить собственную точку зрения, нежели создавать мировоззренческую конструкцию «с нуля». Эту догадку подтвердили его многочисленные интервью: обнаружилось, что респонденты (молодые люди разного социального статуса, цвета кожи и возраста) в целом чувствовали себя намного увереннее, заявляя о своих музыкальных антипатиях, а не о предпочтениях, и если антипатии, как правило, озвучивались добровольно и с готовностью, то предпочтения – только в том случае, когда одобрение большинством такого выбора было очевидным (Riesman, 1950: 368). Основное отличие так называемого «меньшинства» от «большинства» – выработка строгих и очень чётко сформулированных словесных определений-стандартов, применяемых в обсуждении джаза (именно любителей хот-джаза Д. Рисмен в исследовании рассматривает как отличающуюся группу меньшинства). То есть, обязательным становится формирование собственного языка, понятного «своим» и используемого только «своими». За рамками исследования Д. Рисмен оставляет вопрос, насколько самостоятелен выбор подростком собственной группы – «меньшинства» или «большинства», – поскольку вполне допустимо влияние той референтной группы, к которой примкнул подросток по какой-либо причине, не связанной с музыкальными пристрастиями: вполне нормально, когда тинэйджер просто старается соответствовать сверстникам в группе, и случайно оказывается, что эта группа «размахивает» знаменем неконформизма (Riesman, 1950:368). Кроме этого, открытым остаётся вопрос об истинной причине непохожести «меньшинства»: музыкальная «девиация» используется для того чтобы скрыть от самого себя какие-то промахи во взаимоотношениях со сверстниками или же предоставляет дополнительные возможности для протеста путём исповедования какого-либо эзотерического направления (например, только «чистого» диксиленда или иного «замороженного» культа) (Riesman, 1950: 370). В любом случае, без обозначения причин и мотивов группы «меньшинства» всегда имеют отличные от «большинства» музыкальные вкусы и неконформистские идеологические убеждения. Такие малые группы и стали называться субкультурой, и хотя в своей статье Д. Рисмен не употребляет этот термин, зато достаточно понятно обрисовывает сам феномен. Для нас особенно важным является то, что Рисмен обозначил связь музыкальных предпочтений с мировоззрением, определённой ценностной ориентацией, то есть, эстетический выбор, основанный на образно-чувственном восприятии, на переживании эмоций, в значительной степени определяется – или, как минимум, объясняется, – идеологическими убеждениями, в основе которых – целенаправленный протест или декларируемое несогласие. Полагаем, что именно эти убеждения, кредо любой субкультуры, и являются её базисом, основой, которая для своего внешнего выражения использует определённые чувственно воспринимаемые формы: звук, цвет, жест, движение и пр.

В подтверждение нашего мнения можно привести известное исследование Д. Хаббиджа «Субкультура: значение стиля» (Habdidge, 1979), в котором автор определяет субкультуру скорее

¹ Lasswell. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas. N.Y. 1948. P.37–53.

как сепаратистское явление, чем просто досуговые предпочтения. С точки зрения Хэбдиджа, субкультуры всегда появляются в виде ответа на текущее социальное состояние, которое не удовлетворяет некоторые социальные группы: классовая стратификация, притеснения по расовому и религиозному признакам, любая иная дискриминация. На примере субкультур Великобритании конца 1970-х годов Д. Хэбдидж показывает значимость идеологической компоненты для формирования и развития субкультуры: своё несогласие с навязываемыми ценностными убеждениями большинство субкультур стремится внешне выразить одеждой, манерой поведения, особым языком, музыкой. Такая непохожесть, как минимум, привлекает внимание, часто настораживает и пугает, создавая образ радикала – но не маргинала, – ведь основной посыл субкультуры не «мы вот такие», а «мы не такие, как вы». И это всегда декларация, смысл которой понять довольно просто – от противного, «не такие, как вы». Хэбдидж убеждён, что не бывает субкультуры без сопротивления или хотя бы несогласия с социальными нормами, так как социум всегда первичен, индивидуально-личностное всегда проигрывает социальному. В своей книге «Музыка стран Карибского бассейна» (Habdidge, 1987) он убедительно доказывает, что само возникновение нового музыкального стиля (регги, калипсо, ска и пр.) всегда обусловлено социокультурной ситуацией, историей, влиянием религиозной и мифологической специфики местности. И лишь как следствие появившегося на основе идеологической идентификации культурного мировоззренческого новообразования зарождается чувственно воспринимаемая форма, в нашем случае новый музыкальный стиль, сопровождаемый специфическими внешними атрибутами: одеждой, причёской, поведением и пр.

Резюмируя всё вышесказанное, мы можем со всей уверенностью констатировать очевидную зависимость культурных феноменов (возникновение новых, видоизменение и десемантизацию прежних) и текущего состояния социальных групп, которые своё мировоззрение или идеологические предпочтения, отличные от большинства, декларируют с помощью внешне различимых атрибутов. Как убедительно продемонстрировали процитированные авторы, внешне различимое необходимо именно в качестве маркера, позволяющего достаточно быстро и точно распознать убеждения.

То есть, по мнению немецкого социолога культуры Фридриха Тенбрука, культура по своей сути репрезентативна: она «производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает те убеждения, представления, картины мира, идеи и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются» (Тенбрук, 2013: 101). Любые факты, поясняет Ф. Тенбрук, признаются включёнными в действительность в том случае, если им придаётся определённый смысл, и актуальная действительность существует не сама по себе, а конструируется на основе интерпретации фактов. Было бы ошибкой понимать действительность как череду взаимосвязанных или самостоятельных фактов, которые отражаются в человеческом сознании в силу своей реальности. Факты с помощью интерпретации связываются в определённый порядок, объединяя внутреннее и внешнее, прошлое, настоящее и будущее¹, все действия человека обусловлены его представлением о действительности (Тенбрук, 2013: 106). Поскольку интерпретация фактов не может быть коллективным творением, «ответственными» за трактовку фактов и придание им смысла – за оформление «идеи», – Тенбрук назначил неких «интеллектуалов», тех, кто способен выразить внутренние переживания внешними, символическими, формами. Оформленная в образах и символах «идея» понималась как истинная, как «авторитет», если её поддерживали другие, создавая атмосферу единомыслия, присутствия «своих». Именно таким образом создавалось всё нормативное и стандартизированное в традиционных культурах. В современной культуре, как справедливо замечает Ф. Тенбрук, «множественность мнений и убеждений соединяется с множественностью стилей жизни и поведения в сплошной плюрализм, исключаящую любую мысль о репрезентативной культуре» (Тенбрук, 2013: 111), но этого не происходит, культура не перестаёт быть репрезентативной, так как любое мнение (и любое количество мнений), поддержанное кем-либо, уже репрезентативно в силу своей востребованности.

Таким образом, субкультура, сколь бы малой она ни была по числу приверженцев, тем не менее, является репрезентативной, поскольку представляет собой внешне оформленную специфическую интерпретацию действительности, поддерживаемую некоторым количеством единомышленников: убеждения всегда первичны, однозначно декларируются, при этом внешние атрибуты являются не только маркером принадлежности, но и определённым эстетическим обособлением убеждений.

¹ Именно потребностью человека в порядке, который трактует происходящее и предполагает некие закономерности, Ф. Тенбрук объясняет появление мифологии, религии, философии, поэзии, музыки и искусств (см: Тенбрук, 2013: 103).

Мы в настоящей статье вводим понятие экспокультуры, которую определяем как наличие внешней формы без какого-либо выраженного идеологического содержания, без «идеи», поддерживаемой некоторым количеством людей, что, как было сказано выше, необходимо в случае субкультуры. Именно различия «идей» порождают множество субкультур, отличие которых от культуры большинства варьируется от активно декларируемого протеста (контркультура) до быстро сменяющих друг друга досуговых и эстетических предпочтений.

В качестве культурного феномена экспокультура появляется с того времени, когда любой человек получает возможность как создавать какой-либо факт, который может увидеть любое количество людей, так и заявить собственную интерпретацию любого факта, увиденного у кого-либо – это время появления социальных сетей. Мы считаем, что некорректно называть экспокультуру субкультурой, поскольку последняя предполагает принадлежность к определённой референтной группе, общность единомышленников, тогда как экспокультура, не выдвигая никаких идеологических и эстетических обоснований себя, не формирует социальную группу. Экспокультура не нуждается в общественном признании как феномен, поддерживаемый или отторгаемый большинством, поскольку не содержит какого-либо смысла, с которым можно было бы согласиться или нет. Суть её – в экспонировании, предъявлении внешнего образа. К примерам можно отнести самые разные визуальные объекты социальных сетей (фото, видео), которые, вполне вероятно, имеют определённый смысл, но его интерпретация в авторском варианте неочевидна и даже необязательна. Смысл, самостоятельно придаваемый факту, довольно часто понимается как истинный, а отсутствие или неочевидность авторского толкования даёт возможность самостоятельного истолкования, делая объекты экспокультуры столь востребованными. Простое экспонирование, которое сопровождается кратким пояснением (хештеги, эмодзи и пр.) или же не сопровождается ничем, побуждает к самостоятельной интерпретации, и часто именно собственное толкование, определяемое как истинное, представляется в качестве заложенного автором смысла, рождая тем самым уверенность в единомыслии интерпретатора и автора, но не создавая при этом видимости принадлежности к какой-либо группе. Возникает вопрос о репрезентативности нового культурного феномена: если экспокультура не предполагает создания общности, то такое отсутствие актуального единения причастников – это объективная потребность современной молодёжи или навязываемая потребность?

Необходимо отметить, что множество феноменов современной культуры, представленных в социальных сетях, таких как e-people, VSCO, Y2K, dark/light academia и других, скорость возникновения и исчезновения которых не даёт возможности для их подробного рассмотрения, тем не менее, является субкультурами, поскольку их «идея» чётко декларируется и является объяснением внешнего вида. Экспокультура, существуя без идеологического фундамента, не может быть названа одной из множества существующих ныне субкультур, так как суть её – только внешняя демонстрация без стремления вызвать какие-либо эмоции, на основе которых может быть сформулирована «идея».

Обилие постоянно появляющихся объектов экспокультуры и их разнообразие исключают саму возможность возникновения стандартов («авторитетов» в терминологии Ф. Тенбрука), хотя быстро сменяющиеся тренды, которым какое-то время следует большинство, имеют место, поскольку они основаны на психических механизмах подражания и заражения. Причастных к экспокультуре, основываясь на самом факте их причастности к этому явлению, тем не менее, нельзя объединить в социальную группу и назвать субкультурой, так как интегрированность, как правило, отсутствует, поскольку идеологическая компонента, то, на основании чего возможно объединение, в образцах экспокультуры не заявлена. И именно поэтому мы считаем экспокультуру новым явлением современной культуры, а не одной из разновидностей субкультуры, рассмотрению понятия которой была посвящена довольно объёмная преамбульная часть статьи.

Безусловно, экспокультура является культурным образованием, отличным от субкультуры, но является ли она репрезентативным элементом культуры, который может влиять на социальное действие, и если может, то в какой степени – этот вопрос пока остаётся без ответа.

Список источников:

- Тенбрук Ф. Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 93–120.
 Hebdige, D. Cut'n'Mix: Culture, Identity and Caribbean Music. London & New York, 1987. 177 p.
 Hebdige, D. Subculture: The Meaning of Style. London & New York, 1979. 205 p.
 Riesman, D. Listening to Popular Music // American Quarterly. 1950. Vol. 2, No. 4. P. 359–371.
<https://doi.org/10.2307/3031227>.

References:

- Tenbruck, F. (2013) Representative Culture. *Russian Sociological Review*. (12:3), 93–120. (In Russian)

Hebdige, D. (1987) *Cut'n'Mix: Culture, Identity and Caribbean Music*. London & New York: Routledge.

Hebdige, D. (1979) *Subculture: The Meaning of Style*. London & New York: Routledge.

Riesman, D. (1950) Listening to Popular Music. *American Quarterly*. (2:4), 359–371. Available from: doi:10.2307/3031227.

Информация об авторе

О.В. Солдатенкова – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-коммуникативных технологий, Ухтинский государственный технический университет, Ухта, Республика Коми, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=665461.

Information about the author

O.V. Soldatenkova – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Social and Communicative Technologies Department, Ukhta State Technical University, Ukhta, Komi Republic, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=665461.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.07.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.08.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 217–222.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 217–222.

Научная статья
УДК 397(510:470+571)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.36>

Национальная и государственная идентичность китайско-российских трансграничных этнических групп орохонов

Ван Чуньсюе¹, Ван Янань²

^{1,2}Хэйхэский университет, Хэйхэ, КНР

¹1772078318@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-5540-6900>

²723520655@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-8458-3490>

Аннотация. В современном мире многоэтническое сосуществование в одной стране является относительно распространенным явлением. Национальная и государственная идентичность трансграничных этнических групп в многонациональных странах и их отношения с этническим большинством являются важными и сложными социальными проблемами, которые находятся в приоритете у руководства страны. В России и Китае такой трансграничной этнической группой являются орохоны (эвенки). В статье приведен анализ современного состояния жизни представителей данного этноса на территории Китая, определены причины национальной и государственной самобытности народности орохонов, их отличие от российских эвенков, выявлены отрицательные факторы, которые тормозят наследование культуры этнического меньшинства подрастающим поколением, описаны пути, которые предпринимает китайское правительство для сохранения и развития культуры орохонов.

Ключевые слова: трансграничные этнические группы, орохоны, эвенки, национальная идентичность, государственная идентичность, «Один пояс и один путь», Китай, Россия

Финансирование: исследование поддержано грантом научно-исследовательского коммерческого фонда Департамента образования провинции Хэйлунцзян (КНР), проект № 2019-KYYWF-0476 «Исследование культивирования национальной идентичности студентов в новую эпоху с точки зрения патриотизма».

Для цитирования: Ван Чуньсюе, Ван Янань. Национальная и государственная идентичность китайско-российских трансграничных этнических групп орохонов // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 217–222. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.36>.

Original article

National and State Identity of Sino-Russian Transboundary Orochon Ethnic Groups

Wang Chunxue¹, Wang Yanan²

^{1,2}Heihe University, Heihe, China

¹1772078318@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-5540-6900>

²723520655@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-8458-3490>

Abstract. In today's world, multi-ethnic coexistence in one country is a relatively common phenomenon. The national and state identities of transnational ethnic groups in multinational countries and their relations with the ethnic majority are important and complex social issues that are a priority for the country's leadership. In Russia and China such a transboundary ethnic group is the Orochon (the Evenki). The article analyzes the current state of life of this ethnic group in China, identifies the reasons for the national and state identity of the Orochon people, their difference from the Russian Evenks, identifies negative factors that hinder the inheritance of the ethnic minority culture by the younger generation, describes ways the Chinese government is taking to preserve and develop the Orochon culture.

Keywords: transboundary ethnic groups, Orochon, Evenks, national identity, State identity, One Belt and One Road, China, Russia

Funding: the reported study was funded by a grant from the Heilongjiang Provincial Education Department (PRC) Commercial Research Fund, Project No. 2019-KYYWF-0476, "Research on Cultivating National Identity of Students in the New Era from a Patriotism Perspective".

For citation: Wang Chunxue, Wang Yanan. (2022) National and State Identity of Sino-Russian Transboundary Orochon Ethnic Groups. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 217–222. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.36](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.36) (In Russian).

Орочоны являются типичной трансграничной этнической группой, которая в основном распространена на левом и правом берегах бассейна реки Амур в Китае и России (Народы и религии Приамурья ..., 2017: 113–124). В РФ орочонов также называют эвенками (Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры ..., 2012). Этот народ имеет единое происхождение, но живет по разные стороны государственной границы. Исторически культура орочонов и эвенков развивалась по разным траекториям. Мы можем говорить даже об ассимиляции этнического меньшинства с культурой соседствующих народов. Сегодня Китай и Россия подчеркивают важность сохранения малочисленных этнических групп, поэтому в последние годы отмечен рост государственных программ по защите и исследованию культуры орочонов и эвенков (Сун Лижун, 2021). В настоящее время Китай и Россия реализуют инициативу «Один пояс и один путь», культурные обмены между двумя странами становятся все более частыми. В рамках этой инициативы вопрос о сохранении этнического меньшинства в контексте глобализации становится одним из главнейших (Ван Сяньгрань, 2012; Лэй Юн, 2009).

Научная новизна исследования заключается в сравнительном анализе современного состояния орочонов и эвенков, их отношения к культуре этнического большинства, в выявлении причин угасания традиционной культуры орочонов и эвенков, а также в обосновании путей укрепления национальной идентичности этнического меньшинства.

Орочоны в основном живут на южном берегу бассейна реки Амур и являются наименее распространенной этнической группой на севере Китая. Согласно переписи населения 2010 года в ней насчитывается лишь 8 659 человек¹. В автономном регионе Внутренняя Монголия проживает 3 573 представителей орочонов (41,3 % от общей численности населения этой этнической группы в Китае); в провинции Хэйлунцзян – 3 871 человек данной народности (44,7 % от общей ее численности в Китае)². Орочоны в автономном регионе Внутренняя Монголия в основном распространены в городах Нанму, Жалантун, а также в бассейне рек Гань, Туо, Добкур, Али и Пила. В провинции Хэйлунцзян представители данной национальности преимущественно проживают в поселках Байинна и Шибачжань уезда Хума, а также в поселках Синьэ и Синьсин уезда Сунке, поселках Синьсин района Айхуэй города Хэйхэ и деревне Шэнли города Улага и на юге уезда Цзяинь города Ичунь. Они населяют бассейны рек Хума, Тахэ, Курбин, Сюнь, Чжань и Цзяинь³.

Эвенки же проживают на левом берегу Амура, на территории Дальнего Востока Российской Федерации.

До 1930-х годов орочоны считались независимой этнической группой. Позднее они были официально названы эвенками и образовали небольшой северный культурный круг совместно с другими коренными народами (Тан Гэ, 2004). По переписи 2002 года в Российской Федерации насчитывалось 35 527 эвенков, которые в основном занимали территорию от побережья Охотского моря на востоке и до реки Енисей на западе и от Северного Ледовитого океана на юге и до реки Амур и озера Байкал на севере⁴. Согласно переписи 2010 года численность эвенков составила 37 843 человека⁵, что говорит о тенденции к некоторому росту количества представителей этой этнической группы. Территориально этнические группы орочонов и эвенков удалены друг от друга и проживают в небольших поселениях. Эвенки в России постоянно мигрируют и ассимилируются с русским населением, русский язык является для них основным инструментом общения.

Китайско-российская трансграничная этническая группа орочонов находится на окраине национального географического пространства; в обеих странах представители данного этноса находятся в рассредоточенном состоянии и проживают в небольших поселениях (Чжан На, Ван Сюэмэй, 2016). Из-за того, что части единого народа оказались по разные стороны государственной границы, их национальная и государственная идентичности различны (Се Чуньхэ, 2011).

Сходство природной экологической среды обитания сформировало единые культурные элементы эвенков и орочонов. Хозяйственная деятельность этих народностей сконцентрирована на рыболовстве и охотном промысле. Материальная (архитектура, одежда и др. элементы), духовная и религиозная культура эвенков и орочонов характеризуется общими чертами (поклонение природе, культ предков, ценности, искусство песни и танца и др.) и базируется на шаманизме.

¹ 鄂伦春族 // 中华人民共和国国家民族事务委员会 = Орочоны [Электронный ресурс] // Национальная комиссия по делам национальностей Китайской Народной Республики. URL: <https://www.neac.gov.cn/seac/ztlz/elcz/gk.shtml> (дата обращения: 02.08.2022) (на кит. яз.).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Итоги переписи [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 02.08.2022).

⁵ Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://clck.ru/Nj3Tz> (дата обращения: 02.08.2022).

Представителям данного этноса присуща вера в богов огня, воды, леса, грома, ветра и т.д., они поклоняются тиграм и медведям (Мэн Хуэйин, 2000; Манду Эрту и др., 2000; Забияко и др., 2002).

Несмотря на многочисленные сходства в миропонимании, образе жизни, культуре и традициях, существование рассматриваемых этнических групп в пределах разных государств, развитие на фоне разных исторических процессов, соседство с разными этническими общностями определили появление различий между орочонами и эвенками (Ли Конг, Ван Цзюнь, 2014).

Степень и метод интеграции трансграничной национальной культуры с местной основной и другими этническими культурами различны, что определило различные культурные особенности эвенков и орочонов. Все больше и больше эвенков говорят по-русски, молодое поколение уже не знает или не использует в повседневной речи эвенкийский язык, предпочитает блюда западной кухни, празднует православные праздники. Орочоны все чаще для ежедневной коммуникации, в том числе между собой, используют китайский язык, предпочитают азиатские блюда, встроены в праздничную и национальную культуру ханьцев. Ассимиляция малой народности с этническим большинством ограничивает меры защиты и степень наследования национальной культуры следующими поколениями.

Несмотря на выраженное влияние этнического большинства на культуру орочонов и эвенков, они все же еще сохраняют и культивируют собственную национальную самобытность. С государственной точки зрения трансграничные народы демонстрируют явную лояльность и энтузиазм по отношению к стране проживания (Мо Хунмэй, 2010; Шэнь Гуйпин, 2004). В России этому способствовал Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»¹, после принятия которого эвенки смогли закрепить за собой территории традиционного пользования, заключили охотхозяйственные соглашения с управлением по охране животного мира и договор аренды оленьих пастбищ с региональным министерством лесного хозяйства; а также грантовая деятельность регионального правительства по развитию внутреннего туризма, что является попыткой сохранить культуру эвенкийского народа и популяризировать ее среди населения. В Китае лояльности орочон по отношению к государству способствовало масштабное финансирование деревень, в которых локализовано проживание данного этноса: со времени «Одиннадцатой пятилетки» (с 2006 года) государство инвестировало 150 млн юаней для поддержания поселений орочонов и реализовало 114 производственных и жилищных проектов, касающихся их.

В обоих государствах существует тенденция к ослаблению образования в области этнического культурного наследия и отсутствию понимания срочности сохранения этнического наследия (Чэнь Ляньби, 1999). Уровень и качество образования представителей этнических меньшинств, включая трансграничные этнические группы, нуждается в дальнейшем улучшении. В среде коренных народов Севера он значительно ниже, чем в среднем по России (Синица, 2019). В настоящее время школьная учебная программа орочонов имеет много недостатков, ей не хватает полноты содержания, недостаточно присутствие регионального компонента, нет методического сопровождения процесса обучения детей орочонов. Все это не только влияет на экономическое развитие этнических меньшинств, но и обуславливает диверсифицированное развитие форм организации национального наследования в целом.

Культурная индивидуальность, региональные особенности и трудовые характеристики народа орочонов постепенно ослабевают. Одна из причин этих процессов состоит в трансформации культурной и экологической среды, в которой ранее проживала народность орочонов. Исчезла культура бересты, жертвоприношений, постепенно разрушаются традиции охотничьей игры и народных видов спорта.

В то же время Интернет популяризирует культуру этнического меньшинства, а сфера туризма на Северо-Востоке КНР сделала культуру орочонов одним из брендов внутренних путешествий для китайцев. Несмотря на это в Поднебесной все больше семей орочонов хотят, чтобы их дети не были связаны с традиционным производством, а после окончания школы переехали в город, получили высшее образование наравне с ханьцами и смогли продолжить свою жизнь в условиях мегаполиса, а не возвращаться в родную местность. Так происходит ослабление наследования культуры орочонов подрастающим поколением.

Оленеводство, охота и рыболовство являются материальной основой культуры орочонов. Культивирование данных видов деятельности может стать основой для защиты национальной самобытности. В процессе модернизации произошли серьезные изменения в традиционных типах

¹ О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Федер. закон № 49–ФЗ от 07.05.2001 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производства, образе жизни и структуре занятости ороحوнов. Молодое поколение имеет очень низкую степень заинтересованности в сохранении своей национальной культуры, поскольку мало знает о ней. Энтузиазм ороحوнов в изучении своего собственного языка и культуры невысок, что сильно ограничивает развитие национального образования и наследование традиций.

Национальная и государственная идентичность – это не одинаковые понятия. В современном обществе каждый человек должен принадлежать к определенной нации, а также к определенной стране. Как национальная, так и государственная идентичность существуют в идеях и сознании отдельных людей. Тем не менее они могут быть органически объединены, дифференцированы, трансформированы или противоположны друг другу. Поэтому необходимо координировать отношения между ними (Юань Вэй, Ван Цзя, 2014). Содействие объединению национальной и государственной идентичности этнической группы ороحوнов поможет стабильности северо-восточного пограничного региона Китая, будет способствовать укреплению и консолидации национального единства.

Трансграничные народы, проживающие в двух или более соседних странах, являются частью национального единства и одновременно осознают себя гражданами определенной страны. Различия между этническими группами существуют объективно. Признавая это, мы считаем, что развитие национальной самобытности этнического меньшинства – ороحوнов – укрепляет государственную идентичность в целом. Благодаря этому формируется и национальное самосознание этнического меньшинства.

Если интересы титульной нации и малой народности не будут должным образом регламентированы, а первые будут превалировать над вторыми, то это может привести к национальному хаосу и межэтническим конфликтам и войнам.

Посредством ряда правительственных решений, таких как обязательное образование, сохранение национального языка и присутствие культуры этнического меньшинства в средствах массовой информации, государственная идентичность малого народа укрепляется, а культурные факторы национальной и государственной идентичности пересекаются все больше и больше. Сегодня в Китае просветительская политика по сохранению культуры этнического меньшинства проводится на четырех уровнях, это: национальная теория партии, национальная политика, национальные законы и нормативные акты, а также базовые национальные знания.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем (подписан 16 июля 2001 года)¹ заложил прочную основу для устойчивого развития отношений между двумя странами, вывел российско-китайское партнерство и стратегическое взаимодействие на новый уровень. Двустороннее сотрудничество демонстрирует стабильность и устойчивое развитие – как говорят китайцы, «настоящее золото не боится огня» («真金不怕火炼»). Развитию трансграничного культурного сотрудничества содействуют обмены между городами-побратимами вдоль китайско-российской границы. Создан долгосрочный механизм взаимных визитов и встреч на высоком уровне. Кроме того, обеспечена устойчивость связи между центральным правительством, провинциями, префектурами, уездами и университетами, которые объединяют теорию и практику китайско-российских отношений в новую эпоху, создают благоприятную международную среду для трансграничного развития национальностей Китая и России.

Исследование малых этнических групп сегодня является актуальной проблемой для российской и китайской науки. Ороحوны и эвенки – единый народ, разделенный государственной границей двух стран. В процессе исторического развития ороحوны, сохранив элементы единой национальной общности, представители которой ранее жили на разных берегах одной реки, многое трансформировали в своей культуре под воздействием этнического большинства – ханьцев, а также в связи с изменением традиционного производства и утратой отдельных аспектов духовной культуры. Развитие национальной самобытности ороحوнов и эвенков может способствовать укреплению государственной и национальной идентичности этнического меньшинства. Сегодня перед правительством Китая стоит серьезная задача по сохранению национальной и государственной идентичности этнического меньшинства. Она решается планомерно на уровне законодательных инициатив в области образования, просвещения, льгот представителям национальных меньшинств, а также в ходе принятия мер по популяризации традиционной культуры ороحوнов в рамках туристической политики региона.

Список источников:

Забяко А.П., Кобызов Р.А., Мазин А.И. Шаманизм эвенков Приамурья и Южной Якутии (современное состояние) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2002. С. 294–304.

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 26.07.2022).

- Народы и религии Приамурья / А.П. Забияко [и др.]. Благовещенск, 2017. 424 с.
- Синица А.Л. Повышение уровня и качества образования коренных малочисленных народов Севера: проблемы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 3 (213). С. 70–81. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10074>.
- Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры / А.П. Забияко [и др.]. Благовещенск, 2012. 384 с.
- 唐戈. 中俄东段边界跨界民族形成的主要历史阶段 // 东北史地. 2004. № 11. 页. 20–23 = Тан Гэ. Основные исторические этапы формирования трансграничных этносов на границе Китая и России // Северо-восточная история и география. 2004. № 11. С. 20–23 (на кит. яз.).
- 孟慧英. 中国北方民族萨满教研究. 北京: 社会科学文献出版社, 2000. 384 页 = Мэн Хуэйин. Исследование шаманизма северного этноса Китая. Пекин, 2000. 384 с. (на кит. яз.).
- 宋丽荣. 黑龙江沿岸中俄跨界民族文化内源式发展的教育策略 // 边疆经济与文化. 2021. № 11. 页. 7–11 = Сун Лижун. Образовательные стратегии для развития трансграничной национальной культуры между Китаем и Россией вдоль реки Амур // Пограничная экономика и культура. 2021. № 11. С. 7–11 (на кит. яз.).
- 张娜, 王雪梅. 中外学者的埃文基民族文化研究 // 广西师范学院学报 (哲学社会版). 2016. № 1. 页. 42–47 = Чжан На, Ван Сюэмэй. Исследования китайских и зарубежных ученых об этнической культуре ороочонов // Журнал Педагогического университета Гуанси. Серия: Философия и общество. 2016. № 1. С. 42–47 (на кит. яз.).
- 李聪, 王军. 国内跨界民族问题研究述评 // 黑龙江民族丛刊. 2014. № 1. 页. 67–74 = Ли Конг, Ван Цзюнь. Обзор внутренних трансграничных этнических проблем // Хэйлунцзянская этническая серия. 2014. № 1. С. 67–74 (на кит. яз.).
- 沈桂萍. 对多民族国家一体化建构若干问题的思考 // 中央社会主义学院学报. 2004. № 3. 页. 33–37 = Шэнь Гуйпин. Размышления о некоторых проблемах интеграции многонациональных государств // Журнал Центрального института социализма. 2004. № 3. С. 33–37 (на кит. яз.).
- 满都尔图与, 朝克, 和汪立珍. 鄂温克族萨满教 // 中央民族大学学报. 2000. № 6. 页. 21–25 = Манду Эрту, Чо Кэ, Ван Личжэнь. Эвенкийский шаманизм // Вестник центрального национального университета. 2000. № 6. С. 21–25 (на кит. яз.).
- 王向然. 中国跨界民族状况及其形成 // 许昌学院学报. 2012. № 4. 页. 104–108 = Ван Сяньгрань. Статус и формирование трансграничных этнических групп в Китае // Журнал Суйчанского университета. 2012. № 4. С. 104–108 (на кит. яз.).
- 莫红梅. 多民族国家视域下的公民身份与国家认同 // 教学与研究. 2010. № 9. 页. 37–43 = Мо Хунмэй. Гражданство и национальная идентичность с точки зрения многонациональной страны // Преподавание и исследования. 2010. № 9. С. 37–43 (на кит. яз.).
- 袁伟, 王佳. 多民族国家民族认同与国家认同关系研究 // 云南社会主义学院学报. 2014. № 1. 页. 27–30 = Юань Вэй, Ван Цзя. Исследование взаимосвязи между национальной и государственной идентичностью в многоэтнических странах // Журнал Юньнаньского социалистического университета. 2014. № 1. С. 27–30 (на кит. яз.).
- 谢春河. 漫谈中俄黑龙江界江文化带 // 黑河学院学报. 2011. № 12. 页. 53–57 = Се Чуньхэ. Культурное пространство этнического взаимодействия по берегам реки Амур // Журнал Хэйхэского университета. 2011. № 12. С. 53–57 (на кит. яз.).
- 陈联璧. 俄罗斯民族关系理论和政策的变化 // 东欧中亚研究. 1999. № 1. 页. 32–38 = Чэнь Ляньби. Изменения в российской политике в отношении национальных меньшинств // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии. 1999. № 1. С. 32–38 (на кит. яз.).
- 雷勇. 论跨界民族的社会认同 // 青海民族研究. 2009. № 1. 页. 56–59 = Лэй Юн. О социальной идентичности трансграничных этнических групп // Цинхайские этнические исследования. 2009. № 1. С. 56–59 (на кит. яз.).

References:

- Chen' Lyan'bi (1999). [Changes in Russian Policy Towards National Minorities]. [*Studies in Eastern Europe and Central Asia*]. (1), 32–38 (in Chinese).
- Chzhan Na & Van Syuemej (2016) [Studies by Chinese and Foreign Scholars on Orochon Ethnic Culture]. [*Journal of Guangxi Pedagogical University*]. (1), 42–47 (in Chinese).
- Lej Yun (2009). [On the Social Identity of Transboundary Ethnic Group]. [*Qinghai Ethnic Studies*]. (1), 56–59 (in Chinese).
- Li Kong, Van Czyun' (2014). [Overview of Internal Transboundary Ethnic Problems]. [*Heilongjiang Ethnic Series*]. (4), 67–74 (in Chinese).
- Mandu, Ertu, Chao Ke & Van Lichzhen' (2000). [Evenki Shamanism]. [*Bulletin of the Central National University*]. (6), 21–25 (in Chinese).
- Men Huejin (2000). [*Study of Shamanism of the Northern Ethnic Group of China*]. Pekin. 384 p. (in Chinese).
- Mo Hunmei (2010). [Citizenship and National Identity from the Perspective of a Multinational Country]. [*Teaching and Research*]. (9), 37–43 (in Chinese).
- Se Chun'he (2011). [Cultural Space of Ethnic Interaction Along the Banks of the Amur River]. [*Journal of Heihe University*]. (12), 53–57 (in Chinese).
- Shen' Gujpin (2004). [Reflections on Some Problems of Integration of Multinational States]. [*Journal of the Central Institute of Socialism*]. (3), 33–37 (in Chinese).
- Sinitsa, A. L. (2019) Improving the Educational Background Level and Quality of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North: Problems and Prospects. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. (3 (213)), 70–81. Available from: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10074> (in Russian)
- Sun Lizhun (2021). [Educational Strategies for the Development of Transboundary National Culture between China and Russia along the Amur River]. [*Frontier Economy and Culture*]. (11), 7–11 (in Chinese).
- Tan Ge (2004). [The Main Historical Stages in the Formation of Transboundary Ethnic Groups on the Border of China and Russia]. [*North-Eastern History and Geography*]. (11), 20–23 (in Chinese).
- Van Syan'gran' (2012). [The Status and Formation of Transboundary Ethnic Groups in China]. [*Xuchang University Journal*]. (4), 104–108 (in Chinese).
- Yuan' Vej & Van Czya (2014) [Study of the Relationship Between National and State Identity in Multi-Ethnic Countries]. [*Journal of Yunnan Socialist University*]. (1), 27–30 (in Chinese).
- Zabiyako, A. P., Anihovskij, S. E., Voronkova, E. A., Zabiyako, A. A. & Kobyzov, R. A. (2012) *Evenki Priamur'ya: olenная тропа istorii i kul'tury* [Evenki of the Amur Region: Deer Trail of History and Culture]. Blagoveshchensk. 384 p. (in Russian).
- Zabiyako, A. P., Belyakov, A. O., Voronina, A. S., Zavadskaya, E. A., Zinenko, Ya. V. & Kontaleva, E. A. et al. (2017) *Narody i religii Priamur'ya* [Peoples and Religions of the Amur Region]. Blagoveshchensk. 424 p. (in Russian).
- Zabiyako, A. P., Kobyzov, R. A. & Mazin, A. I. (2002) Shamanizm evenkov Priamur'ya i Yuzhnoi Yakutii (sovremennoe sostoyanie) [Shamanism of the Evenki of Priamurye and South Yakutia (Current State)]. In: *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk, pp. 294–304 (in Russian).

Информация об авторах

Ван Чуньсюе – старший преподаватель Института марксизма Хэйхэского университета, Хэйхэ, КНР.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=48614468>.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=48705797>.

Ван Янань – младший научный сотрудник Информационно-технического института Хэйхэского университета, Хэйхэ, КНР.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=44654923>.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=44561146>.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=48705797>.

Information about the authors

Wang Chunxue – Senior lecturer at the Institute of Marxism of the Heihe University, Heihe, China.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=48614468>.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=48705797>.

Wang Yanan – Junior Research Fellow at the Information Technology Institute of the Heihe University, Heihe, China.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=44654923>.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=44561146>.

<https://elibrary.ru/item.asp?id=48705797>.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.08.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 223–228.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 8. P. 223–228.

Научная статья

УДК 316.723

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.37>

Феномен «субкультуры» в работах зарубежных и отечественных исследователей: историография вопроса

Андрей Андреевич Карабанов

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия, karub07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается историческая ретроспектива исследований феномена «субкультура» как «нового» вида барьеров межкультурной коммуникации в диадах «культура – субкультурные образования». В данной работе затрагиваются лингвистический аспект появления понятия, эволюция отношения к субкультурам в научном сообществе, а также важные составляющие теоретического базиса субкультурных исследований, например, «социетальное общество» Парсонса или «символический интеракционизм» Мидса и Блумера. Историография исследований проблемы в данной работе охватывает период в зарубежных исследованиях от ранней Чикагской социологической школы до воззрений наших современников. Автор данной статьи рассматривает исследования отечественными гуманитарными областями научного знания феномена «субкультура» с 1980-х годов (период признания официальной идеологией Советского Союза существования субкультурных образований) до современного академического дискурса. Также в работе представлена авторская типология подходов зарубежных исследователей к феномену «субкультура».

Ключевые слова: субкультура, культура, историография, Чикагская научная школа, Бирмингемская школа, интеракционизм, габитус, девиантность.

Для цитирования: Карабанов А.А. Феномен «субкультуры» в работах зарубежных и отечественных исследователей: историография вопроса // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 223–228. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.37>.

Original article

The Phenomenon of “Subculture” in the Works of Foreign and Russian Researchers: Historiography of the Issue

Andrei A. Karabanov

Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
St. Petersburg, Russia, karub07@mail.ru

Abstract. The author discusses the historical retrospective of research on the phenomenon of “subculture” as a “new” type of intercultural communication barriers in the dyads “culture – subcultural education”. This study touches on the linguistic aspect of the concept, the evolution of attitudes towards subcultures in the scientific community, as well as important components of the theoretical basis of subcultural studies, for example, the “societal society” of Parsons or the “symbolic interactionism” of Mead and Blumer. The historiography of problem studies in this work covers the period in foreign studies from the early Chicago School of Sociology to the views of our contemporaries from the Birmingham School. The author considered research by the Russian humanitarian scientists of the “subculture” phenomenon from the 1980s (the period when the official ideology of the Soviet Union recognized the existence of subcultural entities) until the modern academic discourse. The study presents the author’s typology of approaches to the phenomenon of “subculture”.

Keywords: subculture, culture, historiography, Chicago Scientific School, Birmingham School, interactionism, habitus, deviance

For citation: Karabanov, A.A. (2022) The Phenomenon of “Subculture” in the Works of Foreign and Russian Researchers: Historiography of the Issue. *Society: Philosophy, History, Culture*. (8), 223–228. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.8.37](https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.37) (In Russian).

В современном мире возникает новый вид проблем, связанных с межкультурной коммуникацией. Данные трудности необязательно подразумевают принадлежность субъектов коммуникации к различным национальным и этническим общностям, но при этом вероятность возникновения семантических, фонетических, стилистических и логических коммуникативных барьеров

лишь повышается. Речь идет о коммуникативной диаде «культура – субкультура», а в особенности «культура – молодежная субкультура» и/или «культура – субкультура детства» в условиях современного информационного общества.

В свете необходимости поиска путей решения данных проблем межкультурной коммуникации особенно *актуальным* является рассмотрение историографии субкультур в зарубежных и отечественных исследованиях с раскрытием подходов к данному феномену, имеющих в парадигме современного научного сообщества, что и является *задачей*, стоящей перед автором данной научной работы.

Понятие «субкультура» в области зарубежных исследований начала XX века возникает первоначально на стыке социологии и этнографии, изучавших архаичные этнические группы или маргинальные социальные общности (Белоусова и др., 2009: 30).

Впервые молодежные субкультуры стали предметом научного исследования за рубежом с 1900 по 1930-е годы – это период ранней Чикагской научной социологической школы (Бадмаева, Соколова, 2018: 71).

Термин «субкультура» вошел в обиход русского человека относительно недавно, он отсутствует в Малой советской энциклопедии и Словаре иностранных слов, его стали фиксировать как часть общеупотребительной лексики только в постсоветский период. Стоит отметить, что данный термин «упускался из виду» и в некоторых языках европейских стран, например, он отсутствует в шеститомном толковом словаре французского языка П. Робера («Le Grand Robert»), несмотря на наличие широкого вариативного ряда значений префикса «sub-» (Логинова, 2013: 111–112).

«Субкультура» стала предметом дискурса в отечественной науке в конце 1980-х годов, в момент скачкообразного возникновения сообществ «неформалов», когда факт существования в СССР таких групп был официально признан. В данном дискурсе большинство исследователей говорили о молодежных субкультурах как о девиантных поведенческих формах, заимствованных из обществ западного типа. При проведении дальнейших исследований такой взгляд неоднократно подвергался критическому переосмыслению (А.П. Файн, И.А. Невский, Л.А. Радзиховский) (Шумкова, 2011: 252–253).

Под субкультурой часто понимают достаточно крупные сегменты целостных локальных этнических, национальных и социальных культур, отличающихся местной спецификой тех или иных черт или комплексов черт. Помимо субкультур, отличающихся от основной культуры какими-либо этническими, лингвистическими и конфессиональными признаками, существует множество субкультур, основанных на социальной или возрастной специфике (Белоусова и др., 2009: 30).

Возвращаясь к уникальной Чикагской социологической школе, обстоятельства возникновения которой были счастливой случайностью, а ее профессора и студенты совместно участвовали в городских реформах, получая социальные заказы на исследование нетривиальных тем, например, поведения уличных компаний (Луков, Тихомиров, 2019: 91–93), стоит сказать, что ее представители долгое время рассматривали субкультуры исключительно как сообщества, объединяющие девиантную, асоциальную молодежь, которая ведет преступный образ жизни (Бадмаева, Соколова, 2018: 71).

Эмиль Дюркгейм предложил достаточно эффективное объяснение для деструктивного, асоциального и девиантного поведения людей – явление аномии – массовое отклонение от существующих в обществе норм, разложение системы ценностей, кризис социальных институтов, рассогласование между провозглашенными целями и невозможностью их реализации для большинства людей (Якуба, 2014: 47). Развивал идеи Дюркгейма его последователь – Роберт Кинг Мертон. Именно в рамках теории аномии в 1940–1950-е годы и получило свое развитие изучение субкультур (Бадмаева, Соколова, 2018: 72).

Толкотт Парсонс считал, что молодежь внутри субкультурного образования решает проблему обеспечения эмоциональной устойчивости, оказываясь способной «не только выпорхнуть из гнезда, но и получить взрослую роль»¹.

Социетальное сообщество, по Т. Парсонсу, есть сложная сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей. Ученый писал, что один тот же мужчина может являться и работником, и отцом. В данной связи, особую важность представляют «отношения между лояльностями подгрупп и индивидов по отношению к... всему обществу, по отношению к другим коллективам, членами которых они являются». Именно расширение «ролевого плюрализма», которое, как мы видим, достигло небывалых масштабов в современном информационном «обществе потреб-

¹ Шендрик А.И. Социология культуры: учеб. пособие вузов. М., 2005. С. 314.

ления», Парсонс считал важной составляющей процессов дифференциации, которые ведут к возникновению современного типа общества. Труды Парсонса являются важнейшей частью «пред-субкультурной эры». В работах Т. Парсонса, Э. Дюркгейма и Р. Мертон заложены теоретический базис, необходимый для понимания тех процессов, которые происходят в стихийном формате со второй половины XX века, создавая новые сегментарные блоки культурно-коммуникативных барьеров и рассогласования в «картинах мира» целых поколений (Парсонс, 1998: 25).

В 1964 году в Нью-Йорке вышла в свет книга американского социолога М. Гордона, название которой в варианте дословного перевода будет звучать следующим образом: «Ассимиляция в Американской жизни: роль расы, религии и национального происхождения». За 17 лет до этого в 1947 году Милтон М. Гордон в своей научной парадигме использовал понятие «субкультура» – кластер «национальной культуры» с привязкой к региону, классовому статусу, типу проживания, этнической и религиозной принадлежности. В работе, изданной в США, Милтон Гордон использует трехуровневое сопоставление национальных и культурных единичных феноменов: «The National Society» – «The National Culture», «The Subsociety» – «The Subculture» и «The Group» – «The Groupculture» (Gordon, 1964: 41).

После Второй мировой войны вышли в свет работы еще одного представителя Чикагской школы, прекрасного лектора, который при жизни не издавал свои разрозненные труды, Джорджа Герберта Мида. Он, как и Герберт Блумер, считается основоположником школы символического интеракционизма. Мид говорил о положении разума в сообществе, о социальных установках, происходящих изменениях, Блумер утверждал, что значение любого объекта возникает не изначально, а исключительно в социальном взаимодействии. Согласно символическому интеракционизму, представления о субкультурах возникают на основе общения и взаимодействия, осуществляемых при помощи: телодвижений, языка, мимических сокращений и культурных символов (Воронова, 2012: 238–239).

Важное значение при рассмотрении историографии исследования субкультурной проблематики имеет Бирмингемский центр современных культурных исследований, являющийся центром изучения субкультур в Великобритании. Р. Уильямс, например, говорил о субкультурах в контексте подражания «мужчин – пролетариев» высшим слоям общества как об альтернативной возможности получить признание своей индивидуальности, осуществить своеобразный социальный рост. Еще один из представителей Бирмингемской школы П. Уиллис вводит в оборот субкультурных исследований понятие «контркультура», впервые использованное Т. Роззаком в 1960-х годах, с целью демонстрации того, что субкультура не обязательно противостоит доминирующей культурной установке. В дальнейшем, в 1980–2000 годах, зарубежные исследователи будут стараться заменить «архаичный» термин «субкультура», вводя новые понятия – «неоплемена», стиль жизни, сцены, «милые» (Бадамаева, Соколова, 2018: 73–74). Но несколько позже многие исследователи будут настаивать на дальнейшей полезности первоначального термина, например, Ходкинсон и Вильямс.

Росс Хенфлер – один из современных зарубежных исследователей субкультурной проблематики – выводит следующее определение субкультуры – относительно диффузная социальная сеть, имеющая общую идентичность, сформированную вокруг определенных идей и практик, а также обладающая чувством маргинализации или сопротивления по отношению к доминирующему обществу. Росс кратко рассматривает в своей монографии по изучению субкультур каждый из элементов своего определения. Он приводит некие дополнительные характеристики субкультурных образований: специализированная лексика, стиль и музыка, субкультурная история и приобретенные знания, система социальной поддержки (Haenfler, 2014: 16).

Передовая современная западная наука активно исследует феномены современных детских и молодежных субкультурных образований в контексте информационного общества. Стив Дженнаро и Блэр Миллер, занимающиеся исследованиями в Канаде, отмечают что Интернет сам становится средой обитания детей и молодежи: по данным их исследований, наблюдается значительный рост беспрепятственного доступа детей и молодежи к социальным сетям и смартфонам (в период с 2015 по 2018 года – более 20 %) и использования детско-подростковой общностью Интернета на постоянной основе (в период с 2015 по 2018 года – более 21 %) (Gennaro, Miller, 2021: 31).

В результате использования компаративистского метода научного исследования автором была разработана типология подходов к исследованию субкультурных феноменов в западной научной парадигме (см. Таблицу 1). Сразу следует оговориться, что, к сожалению, в трудах отечественных исследователей наблюдаются значительные терминологические и методологические расхождения, ввиду чего составление однозначной типологии подходов автору данной работы кажется невозможным.

Таблица 1 – Типология подходов зарубежных исследователей к феномену «субкультура»

Предсубкультурные и субкультурные исследования	Год(-ы)	Автор подхода, концепта/ научная школа	Негативные и позитивные аспекты подходов, выявленные развитием субкультурных исследований и феноменов	
			Минусы подхода	Плюсы подхода
1	2	3	4	5
Предсубкультурный этап (теоретический базис будущих субкультурных исследований)	1893	Э. Дюркгейм	Ученый отдает большее предпочтение внешним причинам, влияющим на индивида, чем внутренним	Дюркгейм использует сложный многофакторный анализ, что стимулирует исследователей в дальнейшем рассматривать социальные явления с разных сторон
Предсубкультурный этап (теоретический базис будущих субкультурных исследований)	1920–1930-е	Ранняя Чикагская научная социологическая школа	Долгое время рассматривают субкультуры как сообщества девиантной и асоциальной молодежи	На первом месте у группы ученых была практическая задача – достижение конкретного знания, полезного для решения социальных проблем
Предсубкультурный этап (структурный функционализм)	1937	Т. Парсонс	«Peer group» («группы ровесников») не тождественны молодежным субкультурам. Социологическое сообщество указывало ученому на «минусы» теории: молодежь не желает принимать императивы доминирующей ортодоксальной культуры взрослых	Рассматривал молодежную культуру как объективную реальность, требующую конкретного анализа. Выявил «плюсы» социальных объединений молодежи
Предсубкультурный этап (структурный функционализм)	1938	Р. Мертон	Теория аномии в интерпретации Мертон не объясняет, почему основная часть «нижних слоев» социума проявляет конформизм	Теория взаимодействия общества и индивида, приводящего к нормативно-ценностному коллапсу, актуальна для субкультурных исследований по настоящий момент
Субкультурный этап (расовый подход)	1947–1964	М. Гордон	Теория ученого о 7 стадиях ассимиляции мало применима к современной разобщенной субкультурной общности	Использует Трехуровневое сопоставление национального и культурного единства феноменов
Субкультурный этап (символический интеракционизм)	1934–1969	Дж. Г. Мид, Г. Блумер	Ученые считали, что субкультурные пласты не претендуют на вытеснение доминирующей культуры	Индивидуальность (согласно данной теории) вызвана социальной, но индивид обладает целеполаганием и креативностью
Субкультурный этап (Бирмингемская школа)	1960–2000-е	(CCCS) Бирмингемский центр исследования современной культуры (П. Уиллис, Т. Роззак)	Использование исключительно «маскулинного подхода» при анализе субкультурных явлений. Укрепление применения классового подхода при исследовании феномена	По мнению исследователей, субкультура необязательно противопоставлена доминирующей культурной установке
Новый субкультурно-терминологический этап	Настоящее время	Попытки замены «архаичного термина» (П. Бурдьё и др.)	Введение множества разобщенных понятий	Обращение внимания на соотношение развития субкультурных образований и протекания экономических процессов
Новый субкультурный этап (терминологический «откат»)	Настоящее время	П. Ходкинсон, Дж. П. Вильямс	Ограничивают анализ протестного поведения определенными категориями (Williams, 2009: 20–23)	Возвращают понятие субкультуры в научный дискурс

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
Новый субкультурный этап	Настоящее время	Р. Хенфлер	Преобладает ретроспективный подход; низкий процент рассмотрения субкультурных образований в сети	Подробное рассмотрение дополнительных характеристик субкультурных образований: спец. лексика, стиль и т. д.
Инфокультурный этап	Настоящее время	Ст. Дженнаро, Б. Миллер	Слабый акцент на феномен фрагментированных субкультурных подобразований в сети «Интернет»	Обращение особого Внимания на доминирующую роль сети «Интернет» в формировании и развитии современных субкультур детства и молодежных субкультур

Конечно, данная типология является лишь одной из возможных, а негативные и позитивные аспекты подходов представлены по отношению к дальнейшему развитию субкультурных исследований и современному состоянию данной группы феноменов. Безусловно, автор осознает разницу в доступных исследователям научных методах в различные временные периоды. Однако подробный анализ теоретических концептов и вариативных подходов показал, что многие их аспекты применимы по настоящий момент, их автор данной работы обозначает как плюсы подходов.

Отечественные исследователи разделились в определении значений дефиниций понятия «субкультура» на два лагеря. Одни описывают субкультуру через содержание культурно-символических комплексов, другие – посредством исследования групп ее носителей. Примером первого полюса является кандидат исторических наук Т.Б. Щепанская. Ко второму лагерю относится К.Б. Соколов с теорией субкультурной стратификации. Согласно данной теории, субкультуры – это общность картин мира, сгусток идей и норм, ценностей и идеалов в общем культурном поле, которые «примагничивают» отдельных личностей и группы сочувствующих данным ценностным установкам (Шумкова, 2011: 252).

Присутствующее в настоящее время многообразие и вариативность молодежных субкультур многими исследователями на стыке двух научных парадигм гуманитарного знания объясняется «следствием упадка базовой культуры, ее неспособности удовлетворить потребности подрастающего поколения», желанием молодежи создать свой особый обособленный мир. Среди современных отечественных исследователей выделяются: М. Соколов (опирается на Г. Шварца и Д. Якобса) – реконструкция системы миропонимания конкретной субкультуры, Е. Омельченко («сопротивление через ритуалы» – Д. Доунса и П. Уиллиса – девиантное поведение – классовый подход) (Воронова, 2012: 2–3). Еще один отечественный исследователь – профессор Зинаида Васильевна Сикевич считает, что «неформалы» – молодежь, «искусственно выброшенная за пределы формальных структур, чаще всего в результате порочной системы воспитания, недоверчивого и неуважительного отношения к ней со стороны зрелых людей» (Сикевич, 1990: 106).

Некоторые исследователи, сторонники рассмотрения субкультуры как игры, говорят о существовании неких «габитусов». Данный термин в философской традиции обозначает сумму телесных навыков – манеры, походка, жестикуляция – приобретенных предрасположенностей, которые возникают для функционирования определенных структур. «Субкультурный габитус» – это двухуровневый внутренний порядок субкультурной системы, в котором заложены невербальные и вербальные субкультурные коды (Воронова, 2012: 114). В данной связи из отечественных исследователей можно привести Т.Б. Щепанскую, А.В. Парийчука (2012), а из зарубежных исследователей стоит назвать П. Бурдьё. Истоки данных концептов стоит искать в работах Й. Хейзинги, О. Финка (ассистента Э. Гуссерля), Х. Ортеги-и-Гассета и Г. Гадамера.

Современные отечественные исследователи типологии культур А.В. Костина, В.А. Луков, Л.В. Федотов, отражающие в своих работах трехчастную и двухчастную типологию культур, не рассматривают культурные потоки как субкультуры. Термин «субкультура» появляется в научной парадигме авторов, проводящих свои гуманитарные исследования на стыке культурологии и социологии. Некоторые современные исследователи полагают, что в рамках такой интеграции в итоге и будет построена общая история субкультур (Логинова, 2013: 113).

Стоит предположить, что такое теоретическое построение еще долгое время будет возможным лишь с учетом регионального, этнического, социального и культурно-исторического компонентов, а полноценную «карту» субкультурной истории и историографии научное сообщество не сможет создать в силу объемности данной области исследования. Для проведения эффективного детального историографического анализа необходимо разделение феномена субкуль-

тур на несколько составных частей, каждую из которых необходимо отдельно подвергнуть исследованию. Минимум три части: профессиональные субкультуры, молодежные субкультуры и субкультура детства – должны подвергаться отдельному изучению как в рамках историографии проблемы, так и в рамках целостных исследований различных областей научного знания.

Список источников:

- Бадмаева М.В., Соколова С.С. Формирование концепта «молодежная субкультура» в современном обществознании // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3-1. С. 71–78. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-1-3-71-78>.
- Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 8 (63). С. 30–41.
- Воронова А.В. Основные теоретические подходы к исследованию феномена молодежных субкультур // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 6 (14). С. 7.
- Логинова Л.Ф. Субкультура как культурологическое понятие: введение в тезаурусный анализ // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 111–114.
- Луков В.А., Тихомиров Д.А. Чикагская социологическая школа: начало качественной стратегии в эмпирической социологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 1. С. 89–107. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.1.5>.
- Парийчук А.В. Молодежная субкультура как игра // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). С. 113–118.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.
- Сикевич З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Заметки социолога. Л., 1990. 206 с.
- Шумкова Н.В. Региональный аспект изучения молодежных субкультур // Регионология. 2011. № 4. С. 251–258.
- Якуба А.В. К вопросу о теоретико-методологических основаниях социологического анализа субкультур футбольных фанатов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 45–48.
- Gennaro S., Miller B. (eds.) *Young People and Social Media Contemporary Children's Digital Culture*. Wilmington, 2021. 455 p.
- Gordon M.M. *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins*. New York, 1964. 275 p.
- Haenfler R. *Subcultures: the basics*. New York, 2014. 192 p.
- Williams J.P. The Multidimensionality of Resistance in Youth-Subcultural Studies // *The Resistance Study Magazine*. 2009. Iss. 1. P. 20–33.

References:

- Badmaeva, M.V., Sokolova, S.S. (2018) Development of the Concept of "Youth Subculture" in Modern Social Science. *BSU bulletin*. (3-1), 71–78. Available from: [doi:10.18101/1994-0866-2018-1-3-71-78](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-1-3-71-78). (In Russian)
- Belousova, M.M., Melnik, Yu.M., Rimskaya, O.N., Rimsky, V.P. (2009) Metodologiya issledovaniya subkul'tur v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh (na primere molodezhnoy kul'tury) [Methodology for the study of subcultures in the social sciences and the humanities (on the rise of youth culture)]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right]. (8), 30–41. (In Russian)
- Gennaro, S., Miller, B. (eds.) (2021) *Young People and Social Media Contemporary Children's Digital Culture*. Wilmington: Vernon Press.
- Gordon, M.M. (1964) *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins*. New York: Oxford University Press.
- Haenfler, R. (2014) *Subcultures: the basics*. New York: Routledge.
- Loginova, L.F. (2013) Subculture as a Concept of Culturology: an Introduction to the Thesaurus Analysis. *Knowledge. Understanding. Skill*. (2), 111–114. (In Russian)
- Lukov, V.A., Tikhomirov, D.A. (2019) The Chicago School of Sociology: the Rise of the Qualitative Strategy In Empirical Sociology. *The Horizons of Humanities Knowledge*. (1). 89–107. Available from: [doi:10.17805/ggz.2019.1.5](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.1.5). (In Russian)
- Pariyчук, A.V. (2012) The Youth Subculture as a Game. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. (35), 113–118. (In Russian)
- Parsons, T. (1998) *The system of modern societies*. Moscow: Aspect Press. (In Russian)
- Shumkova, N.V. (2011) Regional'nyy aspekt izucheniya molodezhnykh subkul'tur [Regional Aspect of the Study of Youth Subcultures]. *Russian Journal of Regional Studies*. (4), 251–258. (In Russian)
- Sikevich, Z.V. (1990) Molodezhnaya kul'tura: «za» i «protiv». *Zametki sotsiologa* [Youth Culture: "for" and "Against". Sociologist's Notes]. Leningrad: Lenizdat. (In Russian)
- Voronova, A.V. (2012) The Main Theoretical Approaches to Research of the Phenomenon of Youth Subcultures. *Russian Journal of Education and Psychology*. (6), 7. (In Russian)
- Williams, J. (2009) The Multidimensionality of Resistance in Youth-Subcultural Studies. *The Resistance Study Magazine*. (1), 20–33.
- Yakuba, A.V. (2014) Concerning Theoretical and Methodological Foundations of the Sociological Analysis of Soccer Fan Subcultures. *Theory and Practice of Social Development*. (19), 45–48. (In Russian)

Информация об авторе

А.А. Карабанов – аспирант, кафедра философии и культурологии, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1110559.

Information about the author

A.A. Karabanov – PhD student, Philosophy and Cultural Studies Department, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1110559.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.07.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.07.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 16.08.2022.

График выхода журналов

2022

«Теория и практика общественного развития»	выход журнала
№ 1	14 января
№ 2	2 февраля
№ 3	2 марта
№ 4	6 апреля
№ 5	4 мая
№ 6	1 июня
№ 7	6 июля
№ 8	10 августа
№ 9	7 сентября
№ 10	5 октября
№ 11	2 ноября
№ 12	7 декабря

«Общество: философия, история, культура»	выход журнала
№ 1	14 января
№ 2	9 февраля
№ 3	16 марта
№ 4	13 апреля
№ 5	11 мая
№ 6	8 июня
№ 7	13 июля
№ 8	17 августа
№ 9	14 сентября
№ 10	12 октября
№ 11	9 ноября
№ 12	14 декабря

«Общество: политика, экономика, право»	выход журнала
№ 1	19 января
№ 2	16 февраля
№ 3	23 марта
№ 4	20 апреля
№ 5	18 мая
№ 6	15 июня
№ 7	20 июля
№ 8	24 августа
№ 9	21 сентября
№ 10	19 октября
№ 11	16 ноября
№ 12	21 декабря

«Общество: социология, психология, педагогика»	выход журнала
№ 1	26 января
№ 2	24 февраля
№ 3	30 марта
№ 4	27 апреля
№ 5	25 мая
№ 6	22 июня
№ 7	27 июля

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Оригинал-макет: К.Г. Угулава
М.П. Дюжева

Сдано в набор 16.08.2022
Подписано в печать 17.08.2022
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ №

г. Краснодар, ул. Садовая 161/2, литер 2, оф. 511
тел./факс: 8 (861) 217-75-17
e-mail: printterra@inbox.ru